

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Майкл Вахтель (Принстон)

М. Б. Велижев (Салерно)

А. А. Гиппиус (Москва)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Н. А. Богомолов (1950–2020)

С. И. Гиндин (1945–2024)

Петер Гржибек (1957–2019)

Е. Н. Ремчукова (1953–2023)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA

XII

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2025

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. XII

Редактор: Григорий Утгоф

Технический редактор: Анна Симагина

Корректоры: Ольга Мёд, Анастасия Синкевич

Оформление и верстка: Маре Вяли

В оформлении обложки использована картина

Валентина Серова «Дети на пляже» (1903).

Художественный музей Эстонии (Kumu).

Авторское право © Авторы статей, 2025

Авторское право © С. А. Рейсер, наследники, 2025

Авторское право © П. А. Руднев, наследники, 2025

Авторское право © Издательство Таллиннского университета, 2025

ISSN 2346-5824 (print)

ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus

Narva mnt 25

10120 Tallinn

www.tlu.ee/kirjastus

Отпечатано в типографии Grano Digital

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

А. Б. Блюмбаум (С.-Петербург). Искусство vs искусства:
к орфической топике у позднего Блока (музыка/ритм) 9

С. Н. Доценко (Таллинн). Обезьяньи письма
и загадочные «чиганашки» (Об одном анекдоте
из биографии А. М. Ремизова) 48

В. И. Хазан (Иерусалим). «Придумайте что-нибудь
и приезжайте сюда» (Переписка Виктора и Любови
Залкиндов с Алексеем и Серафимой Ремизовыми) 65

В. В. Зельченко (Ереван). «Сладкая смерть» в романе
Андрея Николева «По ту сторону Тулы»: *Retractatio* 118

Е. П. Сошкин (Иерусалим). Эдип в Клонках:
К полигенезису «мельничного цикла» Хармса 125

Г. В. Лапина (Мэдисон). Командировка за океан:
Поездка Ильи Эренбурга в США в 1946 г. 171

II

Марина А. Бобрик (Берлин). К биографии Макса Фасмера:
Тартуский период (1918–1921)..... 237

III

С. А. Рейсер и П. А. Руднев. Переписка 1967–1969 гг.
(К 120-летию С. А. Рейсера и 100-летию П. А. Руднева).
Подготовка текста, вступительная статья и комментарий
Я. В. Слепкова и **А. А. Хробостовой** (С.-Петербург) 273

КРИТИКА

Е. Э. Лямина (Москва). Рец. на кн.: Киселева Л.

Карамзинисты и архаисты: Статьи разных лет.

Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2023 377

Abstracts..... 383

Kokkuvõtted 387

Авторы этого выпуска..... 391

Авторам будущих выпусков..... 395

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

ИСКУССТВО VS ИСКУССТВА: К ОРФИЧЕСКОЙ ТОПИКЕ У ПОЗДНЕГО БЛОКА (МУЗЫКА/РИТМ)¹

А. Б. Блюмбаум
(С.-Петербург)

Уже приходилось отмечать (см.: Блюмбаум 2017: 229–230), что в ключевой для позднего Блока статье «Крушение гуманизма» фигура Рихарда Вагнера, «вызывателя и заклинателя древнего хаоса» (Блок 1962b: 109), соотнесена с образом Орфея, «заклинателя хаоса и его освободителя в строе», по формулировке Вячеслава Иванова из его статьи «Орфей» (см.: Иванов 1912: 63), мыслившейся автором в качестве программной для плана издательства «Мусaget» по изданию мистических книг². Идея «орфизма» «культуры», в рамки которой вписана фигура Орфея-Вагнера, романтическая идея гармонизации искусством хаотической «природы», столь актуальная для позднего Блока и альтернативная, с его точки зрения, идее культуры как «прогресса» и «насилия» над природой, в целом понятна (см.: Блюмбаум 2017: 229–231; Блюмбаум 2022: 92–113; Блюмбаум 2023: 61) и соотносится, по-видимому, с явлением, описываемым современным исследователем как «радикальный модернизм» (см.: Вайсбанд 2025: 46–94). Тем не менее идентификация Вагнера с Орфеем требует, как кажется, артикуляции некоторых не вполне проясненных нюансов, которые позволили Блоку связать фигуру немецкого композитора/идеолога с образом мифического поэта-лирика, знаменитого своим магическим мелосом.

В программной статье 1907 года «О лирике», посвященной поэзии, Блок дал развернутую характеристику влияния поэтического

¹ Мне хотелось бы поблагодарить Елену Глуховскую, Дмитрия Калугина, Анастасию Корнилову-Земтур, Бориса Маслова, Никиту Охотина, Юлию Рыкунину и Романа Тименчика за неоценимую помощь в работе над статьей.

² О самосознании Андрея Белого как Орфея – борца с хаосом см.: Светликова 2018b: 319–320. Об Орфее у символистов см.: Юрьева 1978: 779–799; Силард 2002: 54–101; Глухова 2005: 248–254; Вайсбанд 2025: 72–94.

ритма на повседневность. Блок выделил два аспекта этого инструмента специфически лирической продукции, отметив его позитивную мощь и одновременно опасность, вредоносность:

Так в странном родстве находятся отравя лирики и ее жидущая сила (Блок 2003: 62).

Работая над своим фольклористическим этюдом «Поэзия заговоров и заклинаний», Блок внимательно читает исследование Е. В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян», в котором находит, в частности, подробно изложенную теорию происхождения лирики из трудовых практик. Опираясь на знаменитую книгу немецкого экономиста Карла Бюхера «Работа и ритм», оказавшую колоссальное влияние на культуру рубежа веков в Европе и Америке, и полемизируя с влиятельным представлением об игровом истоке искусства, Аничков излагает концепцию утилитарного генезиса поэзии, ее происхождения «из практической потребности», по формулировке Вячеслава Иванова (Иванов 1993: 195). Фундаментальным характером в построениях Аничкова обладает ритм трудовых практик, из которых, с точки зрения Бюхера, вырастают как музыкальные ритмы, так и ритмы трудовых песен³. В центре внимания немецкого исследователя, исходившего из органического понимания ритма (см.: Rabinbach 1990: 175), оказываются энергичные ритмы телесных движений⁴, причем подражание ритмам ручного

³ Отзвуки эпохальной книги Бюхера заметны в текстах русской культуры на протяжении длительного времени; см., например, в эссе Петра Бицилли о музыке, опубликованном в парижских «Числах» в 1931 году: «Всезнающие социологи знают, что музыка возникла из работы и из танца» (Бицилли 1931: 203).

⁴ В культуре рубежа веков органическое, физиологическое, расовое и т. п. понимание ритма, включенное в теоретические рамки философии жизни, является доминирующим (см.: Schall 1989; Lubkoll 2002: 83–110; Cowan 2007: 230–236; Golston 2008: 1–58; Brain 2015: 150–173). Русский символизм вполне вписывается в то, что отмечают исследователи, занимающиеся европейским и американским материалом; так, о расовом, органическом понимании ритма в кругу «Мусагета» и, в частности, у Андрея Белого см.: Светликова 2017: 217–218. Эту интеллектуальную ситуацию модифицирует возникновение конструктивизма, когда появляется механическое понимание ритма, причем и здесь могут возникать некоторые различия, например между позицией Эль Лисицкого, для которого ритм машины является «продолжением» ритма природы (см.: Schall

труда приводит в конечном итоге к появлению поэзии и танца, а трудовая песня, чья цель предстает сугубо практической, становится, в свою очередь, мощным интенсификатором трудового процесса⁵. Опираясь на книгу Бюхера, Аничков выделяет фундаментальное значение ритма, который, с одной стороны, выступает своего рода генератором мускульной энергии человека, помогая в работе, а с другой – используется для «принуждения природы», для магического воздействия на нее (см.: Аничков 1905: 311).

В статье «О лирике» Блок использует идеи Бюхера – Аничкова о связи ритмов труда, трудовых «мускульных движений» и ритмов поэзии, несколько смещая тем не менее теоретическую перспективу. Определяющим для него оказывается не влияние трудовых практик на появление поэзии, а исключительно воздействие поэзии на труд, лирики на общество (см.: Блюмбаум 2017: 20–21)⁶, в отличие от Аничкова, учитывавшего обе тенденции⁷. Знакомясь с «Весенней обрядовой

1989: 371), и точкой зрения его соратника Ильи Эренбурга, отказывавшего «стихии» в ритмичности: «До сих пор ритм в представлении “жрецов” и “молящихся” равнялся стихии (ураган, ветер, море и пр.) Явная нелепость. Ритм в искусстве начинается там, где впервые преодолевается стихийность во имя точности, хаос во имя организации» (Эренбург 1922: 95).

⁵ «Все настоящие рабочие песни, – что должно быть твердо установлено, – имеют ритм, определяемый работой, но темпом, в каком они поются, они могут в свою очередь оказывать влияние на ход работы» (Бюхер 1899: 43).

⁶ В «Поэзии заговоров и заклинаний», где благодаря исследованию Аничкова Блок артикулирует утилитарный генезис искусства, что позволяет ему снять разрывы между литературой и жизнью, между «пользой» и «красотой», он кратко и негативно откликается на претензии художественной промышленности уничтожить этот барьер (см.: Блок 1962а: 51). Возможно, в данном случае также следует видеть отклик на построения Аничкова, а именно на его опубликованную в первой половине 1906 года (см. сочувственную рецензию Андрея Белого: Белый 2020: 180) брошюру «Искусство и социалистический строй» (см.: Аничков 1906), где Аничков опять излагает теорию утилитарного генезиса литературы и вместе с тем говорит о художественной промышленности как о том эстетическом явлении, которое снимет барьеры между красотой и пользой, искусством и повседневностью.

⁷ Следует тем не менее отметить, что, хотя в статье 1907 года самым важным оказывается воздействие поэтического ритма на труд («И сладкий бич ритмов торопит всякий труд», – Блок 2003: 62), Блок помнил и о влиянии ритма труда на поэзию, что можно увидеть в черновиках «Возмездия», где, говоря о создании волшебного меча Нотунга из вагнеровского «Кольца», поэт перебирает варианты строк, прозрачно отсылающих

песней», Блок обращает внимание на «Веселую науку» Ницше, на которую прямо опирался Бюхер и которую цитирует Аничков, в частности те пассажи, где Ницше говорит о суггестивной, аффективной и магической мощи ритма. Резюмируя свои рассуждения, которыми он сопровождает цитаты «Веселой науки», Аничков отмечает:

В ритме коренится та побеждающая и зиждущая *сила* человека, которая делает его самым мощным и властным из всех животных (Аничков 1905: 309; курсив автора).

Блок подхватывает эти представления, которые станут важным элементом «Поэзии заговоров и заклинаний», его исследования заговорной магии 1906 года (где основной акцент сделан на магической мощи ритма), и статьи о лирике 1907-го, где мысль о «ритме» как концентрации «зиждущей силы человека» из «Весенней обрядовой песни» превратится в утверждение об особой «зиждущей силе» поэзии, «торопящей» «всякий труд»: если для Аничкова ритм оказывается мощнейшим инструментом воздействия на мир, доступным *человеку* (прежде всего представителю архаической, народной культуры), то в статье «О лирике» ритм предстает важнейшим элементом именно лирической поэзии, ресурсом, находящимся в распоряжении исключительно *поэта-лирика*.

Обнаруженные Блоком у Бюхера – Аничкова представления о фундаментальной роли ритма, способного властно воздействовать на мир, останутся актуальными для поэта и далее. 19 мая 1919 года поэт обратился с речью к актерам Большого драматического театра, где служил с конца апреля. Этот служебный на первый взгляд текст посвящен репертуару БДТ на ближайший сезон. Тем не менее речь Блока (впервые напечатанная в 1923 году) довольно быстро превращается в развернутую медитацию поэта о «громких и вечно новых мирах искусства» (Блок 1962b: 352). В своем обращении к актерам Блок, в частности, выделяет то общее, что связывает *все*

к идеям Бюхера – Аничкова, причем среди блоковских набросков возникает образ кузнечного молота, порождающего поэзию: «[И] А молот песнь родит в < >» – и далее: «А млату голос вторит в лад...» (Блок 1999: 195).

искусства между собой и до известной степени делает второстепенными, если не мнимыми, различия между ними. По мнению поэта, этой общей основой эстетической сферы в целом является «музыка» («ритм», «музыкальный ритм»), напрямую отсылающая к мифологии Орфея (см.: Юрьева 1978: 796) и снимающая, в частности, различия между словом и танцем:

То же самое я бы хотел сказать о других искусствах, например о танце. До сих пор это искусство часто входит в искусство драматическое, как какое-то инородное тело. Так было, например, в «Разрушителе Иерусалима»; оргия была все-таки дивертисментом, на который с любопытством смотрели как публика, так и исполнители. Правда, пьеса такова; в плохой пьесе искусств между собой не помиришь. А надо мириться всем нам, художникам разных профессий, надо, чтобы возник среди нас действительный хоровод Муз; так и будет некогда, потому что все мы – служители одной и той же музыки в разных ее проявлениях; нет существенной разницы между музыкой слова и музыкой тела, они находятся во временном разделении, которое пройдет тем скорее, чем пристальнее будем мы все приникать к соседящему с ними и все еще неизведанному громадному миру искусства, к той вечно юной планете, на которой все звуки, все движения сливаются в один мощный и согласный напев, способный и разбудить зверя, и укротить его, и отравить человека, и облагородить его, сделать человека – человеком. Чем больше будем мы, служители разных областей искусства, чувствовать то общее, что всех нас соединяет, тот музыкальный ритм, которым мы все связаны, тем радостнее будет наша общая работа (Блок 1962b: 355).

Говоря об эффектах той «музыки», того «ритма», которые выступают в качестве синонимичных понятий⁸ и которые пронизывают

⁸ Сопоставление предварительных набросков пушкинской речи, сделанных в дневнике, с окончательной редакцией указывает на то, что «ритм» в процессе работы был почти целиком вытеснен «музыкой» и «гармонией». Причины того, почему Блок замечает «ритм» «музыкой», требуют дальнейшего изучения.

искусство в целом, властно воздействуя на реципиента художественных произведений, Блок отмечает «мощный и согласный напев», способный как облагородить человека, так и «отравить» его, – отсылая к своей ритмической «формуле» («зизиждающая сила» и «отрава») статьи «О лирике» и эксплицируя орфизм поэзии и ее ритма, который был актуален для блоковских представлений о лирической продукции уже к моменту писания статьи 1907 года (см.: Блюмбаум 2017: 21–23). Тем не менее, вспоминая о тексте 1907-го и включая автореминисценцию в речь 1919 года, Блок вводит весьма значимое различие: то, что изначально являлось важнейшим моментом, определяющим взаимоотношения лирической поэзии и «жизни», теперь становится наиболее существенным параметром искусства в целом. Музыка/ритм стирает в известном смысле автономию искусств друг от друга, их дифференциацию, разделение труда в эстетической сфере. Действие орфической музыки, «принудительность» и мощь орфического ритма, его воздействие на мир, его способность преобразить «человеческое животное» является наиболее важным из тех эффектов, которые порождает искусство как таковое. Иными словами, ритм и музыка оказываются самими основаниями Искусства, которое в данном контексте *противопоставлено* «искусствам» в их множественности и различиях – в перспективе орфизма, выстроенной Блоком, дифференциация искусств предстает по меньшей мере незначимой. Гораздо более аподиктичным и определенным звучит отказ от дифференциации искусств в финале пушкинской речи, заканчивающейся, как известно, «тремя простыми истинами», первая из которых отказывает искусствам в их существовании, независимом друг от друга: «Никаких особенных искусств не имеется» (Блок 1962b: 168). Речь о «назначении поэта» завершается Блоком однозначным неприятием разделения труда в сфере искусства.

Критика разделения труда в эстетической сфере в тексте 1919 года, вне всякого сомнения, восходит к теоретическим построениям Рихарда Вагнера, относящимся к идейным основам *Gesamtkunstwerk* и бывшим чрезвычайно актуальными для позднего Блока, стремившегося преодолеть ситуацию, которую он истолковывал как атомизацию,

раздробленность европейского общества и культуры⁹. С точки зрения Блока, опирающегося на тезис, выдвинутый в знаменитой книге Якоба Буркхардта «Культура Италии в эпоху Возрождения», история Нового времени начинается с открытия ренессансного «индивидуализма»¹⁰, который в конечном итоге вырождается в «гуманизм»

⁹ Ср. также в «Крушении гуманизма» выписку из книги Гонеггера о разделении труда и ностальгии по тем временам, когда ученый «мог одним взглядом объять все направления мысли, не теряясь в подавляющей массе матерьялов» (Блок 1962b: 104). Читая «Путевые картины», Блок отмечает то место, где Гейне говорит о синтетическом характере мышления Наполеона: «Это один из тех духов, на которые указывает Кант, когда говорит, что мы можем себе представить разум, который, будучи не дискурсивным, как наш, а интуитивным, вследствие этого *идет от синтетически-общего, от созерцания целого, как такового, к особенному, т. е. от целого к частям*. Да, *то, что мы познаем аналитическим размышлением и длинными умозаключениями – этот дух усматривал и глубоко понимал в одно и то же мгновение*. Тут источник его способности понимать свое время, потворствовать его духу, никогда не оскорблять его и всегда пользоваться им для своих целей» (Гейне 1904: 195, курсив мой; см.: Библиотека Блока 1984: 194). В случае Блока таким синтетическим пониманием своей эпохи («цельное знание»?) стало сопоставление явлений из разных сфер, что осмыслялось им как выявление «ритма времени»; см. в предисловии к «Возмездию» 1919 года: «Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор. Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*» (Блок 1999: 49; курсив автора), ср. в «Катилине» выпады против филологов, мешающих увидеть «исторические перспективы», стремясь «скрыть сущность истории мира, заподозрить всякую связь между явлениями культуры, с тем чтобы в удобную минуту разорвать эту связь и оставить своих послушных учеников бедными скептиками, которым никогда не увидеть леса за деревьями» (Блок 1962b: 83). Помимо всего прочего, семантика «ритма» у Блока включает – в противоположность «хаосу» и «бессвязности» «цивилизации» – упорядоченность, семантика, которая фиксировалась в прижизненных поэту работах о ритме (см.: Сабанеев 1917: 39).

¹⁰ Отсылка совсем не раритетная в русских текстах, причем на протяжении длительного времени: например, у Андрея Белого в 1906 году («Эпоха возрождения была эпохой индивидуализма». – Белый 2012: 214), у Вячеслава Иванова в 1911 году в статье о Достоевском («Таким роман дожил через несколько веков новой истории и до наших дней, всегда оставаясь верным зеркалом индивидуализма, определившего собою с эпохи Возрождения новую европейскую культуру». – Иванов 1987: 406), у Якова Тугендхольда в статье 1912 года, посвященной проблематике портрета («Вместе с Ренессансом, открывшим, по крылатому слову Якова Буркгардта, индивидуума (*uomo unico*), начался расцвет портретной живописи, питаемый все большим и большим ростом автономной личности». – Тугендхольд 1915: 56–57), у Генриха Тастевена в 1915 году

XIX века¹¹, отмеченный утратой некогда существовавшей «целостности»¹². В качестве альтернативы раздробленному миру неартистического XIX столетия и его нецелостным людям Блок пророчит появление новой человеческой «породы», целостного «человека-артиста», упоминая «синтетические призывы» Рихарда Вагнера.

Не пытаясь в полной мере описать все нюансы блоковской рецепции теоретических, программных текстов Вагнера конца 1840-х –

в очерке современного католического возрождения во Франции («И если Ренессанс XVI в. был индивидуалистическим и языческим, то новый ренессанс будет религиозным, национальным и всенародным». – Тастевен 1915: 38), в проекте новой культуры Евгения Полетаева и Николая Пунина 1918 года («...крайний и анархический индивидуализм итальянского возрождения в корне извратил классическую идею культуры. В этом смысле Ренессанс, являясь возрождением личности, ни в каком случае не был возрождением античности». – Полетаев, Пунин 1918: 7), у Николая Бердяева в историко-софской книге, опубликованной в 1923-м («...пафос Ренессанса был подъем человеческой индивидуальности». – Бердяев 1923: 203), в статье Петра Бицилли, напечатанной в «Современных записках» в 1927-м («Ведь Италия – “колыбель Ренессанса”, сущность которого принято определять словом “индивидуализм”, классическая страна “виртуозов”, “художников своей жизни”, “демонических” личностей». – Бицилли 1927: 317), или в биографии Сталина, писавшей Львом Троцким в конце 1930-х («Эпоха Возрождения характеризовалась исключительным развитием индивидуализма». – Троцкий 1990: 11). Мартин Рюэль указывает на актуальность книги Буркхардта в немецкой культуре и науке в период с 1860 по 1930 г. (см.: Ruehl 2015: 6).

¹¹ Следует отметить, что ренессансный гуманизм, к которому апеллирует Блок в своем историсофском эссе, для самого Буркхардта являлся второстепенным явлением для понимания Возрождения; главными героями Ренессанса он сделал не поэтов и ученых, стремившихся к воскрешению античной культуры, а тиранов и кондотьеров (см.: Ruehl 2015: 66, 70).

¹² Сложной проблемой является оценка Блоком Ренессанса, которая, видимо, менялась. Так, например, отношение раннего Блока к Возрождению, которое возникает в заметке Н. Ю. Грякаловой, оказывается скорее позитивным (см.: Грякалова 1987: 212–216), тогда как И. Ю. Светликова описывает позицию Блока как антиренессансную и «средневековую» по преимуществу (см.: Светликова 2015: 300–318) – точка зрения, высказанная и в недавнем, чрезвычайно содержательном комментарии к «Миры летят» (см.: Светликова, Кукушкина, Юшин, Фесенко 2023: 89–92). Как бы то ни было, в «Крушении гуманизма» дана высокая оценка Возрождения, что подчеркивается ключевой для Блока музыкальной топикой, тем, до какой степени «певучи, проникнуты духом музыки – самые имена» Петрарки, Боккаччо, Эразма и т. д. (см.: Блок 1962b: 93–94). При чем в набросках «Крушения» Блок подчеркнуто сопоставляет *музыкальность* Ренессанса с аккуратно проартикулированной *немузыкальностью* Средневековья: «Такова великая музыкальная эпоха гуманизма – эпоха возрождения, наступившая после музыкального затишья средних веков» (Блок 1963: 360).

начала 1850-х гг., и прежде всего оказавшего на Блока огромное влияние «Искусства и революции» (см.: Bartlett 1995: 212), отмечу тем не менее один существенный момент. Говоря в своем предисловии к переводу «Искусства и революции», сделанному Л. Д. Блок и оставшемуся неопубликованным, о знаменитом байройтском театре, Блок раздраженно упоминает превращение вагнеровских опер в объект буржуазной моды на рубеже веков:

Задуманный Вагнером и воздвигнутый в Байрейте всенародный театр стал местом сборищ жалкого племени – пресыщенных туристов всей Европы. Социальная трагедия «Кольцо Нибелунгов» вошла в моду; долгий ряд годов до войны мы в столицах России могли наблюдать огромные театральные залы, туго набитые щебечущими барыньками и равнодушными штатскими и офицерами – вплоть до последнего офицера, Николая II (Блок 1962b: 24).

Тем не менее, несмотря на попытки «цивилизации» «приручить» революционное искусство Вагнера, сделать это не удастся:

Вагнер все так же жив и все так же нов; когда начинает звучать в воздухе Революция, звучит ответно и Искусство Вагнера; его творения все равно рано или поздно услышат и поймут; творения эти пойдут не на развлечение, а на пользу людям; ибо искусство, столь «отдаленное от жизни» (и потому – любезное сердцу иных) в наши дни, ведет непосредственно к практике, к делу; только задания его шире и глубже заданий «реальной политики» и потому труднее воплощаются в жизни (Там же).

Блок вводит довольно очевидное противопоставление «пользы» и «развлечения» в эстетической сфере, следуя в этом отношении, по всей вероятности, за «Искусством и революцией», а именно тем фрагментом, где Вагнер противопоставляет предназначенное для развлечения богатых искусство в его современном, дифференцированном виде и великое тотальное искусство, *Gesamtkunstwerk*¹³. При

¹³ «Каждое из этих разрозненных искусств, щедро поддерживаемых и культивируемых для удовольствия и развлечения богатых, заполнили в настоящее время весь мир

этом искусство, приспособленное, прирученное «цивилизацией», является искусством вне прагматической установки («польза»), «искусством» «вне жизни»¹⁴. Именно это искусство «вне жизни» и «вне политики», автономизировавшаяся, автотелическая эстетическая сфера и есть объект культурных мод, культурного отиума европейской буржуазии. В данном контексте в статьях Блока, в частности в «Интеллигенции и революции», возникает противопоставление двух типов музыкальной рецепции:

Поток предчувствий, прошумевший над иными из нас между двух революций, также ослабел, заглох, ушел где-то в землю. Думаю, не я один испытывал чувство болезни и тоски в годы 1909–1916. Теперь, когда весь европейский воздух изменен русской революцией, начавшейся «бескровной идиλλией» февральских дней и растущей безостановочно и грозно, кажется иногда, будто и не было тех недавних, таких древних и далеких годов; а поток, ушедший в землю, протекавший бесшумно в глубине и тьме, – вот он опять шумит; и в шуме его – новая музыка.

своими произведениями; в каждом из них великие умы создали чудные произведения: но Искусство, в тесном смысле этого слова, истинное Искусство, не было воскрешено ни Ренессансом, ни после него; ибо произведение совершенного искусства, великое, единое выражение свободной и прекрасной общины, *драма, трагедия*, еще не воскресло, как бы велики ни были появлявшиеся то здесь, то там поэты-трагики, и именно потому, что оно должно быть не воскрешено, а создано вновь. Только великая Революция человечества, начало которой некогда разрушило греческую трагедию, может нам снова подарить истинное искусство; ибо только Революция может из своей глубины вызвать к жизни снова, но более прекрасным, благородным и всеобъемлющим то, что она вырвала у консервативного духа предшествовавшего культурного периода и что она поглотила» (Вагнер 1906: 26, курсив автора; подчеркнуто Блоком, см.: Библиотека Блока 1984: 118–119; см. также: Рицци 1993: 130). Выпады Блока против театра как «развлечения», «индустрии» и пр. начинаются уже в статье 1908 года «О театре» с сочувственными отсылками к «Искусству и революции» и статье А. В. Луначарского «Социализм и искусство» из «Книги о новом театре» (см.: Блок 2010: 25–26).

¹⁴ «Так называемая передовая мысль уже учитывает это обстоятельство. В то время как на умственных задворках все еще решаются головоломки и переворачиваются так и сяк разные “религиозные”, нравственные, художественные и правовые догматы, застрельщики цивилизации успели “войти в контакт” с искусством. Появились новые приемы; художников “прощают”, художников “любят” за их “противоречия”; художникам “позволяют” быть – “вне политики” и “вне реальной жизни”» (Блок 1962b: 25).

Мы любили эти диссонансы, эти ревы, эти звоны, эти неожиданные переходы... в оркестре. Но, если мы их действительно любили, а не только щекотали свои нервы в модном театральном зале после обеда, – мы должны слушать и любить те же звуки теперь, когда они вылетают из мирового оркестра; и, слушая, понимать, что это – о том же, все о том же.

Музыка ведь не игрушка; а та *бестия*, которая полагала, что музыка – игрушка, – и веди себя теперь как бестия: дрожи, пресмыкайся, береги свое добро! (Блок 1962b: 11; курсив автора)

Блок выделяет два типа восприятия музыки. С одной стороны, это музыка «в модном театральном зале после обеда», музыка «вне жизни», музыка вне каких бы то ни было референций, музыка как автотелический эстетический продукт, а с другой – музыка в ее тотальной соотнесенности с «жизнью», когда те или иные элементы музыкальной поэтики, например музыкальные «диссонансы»¹⁵, оказываются не самодостаточными, а выступают миметически точными отражениями «диссонансов» самой реальности. Тот, кто был в состоянии уловить в «диссонансах» музыки «диссонансы» негармонической, тревожной жизни, для кого «музыка» и «жизнь» являлись практически *неразличимыми*, оказывается чутким и восприимчивым к тем «звукам» «мирового оркестра», которые заполнили современность, – иными словами, к революции, общественному потрясению, о котором и говорила, о котором пророчествовала *самой своей структурой* музыка, прежде всего оперы Вагнера. В данном контексте особое место в блоковских размышлениях, в частности в «Крушении гуманизма», занимает ритм:

Культура будущего копилась не в разрозненных усилиях цивилизации поправить непоправимое, вылечить мертвого, воссоединить гуманизм, а в синтетических усилиях революции, в этих упругих ритмах, в музыкальных потягиваниях, волевых напорах, приливах

¹⁵ Бывшие предметом русской модернистской музыкальной критики 1910-х гг., см.: Шлецер 1911: 54–61; о проблематике диссонанса в культуре модернизма в целом см.: Harrison 1996.

и отливах, лучший выразитель которых есть Вагнер. Вся усложненность ритмов стихотворных и музыкальных (особенно к концу века), к которым эпигоны гуманизма были так упорно глухи и враждебны, есть не что иное, как музыкальная подготовка нового культурного движения, отражение тех стихийных природных ритмов, из которых сложилась увертюра открывающейся перед нами эпохи (Блок 1962b: 112).

«Усложненные» поэтические и музыкальные ритмы конца XIX века, и прежде всего ритмы Вагнера, оказываются отражением «стихийных природных ритмов», которые и есть ритмы самой надвигавшейся революции. Музыка Вагнера предстает выражением «упругих ритмов» революции, к которым оказалась глухой либеральная «гуманная», страдающая своего рода «аритмией» цивилизация¹⁶, отчужденная от «природы» (см.: Блюмбаум 2022: 92–113) и потому нечувствительная к тем историческим процессам, которые слышали и ритмически воплощали в своем искусстве европейские художники.

В статье о музыкальной критике Мариэтты Шагинян Варвара Кукушкина соотнесла (см.: Кукушкина 2019: 13) «упругие ритмы» из приведенной выше блоковской цитаты с «Модернизмом и музыкой» Эмилия Метнера, упоминающего «упругие ритмы Вагнера»: «Штраус просто неспособен выдержать ритма, напр., вступления и марша из Мейстерзингеров; это подавляет его бескостную природу;

¹⁶ Ср. противопоставление ритмичного искусства и поданной как ритмический сбой газеты, то есть «цивилизации», в статье 1912 года «Искусство и газета» (см. об этом: Блюмбаум 2017: 150–151). Позиция Блока вписывается в ряд критических высказываний об «аритмичной» современности, которые можно встретить в культуре рубежа веков. Так, например, кн. С. М. Волконский, пересказывая книгу Бюхера, отмечает распространение машин как причину утраты человеком XIX столетия своего органического ритма (см.: Волконский 1912: 8; о понимании Бюхером «цивилизации» как враждебной органическому ритму см.: Rabinbach 1990: 176). Это ощущение отчужденности современного интелтуализированного человека от своей собственной природы стало, как известно, мощным стимулом пропаганды Волконским идей музыкальной педагогики Эмиля Жак-Далькроза, где важнейшую роль играл именно ритм (см.: Волконский 1911: 33–50; Жак-Далькроз 1913). Другую оркестровку идеи о современной аритмии дает Андрей Белый в «орфической» статье «Песнь жизни» (1908), в основе которой лежит нарратив об уходе творчества/ритма из жизни в сферу искусства (см.: Белый 2012: 38–51; о понимании ритма как творчества в кругу «Мусcareта» см.: Svetlikova 2013: 167–171).

понятно, он ненавидит все определенное и со злорадной и брезгливой гримасой коверкает упругие ритмы Вагнера, остающиеся непреклонными, несмотря на лихорадочное нередко биение могучего сердца» (Метнер 1912: 23). К этому можно было бы добавить и другие фрагменты книги Метнера, неоднократно отмечающего именно «упругость» ритма: «Я не раз наблюдал, что после какой-нибудь штраусовской “домашней симфонии” даже первоклассный оркестр временно грубеет, *теряет упругость, становится аритмичным* и является неспособным к передаче строгих и тонких моментов домашней мировой бетховенской симфонии»; «...главное же – в том, что в нормальных тактовых построениях *ритм приобретает прочное русло, в берегах которого течение его становится более упругим*» (Там же: 112, 354; курсив мой).

В свою очередь Блок апеллирует к «упругости» ритма не только в «Крушении гуманизма», но и в предисловии к «Возмездью» 1919 года, где говорит о «ямбе» как выражении «ритма» предреволюционного времени:

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его *у п р у г о й* в о л н е на более продолжительное время (Блок 1999: 49; разрядка моя).

В «Модернизме и музыке» «упругие ритмы» возникают в контексте разговора об утрате «музыкального чувства» под влиянием модернистских экспериментов; если согласиться с тем, что «упругие ритмы» попадают к Блоку из книги Метнера, можно предположить, что Блок истолковывал выпады против «неритмичности» композиторов-модернистов (прежде всего Рихарда Штрауса) как критику утратившего «ритмичность» современного искусства, неотъемлемой части «цивилизации», глухой к ритмам природы/революции/жизни.

Для Блока ритм музыкального/поэтического произведения выполняет своего рода экспрессионистскую функцию, будучи непосредственным выражением «природы», *Zeitgeist*'а, истории,

настоящего и будущего – как в очерке «Катилина» 1918 года, где галлиямб 63-го стихотворения Катулла, ритмическая структура стихотворного текста, репродуцирует «музыкальный ритм» экстатической походки преображенного революционным «священным безумием» «римского большевика»¹⁷ Катилины (см.: Блюмбаум 2018: 124–130). Именно «ритмичность» искусства оказывается гарантией референциальности, неотчужденности и неотчуждаемости эстетической сферы от «реальной жизни», «природы» и «политики»¹⁸ – несмотря на все старания «цивилизации» отграничить искусство от мира, изъять его из «жизни», ограничить сферу его значимости¹⁹.

¹⁷ «...ярость и неистовство сообщили его походке музыкальный ритм; как будто это уже не тот – корыстный и развратный Катилина; в поступи этого человека – мятеж, восстание, фурии народного гнева» (Блок 1962b: 85).

¹⁸ «Я думаю, что предметом этого стихотворения была не только личная страсть Катулла, как принято говорить; следует сказать наоборот: личная страсть Катулла, как страсть всякого поэта, была насыщена духом эпохи; ее судьба, ее ритмы, ее размеры, так же, как ритм и размеры стихов поэта, были внушены ему его временем; ибо в поэтическом ощущении мира нет разрыва между личным и общим; чем более чуток поэт, тем неразрывнее ощущает он “свое” и “не свое”; поэтому в эпохи бурь и тревог нежнейшие и интимнейшие стремления души поэта также преисполняются бурей и тревогой» (Блок 1962b: 83). С точки зрения Блока, именно по ритмам лирики Катулла можно восстановить «ритм римской жизни» (Там же: 80), как, по всей вероятности, по ямбу поэмы «Возмездие», наиболее важной интенцией которой, по мысли автора, было уничтожение зазора между «личным» и «общественным», – исторический «ритм» русской. Блок исходит из представления о том, что в «музыкальных ритмах», а «не в рационалистических обобщениях, отражена действительная жизнь века» (Блок 1962b: 108). В целом он использует конструкт ритма как понятие-интегратор, вроде «стиля» или «культуры» у историков искусства XIX и начала XX в., у которых эти понятия выступают в качестве выражения некоторого целостного исторического периода, «эпохи», с соответствующим пониманием большого универсального исторического времени, где все оказывается синхронизированным (о таком холистическом понимании «стиля» см. в частности: Gombrich 1969; Sauerländer 1983: 253–270; Schwartz 1999: 3–48; Hvattum 2004: 150–167). Ср. сходное с блоковским понимание «ритма» как «целостности», соотносимой с «эпохой», «культурой» и «стилем», в «Ритме жизни и современности» Андрея Белого (см.: Белый 2018: 520, 524–525, 532, 535, 541, 544), где встречается, кстати, и достаточно прямая отсылка к позднему Блоку: «Мы присутствуем при крушении гуманизма» (Там же: 527).

¹⁹ Распавшаяся на отдельные «русла», утратившая «целостность» «цивилизация», с точки зрения Блока, пытается отвести «литературе» особое место, что должно было радикально редуцировать ее соотносительность с остальными сферами «жизни» и ее социальную значимость: «Вообще у нас были темы, перед которыми растерялась бы

Вернемся к «Интеллигенции и революции». Кратко описав два типа музыкальной рецепции, Блок обращает все свое внимание на реципиентов, выделяя две социальные группы: «интеллигенцию» и «буржуазию». Подлинный гнев Блока вызывает интеллигенция, от которой он, по всей вероятности, не ожидал тотальной глухоты к звукам «мирового оркестра», неприязненного отношения к большевистской революции. Здесь в тексте Блока напрямую возникает орфическая топика:

Не вас ли надо будить теперь от «векового сна»? Не вам ли надо крикнуть: «*Noli tangere circulos meos*»? Ибо вы мало любили, а с вас много спрашивается, больше, чем с кого-нибудь. В вас не было хрустального звона, этой музыки любви, вы оскорбляли художника – пусть художника, – но через него вы оскорбляли самую душу народную. *Любовь творит чудеса, музыка завораживает зверей*. А вы (все мы) жили без музыки и без любви. Лучше уж молчать сейчас, если нет музыки, не слышать музыки. Ибо все, кроме музыки, все, что без музыки, всякая «сухая материя» – сейчас только разбудит и озлит зверя. До человека без музыки сейчас достучаться нельзя (Блок 1962b: 16; курсив мой).

«Антибольшевизм» интеллигенции понимается здесь как «гнетущая немзыкальность», нерецептивность, глухота к мелосу, «завораживающему зверей», – то есть к орфическому измерению, орфической основе музыкального (и любого другого) искусства («Музыка ведь не игрушка») и к той «таинственной музыке революции» (Алданов 1932: 50), к тем орфическим звукам, истоком которых становится сама революция, также, по-видимому, *истолковывавшаяся Блоком как Орфей*. Антиреволюционно настроенная интеллигенция оказалась закрытой к преображающей мощи «музыки», к орфизму искусства/революции, к тем звукам, которые нужно слушать «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» (Блок 1962b: 20), потому что только

всякая цивилизация, если бы не отвела им заранее русла, по которому они пока могли до времени течь без помехи (такие русла называются всего чаще “художественной литературой”))» (Блок 1962b: 110).

такое тотальное слушание делает возможным тотальное изменение «пришедшего в движение» «всего человека», подобно тому, как это произошло с уже упоминавшимся Катилиной, чья походка организована «музыкально» и «ритмически», – пережившим радикальную телесную и умственную «метаморфозу», «преобразившимся» «римским большевиком»²⁰.

Особый гнев Блока вызывает «буржуазия», для которой «музыка» всегда оставалась «игрушкой» и которой «никакая музыка, кроме фортепьян, и не снилась» (Блок 1962b: 17). Этот мотив возникает снова чуть далее, когда, описывая устои буржуазного мира, Блок приводит в качестве общераспространенного жизненного правила совет молодым девушкам из «хорошего общества»: «Учись, дочка, играть на рояли, скоро замуж выйдешь» (Там же). Блоковские дневники за январь–февраль 1918 года, записи, сделанные уже после 9 января, то есть после завершения статьи «Интеллигенция и революция» (см.: Иванова 2020: 77–92), дают своего рода комментарий к этому фрагменту, демонстрируя его реальную биографическую основу:

...m-lle Врангель тренькает на рояле (блядь буржуазная)... (Блок 1963: 315)

В голосе этой барышни за стеной – какая тупость, какая скука: домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают. Когда она наконец ожеребится? Ходит же туда какой-то корнет. Ожеребится эта – другая падаль поселится за переборкой, и так же будет выть, в ожидании уланского жеребца (Там же: 315–316).

Барышня за стеной поет. Сволочь подпевает ей (мой родственник). Это – слабая тень, последний отголосок ликования буржуазии (Там же: 326).

²⁰ Тотальность происходящей социальной революции противопоставляется Блоком антимонархическим настроениям (и, видимо, политической, Февральской революции), которые, с его точки зрения, и были пределом революционности глухих к «музыке» писателей, в частности Мережковских; см. запись в дневнике за 14 января 1918 года: «На деле вся их революция была кукишем в кармане царскому правительству» (Блок 1963: 319).

Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет *буржуа* с семейством (называть его по имени, занятия и пр. – лишнее). Он обстрижен ежиком, расторопен, про-быв всю жизнь важным чиновником, под глазами – мешки, под брюшком тоже, от него пахнет чистым мужским бельем, его дочь играет на рояли, его голос – тэноришка – раздается за стеной, на лестнице, во дворе у отхожего места, где он распоряжается, и пр. Везде он. Господи, боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли. Он такое же плотоядное двуногое, как я. Он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить. Отойди от меня, сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкасаться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, сатана (Там же: 327–328; курсив автора).

Г. В. Обатнин справедливо видит исток этого пароксизма ярости в буржуазной «профанации Музыки» – Музыки, которая «для Блока, как известно, совпадала с революцией» (Обатнин 2022: 73–74). Приведенные дневниковые записи начала 1918 года строятся на сочетании мотивов «Интеллигенции и революции» – «фортепьян» и животной, бестиальной, плотской природы буржуа («ожеребится», «жеребец», «плотоядное двуногое»). «Фортепьяна» отсылают к топике музыки как послеобеденного концерта, музыки «вне жизни», а животные мотивы, по всей вероятности, соотносятся Блоком с орфической тематикой («Музыка завораживает зверей») – в данной перспективе «буржуа», для которого музыка предстает лишь «игрушкой», сферой отиума, развлечения, светских приличий и правил, оказывается тем «зверем», который глух к орфической Музыке и который останется «незавороженным», не преображенным магическим, ритмическим мелосом искусства/революции²¹. В рамках идеи позднего Блока об

²¹ «Музыкальность» и «ритмичность» «нового человека» предполагались, конечно, не только мистической «орфической» культурой, но и большевистским рационализмом, советским Aufklärung'ом: «Человек станет несравненно сильнее, умнее, тоньше. Его

«орфической культуре», преобразующей «природу», «буржуа» предстает той частью неискупленной «природы», которая не слышит и не услышит орфических звуков «мирового оркестра».

Исторический генезис того, что Блок называет «цивилизацией» и «девятнадцатым веком», в послереволюционных текстах подается поэтом как разрыв «музыки» и европейского общества, расхождение искусства, «артистизма» и «жизни». Возникшая в результате этого процесса враждебная искусству «цивилизация» стремится, по мысли Блока, вытеснить искусство из «жизни», превратив его в сферу отиума, развлечения, связав его с определенным социальным (буржуазным) статусом и пр. Вместе с тем вытеснение искусства из «жизни» означало для Блока, по всей вероятности, не только стремление распавшейся на множество «ручейков» «цивилизации» найти для искусства отдельное «русло», но и подорвать референциальность искусства как таковую, автономизируя эстетические объекты, запуская механизмы обретения искусством, а точнее, *искусствами* своей специфики и специфичности, что довольно легко могло соотноситься поэтом с симптоматикой современной «раздробленности», атомизации и хаоса²². Как известно, ко второй половине XIX века появление чрезвычайно широкого круга потребителей и вместе с тем борьба за автономизацию и спецификацию эстетических сфер приводит к появлению массовой культурной продукции

тело – гармоничнее, движения ритмичнее, голос музыкальнее, формы быта приобретут динамическую театральность» (Троцкий 1924: 194).

²² Ср. критику разделения труда как хаоса в сфере науки в «Апокалипсисе в русской поэзии» Андрея Белого: «Хаос изнутри является нам как безумие, – извне, как раздробленность жизни на бесчисленное количество отдельных русл. То же в науке: неумелая специализация порождает множество инженеров и техников с маской учености на лице, с хаотическим безумием беспринципности в сердцах» (Белый 2012: 479–480). Отмечу также водную образность Белого («русла»), сходную с той, которую использует Блок в «Крушении» («ручьи», «русла»), говоря о фрагментации и специализации; ср. также у Сергея Булгакова: «Единый поток знания продолжает разделяться на бесчисленное количество отдельных ручейков, все слабее соединяющихся между собою» (Булгаков 1906: 456), и здесь же апелляция к соловьевскому «цельному знанию» на фоне специализации науки (см.: Там же: 468; см. также другую булгаковскую апологию целостности и критику специализации: Булгаков 1907: 81), ср. «призывы к цельному знанию», упоминаемые в «Крушении» (Блок 1962b: 106).

с одной стороны и элитарной с другой – коммерческих культурных благ и произведений, создаваемых профессионалами для профессионалов, где в качестве критериев оценки выступает не успех у широкого читателя/зрителя, а высокий уровень литературной культуры и «мастерства»²³, технические инновации, изощренность поэтики и т. п.²⁴ Эти автотелические культурные объекты, порождаемые специалистами для специалистов (см. также *Экскурс II*), по всей вероятности, и мыслились Блоком как «искусство вне жизни», как стирание утилитарного, прагматического характера искусства (о чем Блок пишет еще в 1907 году), как культивирование самоценной «красоты»²⁵, как явление «эстетического идеализма» (по выражению

²³ Понятно раздражение Блока при чтении в альманахе «Дракон» статьи Гумилева «Анатомия стихотворения», где литература редуцирована к системе рациональных правил: «Поэтом является тот, кто учтет все законы, управляющие комплексом взятых им слов. Учитывающий только часть этих законов будет художником-прозаиком, а не учитывающий ничего, кроме идейного содержания слов и их сочетаний, будет литератором, творцом деловой прозы. Перечисление и классификация этих законов составляет теорию поэзии» (Гумилев 1990: 65; Гумилев 1921: 69; выделено Блоком, см.: Библиотека Блока 1984: 272). Блок цитирует это место в статье «Без божества, без вдохновенья», подробно проговаривая свою негативную оценку понимания поэзии как системы «формальных законов» (Блок 1962b: 182–183; см. также *Экскурс I*). Эти антиспецификаторские выпады безусловно коррелируют с критикой аналитических тенденций, разделения труда и пр., как и утверждение «неразлучимости», то есть *неспецифичности* в России разных культурных сфер в начале статьи. В этом контексте особое значение приобретают подчеркивания Блоком тех страниц книги Буркхардта, где речь идет о ренессансном «l’uomo universale» (см.: Буркхардт 1904: 165, 167–170; Библиотека Блока 1984: 114–115).

²⁴ В этой связи уместно вспомнить мемуарное свидетельство Всеволода Рождественского, обнародованное им в августе 1921 года на заседании «Всемирной литературы», посвященном памяти Блока. Рождественский вспоминал о разговоре с Блоком в последние годы его жизни: «Он говорил, что ужас современной поэзии в том, что стихи стали самостоятельной целью. Это запечатлелось в моей памяти потому, что слова его звучали протестом. Мне думается, что все впечатление от “Седого Утра” объясняется под этим углом зрения. У Блока была любовь к поэзии и нелюбовь к стихам» (Савина, Чечнев 2023: 188; курсив мой).

²⁵ См. блоковскую критику разделения труда в научной сфере, которое приводит к подлинному триумфу специализированности, автотеличности и дистанцированности от мира: «В области науки именно в эту пору резко определяются два поприща: науки о природе и науки исторические; те и другие орудуют разными методами; те и другие дробятся на сотни дисциплин, начинающих, в свою очередь, работать различными методами. Отдельные дисциплины становятся постепенно недоступными не только

Вяч. Иванова), который соотносился поэтом с «китаизацией», деградацией европейского «арийского» мира²⁶.

При этом спецификация/автономизация эстетических ценностей в европейской культурной истории, как известно, сопряжена с разделением труда и появлением в конечном итоге спецификаторских теорий искусства, выступавших в качестве обоснования эстетической сферы как профессиональной сферы, искусства для «специалистов», и давших мощный импульс развитию гуманитарных наук в двадцатом веке. Так, в частности Пьер Бурдьё отмечает коррелятивность этих двух линий истории европейской культуры – возникновения «чистых» теорий (*théories «pures»*), центрированных на выявлении

для непосвященных, но и для представителей соседних дисциплин. Является армия специалистов, отделенная как от мира, так и от своих бывших собратий стеной своей кабинетной посвященности» (Блок 1962b: 104).

²⁶ См. запись в блоковском дневнике за 21 ноября 1911 года, сделанную после лекции Владимира Гиппиуса о Пушкине: «Прекрасная лекция. Кровь *не* желтеет, есть и борьба и страсть. Под простой формой, под скромными словами, под тонкостью анализа пушкинского пессимизма – огонь и тревога. Хорошо сказано: “Положить в ящик и бросить в яму” (о смерти); о фальшивом конце стихотворения “Для берегов отчизны дальней”: “Я этому не верю”. От Феодосия Печерского до Толстого и Достоевского главная тема русской литературы – религиозная. В нашу эпоху общество ударились в “эстетический идеализм” (это, по моему определению, кровь желтеет). Суть лекции – проповеднический призыв не только к “религиозному ощущению”, но и к “религиозному сознанию”. Пушкин. Пессимизм лицейского периода. Всегда – сила только там, где просвечивает “доказательство бытия божия”, остальное о боге – или бессильно, или отчаянно (переходящее в эпикуреизм). Завершение Пушкинских “исканий” – он впадает в “эстетический идеализм” (безраздельная вера в красоту). – *Чтением* многих стихов Пушкина В. В. Гиппиус прибавил нечто к моей любви к Пушкину. “Волчья челюсть” (Гиппиусовская) – не даром. Они ей прицелкнули кое-что желтое» (Блок 1963: 95; курсив автора). Противопоставление религиозного искусства и «эстетического идеализма» восходит к «Двум стихиям» Вяч. Иванова: «Вот почему мы защищаем реализм в художестве, понимая под ним принцип верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем, и находим менее плодотворным, менее пригодным для целей религиозного творчества *эстетический идеализм*; под идеализмом же разумею утверждение творческой свободы в комбинации элементов, данных в опыте художнического наблюдения и ясновидения, и правило верности не вещам, а постулатам личного эстетического мировосприятия, – *красоте, как отвлеченному началу*» (Иванов 2018a: 168; курсив мой). Публичная позиция Гиппиуса в 1910-х гг., отвергавшая современный «эстетизм» (Гиппиус 1913b: 2) и увлечение литературной «техникой» (Гиппиус 1913a: 3), была условно близка Блоку.

специфичности той или иной сферы, и разделения труда, большого социоэкономического процесса, захватившего общество XIX века (см.: Bourdieu 1971: 53). Следует отметить, что и сами творцы такого рода «чистых» теорий вполне осознавали соотнесенность этих двух явлений, как, например, классический теоретик-спецификатор Юрий Тынянов в статье «Иллюстрации» (1922). В этом тексте, посвященном расподоблению семантических миров словесного и визуального искусств, нацеленном на отграничение литературы по отношению к живописи и графике, Тынянов отмечает:

Мы живем в век дифференциации деятельностей. Танцевальное иллюстрирование Шопена и графическое иллюстрирование Фета мешает Шопену и Фету, и танцу и графике (Тынянов 1977: 318).

– соотнося тем самым «чистое» понимание того или иного искусства и процесса разделения труда. Высказывание автора «Иллюстраций» точно указывает на коррелятивность теории и социальных условий ее порождения.

Если в 1907 году Блок четко артикулирует способность лирической поэзии мощно влиять на повседневность, то теперь он подчеркнуто дистанцируется от специализаций и спецификаций, автономных профессиональных сфер, разделения труда²⁷, апеллируя вместо этого к целостностям («весь человек пришел в движение», «цельное знание»), к пониманию революции как тотального преобразования, которое должна принести орфическая музыка. В этом контексте возникает музыка/ритм как, с одной стороны, снятие дистанций между искусством и «жизнью», как вторжение искусства в жизнь, а с другой – как устранение различий между искусствами,

²⁷ Блок, видимо, довольно позитивно оценивал критику разделения труда у Дж. Рескина, в частности, в исследовательской литературе уже делалось сопоставление выпадов Рескина против «нецелостности» человека, живущего в ситуации «разделения труда» («В последнее время мы много изучали и усовершенствовали великое изобретение цивилизации – разделение труда, но мы неправильно называем его. В сущности, разделен не труд, а человек, разделен на частицы человека, разбит на мелкие осколки и крохи жизни». – Рескин 1900: 227), и тезиса «Крушения» о «нецелостности», «раздробленности» европейской «цивилизации» (см.: Белькинд 1991: 119).

как стирание специфичности, неутилитарности, автотеличности, как своего рода *депрофессионализация* «дела поэта»²⁸ (см. также *Экскурс I*). Именно поэтому Вагнер с его идеей *Gesamtkunstwerk*²⁹ оказывается Орфеем, носителем музыки/ритма, который преобразует общество³⁰, мироздание, «природу», ликвидируя одновременно разделение³¹ между искусствами³², низводящее искусство до «развлечения». С этой антимодерной и одновременно радикально революционной точки зрения сделать «человеческое животное» «музыкальным» и «ритмичным», преобразить жизнь в ее целостности способно только *Искусство, а не искусства*³³.

Финалом сложной истории реакций Блока на современную культуру с ее отчуждающей спецификацией/профессионализацией, «искусством вне жизни», «культурной индустрией» (если воспользоваться выражением Адорно и Хоркхаймера)³⁴ и т. п. стано-

²⁸ Ср. в «Эстетических фрагментах» Густава Шпета противопоставление «дилетантизма», соотнесенного с идеями «синтеза искусств», и «мастерства», нацеленного на спецификацию и дифференциацию (Шпет 1922: 15–21).

²⁹ О *Gesamtkunstwerk* как устранении порожденного Просвещением разрыва между эстетической сферой и жизнью см.: Hvattum 2004: 168–172; о тотальном произведении искусства как снятии отчуждения искусства от жизни см. также: Smith 2007: 11.

³⁰ О рецепции Вагнера как революционера в русской культуре рубежа веков см.: Rosenthal 1984: 227–244.

³¹ Ср. также проходившую «под знаком Орфея» и отмеченную расовыми мотивами полемику Андрея Белого («Лев Толстой и культура») с разделением труда, с проведением жестких границ между разными интеллектуальными сферами у неокантианцев «Логоса» и, шире, с представлениями о культуре в целом как городе с «параллельными, непересекающимися улицами», культурном мире как системе специализаций (см.: Светликова 2018a: 602–604; Светликова 2018b: 316–318). В анализируемой Светликовой статье Белый четко проговаривает соотнесенность современной дифференцированной культуры с наличием специфической, автономной эстетической ценности (см.: Белый 2020: 648–649).

³² В своей замечательной диссертации об идее ритма в немецком искусстве первой трети XX века Дженис Джоан Шалль отмечает, что в своем понимании *Gesamtkunstwerk* Вагнер исходит из представления о том, что именно ритм является принципом, объединяющим разные искусства в целостность (см.: Schall 1989: 72, 191).

³³ См. выделенный Блоком в книжке Сергея Дурылина «Вагнер и Россия» пассаж о Вагнере как о «„Memento mori!“ современному искусству» (Дурылин 1913: 66; см.: Библиотека Блока 1984: 272).

³⁴ Об истории взаимоотношений русского модернизма в целом и Блока в частности с рынком культурной продукции см.: Livak 2018: 183–227.

вятся его высказывания, отражающие радикализм революционной исторической ситуации, которая понимается поэтом как «крушение» культурной системы модерности, того, что он называет «девятнадцатым веком». В этом контексте особое значение приобретают концепты «ритма» и «музыки», которые вбирают в себя, концентрируют наиболее важные смыслы радикально антимодерной позиции позднего Блока.

Экскурс I

В дневниковых записях Блока, относящихся к работе над пушкинской речью, есть раздраженная реплика, брошенная в сторону Гумилева (см. об этом: Блок 1963: 515; Тименчик 2008: 336): «Подражать ему нельзя; можно только “сбросить с корабля современности” (“сверхбиржевка” футуристов, они же – “мировая революция”). И все вздор перед Пушкиным, который ошибался в пятистопном ямбе, прибавляя шестую стопу. Что, студия стихотворчества, как это тебе?» (Блок 1963: 397–398). Блок воспроизводит общее место романтической эстетики, сформировавшееся в конце XVIII века, а именно представление о том, что творчество «гения» трансцендирует общие для всех и всем доступные правила порождения произведения искусства. В этом контексте Кант в «Критике способности суждения» соотносит наличие правил порождения с продуцированием в сфере техники, которую жестко отграничивает от области искусства (см.: Plümpe 1990: 17–18). Гений ориентируется на правила, которые он вырабатывает сам для себя, что оказывается гарантией абсолютной индивидуальности, оригинальности и неповторимости, и в этом смысле упреки в нарушении общеобязательных правил, предписанных поэтикой, теряют свой смысл. На этом фоне пушкинские нарушения метрической схемы могут прочитываться как жест суверенного романтического гения, с легкостью отбрасывающего любые технические предписания «формальных законов». Выпады против метрики являются важной частью модернистской культуры. Кристина Лубколль отмечает, что противопоставление абстрактного монотонного метра, соотнесенного с законами/правилами,

и динамического, органического ритма было центральным моментом эстетической революции рубежа веков (см.: Lubkoll 2002: 84, 86)³⁵, за которой, по-видимому, стояло противоборство с отчужденной от жизни, профессионализированной, рационализированной, «сократической» культурой. В русской ситуации эта апелляция к философии жизни (метр *vs* ритм как оппозиция абстрактного, рационального интеллекта и иррациональной, пребывающей в состоянии вечного становления жизни), в контексте которой Лубколль анализирует проблематику ритма в европейской культуре начала века, оказала влияние на стиховедческие штудии «Символизма» Андрея Белого, для которого базовым становится противопоставление индивидуального, органического, динамического, творческого ритма и абстрактной, «мертвой» метрической схемы (см.: Гаспаров 1988: 447, 451; о противопоставлении у Белого метра как закона и органического ритма, воплощающего свободу и творчество, см.: Светликова 2017: 218)³⁶. Эта апелляция к «ритму» как воплощению спонтанности, индивидуальности и творчества в противоположность просодическим правилам, «размерам в учебниках» (ср. *Kunstwollen* Алоиза Ригля *vs* *Kunstkönnen* Готфрида Земпера) отчетливо заметна и у футуристов (см.: Гурьянова 2025: 164; о депрофессионализации как идеологии и стратегии авангарда см.: Там же: 80–82, 87)³⁷, что безусловно свидетельствует о том, что понимание «ритма» как «творчества» выходило за пределы узких рамок «Мусажета». Романтически депрофессионализирующий подход к поэзии отстаивает и Блок, выступая против

³⁵ Эта революция готовится во второй половине XIX столетия. Так, в частности, реформирование французского стиха Гюставом Каном в 1880-х гг., а именно отказ от классической просодии в пользу верлибра, являлось попыткой строить поэтический текст на основе ритмов, порождаемых психофизиологией человека, вместо использования абстрактной и произвольной метрики (см.: Brain 2015: 159).

³⁶ См. противопоставление 'мертвого метра' и 'органического ритма' у Вячеслава Иванова: «Неудивительно, что метрический схематизм омертвил в ней естественное движение ритма, восстановление которого составляет ближайшую задачу лирики будущего» (Иванов 1979: 120; о метре/ритме у Иванова см.: Обатнин, Постоутенко 1992: 183).

³⁷ См. о противопоставлении «труда» и «творчества»: Гурьянова 2025: 162, 295, а также об оппозиции «творчества» и «художественного навыка»: Там же: 297–298.

внутрилитературных правил, воплощаемых метрикой. В этом контексте едва ли случайно, что чуть далее в записях Блока возникает ритм, который становится определяющим моментом в понимании поэзии: «Что такое поэт? – Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Поэт, это – это носитель ритма» (Блок 1963: 404). Для Блока «дело поэта» заключается отнюдь не в создании технически безупречных текстов, демонстрирующих профессиональное знание литературной культуры, а – если вспомнить окончательную редакцию речи «О назначении поэта» – во внесении «гармонии» в мир, в орфическом воздействии на действительность. Гармония/ритм оказывается более важным моментом блоковской поэтической идеологии, чем стихи сами по себе. Упоминание путаницы пятистопного и шестистопного ямбов, по мнению Р. Д. Тименчика, высказанному в личном письме, восходит к запретам, бытовавшим в «Цехе поэтов», что отложилось в рецензии Гумилева на «Цветущий посох» С. Городецкого («Сергей Городецкий чаще рассказывает, чем показывает, есть восьмерки очень несделанные, есть и совсем пустые; есть ритмические недочеты – шестистопный ямб без цезуры после третьего слога, тот же шестистопный ямб, затесавшийся среди пятистопных». – Гумилев 1990: 181) и раздраженной реакции Ахматовой на «По улице моей который год» Б. Ахмадулиной, что было зафиксировано Н. И. Ильиной («Разбирая стихи Б. Ахмадулиной в Лит<ературной> Газ<ете>. Сердясь за небрежности (в 5-истопный ямб влезла строка шестистопного) “За это на Сенной бьют бато- жьем”». – Тименчик 2011: 118)³⁸.

³⁸ Вместе с тем нельзя не вспомнить фундаментальную работу Б. В. Томашевского (на которую мое внимание любезно обратил Н. Г. Охотин), где отмечено появление шестистопного ямба в текстах Пушкина, написанных пятистопным ямбом («В бесцезурном же пятистопном ямбе, где второе полустишие не соблюдается, сплошь и рядом попадаются стихи шестистопные без цезуры, напр. в “Каменном Госте”». – Томашевский 1923: 39). Опубликовано только в 1923 году исследование Томашевского было представлено в виде докладов 8 июня 1919 года на заседании Московского Лингвистического Кружка (см.: Пильщиков, Устинов 2020: 395–398), а также в РИИИ (см.: Жирмунский 1925: 268). Нужно ли учитывать работу Томашевского при комментировании реплики Блока, пока с уверенностью сказать нельзя.

Экскурс II

Критика «оторванной от жизни профессиональной специализированности» (Зиммель 1911–1912: 24) в культуре модерна – большая тема; приведу лишь примеры некоторых текстов, в частности критику специализации в сфере искусства в очерке венецианской живописи Петра Перцова:

В настоящее время живопись, как и остальные пластические искусства, сведена до степени простой артистической специальности, одного из многих проявлений эстетических потребностей общества. Современные художники – такие же специалисты своей профессии, как медики или инженеры; их публика – более или менее ограниченный круг знатоков и любителей. Напротив, в Италии XIII–XVIII столетий живопись была *искусством народным* (Перцов 1905: 26).

Континентальные художники после-рафаэлевского периода не имеют уже связи с массой. Это не голоса из народа – это специалисты и техники художественной профессии. Они выходят не из толпы, не из «почвы», как сказали бы у нас, а из мастерских и академий. И публика их – уже не созвучная толпа родного города, а рассеянная всюду, космополитическая публика любителей и знатоков (Там же: 45).

Другим важным примером является интерпретация Вячеславом Ивановым в статье «Предчувствия и предвестия» последней пьесы Генрика Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся», в которой, с точки зрения Иванова, норвежский драматург «восстал против красоты, разбившейся на художества и на отдельные, замкнутые и обособленные художественные создания, и пророчил, что красота вся станет жизнью и вся жизнь – красотой» (Иванов 2018a: 135; см. также комментарий Г. В. Обатнина и А. Л. Соболева: Иванов 2018b: 294–295). Пьеса Ибсена построена на мотивах разрыва жизни и искусства, принесения жизни в жертву искусству; критики разделения труда в эстетической сфере, строго говоря, в ней нет. Важнее, однако, в данном случае соотнесенность

в сознании Иванова идеи преобразования жизни искусством с отказом от эстетической дифференциации. Сходные представления воспроизводит Иванов и в статье «Взгляд Скрябина на искусство», где дифференциация искусств негативно сказывается на возможности эстетической сферы воздействовать на жизнь; Иванов упоминает, в частности, «“синкретическое действо” незапамятных времен, в котором для религиозно-практических целей были одновременно представлены все разделившиеся потом и потому утратившие полноту своей действенной силы мусические искусства» (Иванов 1979: 177).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алданов М. 1932. Бегство. Берлин: Слово.
- Аничков Е. В. 1905. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. 2: От песни к поэзии. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Аничков Е. В. 1906. Искусство и социалистический строй. СПб.: Якорь.
- Белый А. 2012. Собр. соч. Т. 8: Арабески: Книга статей. Луг зеленый: Книга статей / Общая ред., послесловие и комментарии Л. А. Сугай. Сост. А. П. Полякова и П. П. Апрышко. М.: Республика; Дмитрий Сечин.
- Белый А. 2018. Жезл Аарона. Работы по теории слова 1916–1927 гг. / Сост., подготовка текста, вступительная ст., текстологические справки и комментарии Е. В. Глухой, Д. О. Торшилова. М.: ИМЛИ РАН. (Литературное наследство. Т. 111).
- Белый А. 2020. Собр. соч. Т. 16: Несобранное. Кн. 1 / Сост. А. В. Лаврова и Дж. Малмстада. М.: Дмитрий Сечин.
- Белькинд Е. Л. 1991. Блок – читатель Дж. Рескина. – Александр Блок: Исследования и материалы. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 101–124.
- Бердяев Н. 1923. Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск.
- Библиотека Блока 1984. Библиотека А. А. Блока: Описание. Кн. 1 / Сост. О. В. Миллер, Н. А. Колобова, С. Я. Вовина. Под ред. К. П. Лукирской. Л.: Библиотека Академии наук СССР.
- Бицилли П. 1927. Фашизм и душа Италии. – Современные записки. № 33. С. 313–336.

- Бицилли П. 1931. Похвала музыке. – Числа. Кн. 5. С. 202–211.
- Блок А. 1962a. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 5: Проза (1903–1917). М.; Л.: ГИХЛ.
- Блок А. 1962b. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 6: Проза (1918–1921). М.; Л.: ГИХЛ.
- Блок А. 1963. Собр. соч.: В 8-ми тт. Т. 7: Автобиография (1915). Дневники (1901–1921). М.; Л.: ГИХЛ.
- Блок А. А. 1999. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 5: Стихотворения и поэмы (1917–1921). М.: Наука.
- Блок А. А. 2003. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 7: Проза (1903–1907). М.: Наука.
- Блок А. А. 2010. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 8: Проза (1908–1916). М.: Наука.
- Блюмбаум А. 2017. *Musica mundana* и русская общественность: Цикл статей о творчестве Александра Блока. М.: Новое литературное обозрение. (Научная библиотека. Вып. CLXVI).
- Блюмбаум А. 2018. Политика и мистика: «Метаморфозы» в «Катилине» Блока. – *Acta Slavica Estonica X. Studia Russica Helsinkiensia et Tartuensia XVI*. Серебряный век в русской литературе и культуре конца XIX – первой половины XX века. К 90-летию со дня рождения З. Г. Минц. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 117–133.
- Блюмбаум А. 2022. Еще раз о «спасении природы»: Александр Блок, Владимир Соловьев и понятие «культуры». – *Wiener Slavistisches Jahrbuch*. Bd. 10. S. 92–113.
- Блюмбаум А. 2023. Контурь одной традиции: «Ариец», «семит» и природа (Вокруг полемики Александра Блока и Акима Волынского об иудаизме Гейне). – *Slavica Revalensia*. Vol. X. С. 48–115.
- Булгаков С. 1906. Под знаменем университета. – Вопросы философии и психологии. Кн. V (85). С. 453–468.
- Булгаков С. 1907. На религиозно-общественные темы. 1. Средневековый идеал и новейшая культура. – *Русская мысль*. № 1. С. 61–83.
- Буркгардт Я. 1904. Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. С. Бриллианта. Т. 1. СПб.: Изд-во М. В. Пирожкова.
- Бюхер К. 1899. Работа и ритм: Рабочие песни, их происхождение, эстетическое и экономическое значение / Пер. с нем. И. Иванова. Под ред. Д. А. Коропчевского. СПб.: Издание О. Н. Поповой.
- Вагнер Р. 1906. Искусство и революция / Пер. с предисловием И. М. Эллена. СПб.: Электротпечатня Я. Левенштейна.

- Вайсбанд Э. 2025. Умеренный полюс модернизма: Комплекс Орфея и *translatio studii* в творчестве В. Ходасевича и О. Мандельштама. М.: Новое литературное обозрение. (Научная библиотека. Вып. CCLXXXII).
- Волконский С. 1911. Человек и ритм: Система и школа Жака Далькроза. – Аполлон. № 6. С. 33–50.
- Волконский С. 1912. Ритм в истории человечества. – Ежегодник императорских театров. Вып. III. С. 1–13.
- Гаспаров М. Л. 1988. Белый-стиховед и Белый-стихотворец. – Андрей Белый: Проблемы творчества. Статьи, воспоминания, публикации. М.: Советский писатель. С. 444–460.
- Гейне Г. 1904. Полн. собр. соч.: В 6-ти тт. Т. 1. СПб.: Издание А. Ф. Маркса.
- Гиппиус В. 1913a. Литературная суета. – Речь. № 89. 1 (14) апреля. С. 3.
- Гиппиус В. 1913b. Святое беспокойство. – Речь. № 130. 15 (28) мая. С. 2.
- Глухова Е. В. 2005. «Я, самозванец, “Орфей”...» (Орфическая мифологема в символистской среде). – Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А. Ф. Лосева. М.: Наука. С. 248–254.
- Грякалова Н. Ю. 1987. Об одной реминисценции у А. А. Блока («Мона Лиза» Леонардо да Винчи). – Русская литература. № 2. С. 212–216.
- Гумилев Н. 1921. Анатомия стихотворения. – Дракон: Альманах стихов. Пб.: Издание Цеха поэтов. С. 69–72.
- Гумилев Н. С. 1990. Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлендер (при участии Р. Д. Тименчика). Вступительная ст. Г. М. Фридлендера. Подготовка текста и комментарии Р. Д. Тименчика. М.: Современник.
- Гурьянова Н. А. 2025. Эстетика анархии: Искусство и идеология раннего русского авангарда / Авторизованный пер. с англ. яз. А. А. Рудаковой, испр. и доп. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Дурылин С. 1913. Рихард Вагнер и Россия: Вагнер о будущих путях искусства. М.: Мусaget.
- Жак-Далькроз Е. [1913]. Ритм, его воспитательное значение для жизни и для искусства: Шесть лекций / Пер. Н. Гнесиной. СПб.: Издание журнала «Театр и искусство».
- Жирмунский В. 1925. Введение в метрику: Теория стиха. Л.: Academia. (Вопросы поэтики. Вып. VI).

Зиммель Г. 1911–1912. Понятие и трагедия культуры. – Логос. Кн. 2–3. С. 1–25.

Иванов Вяч. 1912. Орфей. – Труды и дни. № 1. С. 60–63.

Иванов Вяч. 1979. Собр. соч. Т. III. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.

Иванов Вяч. 1987. Собр. соч. Т. IV. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien.

Иванов Вяч. 1993. Неосуществленный замысел Вяч. Иванова / Публикация М. Д. Эльзона. – Русская литература. № 2. С. 193–195.

Иванов Вяч. 2018a. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. Кн. I: Тексты / Отв. ред. К. А. Кумпан. СПб.: Пушкинский Дом.

Иванов Вяч. 2018b. По звездам: Опыты философские, эстетические и критические. Статьи и афоризмы. Кн. II: Примечания / Отв. ред. К. А. Кумпан. СПб.: Пушкинский Дом.

Иванова Е. 2020. Январская трилогия Александра Блока: «Интеллигенция и революция», «Двенадцать», «Скифы». М.: Рутения.

Кукушкина В. 2019. Дискуссии о ритме в кругу издательства «Musaaget»: К рецепции трактатов Рихарда Вагнера в русском модернизме. – *Studia Slavica*. [Вып.] XVII. Таллинн: [Tallinna Ülikooli Humanitaarteaduste Instituut]. С. 9–22.

Метнер 1912. Вольфинг [Метнер Э. К.]. Модернизм и музыка: Статьи критические и полемические (1907–1910). М.: Мусагет.

Обатнин Г. 2022. «Исправленное и дополненное»: Статьи о русской литературе. Helsinki: [Department of Language, Faculty of Arts, University of Helsinki]. (*Slavica Helsingiensia* 50).

Обатнин Г. В., Постоутенко К. Ю. 1992. Вячеслав Иванов и формальный метод (материалы к теме). – Русская литература. № 1. С. 180–187.

Перцов П. 1905. Венеция. СПб.: Типо-литография «Герольд».

Пильщиков И. А., Устинов А. Б. 2020. Московский Лингвистический Кружок и становление русского стиховедения (1919–1920). – *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Berlin: Peter Lang. P. 389–413. (*Stanford Slavic Studies*. Vol. 50).

Полетаев Е., Пунин Н. 1918. Против цивилизации. Пб.: 4-я Государственная типография.

Рескин Дж. 1900. Искусство и действительность (Избранные страницы) / Пер. О. М. Соловьевой. М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К°.

- Рицци Д. 1993. Рихард Вагнер в русском символизме. – Серебряный век в России: Избранные страницы. М.: Радикс. С. 117–136.
- Сабанеев Л. 1917. Ритм. Введение. – Мелос: Книги о музыке / Под ред. И. Глебова, П. П. Сувчинского. Кн. 1. СПб.: Синодальная типография. С. 35–72.
- Савина А. Д., Чечнев Я. Д. 2023. Заседание памяти А. А. Блока во «Всемирной литературе» 26 августа 1921 года. – Русская литература. № 3. С. 178–195.
- Светликова И. 2015. «Месть Коперника»: Комментарий к поэме А. Блока «Возмездие». – *Die Welt der Slaven*. Т. LX. № 2. S. 300–318.
- Светликова И. 2017. Андрей Белый о ритме «Медного всадника». – *Revue des études slaves*. Т. LXXXVIII. N° 1–2. P. 205–219.
- Светликова И. 2018а. Орфизм в «Мусагете». – *Revue des études slaves*. Т. LXXXIX. N° 4. P. 599–606.
- Светликова И. 2018b. Орфизм и кинематограф: Заметки о «Петербурге» Андрея Белого. – История искусства и отвергнутое знание: От герметической традиции к XXI веку. Сборник статей / Сост. Е. А. Бобринская, А. С. Корндорф. Пер. с англ. А. А. Зубов. М.: Государственный институт искусствознания. С. 308–320.
- Светликова И., Кукушкина В., Юшин П., Фесенко М. 2023. Против гелиоцентризма: «Миры» Александра Блока и рецепция космологии Нового времени. – *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 91. S. 35–114.
- Силард Л. 2002. Герметизм и герменевтика. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Тастевен Г. 1915. Война и Франция. – Русская мысль. Кн. VII. С. 22–38.
- Тименчик Р. Д. 2008. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры.
- Тименчик Р. Д. 2011. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество. Крымский Ахматовский научный сборник / Сост. и научный ред. Г. М. Темненко. Вып. 9. Симферополь: Крымский Архив. С. 109–145.
- Томашевский Б. 1923. Пятистопный ямб Пушкина. – Очерки по поэтике Пушкина. Берлин: Эпоха. С. 7–143.
- Троцкий Л. 1924. Литература и революция. М.: ГИЗ.
- Троцкий Л. 1990. Сталин. Т. 1. М.: Терра.
- Тугендхольд Я. 1915. Проблемы и характеристики: Сборник художественно-критических статей. Пг.: Аполлон.
- Тынянов Ю. Н. 1977. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука.

- Шлецер Б. 1911. Консонанс и диссонанс. – Аполлон. № 1. С. 54–61.
- Шпет Г. 1922. Эстетические фрагменты. [Вып.] I. Пб.: Колос.
- Эренбург И. 1922. А все-таки она вертится. М.; Берлин: Геликон.
- Юрьева З. 1978. Миф об Орфее в творчестве Андрея Белого, Александра Блока и Вячеслава Иванова. – American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists (Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978). Vol. 2: Literature / Ed. by V. Terras. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc. P. 779–799.
- Bartlett, R. 1995. Wagner and Russia. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bourdieu, P. 1971. Le marché des biens symboliques. – L'Année sociologique. Vol. 22. P. 49–126.
- Brain, R. 2015. The Pulse of Modernism: Physiological Aesthetics in Fin-de-Siècle Europe. Seattle: University of Washington Press.
- Cowan, M. 2007. The Heart Machine: “Rhythm” and Body in Weimar Film and Fritz Lang’s Metropolis. – Modernism/modernity. Vol. 14. No. 2. P. 225–248.
- Golston, M. 2008. Rhythm and Race in Modernist Poetry and Science. New York: Columbia University Press.
- Gombrich, E. H. 1969. In Search of Cultural History. Oxford: Clarendon Press.
- Harrison, Th. J. 1996. 1910: The Emancipation of Dissonance. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Hvattum, M. 2004. Gottfried Semper and the Problem of Historicism. Cambridge: Cambridge University Press.
- Livak, L. 2018. In Search of Russian Modernism. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Lubkoll, Ch. 2002. Rhythmus: Zum Konnex von Lebensphilosophie und ästhetischer Moderne um 1900. – Das Imaginäre des Fin de siècle: Ein Symposium für Gerhard Neumann / Hg. von Ch. Lubkoll. Freiburg im Breisgau: Rombach. S. 83–110.
- Plumpe, G. 1990. Der tote Blick: Zum Diskurs der Photographie in der Zeit des Realismus. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Rabinbach, A. 1990. The Human Motor: Energy, Fatigue, and the Origins of Modernity. New York: Basic Books.
- Rosenthal, B. G. 1984. Wagner and Wagnerian Ideas in Russia. – Wagnerism in European Culture and Politics / Ed. by D. C. Large, W. Weber. Ithaca; London: Cornell University Press. P. 198–245.

- Ruehl, M. A. 2015. *The Italian Renaissance in the German Historical Imagination, 1860–1930*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sauerländer, W. 1983. *From Stilus to Style: Reflections on the Fate of a Notion*. – *Art History*. Vol. 6. No. 3. P. 253–270.
- Schall, J. J. 1989. *Rhythm and Art in Germany, 1900–1930*. Diss., The University of Texas at Austin.
- Schwartz, F. J. 1999. *Cathedrals and Shoes: Concepts of Style in Wölfflin and Adorno*. – *New German Critique*. No. 76: Special Issue on Weimar Visual Culture. P. 3–48.
- Smith, M. W. 2007. *The Total Work of Art: From Bayreuth to Cyberspace*. New York; London: Routledge.
- Svetlikova, I. 2013. *The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism*. New York: Palgrave Macmillan.

REFERENCES

- Aldanov, M. *Begstvo*. Berlin: Slovo, 1932.
- Anichkov, E. V. *Vesenniaia obriadovaia pesnia na Zapade i u slavian*. Pt. 2, *Ot pesni k poezii*. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1905.
- . *Iskusstvo i sotsialisticheskii stroi*. Saint Petersburg: Iakor', 1906.
- Bartlett, R. *Wagner and Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Bel'kind, E. L. "Blok – chitatel' J. Ruskin'a." In *Aleksandr Blok: Issledovaniia i materialy*, 101–24. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka". Leningradskoe otделение, 1991.
- Belyi, A. *Sobranie sochinenii*. Vol. 8, *Arabeski: Kniga statei. Lug zelenyi: Kniga statei*. Edited and annotated by L. A. Sugai. Edited by A. P. Poliakov, and P. P. Apyrshko. Moscow: Respublika; Dmitrii Sechin, 2012.
- . *Zhezl Aarona. Raboty po teorii slova 1916–1927 gg.* Prefaced, edited and annotated by E. V. Glukhova, and D. O. Torshilov. *Literaturnoe nasledstvo*, vol. 111. Moscow: IMLI RAN, 2018.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 16, *Nesobrannoe*. Pt. 1. Edited by A. V. Lavrov, and J. Malmstad. Moscow: Dmitrii Sechin, 2020.
- Berdiaev, N. *Smysl istorii: Opyt filosofii chelovecheskoi sud'by*. Berlin: Obelisk, 1923.
- Biblioteka A. A. Bloka: Opisanie*. Vol. 1. Edited by O. V. Miller, N. A. Kolobova, S. Ia. Vovina, and K. P. Lukirskaia. Leningrad: Biblioteka Akademii nauk SSSR, 1984.

- Bitsilli, P. "Fashizm i dusha Italii." *Sovremennye zapiski* 33 (1927): 313–36.
- . "Pokhvla muzyke." *Chisla* 5 (1931): 202–11.
- Blumberg, A. *Musica mundana i russkaia obshchestvennost': Tsikl statei o tvorchestve Aleksandra Bloka*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- . "Politika i mistika: 'Metamorfozy' v 'Katiline' Bloka." In *Acta Slavica Estonica*. Vol. 10. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, vol. 16, *Serebrianyi vek v russkoi literature i kul'ture kontsa 19 – pervoi poloviny 20 veka. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia Z. G. Mints*, 117–33. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2018.
- . "Eshche raz o 'spaseni prirody': Aleksandr Blok, Vladimir Solov'ev i poniatie 'kul'tury'." *Wiener Slavistisches Jahrbuch* 10 (2022): 92–113.
- . "Kontury odnoi traditsii: 'Ariets', 'semit' i priroda (Vokrug polemiki Aleksandra Bloka i Akima Volynskogo ob iudaizme Heine)." *Slavica Revalensia* 10 (2023): 48–115.
- Blok, A. *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 5, *Proza (1903–1917)*. Moscow and Leningrad: GIKhL, 1962.
- . *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 6, *Proza (1918–1921)*. Moscow and Leningrad: GIKhL, 1962.
- . *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 7, *Avtobiografiia (1915). Dnevnik (1901–1921)*. Moscow and Leningrad: GIKhL, 1963.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 5, *Stikhotvoreniia i poemy (1917–1921)*. Moscow: Nauka, 1999.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 7, *Proza (1903–1907)*. Moscow: Nauka, 2003.
- . *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 8, *Proza (1908–1916)*. Moscow: Nauka, 2010.
- Bourdieu, P. "Le marché des biens symboliques." *L'Année sociologique* 22 (1971): 49–126.
- Brain, R. *The Pulse of Modernism: Physiological Aesthetics in Fin-de-Siècle Europe*. Seattle: University of Washington Press, 2015.
- Bulgakov, S. "Pod znamenem universiteta." *Voprosy filosofii i psikhologii* 5 (85) (1906): 453–68.
- . "Na religiozno-obshchestvennye temy. 1. Srednevekovyi ideal i noveishaia kul'tura." *Russkaia mysl'* 1 (1907): 61–83.
- Burckhardt, Ia. *Kul'tura Italii v epokhu Vozrozhdeniia*. Translated by S. Brilliant. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd-vo M. V. Pirozhkova, 1904.

- Bücher, K. *Rabota i ritm: Rabochie pesni, ikh proiskhozhdenie, esteticheskoe i ekonomicheskoe znachenie*. Translated from the German by I. Ivanov. Edited by D. A. Koropchevskii. Saint Petersburg: Izdanie O. N. Popovoi, 1899.
- Cowan, M. "The Heart Machine: 'Rhythm' and Body in Weimar Film and Fritz Lang's Metropolis." *Modernism/modernity* 14, no. 2 (2007): 225–48.
- Durylin, S. *Richard Wagner i Rossiia: Wagner o budushchikh putiakh iskusstva*. Moscow: Musagetes, 1913.
- Ehrenburg, I. *A vse-taki ona vertitsia*. Moscow and Berlin: Helicon, 1922.
- El'zon, M. D. "Neosushchestvlennyi zamysel Viach. Ivanova." *Russkaia literatura* 2 (1993): 193–95.
- Gasparov, M. L. "Belyi-stikhoved i Belyi-stikhotvorets." In *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva. Stat'i, vospominaniia, publikatsii*, 444–60. Moscow: Sovetskii pisatel', 1988.
- Gippius, V. "Literaturnaia sueta." *Rech'*. April 1 (14), 1913.
- . "Sviatoe bespokoistvo." *Rech'*. May 15 (28), 1913.
- Glukhova, E. V. "'Ia, samozvanets, 'Orfei'..." (Orficheskaia mifologema v simvolistskoi srede)." In *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebrianogo veka: K 150-letiiu Vl. Solov'eva i 110-letiiu A. F. Loseva*, 248–54. Moscow: Nauka, 2005.
- Golston, M. *Rhythm and Race in Modernist Poetry and Science*. New York: Columbia University Press, 2008.
- Gombrich, E. H. *In Search of Cultural History*. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- Griakalova, N. Iu. "Ob odnoi reministsentsii u A. A. Bloka ('Mona Lisa' Leonardo da Vinci)." *Russkaia literatura* 2 (1987): 212–16.
- Gumilev, N. "Anatomiia stikhotvorenii." In *Drakon: Al'manakh stikhov*, 69–72. Petersburg: Izdanie Tsekha poetov, 1921.
- . *Pis'ma o russkoi poezii*. Prefaced by G. M. Fridlender. Edited and annotated by R. D. Timenchik. Moscow: Sovremennik, 1990.
- Gur'ianova, N. A. *Estetika anarkhii: Iskusstvo i ideologiia rannego russkogo avangarda*. Translated from the English by A. A. Rudakova. Rev. ed. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2025.
- Harrison, Th. J. 1910: *The Emancipation of Dissonance*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1996.
- Heine, G. *Polnoe sobranie sochinenii*. 6 vols. Vol. 1. Saint Petersburg: Izdanie A. F. Marksa, 1904.

- Hvattum, M. *Gottfried Semper and the Problem of Historicism*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Iur'eva, Z. "Mif ob Orfee v tvorchestve Andreia Belogo, Aleksandra Bloka i Viacheslava Ivanova." In *American Contributions to the Eighth International Congress of Slavists (Zagreb and Ljubljana, September 3–9, 1978)*. Vol. 2, *Literature*. Edited by V. Terras, 779–99. Columbus, OH: Slavica Publishers, 1978.
- Ivanov, Viach. "Orpheus." *Trudy i dni* 1 (1912): 60–63.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 3. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1979.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 4. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1987.
- . *Po zvezdam: Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy*. Vol. 1, *Teksty*. Edited by K. A. Kumpan. Saint Petersburg: Pushkinskii Dom, 2018.
- . *Po zvezdam: Opyty filosofskie, esteticheskie i kriticheskie. Stat'i i aforizmy*. Vol. 2, *Primechanii*. Edited by K. A. Kumpan. Saint Petersburg: Pushkinskii Dom, 2018.
- Ivanova, E. 2020. *Ianvarskaia trilogiia Aleksandra Bloka: "Intelligentsiia i revoliutsiia," "Dvenadtsat'," "Skify"*. Moscow: Ruthenia.
- Jaques-Dalcroze, E. *Ritm, ego vospitatel'noe znachenie dlia zhizni i dlia iskusstva: Shest' lektsii*. Translated by N. Gnesina. Saint Petersburg: Izdanie zhurnala "Teatr i iskusstvo," 1913.
- Kukushkina, V. "Diskussii o ritme v krugu izdatel'stva 'Musaget': K retseptsii traktatov Richard'a Wagner'a v russkom modernizme." In *Studia Slavica*. Vol. 17, 9–22. Tallinn: [Tallinna Ülikooli Humanitaarteaduste Instituut], 2019.
- Livak, L. *In Search of Russian Modernism*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018.
- Lubkoll, Ch. "Rhythmus: Zum Konnex von Lebensphilosophie und ästhetischer Moderne um 1900." In *Das Imaginäre des Fin de siècle: Ein Symposium für Gerhard Neumann*. Edited by Ch. Lubkoll, 83–110. Freiburg im Breisgau: Rombach, 2002.
- Obatnin, G. *"Ispravlennoe i dopolnennoe": Stat'i o russkoi literature*. Slavica Helsingiensia, vol. 50. Helsinki: [Department of Language, Faculty of Arts, University of Helsinki], 2022.
- Obatnin, G. V. and K. Iu. Postoutenko. "Viacheslav Ivanov i formal'nyi metod (materialy k teme)." *Russkaia literatura* 1 (1992): 180–87.

- Pertsov, P. *Venetsiia*. Saint Petersburg: Tipo-litografiia "Gerol'd," 1905.
- Pil'shchikov, I. A. and A. B. Ustinov. "Moskovskii Lingvisticheskii Kruzhok i stanovlenie russkogo stikhovedeniia (1919–1920)." In *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Stanford Slavic Studies, vol. 50, 389–413. Berlin: Peter Lang, 2020.
- Plumpe, G. *Der tote Blick: Zum Diskurs der Photographie in der Zeit des Realismus*. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1990.
- Poletaev, E. and N. Punin. *Protiv tsivilizatsii*. Petersburg: 4-ia Gosudarstvennaia tipografiia, 1918.
- Rabinbach, A. *The Human Motor: Energy, Fatigue, and the Origins of Modernity*. New York: Basic Books, 1990.
- Rizzi, D. "Richard Wagner v russkom simbolizme." In *Serebrianyi vek v Rossii: Izbrannye stranitsy*, 117–36. Moscow: Radix, 1993.
- Rosenthal, B. G. "Wagner and Wagnerian Ideas in Russia." In *Wagnerism in European Culture and Politics*. Edited by D. C. Large, and W. Weber, 198–245. Ithaca and London: Cornell University Press, 1984.
- Ruehl, M. A. *The Italian Renaissance in the German Historical Imagination, 1860–1930*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Ruskin, J. *Iskusstvo i deistvitel'nost' (Izbrannye stranitsy)*. Translated by O. M. Solov'eva. Moscow: Tipo-litografiia T-va I. N. Kushnerev i K°, 1900.
- Sabaneev, L. "Ritm. Vvedenie." In *Melos: Knigi o muzyke*. Edited by I. Glebov, and P. P. Suvchinskii. Vol. 1, 35–72. Saint Petersburg: Sinodal'naia tipografiia, 1917.
- Sauerländer, W. "From Stilus to Style: Reflections on the Fate of a Notion." *Art History* 6, no. 3 (1983): 253–70.
- Savina, A. D. and Ia. D. Chechnev. "Zasedanie pamiati A. A. Bloka vo 'Vsemirnoi literature' 26 avgusta 1921 goda." *Russkaia literatura* 3 (2023): 178–95.
- Schall, J. J. *Rhythm and Art in Germany, 1900–1930*. PhD diss., The University of Texas at Austin, 1989.
- Schwartz, F. J. "Cathedrals and Shoes: Concepts of Style in Wölfflin and Adorno." *New German Critique* 76, *Special Issue on Weimar Visual Culture* (1999): 3–48.
- Shletser, B. "Konsonans i dissonans." *Apollon* 1 (1911): 54–61.
- Shpet, G. *Esteticheskie fragmenty*. Vol. 1. Petersburg: Kolos, 1922.
- Smith, M. W. *The Total Work of Art: From Bayreuth to Cyberspace*. New York and London: Routledge, 2007.

- Svetlikova, I. *The Moscow Pythagoreans: Mathematics, Mysticism, and Anti-Semitism in Russian Symbolism*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
- . “‘Mest’ Kopernika’: Kommentarii k poeme A. Bloka ‘Vozmezdie’.” *Die Welt der Slaven* 60, no. 2 (2015): 300–18.
- . “Andrei Belyi o ritme ‘Mednogo vsadnika’.” *Revue des études slaves* 88, no. 1–2 (2017): 205–19.
- . “Orfizm v ‘Musagete’.” *Revue des études slaves* 89, no. 4 (2018): 599–606.
- . “Orfizm i kinematograf: Zametki o ‘Peterburge’ Andreia Belogo.” In *Istoriia iskusstva i otvergnutoe znanie: Ot germeticheskoi traditsii k 21 veku. Sbornik statei*. Edited by E. A. Bobrinskaia, and A. S. Korndorf. Translated from the English by A. A. Zubov, 308–20. Moscow: Gosudarstvennyi institut iskusstvovoznaniia, 2018.
- Svetlikova, I., V. Kukushkina, P. Iushin and M. Fesenko. “Protiv geliotsentrizma: ‘Miry’ Aleksandra Bloka i retseptsii kosmologii Novogo vremeni.” *Wiener Slawistischer Almanach* 91 (2023): 35–114.
- Szilárd, L. *Germetizm i germenevtika*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2002.
- Tasteven, G. “Voina i Frantsiia.” *Russkaia mysl'* 7 (1915): 22–38.
- Timenchik, R. D. *Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka*. Jerusalem and Moscow: Gescharim; Mosty kul'tury, 2008.
- . “Iz Imennogo ukazatel'ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” In *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo. Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Edited by G. M. Temnenko. Vol. 9, 109–45. Sympheropolis: Krymskii Arkhiv, 2011.
- Tomashevskii, B. “Piatistopnyi iamb Pushkina.” In *Ocherki po poetike Pushkina*, 7–143. Berlin: Epokha, 1923.
- Trotskii, L. *Literatura i revoliutsiia*. Moscow: GIZ, 1924.
- . *Stalin*. Vol. 1. Moscow: Terra, 1990.
- Tugendkhol'd, Ia. *Problemy i kharakteristiki: Sbornik khudozhestvenno-kriticheskikh statei*. Petrograd: Apollon, 1915.
- Tynianov, Iu. N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino*. Moscow: Nauka, 1977.
- Vaisband, E. *Umerennyi polius modernizma: Kompleks Orfeia i translatio studii v tvorchestve V. Khodasevicha i O. Mandel'shtama*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2025.
- Vol'fing [E. K. Metner, pseud.]. *Modernizm i muzyka: Stat'i kriticheskie i polemicheskie (1907–1910)*. Moscow: Musagetes, 1912.

Volkonskii, S. "Chelovek i ritm: Sistema i shkola Zhaka Dal'kroza." *Apollon* 6 (1911): 33–50.

—. "Ritm v istorii chelovechestva." *Ezhegodnik imperatorskikh teatrov* 3 (1912): 1–13.

Wagner, R. *Iskusstvo i revoliutsiia*. Translated and prefaced by I. M. Ellen. Saint Petersburg: Elektropechatnia Ia. Levenshteina, 1906.

Zhirmunskii, V. *Vvedenie v metriku: Teoriia stikha*. Voprosy poetiki, vol. 6. Leningrad: Academia, 1925.

Zimmel', G. "Poniatie i tragediia kul'tury." *Logos* 2–3 (1911–12): 1–25.

ОБЕЗЬЯНЫИ ПИСЬМЕНА И ЗАГАДОЧНЫЕ «ЧИГАНАШКИ» (ОБ ОДНОМ АНЕКДОТЕ ИЗ БИОГРАФИИ А. М. РЕМИЗОВА)

С. Н. Доценко

(Таллинн)

Биография писателя А. М. Ремизова во многом складывается из анекдотов, которые мы находим как в его мемуарно-автобиографических книгах («Ахру», «Кукха», «Взвихренная Русь», «Учитель музыки», «Петербургский буерак», «Иверень», «Мышкина дудочка», «Мерлог»), так и в мемуарах его современников. При этом анекдоты в биографии Ремизова не есть что-то случайное, периферийное, без чего его биография как писателя могла бы обойтись. Создавая свою биографию, Ремизов сознательно ориентируется преимущественно на биографию-анекдот. В данном случае речь идет о типе биографии, который, как отметил Ю. М. Лотман, стал возникать еще в XIX в.:

Нормы биографии писателя складывались постепенно. В XVIII в. первый шаг внесения биографии писателя в культуру состоял в уравнивании его с государственным служащим. В этом отношении тяготение первых писательских биографий в России к стереотипам послужного списка не было недостатком или результатом «незрелости» их составителей, а вытекало из осознанной позиции. Однако существовала и противоположная тенденция, выразившаяся в циклизации вокруг имен выдающихся писателей анекдотических рассказов, складывающихся в целостный биографический миф (Лотман 1992: 373).

При этом Ю. М. Лотман склонен относить анекдотические биографии к разряду псевдобиографий¹. Но в случае с Ремизовым дело

¹ См.: «Потребность сохранить биографию того, кто в данной системе занял место “человека с биографией”, – культурный императив. Она приводит к рождению в ряде случаев мифологических, анекдотических и тому подобных псевдобиографий. Она

обстоит иначе – его анекдотическая *par excellence* биография претендует на статус истинной биографии. Сам Ремизов важную роль анекдота – в понимании его как личности – определил в разговоре с Н. Кодрянской: «А моя сущность? Только создавая легенду, сказку, можно объяснить существо человека» (Кодрянская 1959: 89)². Именно поэтому, создавая свою житейскую и одновременно писательскую биографию, Ремизов строит ее в значительной степени на анекдотах³. Анализ одного из таких анекдотов будет предметом нашей статьи.

В мемуарной книге «Петербургский буерак» Ремизов, вспоминая свою жизнь в Петрограде в годы революции, рассказывает анекдот:

Был случай, обезьянья палата держалась на ниточке.

Обезьянье делопроизводство велось не на кириллице, всем понятной, на ней пишут книги и прошения, а на «глаголице», о которой редко кто слышал.

При обыске обратили внимание на фигурки – ничего понять невозможно. Сам нарком по просвещению Луначарский не понимает! Будь это в Москве, с Каменевым легко поладить, но в Петербурге Зиновьев. Пришлось подымать Горького и научить его ответу. И Горький объяснил Зиновьеву, что фигурки – глаголица, а глаголица не шифр, не криптография, тайнопись, а буквы нашей первой

же рождает сплетни и спрос на мемуарную литературу. В этом отношении особенно характерна легкость, с которой эпические, новеллистические, киноповествовательные и прочие тексты подобного рода склонны циклизироваться, склеиваться в квазибиографии и превращаться для аудитории в биографическую реальность» (Лотман 1992: 367–368).

² В культурной системе XIX–XX вв. понятия «легенда», «сказка», «анекдот» становятся понятиями, сходными не только типологически, но и функционально. Особенно это верно применительно к А. Ремизову, который осознанно стремился стереть различия между *легендой о писателе* и *анекдотом о писателе*.

³ См., например, вывод исследовательницы А. д'Амелии о том, как А. Ремизов свой быт превращал в легенду: «Учитель музыки» и *есть та легенда, в которую превращает Ремизов свой парижский быт*: постоянная нехватка денег, утомительные поиски квартиры, переезды с одного места на другое, беседы и ссоры с консьержками и соседями, изобретение фантастических занятий, сулящих богатство, неудачные поездки на отдых – все, что так отравляет ежедневную жизнь человека, становится материалом «творимой легенды» писателя» (д'Амелия 2002: 461; курсив мой. – С. Д.). Подробнее об автобиографическом мифе А. Ремизова см. также: Доценко 1994: 33–40; Доценко 2003: 43–53; Доценко 2006: 102–138; Доценко 2007: 107–117.

азбуки. «Наша первая азбука, – сказал Горький, – глаголица, ученые думают, ее, а не кириллицу изобрели первоучители славянские, святые Кирилл Философ и Мефодий» (Ремизов 2003: 256).

Этот анекдот известен также из рассказа М. Горького, который записал К. Федин:

<...> Горький рассказывал мне однажды:

– В году восемнадцатом, когда вокруг, знаете ли, пенилось от событий, ночью зовут меня к телефону. Некий матрос, видите ли, непременно желает со мной разговаривать. Подхожу. Голос такой серьезный: «<...> Нам, говорит, вот тут понадобилась справочка. Мы сейчас в одном доме на Троицкой обыск делаем, так попали в комнату – ничего понять не можем: с потолка чегонашки разные свешиваются, картонные, а то – шерстяные, на стенках – ведьмаки да лешие, письма в закорючках, может, научные, не разберешь. И хозяин сам – не то колдун, не то домовый, а говорит – я, дескать, писатель. Застали его – он из раскрашенных бумажек бесенят клеит...» – «Постойте, говорю, фамилия его не Ремизов ли?» Матрос даже повеселел: «Значит, он вам и правда знаком? А мы, говорит, не поверили, что вы его знаете. Неужели он – писатель?» – «Да, говорю, и притом писатель известный, выдающийся». – «А мои братаны, говорит, попутались, как его увидели, думали – он не в своем уме». – «Именно, говорю, в своем, только ум у него чудак». – «Как же с ним быть?» – «Оставьте его в покое». – «А с чертями что теперь делать? – спрашивает. – Неудобно как-то». – «И чертей, говорю, оставьте в неприкосновенности». – «Всех?» – «Всех до одного» (Федин 1968: 111–112).

Версия анекдота, автором которой является Горький, несколько отличается от ремизовской версии. Во-первых, у Ремизова акцент сделан на подозрительных буквах глаголической азбуки («письмена в закорючках»), тогда как у Горького акцент сделан на странных «фигурках» – висящих в кабинете писателя Ремизова «чегонашках». Во-вторых, фабула анекдота тоже различается. Фабула анекдота в версии Горького такова: в квартире Ремизова на ул. Троицкой в Петрограде проходит обыск, и матросы приходят в недоумение от увиденных

«чертей», «ведьмаков да леших», которые развешаны по комнате⁴. Затем они узнают, что жилец («не то колдун, не то домовой») называет себя писателем Ремизовым, но не могут в это поверить и, вероятно, по просьбе самого Ремизова звонят по телефону Горькому. Последний подтверждает, что Ремизов – действительно известный писатель, хотя и необычный, и что писателя Ремизова надо оставить в покое, а его «чертей» («чегонашек») – «оставить в неприкосновенности».

Прежде всего надо уточнить место и время этого казуса с обыском. В 1917–1920 гг. Ремизов с женой, С. П. Ремизовой-Довгелло, жил в Петрограде по адресу: Васильевский остров, 14-я линия, д. 31, кв. 48. А в доме на ул. Троицкой (д. 4, кв. 1), который упомянут в мемуаре Федина, Ремизовы жили позднее, уже в 1920–1921 гг.⁵ Некоторые мемуаристы иногда путают эти два последних петроградских адреса Ремизова. Так, в мемуарах Ю. Анненкова читаем:

Но Ремизова или, вернее, Ремизовых я знал еще в период Первой мировой войны и в первые годы революции, в Петербурге. Я помню комнатку Алексея Михайловича в их квартирке на Троицкой улице, недалеко от ее впадения в Невский проспект, где на одном углу помещалась булочная и кофейная Филиппова, а на противоположном – ресторан-бар Квисисана (Анненков 1991: 199).

Очевидна ошибка Ю. Анненкова: в первые годы революции супруги Ремизовы жили не на ул. Троицкой, а на 14-й линии Васильевского

⁴ Колоритное описание ремизовских зверюшек и чудищ приводит И. Одоевцева (со слов Н. Гумилева): «Через всю комнату протянута веревка, как для сушки белья. “Они” – то есть Кикимора и прочая нечисть – все пристроены на ней. А за письменным столом сидит Алексей Михайлович, подвязав длинный хвост. Без хвоста он и писать не садится. Не верите? А я сам видел! <...> Ремизов сидит за столом, спиной ко мне, размахивая хвостом справа налево, слева направо. На табурете сидит, хвост высоко равномерно взлетает в воздух, будто мух отгоняет. А на веревке Кикимора и вся нечисть пляшут, кувыркаются. Я понял – вдохновение снизошло» (Одоевцева 1988: 210). Об игрушках («чудищах») А. Ремизова см. также: Кожевников 1910: 2; Измайлов 1911: 10–11; Грачева 1997: 185–215 (в статье А. Грачевой на с. 209–210 опубликована «Опись зверюшек и чудищ музея А. М. Ремизова»).

⁵ В квартиру на ул. Троицкая, д. 4 («Первый отель Петросовета») Ремизовы переехали в конце июня 1920 г. (см.: Обатнина 2018: 10–11).

острова, д. 31, кв. 48 (где у Ремизовых, кстати, был телефон). В пользу квартиры на Васильевском острове указывает и другое обстоятельство: именно в этой квартире была настенная роспись, включавшая текст, написанный большими глаголическими буквами⁶, поэтому матросы, пришедшие в квартиру Ремизова с обыском, могли увидеть те самые глаголические «письмена в закорючках» прямо на стене комнаты.

В версии анекдота, представленной в книге Ремизова «Петербургский буерак», фабула несколько иная – появляется мотив, которого нет в мемуарном рассказе Горького: якобы Ремизов сам позвонил Горькому, чтобы тот объяснил Г. Е. Зиновьеву, что глаголица – это не шифр или криптография, а первая славянская азбука, созданная Кириллом и Мефодием. То есть Горький объясняет это уже не матросам, которые пришли с обыском к Ремизову, а «петроградскому диктатору» (Изгоев 2017: 419) Зиновьеву, председателю Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Тогда выходит, что именно Ремизов научил Горького ответу на вопрос о том, что на самом деле означают загадочные «письмена в закорючках» (буквы глаголицы). В версии анекдота, рассказанной самим Ремизовым, досталось не только Зиновьеву, но и попутно наркомун просвещения Луначарскому, который также якобы не понимал, что это за «письмена в закорючках».

Необходимо уточнить: в каком именно году мог произойти этот анекдотический казус с глаголицей? Документально подтверждается факт ареста Ремизова (и обыска в его квартире⁷) не в 1918 г. (как следует из рассказа Горького), а в 1919 г., о чем Ремизов вспоминал в книге «Взвихренная Русь» в «Донесении старейшему князю обезьяньему Павлу Елисеевичу Щеголеву», написанном в духе

⁶ Фотографии этой настенной росписи см.: Алексей Ремизов 1994: 192–193 (илл. на вкладках; там же – две фотографии игрушек А. Ремизова, висящих на веревочках в комнате писателя).

⁷ 14 февраля 1919 г. Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией Союза Коммун Северной области выписала ордер следующего содержания: «Произвести обыски и аресты проживающих в пределах Петрограда» (см.: Белоус 1996: 18). На основании этого ордера проводились аресты и обыски у всех, кто привлекался по «Делу левых социалистов-революционеров», в том числе и у А. Ремизова.

ремизовской игры-мистификации в Обезьянью Великую и Вольную Палату (Обезвөлволпал). Этот мемуарный текст является своего рода прототипом анекдота про глаголицу, из-за которой чуть не погибла «обезьянья палата»:

В ночь на Сретение, в великую метель и вьюгу по замыслу нечистой силы или от великого ума человеческого, произведен был обыск в Обезьянней-великой-и-вольной-палате и забран б. канцелярист обезвөлволпала. И в ту же ночь той же участи подверглись три обезьянних кавалера – К. С. Петров-Водкин, А. З. Штейнберг и М. К. Лемке; а на Карповке взят епископ обезьянский Замутий (в мире князь обезьянский Евг. Замятин), а на Забалканском кавал. обеззн. К. А. Сюннерберг-Эрберг, а на Загородном председатель (и не обезьянней) – Книжной Палаты С. А. Венгеров. Поименованные: Сюннерберг-Эрберг, епископ Замутий и председатель Венгеров, допрошенные на Гороховой, отпущены по домам, причем во время допроса у одного из потерпевших съедены были котлеты, хранящиеся на случай в портфеле –

«точно не знал, что места сии обитаемы разбойниками!»

На следующий день к ночи захвачен был кавал. обеззн. А. А. Блок, а другой кавал. Р. В. Иванов-Разумник отправлен со Шпалерной из Предварилки на Москву.

Полутору по обедне через обезьяньего зауряд-князя было донесено о ночном происшествии в обезвөлволпале Алексею Максимо-вичу Горькому, и что делать: не вышло бы какой беды – написаны обезьянни грамоты на глаголице! – а на глаголице и такие ученые, как Пинкевич, и даже сам Н. Н. Суханов не понимает! А гулявший последние часы на свободе А. А. Блок, несмотря на праздничный день, проник во Дворец к самому наркому А. В. Луначарскому с жалобой на обезьянню неприкосновенность обезвөлволпала.

Так было ликвидировано, как говорится, восстание «левых с-р-ов» в Петербурге (Ремизов 2000: 208–209)⁸.

⁸ О так называемом «заговоре левых эсеров» в 1919 г. см. также: Иванова 1992: 89–92; Белоус 1996: 17–23.

Отметим, что в «Донесении старейшему князю обезьяньему...» встречаются мотивы, которые есть и в двух уже упомянутых версиях анекдота о глаголице:

- 1) подчеркиваемая Ремизовым связь обысков и арестов в феврале 1919 г. с «обезьяньей палатой» (Обезвельволпалом), причем из «Донесения старейшему князю обезьяньему...» явно следует, что эти аресты якобы преследовали прежде всего князей и кавалеров Обезвельволпала⁹;
- 2) упоминание Горького и наркома Луначарского в качестве тех влиятельных лиц, которые могли бы спасти «обезьянью палату»;
- 3) упоминание глаголицы, которая вызвала подозрение у петроградской ЧК («не вышло бы какой беды – написаны обезьяньи грамоты на глаголице!» – Ремизов 2000: 209) и которую «такие ученые, как Пинкевич, и даже сам Н. Н. Суханов не понимает!» (Ремизов 2000: 209).

Но кто такие ученые Пинкевич и Н. Н. Суханов? А. П. Пинкевич (1884–1937) – это революционер, меньшевик, сотрудник Наркомпроса, в мае 1918 г. Пинкевич возглавил Совет экспертов по народному образованию при Наркомпросе. В 1923 г. Пинкевич стал членом РКП(б), затем стал первым ректором Государственного педагогического института им. А. И. Герцена (1918–1920) и Уральского государственного университета (1920–1921), позднее стал ректором 2-го МГУ (1926–1930). В 1937 г. Пинкевич был репрессирован (см.: Главацкий 1993: 250–251). Н. Н. Суханов (1882–1940) – это тоже революционер, меньшевик-интернационалист, экономист. Редактор ежедневной с.-д. газеты «Новая жизнь» (в 1917–1918 гг.). После Октябрьской революции Суханов был членом ВЦИК, но в июне 1918 г. был исключен из ВЦИК вместе с другими меньшевиками и эсерами. Автор мемуарных «Записок о революции» (см.: Суханов 1919–1923). В 1937 г. Суханов был репрессирован, расстрелян в 1940 г.

⁹ О влиянии революционных событий 1917–1920 гг. на историю Обезвельволпала см. также: Доценко 1997: 305–320.

(см.: Корников 1993: 311–312)¹⁰. Пинкевич и Суханов, не разбирающиеся в глаголице, здесь оказываются в той же роли, в которой затем выступают Зиновьев и Луначарский – в версии анекдота, которая вошла в мемуарную книгу Ремизова «Петербургский буерак».

Следует заметить, что хронологически «Донесение старейшему князю обезьяньему...» предшествует ремизовскому же анекдоту о глаголице, из-за которой якобы чуть не погибла «обезьянья палата»: «Донесение старейшему князю обезьяньему...» впервые было опубликовано в главе «Лошадь из пчелы» книги «Взвихренная Русь» (см.: Ремизов 1926: 3–15), тогда как анекдот о глаголице, вошедший в книгу «Петербургский буерак», впервые был опубликован в главе «Петербургская русалия» книги «Пляшущий демон» (см.: Ремизов 1949: 52–59). В «Донесении старейшему князю обезьяньему...» основные мотивы анекдота еще только намечены: мотив глаголицы (как некоего тайного шифра) лишь обозначен, роль «ученых», не знающих о глаголице, отдана Пинкевичу и Суханову (замененным в книге «Петербургский буерак» на Луначарского и Зиновьева), да и главный мотив (спасение «обезьяньей палаты») еще не акцентирован. Сопоставляя эти две версии, мы получаем возможность наблюдать сам процесс возникновения и складывания ремизовского анекдота.

Рассказ Горького примечателен также тем, что в нем появляется странное слово «чегонашки». В известных словарях русского языка, включая «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, такого слова нет. Можно предположить, что у Горького использовано какое-то диалектное слово. И действительно, оно встречается в диалекте Среднего Поволжья. В мемуарах Федина оно, впрочем, отражено неточно: правильно будет не «чегонашки», а «чиганашки»¹¹. Так

¹⁰ Н. Н. Суханов упоминается в одном из снов А. Ремизова в книге «Взвихренная Русь»: «<...> Иванов-Разумник написал какую-то статью, статья очень понравилась Шестову. Я об этом рассказываю Иванову-Разумнику. Мы в Москве, в лавке, я жду лимона. А мне дают брусничной эссенции. <...> А по улице и всё верхом на конях гимназисты. – – приехал к нам из Петербурга Н. Н. Суханов с докладом. Он очень помятый и встрепанный, все на часы смотрит: боится опоздать» (Ремизов 2000: 117).

¹¹ Возможно, что К. Федин, воспроизводя рассказ М. Горького, неверно записал на слух слово «чиганашки», а зафиксированная им версия этого малопонятного слова («чегонашки») представлялась ему, вероятно, более осмысленной. Впрочем,

в диалекте Среднего Поволжья называли русалку: «В Ульяновском Присурье помимо термина “русалка” для данных персонажей существуют названия “шутовка”, “чиганашка”, “лешенька»» (Сафронов, Морозов 2012: 118). «Чиганашки» как представители «нежити разноросортной» упомянуты в рассказе А. Аверченко «Несколько слов по поводу этого, которое» (1920):

Много всякого выползло, вышагнуло, выпрыгнуло и закружилось около путника в безумном хороводе: незакопанные покойники с веревкой на шее, вурдалаки, нежить разноросортная, синие некрещенные младенцы с огромными водяночными головами и тонкими цепкими лапками, похожие на пауков, – шишиги, упыри, *чиганашки* – все, что неразборчивая и небрезгливая ночь скрывает в своих темных складках (Аверченко 2014: 5; курсив мой. – С. Д.).

Ранее слово «чиганашки» промелькнуло в путевом очерке «Финикия» А. М. Федорова (1868–1949)¹²:

Это в первый раз я заметил со стороны русского мужика не деликатное отношение к чужой религии. Самое большее, что проявлялось в этих случаях к иноверцам – сожаление.

– Ведь вот, – говорит мне старик из Самарской губернии, – сколько народу пропасть должно!

Он с сокрушением кивает головой на черных арабов-лодочников и на этот цветущий берег, где живут такие же черные люди, и вздыхает на них.

– Почему же пропасть?

– А как же. В нашего Бога не веруют. Тут молись – не молись своему Богу – греху не поможешь. Да и слыхано ли дело, чтобы таких черномордых да в Царство Небесное пускали. Чистые *чиганашки*, прости Господи (Федоров 1912: 114; курсив мой. – С. Д.).

в диалектологических исследованиях встречаются различные версии написания этого слова: «чиганашки», «чеганашки» или «чаганашки» (см.: Сафронов 2012: 450). См. также: Корепова 2007: 91.

¹² О писателе А. М. Федорове см. также: Литературная энциклопедия 1939: 678; Чертков 1972: 912; Аникеева 2019: 409–412.

Словом этим здесь у Федорова названы темнокожие арапы (эфиопы). А поскольку в народном сознании «арап» («мурин», «эфиоп») устойчиво отождествлялся с чертом (бесом)¹³, можно сделать вывод, что в данном случае слово «чиганашки» – синоним слова «черти» (тогда как в диалекте оно могло обозначать и всякую другую нечистую силу). Отметим также, что в очерке Федорова это слово появляется в устах русского мужика из Саратовской губернии, т. е. выходца из Среднего Поволжья¹⁴.

В 1908 г. это слово («чиганашки») появится в подписи к шаржированному портрету Ремизова, который напишет художник Ре-Ми (Н. В. Ремизов):

Специалист по чертям. Среди нежити чувствует себя, как дома. Шишигу от *чиганашки* различает с первого взгляда. Занят составлением монографии о кикиморах. Если на том свете попадет в рай – будет чувствовать себя прескверно. Любимый герой его – бес Аратырь (Ре-Ми 1908: 12; курсив мой. – С. Д.).

*

Глаголица в документах «обезьяньей палаты» Ремизова породила еще один курьезный случай, о котором мы узнаем из мемуарного рассказа М. В. Безродного, одного из первых исследователей творчества писателя:

В 1975 году Лотман помешал сделать открытие и тем спас от профессионального позора. Местом действия был рукописный отдел

¹³ Ср.: «Мурин (иноск.) – “нечистый”» (Михельсон 1912: 445).

¹⁴ Сам писатель А. М. Федоров – уроженец Саратова, так что слово «чиганашка» могло быть ему хорошо знакомо. В его романе «Степь сказала» (1897) оно встречается в значении «леший»: «Едва он вышел, Груня, красная, как пион, вышла из угла и через силу произнесла сквозь смех: – Ой, батюшки! Даже в животе закололо. Чистый *чиганашка* леший, прости, господи, – и опять залилась смехом» (Федоров 1981: 223; курсив мой. – С. Д.). См. также в рассказе «Святая душа» (1896) А. Н. Будищева, еще одного уроженца Саратовской губернии: «Грешник, грешник, грешник! – восклицает бродяга шипящим голосом и подскакивает на лавке. – Посадят тебя на том свете на горячую сковородку, да сеном-то и обложат, да и подожгут! И сбегутся к тебе со всех сторон шишиги хвостатые, *чиганашки красноглазые*, ведьмы зеленобрюхие <...>» (Будищев 1901: s. p.; курсив мой. – С. Д.).

Библиотеки Ленина, сотрудники коего чудесным образом выдали на просмотр ремизовские «обезьяньи грамоты». Чудесным даже вдвойне, потому что: 1) рукописи выдали первокурснику – правда, в направлении от Тартуского университета указывалось просто: «студенту филологического факультета», и 2) выдали рукописи эмигранта, в то время не изучавшегося вовсе, – правда, в упомянутой бумаге тема занятий была сформулирована довольно хитроумно: «Горький и Ремизов – борцы с мещанской идеологией». Вписать Горького и борьбу посоветовала Зара¹⁵; с помощью этого мандата предполагалось составить общее представление об объеме и характере ремизовского наследия в крупных столичных архивах. Бдительное начальство рукописных отделов Публичной библиотеки и Пушкинского Дома в знакомстве с манускриптами идейного борца отказало без колебаний и объяснений, а вот москвичи повели себя легкомысленно.

Это были первые в жизни Настоящие Рукописи, и хотелось тут же «привычно вооружиться лупой», но почерк оказался до обидного разборчивым. Зато закорючки на печатях Обезьяньей Палаты напоминали «пляшущих человечков»¹⁶, т. е. наверняка являли собою буквы придуманного Ремизовым алфавита. Хмель тайны ударил в юную голову, в воздухе запахло изысканнейшей из пряностей – лаврами Шампольона, и дистрибутивный анализ начался. Уже были определены словоразделы, выдвинута и отвергнута гипотеза об использовании консонантного письма, когда в рукописном отделе появился Лотман.

– Здравствуйте, коллега, – молвил он учтиво. – Отрадно видеть, что наши студенты даже каникулярное свое время отдают труду в библиотеке. Чем занимаетесь? – и, с любопытством заглянув в составляемые таблицы, придал голосу сверхпочтительную

¹⁵ Зара – З. Г. Минц (1927–1990), профессор Тартуского государственного университета, научный руководитель М. В. Безродного. В 1977 г. была опубликована первая статья Безродного о творчестве А. Ремизова «Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова» (см.: Безродный 1977: 98–109).

¹⁶ Отсылка к рассказу Артура Конан Дойла «Пляшущие человечки» (1903), в котором упоминается загадочный шифр с использованием изображений пляшущих человечков.

модуляцию: – О, глаголицу разбираете! Что ж, успехов, не буду мешать (Безродный 1996: 58–59).

Последний анекдот (уже из научной биографии М. В. Безродного) демонстрирует способность писателя Ремизова создавать своеобразное «анекдотическое пространство» вокруг своей личности не только при жизни, но и после смерти¹⁷. Иными словами, Ремизов сумел запустить механизм мифотворчества, который продолжает работать и без его непосредственного участия, и тогда создателями (и персонажами) новых анекдотов о нем становятся лица, которые так или иначе причастны к его биографии и творчеству.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверченко А. Т. 2014. Собр. соч.: В 13-ти тт. Т. 12: Рай на земле / Сост., подготовка текста С. С. Никоненко. Комментарии В. Д. Миленко и С. С. Никоненко. М.: Издательство «Дмитрий Сечин».
- Алексей Ремизов 1994. Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин».
- Аникеева Ю. Н. 2019. Федоров Александр Митрофанович. – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 6. М.; СПб.: Большая российская энциклопедия; Нестор-История. С. 409–412.
- Анненков Ю. 1991. Дневник моих встреч: Цикл трагедий. Т. 1. Л.: Издательство «Искусство». Ленинградское отделение.
- Безродный М. 1977. Генезис лейтмотивов у А. М. Ремизова. – Сборник трудов СНО филологического факультета. Русская филология. [Вып.] V. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 98–109.
- Безродный М. В. 1996. Конец цитаты. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Белоус В. Г. 1996. Александр Блок в «Деле левых социалистов-революционеров»: По материалам архива ФСБ (СПб.). – Иванов-Разумник: Личность. Творчество. Роль в культуре: Сборник статей по материалам конференции «Иванов-Разумник (1878–1946). Личность. Творчество.

¹⁷ Примечательно в этой связи наблюдение И. Одоевцевой: «Легенды о том или ином человеке обыкновенно возникают после его смерти. Но Ремизову удалось самому создать легенду о себе. Другие, конечно, помогали ему в этом, разнося слухи и сплетни. И он этому очень радовался» (Одоевцева 1988: 210).

- Роль в культуре» (Царское Село. 16–17 марта 1996 г.). СПб.: Глаголь. С. 17–23.
- Будищев А. Н. 1901. Разные понятия: Двадцать рассказов. СПб.: Издание А. С. Суворина.
- Главацкий М. Е. 1993. Пинкевич Альберт Петрович. – Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия. С. 250–251.
- Грачева А. М. 1997. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом (Статья первая. Судьба ремизовского «музея игрушек»). – Русская литература. № 1. С. 185–215.
- Д’Амелия А. 2002. «Автобиографическое пространство» Алексея Ремизова. – Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9: Учитель музыки: Каторжная идиллия. М.: Русская книга. С. 449–464.
- Доценко С. Н. 1994. «Автобиографическое» и «апокрифическое» в творчестве А. Ремизова. – Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин». С. 33–40.
- Доценко С. 1997. Обезвельволпал А. М. Ремизова как зеркало русской революции. – *Europa Orientalis*. [Vol.] XVI. N° 2. P. 305–320.
- Доценко С. 2003. «И к злодеям причтен»: Тема предательства в поэме А. Ремизова «Иуда». – Алексей Ремизов: Исследования и материалы = *Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti* / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д’Амелия. СПб.; Салерно: *Europa Orientalis*; *Puskinskij Dom*. С. 43–53.
- Доценко С. 2006. «Библией мух бьете!»: Автобиографический миф А. Ремизова. – Блоковский сборник. [Вып.] XVII: Русский модернизм и литература XX века. Тарту: *Tartu Ülikooli Kirjastus*. С. 102–138.
- Доценко С. Н. 2007. А. М. Ремизов и Ф. М. Достоевский: Поэтика палимпсеста. – Русская литература. № 4. С. 107–117.
- Иванова Е. 1992. Об аресте Александра Блока в 1919 году. – Филологические науки. № 4. С. 89–92.
- Изгоев А. С. 2017. Рожденное в революционной смуте. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- [Измайлов А. А.] 1911. В волшебном царстве: А. М. Ремизов и его коллекция. – Огонек. 29 октября (11 ноября). № 44. С. [10–11].
- Кодрянская Н. 1959. Алексей Ремизов. Париж: [б. и.].
- Кожевников П. 1910. Коллекция А. М. Ремизова (Творимый апокриф). – Утро России. 7 сентября. № 243. С. 2.

- Корепова К. Е. 2007. Водяной, русалки, колотовки, шишиги, водяные чертовки. – Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / Сост. К. Е. Корепова, Н. Б. Храмова, Ю. М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова. С. 88–91.
- Корников А. А. 1993. Суханов Николай Николаевич. – Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: Большая российская энциклопедия. С. 311–312.
- Литературная энциклопедия 1939. Литературная энциклопедия: В 11-ти тт. Т. 11. М.: Художественная литература.
- Лотман Ю. М. 1992. Литературная биография в историко-культурном контексте (К типологическому соотношению текста и личности автора). – Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3-х тт. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра. С. 365–376.
- Михельсон М. И. 1912. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб.: Типография Акционерного Общества «Брокгауз-Ефрон».
- Обатнина Е. Р. 2018. Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: Начало эмиграции. 1921–1922 гг. – Литературный факт. № 7. С. 8–45.
- Одоевцева И. В. 1988. На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: Художественная литература.
- Ре-Ми [Ремизов Н. В.]. 1908. Алексей Ремизов. – Сатирикон. № 7. С. [12].
- Ремизов А. 1926. Из книги «Взвихренная Русь». VII. Лошадь из пчелы. – Воля России. № 3. С. 3–15.
- Ремизов А. 1949. Пляшущий демон: Танец и слово. Париж: [б. и.].
- Ремизов А. М. 2000. Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. М.: Русская книга.
- Ремизов А. М. 2003. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга.
- Сафронов Е. В., Морозов И. А. 2012. Особенности «низшей мифологии» Ульяновского Присурья. – Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 1. М.: Индрик. С. 117–122.
- Сафронов Е. В. 2012. Русалка. – Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья: Этнодиалектный словарь. Т. 2. М.: Индрик. С. 450–457.
- Суханов Н. Н. 1919–1923. Записки о революции. Кн. 1–7. Пб.: Издательство З. И. Гржебина.
- Федин К. 1968. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М.: Советский писатель.

- Федоров А. М. 1912. Финикия: Из книги «Солнце Жизни». – Нива. № 6. С. 114–115.
- Федоров А. М. 1981. Степь сказалась: Роман и рассказ / Подготовка текста, предисловие и комментарии М. Г. Рахимкулова. Уфа: Башкирское книжное издательство.
- Чертков Л. Н. 1972. Федоров Александр Митрофанович. – Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия. Стб. 912.

REFERENCES

- Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy.* Edited by A. M. Gracheva. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Dmitrii Bulanin," 1994.
- Anikeeva, Iu. N. "Fedorov Aleksandr Mitrofanovich." In *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskii slovar'*. Vol. 6, 409–12. Moscow and Saint Petersburg: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia; Nestor-Istoriia, 2019.
- Annenkov, Iu. *Dnevnik moikh vstrech: Tsikl tragedii.* Vol. 1. Leningrad: Izdatel'stvo "Iskusstvo." Leningradskoe otделение, 1991.
- Averchenko, A. T. *Sobranie sochinenii.* 13 vols. Vol. 12, *Rai na zemle.* Edited by S. S. Nikonenko. Annotated by V. D. Milenko, and S. S. Nikonenko. Moscow: Izdatel'stvo "Dmitrii Sechin," 2014.
- Belous, V. G. "Aleksandr Blok v 'Dele levykh sotsialistov-revoliutsionerov': Po materialam arkhiva FSB (SPb.)." In *Ivanov-Razumnik: Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture: Sbornik statei po materialam konferentsii "Ivanov-Razumnik (1878–1946). Lichnost'. Tvorchestvo. Rol' v kul'ture" (Tsarskoe Selo. 16–17 marta 1996 g.)*, 17–23. Saint Petersburg: Glagol, 1996.
- Bezrodnyi, M. "Genezis leitmotivov u A. M. Remizova." In *Sbornik trudov SNO filologicheskogo fakul'teta. Russkaia filologiya.* Vol. 5, 98–109. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1977.
- . *Konets tsitaty.* Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 1996.
- Budishchev, A. N. *Raznye poniatiia: Dvadsat' rasskazov.* Saint Petersburg: Izdanie A. S. Suvorina, 1901.
- Chertkov, L. N. "Fedorov Aleksandr Mitrofanovich." In *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia.* Vol. 7, 912. Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1972.
- D'Amelia, A. "Avtobiograficheskoe prostranstvo' Alekseia Remizova." In *Sobranie sochinenii*, by A. M. Remizov. Vol. 9, *Uchitel' muzyki: Katorzhnaia idilliia*, 449–64. Moscow: Russkaia kniga, 2002.

- Dotsenko, S. N. "‘Avtobiograficheskoe’ i ‘apokrificheskoe’ v tvorchestve A. Remizova." In *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy*. Edited by A. M. Gracheva, 33–40. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Dmitrii Bulanin," 1994.
- . "Obezvelvolpal A. M. Remizova kak zerkalo russkoi revoliutsii." *Europa Orientalis* 16, no. 2 (1997): 305–20.
- . "‘I k zlodeiam prichten’: Tema predatel'stva v poeme A. Remizova ‘Iuda.’" In *Aleksei Remizov: Issledovaniia i materialy. Aleksej Remizov: Studi e materiali inediti*. Edited by A. M. Gracheva, and A. d'Amelia, 43–53. Saint Petersburg and Salerno: Europa Orientalis; Puskinskij Dom, 2003.
- . "‘Bibliiei mukh b'ete!': Avtobiograficheskii mif A. Remizova." In *Blokovskii sbornik*. Vol. 17, *Russkii modernizm i literatura 20 veka*, 102–38. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2006.
- . "A. M. Remizov i F. M. Dostoevskii: Poetika palimpsesta." *Russkaia literatura* 4 (2007): 107–17.
- Fedin, K. *Gor'kii sredi nas: Kartiny literaturnoi zhizni*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1968.
- Fedorov, A. M. "Finikiia: Iz knigi ‘Solntse Zhizni’." *Niva* 6 (1912): 114–15.
- . *Step' skazalas': Roman i rasskaz*. Prefaced, edited and annotated by M. G. Rakhimkulov. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981.
- Glavatskii, M. E. "Pinkevich Al'bert Petrovich." In *Politicheskii deiateli Rossii 1917: Biograficheskii slovar'*, 250–51. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1993.
- Gracheva, A. M. "Aleksei Remizov i Pushkinskii Dom (Stat'ia pervaiia. Sud'ba remizovskogo ‘muzeia igrushek’)." *Russkaia literatura* 1 (1997): 185–215.
- Ivanova, E. "Ob areste Aleksandra Bloka v 1919 godu." *Filologicheskie nauki* 4 (1992): 89–92.
- Izgoev, A. S. *Rozhdennoe v revoliutsionnoi smute*. Moscow: Izdatel'skii dom "Delo" RANKhiGS, 2017.
- [Izmailov, A. A.] "V volshebnoe tsarstvo: A. M. Remizov i ego kolleksiia." *Ogonek*. October 29 (November 11), 1911.
- Kodrianskaia, N. *Aleksei Remizov*. Paris: n. p., 1959.
- Korepova, K. E. "Vodianoi, rusalki, kolotovki, shishigi, vodianye chertovki." In *Mifologicheskie rasskazy i pover'ia Nizhegorodskogo Povolzh'ia*. Edited by K. E. Korepova, N. B. Khramova, and Iu. M. Shevarenkova, 88–91. Saint Petersburg: Tropa Troianova, 2007.

- Kornikov, A. A. "Sukhanov Nikolai Nikolaevich." In *Politicheskie deiateli Rossii 1917: Biograficheskii slovar'*, 311–12. Moscow: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1993.
- Kozhevnikov, P. "Kollektsiia A. M. Remizova (Tvorimyi apokrif)." *Utro Rossii*. September 7, 1910.
- Literaturnaia entsiklopediia*. 11 vols. Vol. 11. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1939.
- Lotman, Iu. M. "Literaturnaia biografiia v istoriko-kul'turnom kontekste (K tipologicheskomu sootnosheniiu teksta i lichnosti avtora)." In *Izbrannye stat'i*. 3 vols. Vol. 1, *Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury*, 365–76. Tallinn: Aleksandra, 1992.
- Mikhel'son, M. I. *Russkaia mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazanii*. Saint Petersburg: Tipografiia Aktsionernogo Obshchestva "Brokgauz-Efron," 1912.
- Obatnina, E. R. "Etiudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: Nachalo emigratsii. 1921–1922 gg." *Literaturnyi fakt* 7 (2018): 8–45.
- Odoevtseva, I. V. *Na beregakh Nevy: Literaturnye memuary*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1988.
- Re-Mi [N. V. Remizov, pseud.]. "Aleksei Remizov." *Satirikon* 7 (1908): [12].
- Remizov, A. "Iz knigi 'Vzvikhrennaia Rus'.' VII. Loshad' iz pchely." *Volia Rossii* 3 (1926): 3–15.
- . *Pliashushchii demon: Tanets i slovo*. Paris: n. p., 1949.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 5, *Vzvikhrennaia Rus'*. Moscow: Russkaia kniga, 2000.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 10, *Peterburgskii buerak*. Moscow: Russkaia kniga, 2003.
- Safronov, E. V. "Rusalka." In *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'ianovskogo Prisur'ia: Etnodialektnyi slovar'*. Vol. 2, 450–57. Moscow: Indrik, 2012.
- Safronov, E. V. and I. A. Morozov. "Osobennosti 'nizshei mifologii' Ul'ianovskogo Prisur'ia." In *Ocherki traditsionnoi kul'tury Ul'ianovskogo Prisur'ia: Etnodialektnyi slovar'*. Vol. 1, 117–22. Moscow: Indrik, 2012.
- Sukhanov, N. N. *Zapiski o revoliutsii*. 7 vols. Petersburg: Izdatel'stvo Z. I. Grzhebina, 1919–1923.

«ПРИДУМАЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ И ПРИЕЗЖАЙТЕ СЮДА» (ПЕРЕПИСКА ВИКТОРА И ЛЮБОВИ ЗАЛКИНДОВ С АЛЕКСЕЕМ И СЕРАФИМОЙ РЕМИЗОВЫМИ)

В. И. Хазан
(Иерусалим)

Имена палестинского/израильского инженера (впоследствии – учебного и дипломатического представителя в ООН и израильском посольстве в США) Виктора Александровича Залкинда (1895–1986) и его жены (с 1928 г.) Любви Яковлевны (урожд. Яппу; 1900–1971), их близкое знакомство, многолетняя дружба и переписка с супругами Ремизовыми, Алексеем Михайловичем и Серафимой Павловной, а также то, что Залкинд – в чинах «конкректора» и «маршала» – состоял членом ремизовского Обезвельволпала, уже упоминались в предыдущей, первой, части публикации материалов к теме «Алексей Ремизов в культурном пространстве Палестины / Израйля» (см.: Хазан 2024: 242–263). Ее составили письма к Ремизовым Рахели Григорьевны Гинцберг (в замуж. Осоргина; 1885–1957), дочери выдающегося еврейского философа Ахад ха-Ама (собств. У. И. (А. Г.) Гинцберг), второй жены русского писателя М. А. Осоргина. В настоящей работе публикуется избранная переписка между Ремизовыми и Залкиндами, которая расширяет представление об их контактах и раскрывает новые грани и аспекты в богатой палитре материалов, проливающих свет на связи русского писателя с Землей Израйля.

Дружеские связи Ремизовых с Залкиндами не сводились к какой-то одной из многих поднятых в их переписке тем – например, помощи, которую через своих родственников и знакомых оказывали Виктор Александрович и Любовь Яковлевна писателю и его жене в том, чтобы их книги и прочее имущество, проделав долгий и сложный путь из России на Запад, попали в руки

владельцев¹. В их переписке останавливает внимание и свидетельство о том, что Залкинды способствовали распространению-продаже ремизовских рисунков в Палестине (письма 17 и 18 от 27 сентября 1932 г. и 21 февраля 1933 г. соответственно). К сожалению, то, как сложилась дальнейшая судьба этих рисунков (сохранились ли они до нынешнего дня, кто был или является их владельцем и пр.), установить пока не удалось. Через все письма сквозным мотивом проходит желание Виктора Александровича и Любови Яковлевны принять чету Ремизовых своими гостями на Святой земле.

Письма печатаются по автографам – написанные Виктором и Любовью Залкиндами хранятся в Amherst College, Center for Russian Culture (Amherst, Massachusetts), Alexei M. Remizov Papers (архивные атрибуты – box и folder – указываются непосредственно под каждым из них); написанные Алексеем и Серафимой Ремизовыми и адресованные Залкиндам – хранятся в частном собрании (Израиль).

I. Виктор Залкинд – Алексею Ремизову

Цербст – Берлин

6 августа 1922^(a)

Zerbst Anh<alt>^(b)

6/VIII–<19>22

Милый Алексей Михайлович!

Уже давно собираюсь написать Вам, но все как-то откладывалось.

К тому же я на работе немного расшиб руку и некоторое время писать не мог. Теперь уже все в порядке.

Как Вы живете?

Отдохнули ли?

Как себя чувствует Серафима Павловна?

Живете ли на одном месте или путешествуете?

Не мешают ли Вам баварские Kohl'i^(c)?

Скоро ли собираетесь «к нам», т. е. в Пруссию и Ангальт^(d)?

¹ Одним из задействованных в этом деле помощников был упоминаемый далее в письмах двоюродный брат Залкинда по материнской линии Вениамин Саулович Гинзбург.

Сегодня вернулся из Берлина, куда ездил на один день.

Совершенно случайно узнал новость, для Вас, наверное, приятную.

Г-н Гринберг мне по телефону сказал, что получил из Петрополиса для Вас книги. Среди них *Русские женщины* и *Николины притчи*.

В ближайшие дни они их Вам вышлют.

Гринберг – это тот господин, который тут представляет Петрополис и который раз у меня спрашивал о деньгах для Вас. На всякий случай сообщу Вам его адрес:

Berlin Martin Lutherstraße

47^{II} b/Weissenberg, tel. Stephen 2-92^(e).

Поясню Вам, Алексей Михайлович, переписанную мною надпись о Екатерине из St. Nikolaikirche.

Надпись эта вырезана на доске, похищенной в хоре церкви.

Над доской, заключенной в портик, овальный портрет некой дамы, похожей на Екатерину.

Подчеркнутые мною строчки написаны кручеными готическими буквами.

Сохранилась надпись совсем хорошо.

О ней же в монографии *Anhalt's Bau und Kunst Denkmäler* сказано следующее:

«.....
.....
.....
.....

9. Marmordenkmal für Isabella Schmidt, †1764, mit Rokokorahmen und Figuren, oben Bild von Engeln gehalten (Arch)^(f).

.....
.....
.....
.....»

Как видите, на доске вся родословная Unterhofmeisterin^(g) написана.

Причем:

1) Встречающееся в 5 и 6 строк<ах> два раза Frau, действительно, имеется на доске (по ошибке?)

2) В строке 12-ой фамилию разобрать трудно – очень узорно написано. Все же почти наверное Niddleben.

3) На второй стран<ице> <в> 4-ой стр<оке> *october* написано с малой буквы. Другие месяцы с большой.

4) 8 стр<ока> S, по-видимому, должно обозначать *selig*^(h).

В самом центре доски имя Екатерины, написанное крупным четким латинским шрифтом.

Самый запутанный рисунок у сестры покойной

Sophia'i Christina'h

Johanna'h Fridlrica.

У последней, м<ежду> п<рочим>, определенно стоит l, т<ак> ч<то> не Friderica, а Fridlrica написано.

Вероятно, из-за этой доски цербстяне убеждены, что Екатерина тут похоронена.

Когда я протестую и говорю о Петропавловском соборе, они быстро сдаются – «но зато она тут родилась»⁽ⁱ⁾.

Буду очень рад, если надпись Вам пригодится.

Если еще обнаружу что-либо екатерининское, конечно, перепишу.

Видел сегодня Л<юбовь> Я<ковлевну>. Она Вам на днях написала.

Собирается отдохнуть в Ковно, но, разумеется, не выберется.

Всего хорошего.

Сердечный привет Серафиме Павловне.

Буду очень рад, если напишите о себе.

Всего хорошего.

Ваш В. Залкинд

Адр<ес>:

Zerbst i. Anh<alt> Jüdenstr<aße> 6.

Большое спасибо за Шаршунов^(j) и рисунки. Когда Kohl приходит, я смотрю на нее.

Она все разговаривает.

В<иктор>

Box 1, folder 7

(a) Рукой Ремизова отмечена дата получения письма или ответа: «14 VIII».

(b) Примерно за полтора месяца до этого письма, 17–18 июня, Ремизов побывал в Цербсте, где Залкинд работал в качестве инженера на одном из немецких производств. 17 июня Алексей Михайлович сообщал в письме Серафиме Павловне:

Попал в Zerbst.

Выходили с В. А. Залкиндом на площадь. Темно, в Петербурге такой нет темноты, и только часы на Никольской кирке, как луна, а бьют по московски: – – – <...>

А я живу в Kohlhaus'e (капустном доме)², моя комната со сводами. Один из старейших домов (Ремизов 2018: 13).

А в его письме жене, написанном на следующий день, 18 июня, говорилось:

Хотел было в Zerbst'e переночевать и еще ночь, но <за> день многое оглядел, а главное, очень холодно и не очень-то удобно, и вот с Залкиндом и Л. Я. Яппу поехал в Берлин. В 10-ь был в Берлине.

За мной они ухаживали и всё делали, но они молодые, и мне за ними не угнаться, и я устал очень (Там же: 14).

И далее Ремизов писал о посещении цербстского замка, где, по ошибочному представлению местных жителей, родилась София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская (на самом деле она родилась не в Цербсте, а в Штеттине; в Цербсте, в родовом замке отца, прошло ее детство), ставшая в будущем российской императрицей Екатериной II (1729–1796; на престоле: 1762–1796):

Осматривали замок, где родилась Екатерина II. Видел там изумительный образ – «Страсти», ничего подобного не видел, особенно «бичевание» – откуда такая сила «жестокости»? А рисовал художник, вроде меня (Там же: 14).

См. комментарий к фрагменту из письма Залкинда Ремизову о надписи на камне Екатерины II, якобы похороненной в цербстской St. Nikolaikirche:

Поездка в Цербст открыла Ремизову новые материалы, которые он намеревался использовать во втором томе книги «Россия в письменах» (т. I вышел в издательстве «Геликон» в первой половине 1922 г.). <...> По просьбе Ремизова Залкинд обследовал исторические места Цербста, связанные с именем российской императрицы, о чем сообщил ему в письме от 6 августа 1922 г., которое, в частности, проясняет происхождение ложной информации о том, что Цербст является местом рождения или захоронения Екатерины Великой (Ремизов 2018: 32, прим. 59).

(c) Намек на хозяйку цербстского дома, в котором остановился Ремизов (см. footnote к предыдущему прим.).

(d) Цербст находится в Саксонии-Ангальт.

(e) Речь идет о советском государственном, партийном и общественном деятеле, историке и публицисте Захарии Григорьевиче Гринберге (1889–1949, репрессирован,

² «Шутливое словообразование от фамилии хозяйки дома Frau Kohl. Kohl – капуста (нем.)» (Ремизов 2018: 32, прим. 60). Судя по всему, Залкинд порекомендовал ему арендовать комнату в том же доме, в котором квартировался сам, см. в конце письма: «Когда Kohl приходит <...>».

погиб в тюрьме), который в это время представлял Наркомпрос и Госиздат в Берлине. См. «путание» Гринберга и Залкинда в ремизовской «Взвихренной Руси» (1927):

– в Москве, пробрался в театр. Тут и Борисяк, Есенин, Якулов и З. Г. Гринберг. Я взял стакан воды и полил Гринберга – весь стакан! И подумал: «зачем же это я сделал?» А он ничего, молча встал и вышел, и вижу, возвращается с матерью, знакомит меня. И мне очень неловко. И понимаю, это вовсе не Гринберг, а Вик. А. Залкинд (Ремизов 2000: 356).

(f) «Мраморный памятник Изабелле Шмидт †1764, с рамой в стиле рококо и фигурами, над картиной, которую держат ангелы (Арка)» (нем.).

(g) Unterhofmeisterin (нем.) – ж. род от Unterhofmeister – ‘работница к.-л. низшего звена’, ‘гувернерша’ и подобн.

(h) Selig (нем.) – блаженный, покойный.

(i) См. прим. (b).

(j) Вероятно, речь идет о серии листовок художника-авангардиста, прозаика и поэта Сергея Ивановича Шаршуна (1888–1975) «Перевоз дада» (на русском языке), напечатанных в начале 20-х гг., или об иллюстрированной рисунками в дадаистском духе его поэме «Foule immobile» («Неподвижная толпа») – по-французски.

2. Виктор Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым

Цербст – Берлин

7 января 1923^(a)

Zerbst i. Anh<alt>

7/I–<19>23

Воскресенье

Милые Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Я должен начать с извинений за неаккуратность.

Но эти дни так завертелся, что не удалось сесть за письмо.

Хочу сейчас загладить свою вину.

Прежде всего – список книг, полученных Л<любовью> Я<ковлевой> от Ханоха^(b):

1) т. I – Рассказы

2) <т.> II – <Рассказы>

3) <т.> III – <Рассказы>

4) <т.> IV – Пруд

5) <т.> V – Рассказы

6) <т.> VI – Сказки

- 7) <т.> VII – Отреченные повести
- 8) <т.> VIII – Русалыи действия
- 9) Царь Максимилиан
- 10) Русские женщины
- 11) За Святую Русь
- 12) Сибирский Пряник
- 13) Электрон

Словари оставлены в России у верного человека, которого и А<лексей> М<ихайлович> знает^(с).

Бисер находится у Ханоха, и он обещает его переслать Л<юбови> Я<ковлевне> (письмо от 23/XII).

Сегодня получил письмо от Л<юбови> Я<ковлевны> от 1/I <1923>. Она пишет, что бисера еще не получила.

Собиралась сама вам написать.

Получили ли?

Что слышно у вас с квартирой^(d)?

Дала ли знать Б. Kugel^(e)?

Был ли у нее кто-нибудь?

На всякий случай пишу еще раз ее адрес:

Charlottenburg Leonhardtstr<aße> 3 (или 4) Blumengeschäft^(f).

Приблизительный план – <...>^(g).

Не появлялись ли еще незнакомцы от моего имени?

Каково положение на внутреннем фронте?

Бываете ли еще, Сераф<има> Павловна<,> в Nachweis'e на Augsburgerstr<aße>^(h).

Я, вероятно, не попаду в Берлин числа до 14/I.

Буду очень признателен, если черкнете пару слов о состоянии с квартирой.

Если узнаю что-либо новое о литовск<их> книгах, конечно, сейчас же дам знать.

Всего хорошего. Желаю успеха.

Поклон Вере Иосифовне⁽ⁱ⁾.

В. Залкинд

Р. С. Узнал сегодня, что мои книги прибыли благополучно в Петербург.

Box 20, folder 3

- (a) Рукой Ремизова отмечена дата получения письма или ответа: «9 I».
- (b) Оставленные в России книги и вещи друзья Ремизовых отправляли ему через Литву. Житель Шавли (Шяуляя) Александр Ильич Ханох занимал одно из мест в цепочке пере-сылщиков. Любовь Яковлевна находилась в это время в Ковно, в котором родилась и в котором жили ее родные, и должна была получить эти посылки. В архиве Залкиндов сохранилась доверенность, которой Ремизов обеспечил для этого Любовь Яковлевну:

Александрю Ильичу Ханоху
доверяю получить все мои книги
Любови Яковлевне Яппу
Алексей Ремизов
23, 10, <19>22

- (c) В письме, адресованном Л. Я. Яппу (5–6 января 1923), Ремизов писал:

Прошу вас, Любовь Яковлевна,
попросите А. И. Ханоха
написать в Петербург,
чтобы мои словари (нем<ецкий> фр<анцузский> англ<ийский><>)
– он знает –
отнесли по след<ующему> адресу: Пушкинская, 10, кв. 25
для Сер<гея> Яков<левича> Осипова³
а он мне понемногу
сюда пересылал

- (d) В это время вопрос о квартире встал для Ремизовых острейшим образом. 22 декабря 1922 г. Алексей Михайлович писал давнишнему своему петроградскому приятелю, сотруднику издательства «Сирин» Сергею Яковлевичу Осипову (1884–1948), жившему в то время в Ревеле: «У нас большая беда: вот уж месяц, как нас выгнали с квартиры, ищем не можем найти» (Обатнина 2006: 253). И месяц спустя, 21 января 1923 г., вновь сообщал: «До сих пор мучаемся в поисках квартиры (2 комнат)» (Там же: 255). Проблема заключалась, однако, не только и не столько в отсутствии жилья, сколько в опасности быть высленными из Берлина – решение, которое было принято городскими властями в рамках борьбы с перенасыщенностью эмигрантами и с незаконными валютными операциями иностранцев. Ремизовскими заступниками явились тогда Т. Манн и немецкий политический деятель В. Хайне, которым удалось отстоять русского писателя и его супругу (см. об этом в книге Ремизова «Мышкина дудочка», где писатель рассказывает о своих и А. М. Лазарева⁴ мытарствах в связи с этим решением берлинской префектуры: Ремизов 2003: 138–140). В квартиру,

³ См. о нем следующее прим.

⁴ О другом близком приятеле Ремизова, банковском служащем и философе Адольфе Марковиче Лазареве (1872–1944), см. в кн.: Хазан 2019 (здесь же опубликованы письма супругов Ремизовых к супругам Лазаревым).

которую Ремизовы смогли снять лишь спустя несколько месяцев, они вселились (или, пользуясь его словом, «загнздились») 1 апреля. Этой новостью открывалось письмо к Л. Шестову от 8 апреля 1923 г.:

Наконец переехали на нов<ую> квартиру:

Alexei Remisow
bei Diepow
Berlin N W 23

Lessingst<raße> 16 –

В нем также говорилось: «За эти месяцы (с 13.11.<19>22) я измучился до пада – лег бы и заснул» (Данилова, Данилевский 1993, № 3: 112). В мае было получено разрешение на право жительства в Берлине до конца 1923 г. (Ремизов сообщал об этом Шестову в письме от 30 мая 1923; см.: Там же: 118).

(e) По всей видимости, хозяйка берлинского цветочного магазина, см. следующее прим.

(f) Blumengeschäft (*нем.*) – цветочный магазин.

(g) Далее в письме Залкинда следует начерченный им план расположения цветочного магазина Б. Кугель.

(h) Речь, по всей видимости, идет о получении разрешения на продление жительства в Берлине. Nachweis (*нем.*) можно перевести как ‘удостоверение (документов)’; очевидно, Залкинд употребляет это слово в отношении учреждения, облеченного такими полномочиями, см. прим. (d).

(i) Вера Иосифовна Богатко (1881–?) – близкая подруга Серафимы Павловны.

3. Виктор Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым

Вифлеем – Париж

29 декабря 1923^(a)

Exp<éditeur> V. Salkind
Jerusalem
Rothschild Hospital

L. Schestoff
France
Paris XV
7 rue Sarasate
pour Mr. Remisoff^(b)

Вифлеем 29/XII–<19>23

2 ч<аса> 23 м<инуты> дня

Милые Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Только что осмотрел Церковь Рождества. Поехал сюда с матерью на несколько часов^(c). Л<юбовь> Я<ковлевна> уехала на несколько дней в Яффу.

На открытке видно само место рождения и звезда. Вокруг 18 лампад<:> 6 православных, 6 католических и 6 армянских.

Тут же и грот Св. Иеронима^(d). Исполните ваше обещание и приезжайте на Пасху. Обязательно.

Всего хорошего. Будьте здоровы.

<В. Залкинд>

Box 20, folder 3

(a) Написано на почтовой фотооткрытке, изображающей Пещеру Рождества – грот, где родился Иисус Христос, в Вифлееме; рукой Залкинда сделана надпись: “The Star in the Grotto of the Nativity”.

(b) 5 ноября 1923 г. Ремизовы перебрались из Берлина в Париж. Н. В. Резникова пишет:

По приезде в Париж Ремизовы временно поселились у одной старинной приятельницы А<лексея> М<ихайловича>, знавшей его еще в молодости. Помнится, что первые месяцы жизни в Париже были трудными из-за здоровья С<ерафимы> П<авловны>: у нее был тяжелый припадок болезни печени. Друзья помогли найти квартиру. Ремизовы поселились на улице Шардон-Лягаш, в районе Отей. Они прожили осень и зиму в этой квартире (Резникова 2013: 107).

В первое время свою почту Ремизов получал на адрес Л. Шестова.

(c) О матери Виктора Александровича, Р. Я. Залкинд, см. прим. (b) к письму 7 (16 июля 1924).

(d) Иероним Стридонский (342–419/420), или Святой Иероним провел более 30 лет в пещерах Вифлеема, работая над переводом Библии на латинский язык. Его грот также находится в базилике Рождества Христова, неподалеку от яслей Христа.

4. Виктор Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым

Тель-Авив – Париж

21 февраля 1924

(Tel Aviv)

21/II–<19>24

Милые Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Никогда так, кажется, еще не было так стыдно сесть за письмо, как сейчас.

Поэтому же откладывал и откладывал по слабохарактерности.

Если бы вы знали, сколько раз я вот-вот начинал письмо – и до Кукхи^(a) и Вашего, Алексей Михайлович, письма и после. Думал я о вас все это время много и часто.

Встретился я тут с одним лесоводом (петербуржцем, архангельцем, благовещенцем), и мы привязались друг к другу.

После прощания с вами я почти не слышал хорошей русской речи.

А он говорит отлично. Он ко мне приходил часто по вечерам и читал вслух Ваши, Ал<ексей> Мих<айлович>, вещи.

За Кукху сейчас благодарить поздно, да и неловко вообще. Напрасно Вы меня – там, Ал<ексей> Мих<айлович>^(b).

Серьезно.

Что слышно у вас теперь? Много ли работаете? Каковы условия жизни? Как хозяйки парижские? Лучше Delion и Dierow^(c)? Delion я помню хорошо, а Dierow помнил, что на *ои*, а начало забыл – пришлось посмотреть.

Как в целом у вас? Много ли знакомых?

Наши в начале июля едут в Америку через Париж.

Я буду очень рад, если они застанут вас в Париже и познакомятся^(d).

Только сегодня узнал, что вы, б<ыть> м<ожет>, уедете на лето – жалко будет, если время совпадет.

Наши, по моим расчетам, быть там должны около 17–20 июля.

Куда вы собираетесь?

Надолго?

Я обещания вашего относительно Палестины не забыл и надежды вас тут увидеть не оставил.

Я тут так мало видел, что и писать о стране стыдно, но все-таки очень хорошо.

Даже лето (чтобы не сглазить) не страшное.

Несмотря на очень высокую *t°*, переносу ее очень легко, лучше, чем в Европе.

Не видел ничего, потому что первые три месяца сидел дома и изучал разговорный язык, а потом внезапно получил службу и занят с утра до вечера.

Побывал только в Иерусалиме (и кое-каких окрестностях), Йаффе <sic!>, Tel-Aviv'e и Хайфе. Месяц тому назад был случай объехать Галилею. Говорят, лучшие места там, но за час до отъезда оказалась срочная работа на заводе, и не выбрался.

Работа на заводе интересная. На заводе у нас два инженера – мой шеф и я.

Но... есть веские обстоятельства, что все портят. Глупо все очень складывается. И в отношениях администрации с рабочими тоже. А помочь нельзя.

Я уже много старался. Авось сейчас пойдет лучше.

Есть надежда.

Живу я у самого моря. На фотографии увидите^(e). Как прихожу с завода, иду на пляж.купаюсь у самого дома и не в купальне.

Тут очень красиво. Море почти не бывает спокойным – скалы. Так привык к шуму его, что скучаю, когда не слышу.

Иногда – раз в 2–4 недели – еду в Иерусалим на один день.

Сегодня тут была Л<юбовь> Я<ковлевна>. Не была тут уже пару месяцев.

Почти ее не видел, только утром ранее ходили пешком в Яффе. Сегодня суббота, и извоза и автобусов нет.

Сейчас уже уехала обратно в Иерусалим.

Работает она в Национальном Фонде^(f).

Несмотря на то, что уже давно тут, с удовольствием хожу в Яффу на арабский базар.

Как было бы вам это первое время интересно! Одни цвета костюмов чего стоят.

Зато – грязь!

Недавно мне рассказали знающие хорошо арабов, что бедуины все удивляются нечистоплотности европейцев.

Бедуины живут на одном месте, пока не станет уже так грязно, что даже они выжить больше не могут – и переходят на другое становище. А европейцы не брезгают быть *всегда* на одном месте.

Есть тут племена, которые никогда не умываются. Вытирают утром руки и лицо песком.

Я вспомнил одного лодочника в Сестрорецке, уверявшего, что финны – грязный народ, – при каждом доме есть баня.

Если бы получил отпуск, хотя бы на неделю, поехал бы немного посмотреть. Пока надежды нет.

Живу тут отшельником, никого не вижу, никуда не хожу.

Знакомые обо мне уже забыли все.

Считают или «гордым», или дураком.

А дело в том, что у меня времени очень мало. Да к тому же приехать в Палестину и ходить в театр или говорить о нем скучно очень. Все-таки ведь не Европа. Чего стоит – что сейчас из окна на горизонте вижу Иудейские горы, немного в тумане только сейчас, а с другой стороны море.

Если бы глаза были лучше и земля площе, видел бы Гибралтар.

Смотрю на него прямо.

Серафима Павловна, Алексей Михайлович! Придумайте что-нибудь и приезжайте сюда.

Правда?

Пока посылаю фотографию дома, где живу.

Никак не вспомню, есть у вас цербстские карточки. Кажется, нет. Пошлю, хотя и с опозданием.

Если у вас найдется ваша карточка, хотя бы старая совсем, и пришлете, я буду очень, очень благодарен.

Стащил тут только потрепанный номер *Сполохов* с Вашим портретом, А<лексей> М<ихайлович>^(a).

И это все, что есть у меня.

Хотел я написать о многом, и, конечно, не то, что вышло, но мне и говорить часто трудно, не то что писать.

Не сердитесь за мое молчание. Правда – не со злым умыслом. Когда найдете свободную минутку, черкните.

Я буду ждать с большим нетерпением.

Будьте здоровы. Всего наилучшего.

В. <Залкинд>

Адрес мой:

Tel Aviv, Palestine Silicate Co Ltd., мне, или старый иерусалимский.

В. <Залкинд>

Живу я у самого моря. На фотографии увидите.

Box 20, folder 7

(a) Ремизовская книга «Кукха: Розановы письма», одним из персонажей которой является Залкинд, вышла в берлинском издательстве З. И. Гржебина в конце 1923 г. и была,

как вытекает из письма, прислана ему в подарок («За Кукху сейчас благодарить поздно, да и неловко вообще»).

(b) Залкинд упомянут в «Кукхе» в звании «конкректора обезвелволпала»:

И эта тоже красная с кисточкой, вот! – кисточка-то видите? – ночной колпак, по-немецки *Schlafmütze*, это немецкое, В. А. Залкинд из Цербста привез – конкретор обезвелволпала, градусник привинчивал, бензин в зажигалку наливает – механик! – редчайшей доброты человек (Ремизов 2002: 129).

О происхождении звания «конкректор Обезвелволпала» см.: Флейшман 1977: 189–190 (ср.: Флейшман 2006: 177–178; Флейшман 2022: 531–534), ср. в письме (29 июня 1922) Ремизова Залкинду, привезшему из Цербста колпаки: «Дорогой Виктор Александрович, спасибо Вам за колпаки. Сижу в красном соседей пугаю» (Флейшман 1977: 190; ср.: Флейшман 2006: 178; Флейшман 2022: 531). Иное толкование титула «конкректора» в отношении Залкинда см.: Ремизов 2018: 32, прим. 61.

(c) Берлинские квартирные хозяйки Ремизовых.

(d) Имеются в виду отец и мать Залкинда, см. письмо 7 (16 июля 1924) от Р. Я. Залкинд к Ремизовым.

(e) К письму была приложена фотография.

(f) Еврейский национальный фонд (*Keren Kaemet le-Israel*, KKL) – некоммерческая корпорация, принадлежащая Всемирной сионистской организации (основана на 5-м сионистском конгрессе в Базеле в 1901 г.). Был создан с целью закупки земель в Палестине для образования на них еврейских поселений, озеленения и мелиорации страны.

(g) Речь идет о портрете Ремизова работы художника С. Залшупина, помещенном на обложке журнала «Сполохи» (1922, № 8).

5. Серафима Ремизова – Любви Яппу

Париж – Иерусалим

5 мая 1924^(a)

Recommandée^(b)

Mademoisell<e> L. Yappu
bei Dr. A. Salkind
[Roths<c>hild Hospital]^(c)
Jerusalem
Palestine

Exp<éditeur> Alexěi Rémizov
120 bis Av. Mozart
5, Villa Flore
Paris XVIe

1924 г. 5 мая

Дорогая, милая Любовь Яковлевна,
спасибо Вам большое за поздравление и за цветы^(d). Всякий раз волнующься, когда надпись из «Palestine», хотя бы удалось туда <съездить>

на 2 недели. На днях приехал к Мме Осоргиной брат (Гинсбург <sic!>)^(e) с женой из Палестины^(f). Я его расспрашивала: Виктора Алекс<андровича> он не знает, а его отца очень хорошо знает и Вас видел с доктором^(g). С благоговением ели мы привезенные ими из Палестины конфеты. Любовь Яковлевна, что Вы послали нам и с кем? Мы ничего не получили. Так мечтали после Вашего письма, что вот-вот получим из этих мест все значительно, и дорого, и приятно, что от Вас. Что не пишет Виктор Александрович? Мы Вас и его особенно хорошо вспоминаем, здесь таких людей еще не встретили. У нас весна, каштаны цветут. Когда Гинсбурги поедут обратно, я Вам легонькую посылочку pošлю. А пока пишите. Кланяйтесь Виктору Ал<ександровичу>. Целую Вас. Ваша С. Ремизова. А<лексей> М<ихайлович> кланяется, у него зуб болит, не может писать.

(a) Написано на небольшой полоске плотной бумаги, по размеру соответствующей величине конверта, на котором рукой Любви Яковлевны помечено:

Пол<учила> 13 мая 1924

Отв<етила> 13 мая <1924>

(b) *Recommandée (фр.)* – заказное.

(c) Зачеркнуто, по всей видимости, рукой палестинского почтового служащего.

(d) Ремизова, вероятно, благодарит за поздравление с Пасхой, которая в 1924 г. пришла на 27 апреля. По всей видимости, Любовь Яковлевна вложила в конверт палестинский сухоцвет.

(e) Имеется в виду брат Рахели Григорьевны Гинцберг-Осоргиной (см. упоминание о ней во вступительной заметке), Шломо (Семен) Гинцберг-Гиносар (собств. Гинцберг; в Палестине/Израиле: Гиносар; 1889–1968), палестинский (израильский) государственный и общественно-культурный деятель, дипломат. Родился в Одессе, получил традиционное еврейское и общее образование: учился в иешиве известного раввина Х. Черновица («Рава Цаира») и в одесской гимназии. Окончил Сорбонну со степенью д-ра философии (1914). Являлся секретарем отдела образования и культуры в Еврейском Агентстве (1919–1920) и позднее – секретарем отдела по делам Еврейского университета в Иерусалиме (1920–1921). В январе 1922 г. поселился в Палестине, где занимал пост административного директора Еврейского университета в Иерусалиме (1925–1937), явившись одним из его организаторов (открылся 1 апреля 1925); впоследствии был советником администрации этого университета, входя до конца жизни в состав Совета по его управлению и Исполнительной комиссии. После образования государства два года (1949–1951) находился в Италии в качестве дипломатического представителя Израиля. См. о нем: Ginossar 1971; см. также: Katz, Heyd 1997.

(f) Роза (Шошана) Гиносар (урожд. Ха-Коэн; 1889–1979) – адвокат, первая женщина-юрист в Эрец-Исраэль (с 1930); дочь известного еврейского (ивритского) писателя,

публициста и сионистского деятеля Мордехая (Маркуса) бен Гилеля Ха-Коэна (1856–1936); жена Шломо Гиносара.

(г) Александр Вениаминович (собств. Сендер-Мендель Бениаминович) Залкинд (1866–1931) – врач, сионист, общественный деятель; отец В. А. Залкинда. Изучал медицину в университетах Казани, Берлина и Лейпцига. Революционер-народоволец, был узником Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей. До 1906 г. имел медицинскую практику в Гомеле, затем вместе с семьей переехал в Петербург. Входил в Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ). В декабре 1917 г. был избран председателем Совета петроградской еврейской общины. После прихода к власти большевиков бежал на юг; входил в ЦК сионистов Украины и в этом качестве принимал участие в Парижской мирной конференции. В 1920 г. находился с сионистской миссией в США и Скандинавии, а в следующем году поселился в Палестине, где занимал должность главного врача больницы Ротшильда в Иерусалиме и явился одним из основателей школы медицинских сестер. Принимал участие в организации общества Magen, оказывавшего помощь сионистам России.

6. Серафима Ремизова – Любви Яппу

Париж – Иерусалим

6 июня 1924^(a)

Recommandée

Mademoiselle L. Yappu
bei Dr. A. Salkind
Rothschild Hospital
Jerusalem
Palestine

Exp<éditeur> Alexeï Rémozov
120 bis Av. Mozart
5, Villa Flore
Paris XVIe

1924 г. 6 мая^(b)

Дорогая моя Любовь Яковлевна, спасибо Вам большое за открытки и за карточку. У меня на столе стоит теперь Ваша карточка, и все спрашивают, кто, – и я всем объясняю, что вот есть такая редчайшая, чудесная барышня, такая хорошая, и такая внимательная, и такая счастливая, счастливая потому, что в Палестине находится. И всем Вы нравитесь на карточке. А я все удивляюсь, почему Вы как будто в черном шерстяном платье в такую жару? И в туфлях, и в чулках, я думала там летом все в сандалиях ходят. А Дуф^(c) тоже ко мне не приходил и ничего мне не передавал. Вы, дорогая Любовь Яковлевна, не передавайте лучше, а то мне обидно, где это все девается. Лучше уже передайте через родителей

Виктора Александровича, это уже будет наверно, и мы хотим познакомиться с родителями Виктора Александровича, столько слышали и от Вас, и от него, очень рады познакомиться. Если бы нам пришлось уехать куда-нибудь на июль (это еще далеко неизвестно), то я Вам тогда напишу, и тогда по письму родителей В<иктора> А<лександровича> я приеду в Париж, чтобы их увидеть, я тогда еще все подробно Вам напишу. Любовь Яковлевна милая, пришлите лишь еще открытки и цветочек настоящий, прямо сорвите и пришлите.

Я Вам хочу вложить сегодня василек, наверно, у вас там нет таких простых цветов, и Вам он напомнит Ваши места. У нас уже клубника пошла, и вишни, и абрикос. А в Палестине какие фрукты? Что теперь?

Теперь в Париже сезон, приехал Дягилев с балетом^(d), и Кусевицкий^(e), и Мендельберг^(f), очень хочется пойти, но очень дорого все стоит, трудно здесь жить материально, особенно летом как-то все замирает.

Ну, до свиданья, дорогая Любовь Яковлевна, пишите мне, Вы не знаете, какую радость мне приносят Ваши письма.

Ваша любящая Вас С. Ремизова

Кланяйтесь Виктору Александровичу. Вам кланяется Познер Соломон Владимирович^(g), Вы с ним работали в Ковне, он увидел Вашу карточку и просил кланяться.

<Рукой Ремизова:>

дорогая Любовь Яковлевна
видел Ваше изображение посреди пальм
с верблюжонком^(h)

а где же Виктор Александрович, его я не нашел, получил ли он мою книгу «Кукху»⁽ⁱ⁾

кланяюсь ему
Алексей Ремизов

Alexei Rémisov
120 bis av. Mozart
5 Villa Flore
Paris XVIe

6 juin 1924

- (a) Рукой получателя: «пол<учила> 16 июня 1924».
- (b) Ремизова ошиблась месяцем: нужно – 6 июня.
- (c) Неустановленная личность.
- (d) Сергей Павлович Дягилев (1872–1929) – антрепренер, меценат, организатор знаменитых «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева». Гастроли балета Дягилева в Париже начались 26 мая 1924 г. и продолжились до 30 июня (см.: Шлецер Б. Дягилевские спектакли. – Последние новости. 1924. № 1267. 12 июня. С. 4).
- (e) Сергей Александрович Кусевский (1874–1951) – контрабасист, дирижер и композитор. С 1923 г. жил в США, в 1924–1949 гг. руководил Бостонским оркестром, гастроли которого в Париже, о которых пишет Серафима Павловна, начались 8 мая 1924 г. (в первом концерте участвовал С. С. Прокофьев), см. о них: Шлецер Б. Концерты Кусевского. – Последние новости. 1924. № 1245. 15 мая. С. 3; № 1252. 23 мая. С. 2; № 1257. 29 мая. С. 4; № 1262. 5 июня. С. 4.
- (f) Виллем (собств. Йозеф Вильгельм) Менгельберг (Joseph Wilhelm Mengelberg; 1871–1951) – голландский дирижер, в это время (1921–1929) руководитель нью-йоркского филармонического оркестра, который весной–летом 1924 г. гастролировал в Париже.
- (g) Соломон Владимирович (собств. Шломо Вульфович) Познер (1876–1946) – политический и общественный деятель, журналист, историк, публицист, издатель, мемуарист.
- (h) Верный своей манере выдумщика и мистификатора, Ремизов – в духе *couleur locale* – присочинил на фотографии воображаемого верблюжонка.
- (i) Ремизов выпустил из виду, что Залкинд сообщал ему о получении «Кукхи», см. письмо 4 (21 февраля 1924).

7. Роза Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым

Париж – Париж

16 июня 1924

Mr A. Remisoff
120 bis Avenue Mozart
Villa Flora <sic!>
Paris XVI^{e(a)}

Dr. Salkind
Victoria Palace Hotel
6, rue Blaise Desgoffe, rue de Rennes
Paris

Paris, Victoria Palace Hotel
N 155, тел. № Segur 62–46

16/VII<19>24

Многоуважаемые Серафима Павловна и Алексей Михайлович!
Пишет Вам мать Виктора Александровича Залкинда^(b). Мы очень хотели бы Вас видеть и передать Вам личные приветы как от сына, так и от Любви Яковлевны. Не будете ли так любезны сообщить нам письменно или по телефону, где и когда мы могли бы Вас видеть.

Прошу Вас назначить какой угодно день и час, только не завтра. В Париже мы останемся до 22/VII. Если позволите, придем с нашим другом m-lle Доброй, сильно желающей с Вами познакомиться^(с).

С глубоким почтением,

Р. Залкинд

Box 20, folder 7

(a) Парижский адрес Ремизовых с весны 1924 до ноября 1928 г.

(b) Роза (Рася, Раиса) Яковлевна Залкинд (урожд. Гинзбург; 1866–1945) – мать Виктора Залкинда, которая в это время находилась вместе с мужем в Париже (см. предыдущее письмо).

(с) Из содержания письма прямо не вытекает, о какой именно Доброй говорится – об общественном деятеле, меценате, председателе (с 1936) Общества помощи русским евреям Любви Германовне (урожд. Барац; 1873–1955), жене А. Ю. (У.) Доброго, или о его сестре – общественном деятеле и филантропе Доре Юрьевне (Уриевне) Доброй. Скорее о последней, упомянутой, как и ее брат, в ремизовской «Мышкиной дудочке» и его рассказе «Стекольник» (1952), где фигурирует и Залкинд. И Любовь Германовна, и Дора Юрьевна были близкими друзьями и щедрыми покровителями Ремизовых, равно как муж одной и брат другой, предприниматель, общественный деятель и филантроп Абрам Юрьевич (Уриевич) Добрый (1867–1936). В широкую печать он проник благодаря шумной истории, когда в 1918 г. его пытались похитить в родном Киеве (организатором похищения оказался глава Рады народных министров Украинской народной республики В. А. Голубович, см. об этом: Гольденвейзер 1922: 213–214; это событие упомянуто в дневнике В. И. Вернадского (запись от 8 мая 1918), см.: Вернадский 1994: 81). Имя Доброго странным образом почти полностью выпало из круга исследований об истории еврейского Киева (см., например: Meir 2010) или о киевских благотворителях и меценатах (см., например: Ковалинский 1998). Между тем это была крупная общественная фигура, поддерживавшая и в России, и в эмиграции многие важные проекты, имевшие широкое общественное значение, – от назначения его председателем Общества помощи русским евреям-эмигрантам (см. информацию об этом: Рассвет (Париж). 1927. № 27. 26 июля. С. 11) или пожертвования 2000 \$ на строительство Еврейского института в Берлине (см.: Рассвет. 1929. № 16/17. 21 апреля. С. 22) до, скажем, поддержки издания «Временника Общества друзей русской книги» (см. объявленную ему и И. С. Акивисону благодарность за это в кн.: Временник Общества 1928: 118). Добрый оказывал финансовую помощь Ремизову (см. письма последнего Льву Шестову от 31 января 1924 г., 25 и 27 июля 1925 г., в которых упоминается его имя: Данилова, Данилевский 1993, № 4: 147; 1994, № 1: 166, 167, и шестовские письма Ремизову (1935, б/д и от 29 октября 1935): Ruzhinskaite 2013: 292, 293); см. еще письмо Л. Шестова М. Эйтингону от 18 февраля 1924 г. в кн.: Хазан, Ильина 2014: 57–58. Ремизову принадлежит прощальное слово о Добром, включенное в кн.: Памяти Доброго 1939 (этот текст не упомянут в наиболее полной ремизовской библиографии, см.: Обатнина, Вахненко 2016).

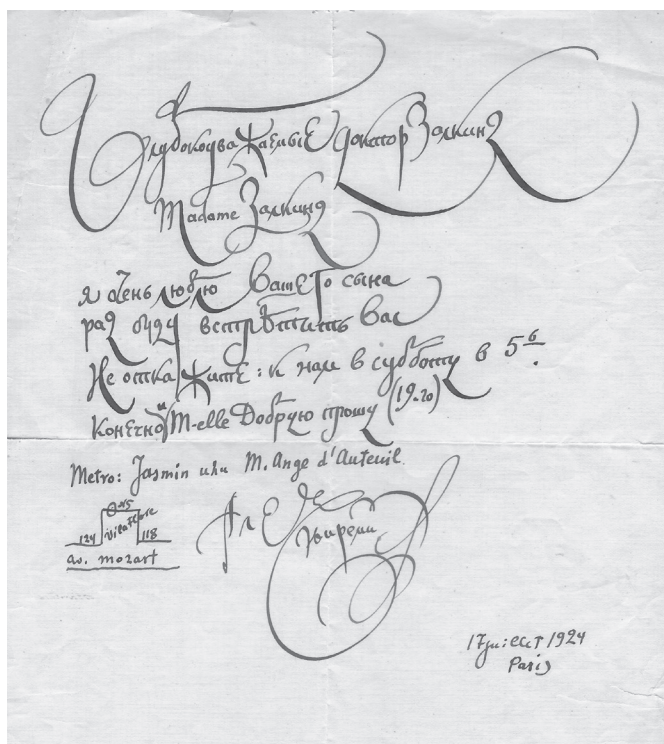
8. Алексей Ремизов – Александру и Розе Залкиндам
Париж – Париж
17 июля 1924

Глубокоуважаемые доктор Залкинд
Madame Залкинд

я очень люблю вашего сына
рад буду встретить вас
Не откажите: к нам в субботу в 5^б.
(19-го)

Конечно и M-elle Добрую прошу
Metro: Jasmin или M. Ange d'Auteuil.
Алексей Ремизов

17 juillet 1924
Paris

Илл. 1.
Письмо
Алексея
Ремизова
Александру
и Розе
Залкиндам.
17 июля
1924 г.
Иерусалим.
Частное
собрание

9. Серафима Ремизова – Любви Залкинд

Париж – Иерусалим

7 августа 1924

1924 г. 7 Августа

Дорогая, милая Любовь Яковлевна,
Хочу Вас поблагодарить за чудесные подарки. Были у нас родители Виктора Александровича, но, к сожалению, меня не было, я была в деревне, на неделю ездила, очень, очень жалею. Но мне нельзя было в другое время, надеялась, что они попозже приедут. Но они обещали быть у нас на обратном пути, тогда я и познакомлюсь. Ал<ексей> Мих<айлович> говорит, что мать Вик<тора> Ал<ександровича> похожа на него, т. е., конечно, он на нее. Чашечка у меня стоит на столе, вышивка очень нравится. А потом вдруг письмо от студента, что он от Вас везет гостинцы, но не мог раньше нас разыскать и прислал мне сумочку и красный платок чудесный. Спасибо Вам большое за все, за Ваше внимание. Теперь у меня столько палестинского, я очень счастлива этим. Только почему Вы ничего не пишете, дорогая Любовь Яковлевна? Напишите, прошу Вас, а то даже беспокою как-то. Уже на 2 мои письма нет ответа.

Мы собираемся поехать недели на 2 на воздух, но Вы сюда пишете, это же не долго, да и не наверно еще.

Оставляю место для Ал<ексея> Мих<айловича>. Целую Вас, до свиданья, спасибо. Виктору Ал<ександровичу> привет.

Ваша С. Ремизова

<Рукой Ремизова:>

Дорогая Любовь Яковлевна, спасибо вам

Виктору Александровичу кланяюсь и благодарю его

Кальян стоит, все хожу около, смотрю, присматриваюсь,

попробовал покурить так – свернул из желтого табаку – голова разболелась

Хочу осенью, вместо тряпки, обещают мне резинку достать и тогда

Виктора Александровича письмо получил, напишу ему

и пошлю Николины легенды – единственная вышедшая здесь книга моя<.>

10. Виктор Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым
Иерусалим – Париж
3 июня 1927

Иерусалим
3/VI-^{<19>}27
1 ч^{<ас>} дня

Милые Серафима Павловна и Алексей Михайлович!
Всего несколько дней тому назад получил открытку – меня не было в Иерусалиме.

Узнал о том, что Ваш ящик, А^{<лексей>} М^{<ихайлович>}, не переправился в Париж^(а).

Если бы Вы знали, как мне это неприятно! Я был уверен, что он давно у Вас.

Я получил от моего двоюродного брата письмо от 9/XII ^{<1926>}.
Он пишет:

...От Розенберга вещи Ремизова получил. Обидно, что отдал письмо г-жи R., а там адрес А^{<лексея>} М^{<ихайловича>}.
Напиши сейчас же его адрес – сумею тогда переслать часть его вещей. Рукописей не было, только игрушки и пара журналов...

Я ему сейчас же написал. Неужели письмо мое пропало?

Интересно, что я и вам написал из Палестины осенью после приезда сюда и все ждал от вас письма.

А Вы пишете, что после Александрии не получили ничего^(б).

Я сегодня же написал моему кузену. Попросил написать сейчас же и Вам, и в Палестину. Писал ему по двум адресам – на тот случай, если он переменит квартиру.

Его зовут

Вениамин Саулович Гинзбург.

Адреса:

1) Braunschweig Heinrichstr^{<аße>} 42 ptr.

2) Riga – Gertrudenstr^{<аße>} 60

Как только получу от него что-либо, конечно, сейчас же напишу вам.

Только что сообразил, что раз не дошло мое письмо отсюда, то вы не знаете о моем визите к г-же Леви^(c) (я забыл сейчас ее псевдоним). Был у нее сейчас же по приезде.

Передал ей книгу. Она очень благодарила и хотела написать вам.

Впечатление она производит не совсем приятное – да и, кроме всего, я слышал, что с ней надо быть осторожным (в денежных делах).

Обо всем этом я писал тогда подробно^(d).

Поручение Шестова тоже выполнил. Передал привет д-ру Мандельбергу^(e).

Очень хотел бы узнать, как вы себя чувствуете. Что было с Вашим сердцем, А<лексей> М<ихайлович>?

Думаете ли уехать куда-либо на лето – или уже уехали?

Ни Л<юбови> Я<ковлевне>, ни мне пока попасть в Европу не удастся.

Я теперь безработный. Кризис в Палестине сильный, и завод стоит.

Занимаюсь всякими глупостями дома.

Вчера очень обрадовался. Был во французском консульстве. В приемной висит расписание лекций Русского университета (не помню верного названия) в Париже за 1925 год.

Среди лекторов нашел Ваше имя, С<ерафима> П<авловна>. Читаете палеографию по вторникам в 10 ч<асов> утра^(f). Не отказались ли от мысли заняться еврейским? Недели через две едет один приятель мой в Париж.

Хочу через него послать пару мелочей. Вместе с ними и книжку.

Он должен был уехать до 1 января, но откладывал с недели на неделю. Из-за визы.

Сейчас, кажется, едет наверное.

Он зайдет к вам с пакетом.

Что с вашей поездкой сюда?

Приезжайте, правда. Я вам покажу замечательные вещи.

Придумайте что-либо.

У нас тут тепло. Увидите, как согреетесь. Для контраста шлю Иерусалим в снегу^(g).

В этом году было невиданное – 3 февраля пошел снег. Настоящий.
Дня три, четыре было трудно пройти по улицам.
Хеврон отрезан был неделю.

Отца вызвали туда – ехал в снежном коридоре. Интересно очень наблюдать было, как реагировали арабы и дети.

В первый день мать шла по улице (было уже много снегу) – какой-то арабский мальчик взял горсть снегу и предлагал купить за пиастр. Один знакомый подслушал разговор двух мальчиков:

– Что это?

– Сахар.

– Дурак – это не сахар – это лед.

– Ты сам дурак – лед бывает только летом, и его покупают.

Девочка знакомых сделала куклу из снега. Когда пошла спать, взяла с собой в кровать.

Только тогда убедился, как трудно не видеть снега 4 года.

Кончаю. Хочу сейчас опустить письмо. Буду очень рад, если напишете.

Ждем все время ваших писем.

Наши все кланяются. Л<юбовь> Я<ковлевна> обещает сама написать.

Будьте здоровы.

В. <Залкинд>

Вспомнил по поводу снега следующее: ребенок соседей, увидав снег через окно, закричал:

– Маим лваним – белая вода!

В. <Залкинд>

Box 21, folder 7

- (a) Имеется в виду ящик с вещами и книгами Ремизовых.
- (b) Т. е. после предыдущего письма, написанного Залкиндом из Александрии.
- (c) Неустановленное лицо.
- (d) Судя по всему, это письмо до Ремизовых не дошло.
- (e) В Палестине в ту пору жили два брата Мандельберги – Виктор (Авигдор) Евсеевич (1869–1944), врач и бывший депутат II Государственной думы, и Лев Евсеевич (1867–1938), тоже врач, женатый на сестре Льва Шестова Елизавете Исааковне (1873–1947), который в силу этого обстоятельства был гораздо более близок к известному философу, состоял с ним в переписке, приезжал в Париж и останавливался в шестовском доме и пр. (более

подробно о нем, письма Шестова к нему и сестре в Палестину см.: Khazan, Janzen 2021; по указателю). Нет никаких сомнений в том, что привет от Шестова, переданный через Залкинда, предназначался именно Льву Евсеевичу⁵.

(f) Начиная с марта 1925 г. Серафима Павловна читала лекции по русской палеографии в Русском университете при парижской Сорбонне.

(g) Фотография, на которой изображен Иерусалим в снегу, в архиве Ремизовых не сохранилась.

II. Любовь Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым

Иерусалим – Париж

17 августа 1927

Mme S. Remisoff
Paris XVIe
120 bis Avenue Mozart, 5
Villa Flore

L. Yappu
c/o Dr. A. Salkind
Rothschild Hospital
Jerusalem
Palestine

Иерусалим, 17-го августа 1927

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Очень я перед вами виновата за свое молчание и надеюсь только на вашу доброту. Не сердитесь на меня, я, право, не виновата. За последнее время у меня столько горестей было, что не хотелось писать вам грустных писем. Раньше я болела, а потом у меня мать серьезно заболела. Она была в Берлине, и я, находясь далеко от нее, особенно волновалась. Теперь мама поправилась, а у нас случилось землетрясение^(a).

Спасибо Вам, дорогая Серафима Павловна, за Ваше сердечное и хорошее письмо. Спешу написать Вам сегодня, чтобы успокоить Вас и Алексея Михайловича.

⁵ Подчеркнем не столь уж значимую для данного контекста, однако по-своему и не внешнюю для него деталь: отец Виктора Александровича, Александр Вениаминович Залкинд, главный врач клиники Hadassa, был хорошо знаком с Львом Евсеевичем: в 1925 г., когда супруги Мандельберги прибыли в Палестину, Залкинд-старший помог коллеге быстро отыскать работу (см. письмо Л. Е. Мандельберга и приложенное к нему CV, с которыми он обратился к А. В. Залкинду, приведенные в кн.: Khazan, Janzen 2021: 476–478).

Мы слава Богу от землетрясения не пострадали и отделались лишь испугом. Мы все в первый раз в жизни пережили землетрясение, и это на нас очень повлияло. Так как у нас теперь довольно часто бывают подземные толчки, то мы уже и привыкать начали. Они, правда, не сильные, но все-таки земля качается. Иерусалим сравнительно мало пострадал. Разрушена мечеть на Масличной горе и некоторые дома в старом городе. Посылаю вам снимок разрушенного дома в старом городе^(b). Особенно в Палестине пострадал Иерихон и окрестности Мертвого моря, а также Шхем (Наблус или Самария). Постараюсь раздобыть снимки и пошлю вам.

Тороплюсь на почту, так как хочу, чтобы письмо ушло еще этой почтой. На днях постараюсь написать вам подробно.

А как вы живете? Очень досадно, что мне так и не удалось попасть в Париж и повидаться с вами. Большое-большое спасибо за ваши чудные подарки.

Не сердитесь, пожалуйста, за мое молчание, я постараюсь теперь искупить вину и писать чаще.

Виктор Ал<ександрович> не пишет, так как его нет дома.

Ваша Л. Яппу

Box 21, folder 8

(a) Землетрясение, получившее название Иерихонского или Иерусалимского, произошло в Палестине 11 июля 1927 г. и имело магнитуду 6,2 балла по шкале Рихтера; оно носило крайне разрушительный характер: пострадали многие строения и люди.

(b) Этот снимок в архиве Ремизовых не сохранился.

12. Любовь Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым

Исмаилия (Египет) – Париж

18 января 1929

Ismailia, 18 января 1929

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович!

Очень мы обрадовались вашему письму. Признаться, мы уж было потеряли надежду получить от вас весточку, так как ни Виктор Александрович, ни я долго не имели от вас ответа на наши письма.

Как видите, и я живу в Ismailia. В марте прошлого года мы повенчались, и с этих пор я тоже здесь.

Какой радостью было бы для нас, если бы вы приехали к нам в Египет! Теперь, зимою, здесь особенно хорошо. Тепло, совсем нет дождей, все цветет. Жаль только, что зима здесь очень короткая, и в марте-апреле станет опять невыносимо жарко. И скажу я вам – пострадали мы за это лето. С апреля по ноябрь стояла страшная жара. Не только днем, но вечером и даже ночью не находишь себе места. Иногда дышать нечем. Кроме того, здесь много москитов, от которых покоя нет.

Теперь мы отдыхаем от жары и наслаждаемся египетской зимою.

Что рассказать о нас? В<иктор> А<лександрович> вот уже больше года работает здесь в качестве инженера на судостроительном заводе. Живем мы на самом берегу Суэцкого канала, и из окна можем видеть проходящие пароходы.

Ismailia – очень красивый город. Это оазис в пустыне. Много пальм и других тропических растений. Весь город представляет собою почти сплошной парк.

Здесь сравнительно мало европейцев, все больше арабы. В<иктор> А<лександрович> почти совершенно свободно говорит, читает и пишет на арабском языке. Он и Коран читает в оригинале.

Я тоже сговариваюсь уже с арабами. Приходится. Мы уже в Египте, и у нас имеется раб. Раньше был один очень черный, из Судана. И звали его Абдул. Теперь у нас более белый раб в доме, по имени Mohammed. Женщинам здесь не полагается работать в чужих домах, и у всех рабы – мужчины. Некоторые из них очень хорошо работают. Я долго не могла привыкнуть к этим черным людям, а теперь привыкла. Люблю беседовать с ними и узнавать об их жизни.

Постараемся, если не в этом, то в следующем письме послать вам фотографические карточки наших рабов. Все они носят платья (юбки), которые называются здесь «голубия».

Неделю тому назад я совершила интересную поездку. Через Каир я поехала в Верхний Египет, в Лухог. Была в Фивах. Видела гробницу Tutankhamon'a. Пробыла там три дня и до сих пор не могу очнуться.

Особенно поражает свежесть и яркость красок на сводах и колоннах храмов и гробниц. А ведь некоторым из них уже около пяти тысяч лет!

Будучи в Фивах, я много думала о вас, дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович. Так хотелось бы, чтобы и вы там побывали и увидели эти удивительнейшие памятники древности.

Постараюсь раздобыть снимки и в следующем письме непременно пошлю вам.

На этом закончу письмо. Сегодня вечером я еду на несколько недель в Иерусалим. Сюда же в гости к В<иктору> А<лександровичу> придет его мать, а я должна побыть в Иерусалиме с отцом и бабушкой В<иктора> А<лександровича>.

Всего вам доброго!

Ваша Л. Залкинд

Box 22, folder 5

13. Виктор Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым
Исмаилия (Египет) – Париж
17 февраля 1929

Ismailia

17/2–<19>29

8 ч<асов> веч<ера>

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович!
Мне очень стыдно писать вам. И потому, что все время не писал, и потому, что задержал на месяц письмо Л<юбови> Я<ковлевны>.

Впроч<ем>, последнее сделал сознательно. Мне очень больно, что мой двоюродный брат еще не переотправил вещей^(a). Я ему сейчас же написал и думал отложить свое письмо до ответа.

Но не могу больше ждать и после получения письма от него напишу еще раз.

Мы очень обрадовались вашему письму. Много раз собирались писать, но все откладывали.

О вас часто говорим.

Ваш портрет, А<лексей> М<ихайлович>, у нас висит в комнате.

Вырезали его из *Слохов*^(b).

Хотели бы мы очень иметь и карточку Серафимы Павловны. И Вашу другую, Алексей Михайлович.

За неделю до получения письма пришла и *Звезда надзвездная*^(c). Мы ее выписали давно, но нам долго не посылали.

Вместе с нею пришло и *Уединенное*^(d). Л<юбовь> Я<ковлевна> никогда не читала раньше.

О том, что вы в Париже узнали по *Последним новостям*^(e).

О Серафиме Павловне даже аккуратно в №№ от среды^(f).

Прочли и о Вашем вечере, Алексей Михайлович^(g).

Как бы попасть?

Жалко, что коротки руки.

Отказались ли вы совсем от мысли поехать на Восток?

Правда, мы не в Палестине, а в египетском рабстве, но ведь и здесь вам было бы интересно.

К тому же и я надеюсь попасть опять в Палестину.

Я ей слишком избалован, чтобы не хотеть туда вернуться.

Да и условия работы тут такие, что я с радостью оставлю Измаилию. Кроме чисто физической тяжести – у нас не полагается праздничного дня в неделю.

За время моего пребывания здесь, возможно, имел не более 10 свободных дней.

Работать приходится по 10–11 часов в сутки.

И это при здешней t° летом.

Но значительно хуже то, что работа не по мне, а обстановка хуже советской.

Сейчас Л<юбовь> Я<ковлевна> в Иерусалиме. Мама приехала сюда, и Л<юбовь> Я<ковлевна> ее заменяет. И ей надо отдохнуть от Египта.

Мы живем в самом центре Суэцкого канала (полпути от Порт-Саида к Суэцу) на берегу озера Timsah. Это значит крокодиловое, но крокодилов давно нет.

Из окна можем контролировать мировую торговлю.

У нас уже тепло.

Как в Париже? Потеплело ли? Как Вы переносили последние холода, Алексей Михайлович?

Впроч<ем>, и здесь несколько недель тому назад страдали от холода. Сейчас работаю днем в бюро при открытых окнах часто без <1 нрзб> жарко.

Вот бы Вам бы попасть сюда!

Посылаю несколько карточек – снимаю редко – очень занят.

Большой снимок – мальчиков-красильщиков снимал не я, а один из моих коллег – у нас на верфи^(h).

В следующий раз пошлю еще.

Вот если бы получить Вашу карточку в порядке товарообмена!

Адрес мой:

Ismailia, Egypte

Entreprise A. Bos

Давно ли вы на новой квартире⁽ⁱ⁾?

Я ее нашел тут на плане.

Уезжали ли летом из Парижа?

Приезжайте к нам, только не летом.

Всего доброго.

Мы будем очень рады, если напишите.

Мама сердечно кланяется.

До свидания.

<В. Залкинд>

Карточки посылаю в отдельном пакете.

Box 22, folder 5

(a) Речь идет об упоминавшемся выше кузене Залкинда В. С. Гинзбурге.

(b) См. прим. (g) к письму 4 (21 февраля 1924) от Залкинда Ремизовым.

(c) Имеется в виду посвященная Серафиме Павловне книга Ремизова «Звезда надзвездная» (см.: Ремизов 1928).

(d) По-видимому, речь идет о парижском издании книги В. В. Розанова (см.: Розанов 1928).

(e) Очевидно, Залкинд опирается на заметку «Похороны З. И. Гржебина», напечатанную в «Последних новостях» (1929. № 2878. 7 февраля. С. 4), следующего содержания:

Вчера на кладбище Банье-Паризьенн состоялись похороны З. И. Гржебина. Отдать последний долг покойному явились его многочисленные друзья и сотрудники по издательству. Среди присутствовавших были А. Н. Бенуа, Б. К. Зайцев, А. М. Ремизов, художник Ю. П. Анненков, О. О. Преображенская, артисты русского балета и др.

(f) В «Последних новостях» (1929. № 2884. 13 февраля. С. 4) сообщалось об очередной лекции С. П. Ремизовой-Довгелло «Русская палеография» в Школе восточных языков (2, rue de Lille, Paris VIIe), где она преподавала.

(g) О вечере Ремизова, который планировалось провести лишь через два с половиной месяца, 20 апреля (на самом деле он состоялся на день раньше), «Последние новости» сообщали в информации «Вечер А. Ремизова» (1929. № 2874. 3 февраля. С. 4):

На вечере А. Ремизова в субботу, 20 апреля отделение между чтением будет посвящено музыке: виолончель. Билеты продаются Liolène, 16 place Wagram.

(h) Фотоснимки не сохранились.

(i) 1 ноября 1928 г. Ремизовы вселились в новую квартиру по адресу: 11, Boulevard Port-Royal (Paris XIIIe). Н. Резникова в своих воспоминаниях так описывала мотивы переезда на новое жилье:

В конце 20-х годов Ремизовы стали думать о перемене квартиры: квартира на авеню Мозар стоила слишком дорого. Было очень жалко расставаться с прежней обстановкой и сложившимся бытом. Ремизовы сняли немеблированную квартиру в Латинском квартале, на бульваре Пор-Руаяль, на пятом этаже, купив на выплату немного мебели. <...> Квартира на бульваре Пор-Руаяль была новая и не такая уютная, как на авеню Мозар, и жизнь долго не входила в свое русло (Резникова 2013: 135–136).

14. Алексей Ремизов – Любви и Виктору Залкиндам

Париж – Исмаилия

5 марта 1929^(a)

Exp<éditeur> A. Remisof
11, Bd. Port-Royal

Monsieur et Madame
V. Salkind, ingén<ieur>
[Entreprise A. Bos
Ismailia
Egypte]^(b)

5 III <19>29

Дорогие Любовь Яковлевна и Виктор Александрович
Спасибо вам за ваши письма. Смотрю на карте, где вы живете: вы знаете, что от вас недалеко *Мока* (в Yemen'e)^(c)<?> Привозят ли вам арабские купцы кофе? (Миновать они вас не могут.) Не собираетесь ли в *Мекку*? Я занимаюсь Византией и, конечно, арабами.

Серафима Павловна обоим вам кланяется.

Какие чудесные маленькие арабчаты!^(d)

А. Ремизов

(а) Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Les Alignements de Carnac – крупнейшего в мире скопления мегалитических сооружений неподалеку от французского города Карнак в Бретани (вытесаны из скал и воздвигнуты докельскими народами Бретани).

(б) Первоначальный адрес зачеркнут и вместо него вписан иерусалимский адрес Залкиндов:

Ibn Batuta Street
House Salami <sic!>
Jerusalem
Palestine

(с) Любитель кофе, Ремизов связал египетскую Исмаилию с йеменским портовым городом на Красном море Мока (Mokha/Mocha/Mukha), широко известным своей кофейной торговлей, которой и обязан своим названием. Ремизовское «недалеко» («...от вас недалеко Мока...») исчисляется двумя с половиной тысячами километров.

(d) Реакция Ремизова на присланную Залкиндом фотографию мальчиков-красильщиков (см. предыдущее письмо).

15. Серафима Ремизова – Любви и Виктору Залкиндам

Париж – Исмаилия

12 марта 1929

Madame Salkind
Ismaïlia
Entreprise A. Bos
Egypte

Exp<éditeur> M-me Remisof
11 Bd. Port-Royal
Paris XIII

Дорогие Любовь Яковлевна и Виктор Александрович, спасибо за письма. А<лексей> М<ихайлович> Вам уже послал открытку, а я Вам пишу большое письмо. Прежде всего поздравляю вас и радуюсь за вас, что вы повенчались, и радуюсь вообще, потому что вы оба – на редкость хорошие, и хорошо, что вы – вместе. Как бы хотелось поехать к вам, но ведь один билет чего стоит! Но я мечтаю и мечтаю. Ваши снимки пожираю глазами, у входа вашего дома узнали мы вас обоих, пришлите хорошую свою карточку, мы вам свои тоже пришлем, пока еще нет, но скоро надеемся получить. У нас весна, а зима была очень холодная, хочется куда-нибудь уехать летом, но не знаю, удастся ли. Мы ведь переехали на свою квартиру (не меблированную) и влезли в долги за мебель, выплачиваем каждый месяц, еще 7 месяцев надо выплачивать, но зато мы – у себя, и когда выплатим всё, будет легче.

Теперь, когда Вы, Любовь Яковлевна, или Вы, Виктор Александрович, приедете, можно у нас ночевать, и даже в тесноте и двум можно. А приедете ли вы, собираетесь ли? В Египет поехал Поляков-Литовцев^(а), и я его просила вас увидеть и сказать, что мы вас любим. Не знаю, сделает ли он. Один знакомый наших друзей собирается ехать в Иерусалим через месяц, я надеюсь через него вам послать свадебный подарок. Тогда напишу. А пока шлю вам обоим самые лучшие пожелания и самый горячий привет.

Ваша С. Ремизова

(а) Если поездка на Ближний Восток литературного критика, прозаика, публициста, драматурга, переводчика и еврейского общественного деятеля Соломона Львовича Полякова-Литовцева (собств. Поляков; 1875–1945) в самом деле тогда состоялась (о чем, как кажется, не сохранилось никаких сведений), то она никак не отразилась в его устных выступлениях или печатных материалах. Зато два других его вояжа в этом направлении, с посещением Палестины – более ранний (1926, вместе с тогдашним главой Всемирной сионистской организации и будущим первым президентом Израиля Х. Вейцманом и французским писателем русско-еврейского происхождения Йосефом Кесселем) и более поздний (1936), были запечатлены в серии путевых очерков под общим названием «Палестина», помещенных в «Последних новостях» за 1926 г. (№ 1880. 16 мая. С. 2–3; № 1887. 23 мая. С. 2; № 1894. 30 мая. С. 2; № 1901. 6 июня. С. 2; № 1908. 13 июня. С. 2; № 1922. 27 июня. С. 2; ср.: Poliakoff 1926: 31, 35); см. его очерк «Тель-Авив», написанный по итогам второй поездки: Поляков-Литовцев 1936: 10–11.

16. Алексей Ремизов – Любви и Виктору Залкиндам

Париж – Иерусалим

26 января 1932^(а)

Exp<éditeur> A. Remisof
3 bis Av. J.-B. Clément
Boulogne s/Seine
Seine

Mr. Victor Salkind
Mec<hanic> Eng<ineer>
Ibn Batuta Str.
House Salameh
Jerusalem
Palestine

26.1.<19>32

Дорогие Любовь Яковлевна и Виктор Александрович
Посылаю «Взвихр<енную> Русь» и легенды «Три серпа» I и II^(б).

После вечера я совсем расстроился^(с): болят глаза, и столько времени уходит на припарки и терпение. Совсем не могу писать.

Вечер прошел очень хорошо, но зал был наполнен шомёрами^(д), а тех, что ссылаются на кризис, было очень мало. Сердечнейшая Эсфирь Соломоновна Познер^(е) плакала от огорчения.

Спасибо за указание. Но пока с глазами вожусь, не выхожу на люди.

А. Ремизов

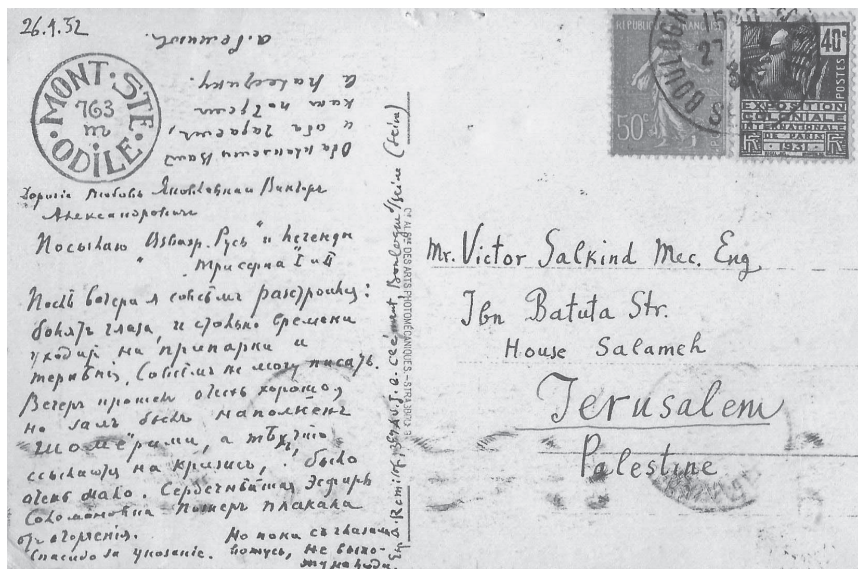
(а) Написано на почтовой фотооткрытке с изображением Mont Sainte-Odile (Гора святой Одилии), расположенной в департаменте Нижний Рейн (Bas-Rhin) в Эльзасе, на северо-востоке Франции.

(б) Т. е. книги: Ремизов 1927 и Ремизов 1929 (обе части).

(с) По всей видимости, Ремизов имеет в виду вечер-бал Союза русских писателей, который состоялся 13 января 1932 г. и в котором он принимал участие вместе с другими известными творческими деятелями: К. Бальмонтом, Н. Берберовой, Б. Зайцевым, А. Куприным, К. Коровиным, П. Муратовым, Н. Тэффи, В. Ходасевичем и др.

(д) От *chômeur* (фр.) – безработный; в просторечии: 'грязный, неопрятный, опустившийся человек'.

(е) Эсфирь Соломоновна Познер (урожд. Сидерская; 1882–1942) – жена С. В. Познера (см. о нем прим. (г) к письму 6 (6 июня 1924) от С. Ремизовой к Л. Яппу).

Илл. 2. Почтовая карточка Алексея Ремизова Любови и Виктору Залкиндам. 26 января 1932 г. Иерусалим. Частное собрание

17. Алексей Ремизов – Любви и Виктору Залкиндам

Париж – Иерусалим

27 сентября 1932^(а)

Exp<éditeur> A. Remisof
3 bis Av. J.-B. Clément
Boulogne s/Seine
(Seine)

Mr. Victor Salkind
Mec<hanic> Eng<ineer>
Jerusalem
Ibn Batuta Str.
House Salameh
Palestine

27.IX 1932

A. Remisof

3 bis Av. Jean-Baptiste Clément
Boulogne s/Seine
(Seine)

Дорогие Любовь Яковлевна и Виктор Александрович

Очень беспокоюсь: или у вас что-нибудь произошло, или наши письма не дошли до вас. Написал я Шей<н>фельду Л. А.^(б), который приходил к нам весною, спрашивал о Вас, и никакого ответа не получил.

Я писал Вам насчет картинок: если ничего не удалось с ними сделать, пришлите мне. Скоро открывается выставка в Праге – «рисунки писателей», я бы туда и послал^(с).

И хочу предупредить Вас, знаю по опыту, не поручайте никому привозить, вернее прислать. П<отому> ч<то> поручения легко берутся, но редко кто исполняет.

Оба кланяемся вам

А. Ремизов

Мне сейчас стало легче, только очень ослаб.

(а) На конверте рукой Любви Яковлевны помечено: «Отв<етила> февраля 21. 1933» (см. следующее письмо).

(б) Житель Иерусалима; близкий приятель Залкиндов.

(с) Ср. скрытое псевдонимом то же ремизовское анонсирование намерения участвовать в сентябрьской (1933 г.) пражской выставке писательских рисунков, организованной Н. В. Зарецким:

В сентябре этого года в Праге на выставке писателей, организуемой Н. В. Зарецким, будут показаны до 1000 рисунков и отдельные альбомы Ремизова: «Сны

Тургенева», «Видения Гоголя», «Из Достоевского», «Из Лескова», «Из Писемского», «Бесноватая Соломония», «Взвихренная Русь», «Посолонь», и портреты современников – писателей, художников и музыкантов: Paris est en nos mains (Куковников 1933: 194).

18. Любовь Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым
Иерусалим – Париж
21 февраля 1933

L. Salkind, Jerusalem, Palestine
Ibn Batuta Str.
House Salameh

Jerusalem, 21 февраля 1933

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович,
Очень я виновата перед вами за долгое молчание, хотя вина и не совсем моя. Несколько владельцев книжных магазинов держали у себя Ваши иллюстрации, всё обещали вернуть мне и долго оттягивали, желая показать их возможно большему числу лиц^(a).

На прошлой неделе получила их, наконец, и две тетради уже выслала вам прошлой почтой. Послала их заказным, но все-таки боялась послать все вместе. Надеюсь, что вы их уже получили. Этой почтой посылаю оставшиеся две.

Я продала сборник иллюстраций к *Двенадцати* Блока и два отдельных рисунка из тетради, которую отправила вам прошлой почтой. На полях каждого из этих двух рисунков я отметила, что они проданы, и записала название.

Посылаю в этом письме чек на 200 франков. Остаток за иллюстрации Блока мне должны уплатить через несколько недель, и я тогда сейчас же вышлю вам опять чеком.

Надеюсь, что деньги по прилагаемому чеку вы получите без всяких затруднений. В противном случае напишите мне, пожалуйста, сейчас же, и я немедленно все улажу.

Очень мне жаль, что больше ничего не удалось сделать. Время и здесь тяжелое, и многие, которые очень хотели купить Ваши рисунки, не могли из-за кризиса.

Мне все время было неприятно, что не удавалось скорее выслать вам рисунки. Очень больно при мысли, что, может быть, я причинила Вам этим неприятность и что, может быть, за это время удалось бы в Европе продать больше. Но они всё здесь откладывали со дня на день, и Виктор Александрович и я очень волновались из-за этого.

Еще раз простите и не сердитесь.

Как видите, я чек купила еще 10-го февраля, но все ждала, чтобы мне вернули все тетради.

Что у вас, дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович? Как вы себя теперь оба чувствуете? Как здоровье?

Надеюсь, что вы не будете сердиться на нас и напишете о себе.

У нас ничего нового. Всю зиму все хворали, а особенно бабушка и мать Виктора Александровича. Теперь уже поправились.

Виктор Александрович по-прежнему работает на Мертвом море, работает много и бывает в Иерусалиме иногда лишь несколько часов. В первую свободную минуту он сам напишет вам, а пока просил сердечно вам кланяться.

В прошлом году В<иктору> А<лександровичу> не удалось поехать в Европу, и он очень жалел, что не мог повидаться с вами и обсудить вопрос о вашем приезде сюда. Надеемся, что этим летом ему удастся вырваться в отпуск.

Как мы мечтаем о вашем приезде к нам! Вот был бы праздник!

Пожалуйста, напишите о ваших планах на лето.

С нетерпением будем ждать ваших подробных писем.

Пожалуйста, подтвердите получение тетрадей и чека, а то я беспокоюсь.

Еще раз простите.

Ваша Л. Залкинд

Box 24, folder 2

(a) О том, что Залкинды по просьбе Ремизова занимались в Палестине распространением-продажей через книжные магазины его рисунков, см. выше, во вступительной заметке.

19. Серафима Ремизова – Любови Залкинд

Париж – Иерусалим

5 марта 1933^(a)

Exp<éditeur> Rémisoff
3 bis Av. J.-B. Clément
Boulogne s/Seine
(Seine)

Madame L. Zalkind
Jerusalem
Ibn Batuta Str.
House Salameh

1933 г. 5 марта

Дорогая моя Любовь Яковлевна, мы очень обрадовались Вашему письму, а то никаких вестей не было, разное думалось. Иногда думалось хорошо, т. е. что Виктор Ал<ександрович> едет сюда, и Вы поэтому не пишете. Как мы его ждали. Ал<ексей> Мих<айлович> по чеку, присланному Вами, благополучно получил 200 fr<ancs> – спасибо.

Вы спрашиваете, что мы думаем о лете. Прошное лето мы здесь проторчали, не имели возможности куда-нибудь проехать. Страшно думать, что опять так будет.

Около Ковно живет теперь наша хорошая знакомая, мы рядом с нею прожили большевистские годы, самые тяжелые, она живет в своем имении и приглашает нас к себе в гости, но надо доехать... Думаем об этом и не можем додуматься. Во всяком случае, мы так хотим повидать Виктора Ал<ександровича> (свидание с Вами до сих пор остается светлой точкой), так хотелось быть с ним, что будем его ждать в Париже, если он приедет. Едва ли нам удастся ехать под Ковно из-за денег, но даже если случилось чудо и можно было бы ехать, мы подождем Виктора Ал<ександровича> сколько угодно, лишь бы увидеться с ним. Самое важное в мире – настоящие отношения между людьми. Только не молчите так долго, пишите.

А я Вам связала шарф большой, когда Вам будет холодно, Вы обо мне будете вспоминать. Я думаю его послать по почте, разве если Виктор Ал<ександрович> скоро приедет. Во всяком случае,

до июля я занята в Сорбонне, и мы при всяких удачах будем здесь. А может быть, я пошлю к Пасхе шарф, хотя у вас жарко будет, но ничего.

Обнимаю Вас душевно и очень кланяюсь Виктору Ал<ександрович>у и его матери. Ал<ексей> Мих<айлович> сам припишет. Пишите!

Ваша сердечно С. Ремизова

Зима у нас была очень тяжелая, и Ал<ексей> Мих<айлович> хворал, теперь солнце засветило.

<Рукой Ремизова:>

Дорогие Любовь Яковлевна и Виктор Александрович
Спасибо за хлопоты с моими картинками – два альбома получил и деньги 200 fr<ancs>.
Ждем Виктора Александровича.

Алексей Ремизов

Альбомы пришли в целости, и деньги выдали беспрепятственно.

(а) Рукой Любви Залкинд на конверте: «Пол<учила> 15 марта 1933».

20. Любовь Залкинд – Серафиме и Алексею Ремизовым
Иерусалим – Париж
21 мая 1939

Jerusalem, 21.5.<19>39

Дорогие Серафима Павловна и Алексей Михайлович,
Виктор Александрович и я часто себя упрекаем за то, что давно вам не писали.

В<иктор> А<лександрович> вот уже несколько лет, как собирается в Европу и прежде всего думал поехать в Париж, чтобы повидаться с вами. Но поездка его все откладывается, а теперь, в последние месяцы, из-за угрозы войны страшно и подумать об отъезде в далекие страны. Если атмосфера немного разрядится и

можно будет ехать, В<иктор> А<лександрович> непременно поедет в Европу. Он очень устал, почти девять лет не отдыхал, это сказывается на состоянии его здоровья. Врач настаивает на том, чтобы В<иктор> А<лександрович> уехал в Европу переменить климат и подлечиться. Он это должен будет сделать при первой возможности. Тогда, конечно, он в первую очередь посетит вас.

Я, к сожалению, не могу и думать о поехать. Два года тому назад я перенесла очень тяжелую болезнь, операцию, пять месяцев пролежала и до сих пор не могу оправиться. Я имею службу, работаю в бюро, но сейчас же после работы ложусь и лежу до утра, чтобы иметь достаточно сил поплестись на службу. Мои больные ноги не позволяют мне ходить, и я должна много лежать.

Вот, кажется, все о нас. Новости не очень веселые, а потому и не пишется как-то.

А что у вас? Как здоровье?

Как хотелось бы повидаться с вами!

В<иктор> А<лександрович> и я были бы вам очень благодарны, если написали бы о себе – ведь несколько лет тому назад мы мечтали о вашем приезде к нам в Палестину. А как мы были бы рады иметь вас здесь.

Борис Григорьевич Пантелеймонов писал нам несколько раз о ваших встречах с ним, и мы каждый раз радовались, получая привет. Но давно уже не имеем писем от него, ответа на письма, и мы очень беспокоимся. Знаете ли вы что-нибудь о нем? Здоров ли он? До сих пор он часто писал нам, и потому его молчание нас особенно беспокоит. Будем вам очень благодарны за весточку о нем.

Его адрес:

Dr. B. Panteleymonoff

Montrouge (Seine)

20, rue German Dardan-Produits chimiques «Ortho»^(a).

Простите за беспокойство, но мы не знаем, что и подумать о нем и причине его молчания.

В<иктор> А<лександрович> не пишет сегодня, так как находится в отъезде <...> на пару дней по делам службы. Не хочу задерживать

письма и не жду его возвращения. Он все время собирается написать вам, хотя ему стыдно после такого перерыва.

С нетерпением будем ждать вашего письма.

Всего вам доброго.

Ваша Л. Залкинд

Наш адрес:

Victor Salkind

Jerusalem Palestine

Ibn Batuta Street

House Salameh

Box 25, folder 9

(а) О писателе и горном инженере Борисе Григорьевиче Пантелеймонове (1888–1950), который в течение пяти лет (1930–1935) прожил в Палестине, см.: Агурский 1992: 82–96. На Мертвом море, где он работал, Пантелеймонов сблизился и подружился с Залкиндом, посредством которого, покинув в 1937 г. Ближний Восток и перебравшись в Париж, познакомился с Ремизовым, был принят им в Обезьянью палату, в его же доме встретил свою последнюю жену – Т. И. Кристин (см. прим. (b) к следующему письму), а после смерти оказался героем ремизовской новеллы «Стекольщик» (1952), вошедшей в книгу «Мышкина дудочка»; письма Ремизовых Пантелеймонову см.: Енишерлов 2013: 57–69; переписку между Пантелеймоновым и Залкиндом см.: Хазан, Ларионова 2024/2025: s. p.

21. Серафима Ремизова – Любви и Виктору Залкиндам

Париж – Иерусалим

15 июня 1939

Exp<éditeur> M-me S. Rémisoff

7, Rue Boileau

Paris XVIe

Madame L. Salkind

Ibn Batuta Str.

House Salameh

Jerusalem

Palestine

Дорогие Любовь Яковлевна и Виктор Александрович, мы очень обрадовались письму Любви Яковлевны. Даже в том случае, если беспокойство о Пантелеймонове заставило Вас написать – и то мы рады. Сначала ждали, ждали ваших писем, а после уже смирились

и перестали ждать, но в душе осталось чувство, что вы нас помните и когда-нибудь мы опять встретимся хорошо.

О Пантелеймонове мы не много знаем: он редко к нам приезжает, был в последний раз перед Пасхой, помогал нам месить тесто (сила у него большая), но не приехал попробовать наши вместе сделанные кулички, хотя мы его очень ждали, и он обещал. С тех пор, вот уже 3 месяца, о нем ни слуху, ни духу. Раньше он говорил, что Виктор Александрович сюда собирается, и мы очень радовались его приезду. Между прочим, о войне у нас больше и не вспоминают, одно время было напряженное, теперь оно прошло, считается, что войны не будет, во всяком случае год или два года.

Пантелеймонов видался с большой приятельницей Розалии Яковлевны, матери Виктора Александровича, они вместе учились на курсах. Это Дора Юрьевна Добрая^(a). Мы устроили свидание их, Дора Юрьевна все беспокоится, что вдруг Розалия Яковлевна проедет обратно из Америки домой, не повидавшись с ней. Я много раз просила Пантелеймонова дать знать о приезде Роз<алии> Як<овлевны>, он обещал, но как-то ненадежно, когда человек пропадает время от времени. Если можно, напишите от себя Розалии Яковлевне о Доре Юрьевне, и что мы ее все ждем. Я не видела Розалию Яковлевну, но Дору Юрьевну знаю и очень ее люблю и ценю, и хочется исполнить ее желание. Адрес ее: Mlle Dobry, 21, rue Laugier Paris 17^e. Скажу Вам по секрету: наша общая с Дорой Юрьевной приятельница говорит, что Пантелеймонов ухаживает за ее знакомой дамой, и этим объясняются его пропады^(b). Во всяком случае, Алексей Мих<айлович> ему послал письмо и известил о Вашем беспокойстве о нем, это было вчера, но по опыту ответа быстрого не ждем. Пантелеймонов рассказывал, что Вы сломали ногу, вижу из Вашего письма, что нога еще болит. Но почему Вы пишете о «больных почках»<?>^(c) Бедная Любовь Яковлевна, так сочувствуем Вам, и так хочется знать подробно. И что за операцию Вы перенесли? Ох, если бы Виктор Александрович приехал! Мы очень мечтаем о поездке в Палестину, но у нас совсем нет денег, бывают не дни, а целые месяцы, когда и до Madeleine^(d) (в другой конец города) нельзя поехать. Вообще материальное наше положение

очень тяжелое, вот надо бы поехать на воздух хотя бы на 3 недели, зима была трудная, Ал<ексей> Мих<айлович> перенес 2 гриппа, а со мною был accident, надо было ночью, т. е. около 12 ч<асов> вызвать хирурга зашить рану, все прошло, слава Богу, благополучно, только шрам остался, но этот случай еще тяжелее лег на нас материально, а кроме того, много было боли и нервное потрясение. Не знаю, удастся ли проехать отдохнуть, и страшно подумывать, что не удастся. Жизнь здесь очень вздорожала, а заработки наши уменьшились не по нашей вине. 4 книги готовы у Ал<ексея> Мих<айловича>, а издать нельзя, – издают на свои деньги. Да всего так сразу и не скажешь. Если приедет Вик<тор> Ал<ександрович>, все расскажем. Между прочим, Пантелеймонов ждет, что В<иктор> А<лександрович> поселится у него, он занимает целый дом, так что не дорого будет для В<иктора> А<лександровича>^(e). Мы очень, очень вас обоих вспоминаем.

Приехала сюда Осоргина и обещалась взять для Вас кружево из Бретани, – в прошлом году купила его там и не взяла, уехала неожиданно, потом прислала письмо, чтобы не сердиться на нее, – было очень досадно^(f).

Знаете ли Вы Шлионского? Он служит в газете в Тель-Авиве. Он был у нас несколько раз, и мы с ним подружились, – если увидите, передайте ему большой привет^(g). Вот если бы мы поехали в Ваши края, его бы увидали. Он очень талантливый поэт. Еще там живет доктор Эйтингон и его жена, мы с ними были знакомы в Берлине, они оба хорошие люди, но теперь не пишут давно-давно, ну, они – большие люди, он был вроде Мецената^(h), а Шлионский – свой брат, трудится, с ним легко, хорошо.

Вот на этот раз кончаю письмо. Будем очень рады, если напишите скорее и если пришлете ваши карточки. Если увидимся, будем прямо счастливы.

Кланяйтесь очень от нас обоим самой себе и Виктору Александровичу, ждем его очень. Надеюсь, что Пантелеймонов Вас известит о себе после письма к нему А<лексея> М<ихайлови>ча.

Обнимаю Вас душевно.

Ваша С. Ремизова

- (a) См. о ней прим. (с) к письму 7 (16 июля 1924) от Р. Я. Залкинд Ремизовым.
- (b) Этой дамой была упомянутая в прим. к предыдущему письму художница и скульптор Тамара Ивановна Кристин (1900–1979), «Кощеевна», по ремизовской прозвищной номинации, которая в довоенные годы служила корректором в парижской газете «Возрождение».
- (c) Трудно сказать, откуда у Серафимы Павловны возникло представление о «больных почках», о которых Залкинд вроде бы ничего не писал.
- (d) Имеется в виду L'église de la Madeleine – церковь Святой Марии Магдалины (Paris VIIIe).
- (e) Без малого за год до этого письма Пантелеймонов приглашал Залкиндов перебраться в Париж и разместиться у него; в письме от 14 августа 1938 г. он писал:

Конечно, даст Бог, все устроится не так страшно, как рисуется моментами, но Вам лучше подумать на всякий случай о будущем.

Ничто не помешает, если бы Вы выяснили вопрос о временном поселении во Франции. Просто Вам нужно отдохнуть, переменить воздух, собраться с мыслями.

В моем распоряжении теперь 3 комнаты, и мы могли бы жить по-братски. О средствах не думайте – завод можно считать пошедшим⁶, и мы будем жить прекрасно.

Сделайте мне одно только одолжение – продумайте хорошенько хотя бы возможность поездки только на короткое время.

Моя просьба относится, конечно, и к Л<юбови> Як<овлевне> (Хазан, Ларионова 2024/2025: s. p.).

- (f) Т. е. Рахель Григорьевна Гинцберг-Осоргина, см. вступительную заметку. Письмо от нее, которое имеет в виду Серафима Павловна (27 декабря 1938), было опубликовано в XI книжке „Slavica Revalensia” (см.: Хазан 2024: 257).
- (g) О посещении еврейским (ивритским) поэтом и переводчиком Авраамом Шлионским Ремизовых в 1937 г. и оставленной им записи в книге для гостей см.: Khazan, Janzen 2019: 30–33.
- (h) Об известном психоаналитике Максе Эйтингоне (1881–1943) и его жене, бывшей российской актрисе Мирре Яковлевне (урожд. Буровская, в 1-м замуж. Бродская, во 2-м – Харитон; 1877–1947), которые, живя в Берлине, материально поддерживали Ремизовых (в 1934 г. переселились в Палестину), см. в кн.: Хазан, Ильина 2014 (по указателю); Khazan, Janzen 2021 (по указателю).

⁶ Поселившись в Париже, Пантелеймонов открыл химическую лабораторию, которая переросла в небольшой завод, которым он владел.

22. Виктор Залкинд – Алексею Ремизову

Иерусалим – Париж

13 января 1945^(a)

Written in Russian

V. Salkind
Jerusalem
House Salameh
(near Bezalel St.)

Иерусалим
13/I/<19>45

Дорогой Алексей Михайлович!

Это письмо бросаю как бутылку в океан – авось дойдет.

Пару дней тому назад узнал через Нью-Йорк, что Вы в Париже. Любовь Яковлевна и я очень, очень обрадовались. Если бы узнать только и о Серафиме Павловне. Все ли благополучно с ней?^(b)

Одновременно с сообщением из Америки – совершенно неожиданно получилась открытка от Борис<a> Григорьевича Пантелеймонова из Парижа. О Вас ничего не пишет (всего пару строк вообще написал). Но если от вас доходят письма, м<ожет> б<ыть,> и мое дойдет когда-либо. Плохо только с адресом – пишу по-старому – от 1939 года.

Мы будем очень, очень рады получить весточку от вас обоих. Вспоминаем вас часто, говорим о вас с г-жой Осоргиной^(c).

Сейчас ограничиваюсь этим.

С нетерпением будем ждать письма.

А пока всего, всего доброго.

Сердечно Ваш

В. З<алкинд>

Box 9, folder 1

(a) Рукой Ремизова отмечена дата получения: «23 II». За месяц до написания этого письма, 14 декабря 1944 г., Ремизов в письме к Б. Г. Пантелеймонову интересовался: «От Виктора Александровича еще нет вестей?» (Енишерлов 2013: 60).

(b) Оторванные от переписки с Ремизовыми в годы войны, Залкинды не знали, что Серафимы Павловны не стало 13 мая 1943 г.

(c) Имя Р. Г. Гинцберг-Осоргиной несколько раз упоминалось в ходе данной публикации.

23. Алексей Ремизов – Любви и Виктору Залкиндам
Париж – Иерусалим
23 февраля 1945

En russe

Exp<éditeur> A. Remizoff
7, Rue Boileau
Paris XVIe

Monsieur V. Salkind
Jerusalem
House Salameh
(near Begalel St.)^(a)

23/II 1945

13 I получ<ил> 23 II

Дорогие Любовь Яковлевна и Виктор Александрович!
До последних сроков, почти в полном одиночестве, Серафима Павловна, вспоминая, кого любила в жизни, называла вас обоих.

Больно было слышать – последние слова человека, суд над своей жизнью и миром. Была очень кроткая, и потому так тихо, как забылась.

В мае (13-го) будет 2 года, с неизбывной болью начинаю всякий день мою ночь.

Много написал о последних днях (началось с немецкого налета 3 VI 1940 г., бомбы упали против и по соседству, а осколок у моего окна, где мы находились) до стеклянной бури – через зимы без отопления (оккупация), называю: сквозь огонь скорбей^(b).

À travers le feu des douleurs (потому пишу по-франц<узски>, по-русски нет надежды издать)^(c).

Привожу в порядок архив: дневники, заметки. С моими примечаниями.

Очень редко кого выдаю. Живу один и все делаю. Живу, пока не выгонят.

Плохо с глазами. Вернулась моя докторша Бронштейн^(d). Когда будет тепло, что-нибудь надумает. Никуда, только за хлебом, вообще об этом не думаю. Бывает Бор. Гр. Пантелеймонов, далеко он живет и занят, но он меня не бросает: камушки достал для зажигалки и табаку дал и бензину^(e).

Верно, что мы увидимся.

Рахиль Григорьевну увидите, кланяйтесь ей от меня.

А. Ремизов

- (a) Нужно: Bezalel St.
(b) С подзаголовком «Сквозь огонь скорбей» Ремизов издал несколько своих текстов, литературную форму которых он определил как «страда» (от «страдание»): Ремизов 1947: 83–94; Ремизов 1948a: 3–32; Ремизов 1948b: 7–8; Ремизов 1952: 281–314.
(c) *À travers le feu des douleurs* (фр.) – сквозь огонь скорбей.
(d) Лидия Абрамовна Бронштейн (1898–1976) – врач-офтальмолог.
(e) Ср. в письме Ремизова к Пантелеймонову от 14 декабря 1944 г., упоминавшемся в прим. (a) к предыдущему письму:

Дорогой Борис Григорьевич!

О чем плачу:

1) Нет камушков для зажигалки и нигде у нас нельзя достать. <...> (Енишерлов 2013: 59).

А в следующем, от 4 февраля 1945 г., благодарил его «за сахар и бензин» (Там же: 60).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агурский М. 1992. Сибиряк на Мертвом море: О Борисе Пантелеймонове. – Евреи в культуре Русского Зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919–1939 гг. Вып. 1 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим: [б. и.]. С. 82–96.
- Вернадский В. И. 1994. Дневники. 1917–1921: [В 2-х кн.]. [Кн. 1]: Октябрь 1917 – январь 1920. Киев: Наукова думка.
- Временник Общества 1928. Временник Общества друзей русской книги: [В 4-х тт.]. [Т.] II / Ред. Г. Л. Лозинский, Я. Б. Полонский. Париж: Я. Поволоцкий и К°.
- Гольденвейзер А. А. 1922. Из Киевских воспоминаний (1917–1921 гг.). – Архив русской революции / Изд. И. В. Гессен. [Т.] VI. Берлин: Слово. С. 161–303.
- Данилова И. Ф., Данилевский А. А. 1992–1994. Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступительная заметка, подготовка текста и примечания И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского. – Русская литература. 1992. № 2. С. 133–169; № 3. С. 158–197; № 4. С. 92–133; 1993. № 1. С. 170–181; № 3. С. 112–121; № 4. С. 146–158; 1994. № 1. С. 159–174; № 2. С. 136–185.

- Енишерлов В. П. 2013. «В наше суровое, не сказочное время...»: Письма А. М. Ремизова и Б. Г. Пантелеймонова / Публикация и комментарии В. П. Енишерлова. – Наше наследие. № 107. С. 57–69.
- Ковалинский В. В. 1998. Меценаты Киева. Киев: Кий.
- Куковников В. [Ремизов А.]. 1933. Рукописи и рисунки А. Ремизова. – Числа. № 9. С. 191–194.
- Обатнина Е. Р. 2006. «В России, как встретимся, будем вспоминать»: I. Переписка А. М. Ремизова с С. Я. Осиповым (1913–1923). II. Письмо В. Я. Шишкова к А. М. Ремизову (1921) / Публикация Е. Р. Обатниной. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб.: «Дмитрий Буланин». С. 218–265.
- Обатнина Е. Р., Вахненко Е. Е. 2016. Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2013) / Авторы-сост. Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом».
- Памяти Доброго 1939. Памяти Абрама Юрьевича Доброго. Париж: [б. и.].
- Поляков-Литовцев С. 1936. Тель-Авив. – Иллюстрированная Россия. № 1. С. 10–11.
- Резникова Н. В. 2013. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом».
- Ремизов А. 1927. Взвихренная Русь. Париж: Изд. ТАИР.
- Ремизов А. 1928. Звезда надзвездная: Stella Maria Maris. Paris: YMCA Press.
- Ремизов А. 1929. Московские любимые легенды: Три серпа. Париж: Изд. ТАИР.
- Ремизов А. 1947. Залом (Из страд «Сквозь огонь скорбей»). – Орион: Литературный альманах / Под ред. Ю. Одарченко, В. Смоленского, А. Шайкевича. Париж: [б. и.]. С. 83–94.
- Ремизов А. 1948a. В розовом блеске (Из страд «Сквозь огонь скорбей»). – Новоселье. № 37–38. С. 3–32.
- Ремизов А. 1948b. В розовом блеске (Из страд «Сквозь огонь скорбей»). – Новости дня. № 273. 6 октября. С. 7–8.
- Ремизов А. 1952. В розовом блеске. Нью-Йорк: Издательство им. Чехова.
- Ремизов А. М. 2000. Собр. соч. Т. 5: Взвихренная Русь. М.: Русская книга.
- Ремизов А. М. 2002. Собр. соч. Т. 7: Ахру. М.: Русская книга.
- Ремизов А. М. 2003. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. М.: Русская книга.

- Ремизов А. М. 2018. «На вечерней заре». Главы из рукописи. Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1921–1922 гг. (окончание) / Комментарии Е. Р. Обатниной. Подготовка текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной. – Литературный факт. № 8. С. 8–67.
- Розанов В. В. 1928. Уединенное. Париж: Очарованный странник.
- Флейшман Л. С. 1977. Из комментариев к «Кукхе»: Конкретор Обезвелвол-пала. – *Slavica Hierosolymitana*. Vol. 1 / Ed. by L. Fleishman <et al.>. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University. P. 185–193.
- Флейшман Л. 2006. От Пушкина к Пастернаку: Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. М.: Новое литературное обозрение.
- Флейшман Л. 2022. Четыре письма А. Ремизова В. Залкиндю / Публикация, подготовка текста и примечания Л. Флейшмана. – Русская история и культура в архивах Израиля. Кн. 1: От Шолом-Алейхема до Ивана Бунина / Под ред. В. Хазана. Иерусалим: Studio Click Ltd. С. 531–534.
- Хазан В. 2019. «Усердный толкователь шестовской беспочвенности»: Адольф Маркович Лазарев. Письма. Статьи о Льве Шестове / Сост., общая ред. и вступительная ст. В. Хазана. М.: Водолей.
- Хазан В. И. 2024. «Сердечный привет Вам и Алексею Михайловичу из Палестины» (Материалы к теме «Алексей Ремизов в культурном пространстве Палестины / Израиля»). – *Slavica Revalensia*. Vol. XI. С. 242–263.
- Хазан В., Ильина Е. 2014. Исцеление для неисцелимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост. и подготовка текста В. Хазана и Е. Ильиной. Вступительная ст. и комментарии В. Хазана. М.: Водолей.
- Хазан В., Ларионова М. 2024/2025. Гражданин Израиля – *honoris causa*: Переписка Бориса Пантелеймонова и Виктора Залкинда / Публикация, вступительная ст. и комментарии В. Хазана и М. Ларионовой. – *Sdvig/Shift: Transnational Russian Studies*. № 2/3 (в печати).
- Ginossar, Sh. 1971. *Ktavim <Writings>*. Tel Aviv: Dvir (Hebrew).
- Katz, Sh., Heyd, M. 1997. *Toldot hauniversita haivrit bi-Yerushala-im: Shorashim ve-hatkhalot <The History of the Hebrew University of Jerusalem: Roots and Beginnings>* / Ed. by Sh. Katz, M. Heyd. Vol. 1. Jerusalem: Magnes Press (Hebrew).

- Khazan, V., Janzen, V. 2019. Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel. Part 1: Nikolai Berdyaev and Yehoshua Shor: A Correspondence between Two Corners (1927–1946) / Compiled and commented by V. Khazan and V. Janzen. Introduction by V. Khazan. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem. (Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Vol. 1).
- Khazan, V., Janzen, V. 2021. Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel. Part 2: “The Marvelous Land of Palestine”: Around Lev Shestov’s Visit to Eretz Israel in 1936 / Compiled and commented by V. Khazan and V. Janzen. Introduction by V. Khazan. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem. (Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939). Vol. 1).
- Meir, N. M. 2010. Kiev, Jewish Metropolis: A History, 1859–1914. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press.
- Poliakoff, S. 1926. A Dangerous and Needless Schism. – The Jewish Tribune (New York). October 1. P. 31, 35.
- Ruzhinskaite, K. 2013. А. М. Ремизов и Л. И. Шестов: Из переписки писателя и философа (1933–1938) / Publication, commentaires et notes de K. Ruzhinskaite. – Revue des études slaves. T. LXXXIV. N° 1–2 : Mosaique slave : Communications de la délégation française au Congrès international des slavistes (Minsk, 20–27 août 2013) / Sous la direction de V. Jobert. P. 287–300.

REFERENCES

- Agurskii, M. “Sibiriak na Mertvom more: O Borise Panteleimonove.” In *Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ia: Sbornik statei, publikatsii, memuarov i esse: 1919–1939 gg.* Edited by M. Parkhomovskii. Vol. 1, 82–96. Jerusalem: n. p., 1992.
- Danilova, I. F. and A. A. Danilevskii. “Perepiska L. I. Shestova s A. M. Remizovym.” *Russkaia literatura* 2 (1992): 133–69; 3 (1992): 158–97; 4 (1992): 92–133; 1 (1993): 170–81; 3 (1993): 112–21; 4 (1993): 146–58; 1 (1994): 159–74; 2 (1994): 136–85.
- Enisherlov, V. P. “V nashe surovoe, ne skazochnoe vremia...: Pis'ma A. M. Remizova i B. G. Panteleimonova.” *Nashe nasledie* 107 (2013): 57–69.
- Fleishman, L. S. “Iz kommentariiev k ‘Kukkhe’: Konkrektor Obezvelvolpala.” *Slavica Hierosolymitana*. Vol. 1. Edited by L. Fleishman et al., 185–93. Jerusalem: The Magnes Press; The Hebrew University, 1977.

- . *Ot Pushkina k Pasternaku: Izbrannye raboty po poetike i istorii russkoi literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006.
- . “Chetyre pis'ma A. Remizova V. Zalkindu.” Prefaced, edited and annotated by L. Fleishman. In *Russkaia istoriia i kul'tura v arkhivakh Izrailia*. Vol. 1, *Ot Sholom-Aleikhema do Ivana Bunina*. Edited by V. Khazan, 531–34. Jerusalem: Studio Click, 2022.
- Ginossar, Sh. *Ktavim [Writings]*. Tel Aviv: Dvir, 1971.
- Gol'denveizer, A. A. “Iz Kievskikh vospominanii (1917–1921 gg.).” In *Arkhiv russkoi revoliutsii*. Published by I. V. Gessen. Vol. 6, 161–303. Berlin: Slovo, 1922.
- Katz, Sh. and M. Heyd. *Toldot hauniversita haivrit bi-Yerushala-im: Shorashim ve-hatkhalot [The History of the Hebrew University of Jerusalem: Roots and Beginnings]*. Edited by Sh. Katz, and M. Heyd. Vol. 1. Jerusalem: Magnes Press, 1997.
- Khazan, V. “Userdnyi tolkovatel' shestovskoi bespochvennosti”: Adol'f Markovich Lazarev. Pis'ma. Stat'i o L've Shestove. Prefaced, edited and annotated by V. Khazan. Moscow: Vodolei, 2019.
- . “Serdechnyi privet Vam i Alekseiu Mikhailovichu iz Palestiny': Materialy k teme 'Aleksei Remizov v kul'turnom prostranstve Palestiny / Izrailia'.” *Slavica Revalensia* 11 (2024): 242–63.
- Khazan, V. and E. Il'ina. *Istsenenie dlia neistselimykh: Epistoliarnyi dialog L'va Shestova i Maksa Eitingona*. Edited by V. Khazan, and E. Il'ina. Prefaced and annotated by V. Khazan. Moscow: Vodolei, 2014.
- Khazan, V. and V. Janzen. *Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel*. Pt 1, *Nikolai Berdyaev and Yehoshua Shor: A Correspondence between Two Corners (1927–1946)*. Compiled and commented by V. Khazan, and V. Janzen. Introduction by V. Khazan. Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. 1. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2019.
- . *Russian Philosophy in Exile and Eretz Israel*. Pt 2, “The Marvelous Land of Palestine”: Around Lev Shestov's Visit to Eretz Israel in 1936. Compiled and commented by V. Khazan, and V. Janzen. Introduction by V. Khazan. Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939), vol. 1. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2021.

- Khazan, V. and M. Larionova. "Grazhdanin Izrailia – honoris causa: Perepiska Borisa Panteleimonova i Viktora Zalkinda." *Sdvig/Shift: Transnational Russian Studies* 2/3 (2024/2025): forthcoming.
- Kovalinskii, V. V. *Metsenaty Kieva*. Kyiv: Kii, 1998.
- Kukovnikov, V. [A. Remizov, pseud.]. "Rukopisi i risunki A. Remizova." *Chisla* 9 (1933): 191–94.
- Meir, N. M. *Kiev, Jewish Metropolis: A History, 1859–1914*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2010.
- Obatnina, E. R. "'V Rossii, kak vstreimsia, budem vspominat': I. Perepiska A. M. Remizova s S. Ia. Osipovym (1913–1923). II. Pis'mo V. Ia. Shishkova k A. M. Remizovu (1921)." Prefaced, edited and annotated by E. R. Obatnina. In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god*. Edited by T. G. Ivanova, 218–65. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin," 2006.
- Obatnina, E. R. and E. E. Vakhnenko. *Aleksei Mikhailovich Remizov: Bibliografiia (1902–2013)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom," 2016.
- Pamiati Abrama Iur'evicha Dobrogo*. Paris: n. p., 1939.
- Poliakoff, S. "A Dangerous and Needless Schism." *The Jewish Tribune* (New York). October 1, 1926.
- Poliakov-Litovtsev, S. "Tel'-Aviv." *Illustrirovannaia Rossiia* 1 (1936): 10–11.
- Remizov, A. *Vzvikhrennaia Rus'*. Paris: Izd. TAIR, 1927.
- . *Zvezda nadzvezdnaia: Stella Maria Maris*. Paris: YMCA Press, 1928.
- . *Moskovskie liubimye legendy: Tri serpa*. Paris: Izd. TAIR, 1929.
- . "Zalom (Iz strad 'Skvoz' ogon' skorbei')." In *Orion: Literaturnyi al'manakh*. Edited by Iu. Odarchenko, V. Smolenskii, and A. Shaikevich, 83–94. Paris: n. p., 1947.
- . "V rozovom bleske (Iz strad 'Skvoz' ogon' skorbei')." *Novosel'e* 37–38 (1948): 3–32.
- . "V rozovom bleske (Iz strad 'Skvoz' ogon' skorbei')." *Novosti dnia*. October 6, 1948.
- . *V rozovom bleske*. New York: Izdatel'stvo im. Chekhova, 1952.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 5, *Vzvikhrennaia Rus'*. Moscow: Russkaia kniga, 2000.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 7, *Akhru*. Moscow: Russkaia kniga, 2002.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 10, *Peterburgskii buerak*. Moscow: Russkaia kniga, 2003.
- . "'Na vechernei zare'. Glavy iz rukopisi; Pis'ma k S. P. Remizovoi-Dovgello. 1921–1922 gg. (okonchanie)." Edited by E. R. Obatnina, and A. S. Uriupina. Annotated by E. R. Obatnina. *Literaturnyi fakt* 8 (2018): 8–67.

- Reznikova, N. V. *Ognennaia pamiat': Vospominaniia ob Aleksee Remizove*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Pushkinskii Dom," 2013.
- Rozanov, V. V. *Uedinennoe*. Paris: Ocharovannyi strannik, 1928.
- Ruzhinskaite, K. "A. M. Remizov i L. I. Shestov: Iz perepiski pisatel'ia i filosofa (1933–1938)." Edited and annotated by K. Ruzhinskaite. *Revue des études slaves* 84, no. 1–2, *Mosaïque slave: Communications de la délégation française au Congrès international des slavistes (Minsk, 20–27 août 2013)*. Edited by V. Jobert (2013): 287–300.
- Vernadskii, V. I. *Dnevniki. 1917–1921*. 2 vols. Vol. 1, *Oktiabr' 1917 – ianvar' 1920*. Kyiv: Naukova dumka, 1994.
- Vremennik Obshchestva družei russkoi knigi*. 4 vols. Edited by G. L. Lozinskii, and Ia. B. Polonskii. Vol. 2. Paris: Ia. Povolotskii i K°, 1928.

«СЛАДКАЯ СМЕРТЬ» В РОМАНЕ АНДРЕЯ НИКОЛЕВА «ПО ТУ СТОРОНУ ТУЛЫ»: *RETRACTATIO*

В. В. Зельченко
(Ереван)

В десятом томе „*Slavica Revalensia*” была напечатана подборка наших комментаторских заметок к роману Андрея Николева (А. Н. Егунова) «По ту сторону Тулы» (Л., 1931), полному многообразных и изощренных аллюзий в диапазоне от Платона до советских шлягеров двадцатых годов (см.: Зельченко 2023: 176–189). В частности, мы обращали внимание на эпизод, в котором главный герой романа беседует с коварным, как выяснится по ходу действия, кулаком Сысоичем:

На прощанье Сысоич еще рассказал о теплых краях, будто охотник там все по деревьям лазал, а вместо ульев там дупла и все пчелы в диком состоянии. Лазал, лазал охотник, обвалился в дупло и утонул в меду.

– Сладкая смерть, – возразил Сергей.

– Кому что сладко, смерти бывают разные, а только вы Федор Федоровичу от нас кланяйтесь, – подмигнул хозяин (Николев 2022: 77).

Мы высказали предположение, что этот сюжет отсылает к истории, которая была записана в 1525 г. Павлом Иовием со слов Дмитрия Герасимова и считается первой печатно зафиксированной русской сказкой: бортник, провалившийся в дупло, наполненное медом, спустя два дня сумел выбраться наружу, ухватившись за крестец медведицы (см.: Зельченко 2023: 183–184). Теперь, однако, мы хотели бы взять это сопоставление назад и указать на иной источник пассажа – текстуально куда более близкий, хотя и неожиданный. Речь идет о финале 78-й главы «Моби Дика» «Цистерны

и ведра», в которой индеец Тэштиго соскальзывает в спермацетовый мешок в голове убитого кашалота и лишь чудом остается в живых:

Now, had Tashtego perished in that head, it had been a very precious perishing; smothered in the very whitest and daintiest of fragrant spermaceti; confined, hearsed, and tombed in the secret inner chamber and *sanctum sanctorum* of the whale. Only one sweeter end can readily be recalled—the delicious death of an Ohio honey-hunter, who seeking honey in the crotch of a hollow tree, found such exceeding store of it, that leaning too far over, it sucked him in, so that he died embalmed. How many, think ye, have likewise fallen into Plato's honey head, and sweetly perished there? (Melville 1952: 255)

В переводе И. М. Бернштейн, изданном в 1961 г., т. е. через тридцать лет после егуновского романа¹, это место передано так:

Ну, а если бы Тэштиго нашел свою погибель в этой голове, то была бы чудесная погибель; он задохнулся бы в белейшем и нежнейшем ароматном спермацете; и гробом его, погребальными дровами и могилой была бы святая святых кашалота, таинственные внутренние китовые покои. Можно припомнить один только конец еще слаще этого – восхитительную смерть некоего бортника из Огайо, который искал мед в дупле и нашел там его такое

¹ Первые русские переводы отрывков из «Моби Дика», посвященных охоте на кашалота (включая рассказ о спасении Тэштиго), оперативно появились еще в 1853 г.; они, однако, были сделаны с французского реферата П.-Э. Доран-Форга, который превратил барочную прозу Мелвилла в познавательный очерк о буднях китобоев и, в частности, выпустил эксцентричный абзац о бортнике из Огайо (см.: Forgues 1853: 505; [Мельвиль] 1853a, № 21: 222; Мельвиль 1853b: 234; Мельвиль 1853c: 115). Ср. послесловие Доран-Форга: «Зачем, напр., к вещам самым положительным, как к китовой ловле, примешивать создания чисто фантастические вместе с существами из костей и тела? Мы думаем, что он также много выиграл бы, если бы не старался щеголять оригинальностью, чисто внешнею, которая состоит в расточительности странных названий, неожиданных отступлений, неуместных жизнеописаний <переводчик спутал *biographie* и *bibliographie*. – В. З.>, лишней учености» (Мельвиль 1853c: 125; оригинал: Forgues 1853: 515). За помощь в работе с недоступными источниками мы признательны Е. В. Кардаш.

море разливанное, что, перегнувшись, сам туда свалился и умер, затянутый медвяной трясиной и медом же набальзамированный. А сколько народу завязло вот таким же образом в медовых сотах Платона <следовало бы «в полной меда голове Платона». – В. З.> и обрело в них свою сладкую смерть? (Мелвилл 1961: 499)

Хотя, как теперь видно, история о незадачливом собирателе меда способна независимо возникать в разные эпохи и в разных культурах, связь текстов Егунова и Мелвилла подкрепляется не только полным сходством версий, но и многозначительным «возражением» Сергея: «Сладкая смерть», которому в «Моби Дике» соответствуют *precious perishing, sweeter end, delicious death* и *sweetly perished*; ср. также именование бортника словом *охотник*, за которым, по-видимому, стоит *honey-hunter* Мелвилла.

О путях знакомства Егунова с малоизвестным в России 1920-х годов американским классиком (мировая слава Мелвилла тогда только начиналась: первый немецкий перевод «Моби Дика» вышел в 1927 г., первый французский – в 1941 г.) мы можем лишь строить не имеющие почвы догадки. Может быть, посредником здесь послужил его знакомец И. А. Лихачев, поклонник и знаток англоязычной литературы, к тому же имевший опыт морских походов: значительно позже, уже в другой жизни, Лихачев переводил Мелвилла, и в том числе «Моби Дика». Д. Н. Дубницкий, познакомившийся с Лихачевым в 1957 г., называет Мелвилла в перечне нескольких авторов, которых тот «не просто любил, а всячески пропагандировал и буквально внедрял в сознание всех окружающих. <...> Их имена просто не могли не знать люди, знакомые с И. А.» (Дубницкий 2006: 141)². Так или иначе, эффектный образ «медовой платоновской головы»,

² О пристрастии Лихачева к Мелвиллу ср. также свидетельство инженера-кораблестроителя Ю. А. Македона, близко знавшего Лихачева с конца двадцатых годов, в письме к Т. Г. Цявловской от 1 января 1973 г.: Тишунина 2024: 540. Любезно откликнувшись на наш вопрос, А. К. Гаврилов (который, в числе прочих пересечений с Лихачевым и Егуновым, участвовал в лихачевском семинаре по переводу «Билли Бадда» Мелвилла) рассказал, что у его школьного друга, биолога К. К. Богуты, хранился экземпляр издания «Моби Дика» «двадцатых или тридцатых годов» с владельческой надписью Лихачева.

сгубившей многих мыслителей, должен был бы остановить внимание Егунова – переводчика Платона.

В заключение констатируем одну любопытную перекличку. В двенадцатой главе романа Набокова “Bend Sinister” (1947) философ Адам Круг просматривает свои выписки, среди которых мелькает листок с разрозненными стихами «из прославленной американской поэмы» – на самом деле, как указал сам автор в предисловии к переизданию 1964 г., это набор случайных пятистопных ямбов из «Моби Дика». После стихотворных цитат фраза продолжается:

...and, of course, that bit about the delicious death of an Ohio honey hunter (for my humor’s sake I shall preserve the style in which I once narrated it at Thula to a lounging circle of my Russian friends) (Nabokov 1996: 291).

А. А. Бабилов первым из комментаторов распознал в этих словах сочетание еще двух цитат из «Моби Дика»: одна была приведена только что, а другая взята из гл. 54 («Повесть о Таун-Хо»; у Мелвилла стоит “at Lima” и “Spanish friends”). Тот же исследователь справедливо отмечает, что набоковская орфография Thula «одновременно указывает на русскую Тулу и на Thule – Туле или Фула, легендарный остров на севере Европы» (Набоков 2025: 501)³. Нет нужды говорить, что этот каламбур лежит и в основе заглавия егуновской книги, которое соединяет место ее действия с аллюзией на фантастический роман Антония Диогена (II в.) «Невероятные приключения по ту сторону Фулы», находившийся в сфере филологических и переводческих интересов кружка АБДЕМ⁴.

Разумеется, это еще не дает оснований предполагать, что Набоков, будь то в Европе или в Америке, каким-то чудом прочел роман неведомого Николева, не имевший резонанса даже и в советской

³ Там же приведены важные сведения о том, как выглядит это место в рукописи романа: фраза “For the humor sake etc.” взята в кавычки как цитата и введена словами “for, as the author of the poem himself put it”; Thula и Russian вписаны вместо зачеркнутых Lima и Spanish.

⁴ В архиве абдемета А. В. Болдырева (частное собрание) сохранился перевод Антония Диогена с введением и примечаниями; сейчас он готовится к публикации.

прессе⁵. Перед нами пусть и удивительное, но совпадение, на миг связавшее двух незнакомых друг с другом соучеников по Тенишевскому училищу⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гаврилов А. К. 2011. О филологах и филологии: Статьи и выступления разных лет / Отв. ред. О. В. Бударagina, А. Л. Верлинский, Д. В. Кейер. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Долгобородова Д. С., Тимофеев В. Г. 2025. Егунов и Набоков: Явные связи и неявные совпадения. – Набоков и современники. Вып. 3. СПб.: Symposium. С. 13–31.
- Дубницкий Д. Н. 2006. Из писем И. А. Лихачева / Публикация, вступительная заметка и примечания Д. Дубницкого. – Звезда. № 6. С. 141–162.
- Зельченко В. В. 2023. В сторону Тулы: Заметки и дополнения к новому изданию романа Андрея Николева. – Slavica Revalensia. Vol. 10. С. 176–189.
- [Мельвиль Г.] 1853а. Китовая ловля: Морские сцены. – Московские ведомости. Литературный отдел. № 20 (14 февр.). С. 210–211; № 21 (17 февр.). С. 221–222; № 22 (19 февр.). С. 230–232.

⁵ Гипотеза о том, что Набоков (как автор рассказа “Ultima Thule”) знал эту книгу, была высказана совсем недавно Д. С. Долгобородовой и В. Г. Тимофеевым (см.: Долгобородова, Тимофеев 2025: 13–31). В качестве оснований для этого сближения, однако, предьявляются «организующая роль отсылок и аллюзий», «существенная роль, отведенная темам потусторонности, бессмертия и памяти», «контраст пространства и событий, в нем разворачивающихся», упоминание мух у Егунова и муравьев у Набокова и прочие настолько универсальные характеристики, что разделить изумление исследователей перед открывшимся сходством («поражает использование обоими авторами конкретных <sic!> образов, мотивов и повествовательных ходов») решительно не выходит.

⁶ По воспоминаниям А. К. Гаврилова, в ответ на просьбу вспомнить что-нибудь о своих школьных встречах с Мандельштамом и Набоковым Егунов отшучивался: «Ну что сказать? Подхожу я как-то к Мандельштаму во время рекреации, а он и говорит мне: “Поэзия есть Бог в святых мечтах земли”» (Гаврилов 2011: 155). Между тем, как сообщила нам К. Е. Константинова, работавшая с архивом Егунова в собрании семьи Сомских, 6 марта 1967 г. тот, прочитав «Дар» и попытавшись навести справки об авторе, писал В. И. Сомскому: «Набоков, оказывается, старше меня годами <на самом деле – на четыре года младше. – В. З.>, так что во время написания “Дара” ему было уже за 60, а книга не производит впечатления старческой, не правда ли?» Это показывает, что за те два года, которые они провели вместе в стенах Тенишевского училища (1911–1913), Егунов не только не общался с Набоковым, но даже и не слышал о нем.

- Мельвиль Г. 1853b. Моби-Дик: Сцены китовой ловли. – Журнал конно-заводства и охоты. Т. 36. № 5. С. 211–244.
- Мельвиль Г. 1853с. Морские сцены: Китовая ловля. – Москвитянин. № 15. Кн. 1. Отд. 8. С. 99–126.
- Мелвилл Г. 1961. Моби Дик, или Белый кит / Иллюстрации Рокуэлла Кента. М.: Государственное издательство географической литературы.
- Набоков В. 2025. Под знаком незаконнорожденных: Роман / Пер. и сост. комментарии А. Бабинов. М.: АСТ; Corpus.
- Николев А. 2022. По ту сторону Тулы: Советская пастораль / Ст. Д. М. Бреслера и К. Е. Константиновой. Комментарий А. А. Агапова, Д. М. Бреслера, К. Е. Константиновой. М.: Носорог.
- Тишунина Т. 2024. Материалы об окружении М. А. Кузмина: Н. Г. Зенгер и И. А. Лихачев. – Русские поэты XX века: Материалы и исследования. Михаил Кузмин (1872–1936) / Под ред. П. В. Дмитриева, Г. В. Петровой. М.: Азбуковник. С. 513–542.

- Forgues, É.-D. 1853. Moby Dick : La chasse à la baleine, scènes de mer. – *Revue des Deux Mondes*, seconde série de la nouvelle période. T. 1. N° 3. P. 491–515.
- Melville, H. 1952. Moby Dick; or, The Whale / Publisher W. Benton. Chicago; London; Toronto; Geneva; Sydney; Tokyo; Manila: Encyclopædia Britannica, Inc.
- Nabokov, V. 1996. Novels and Memoirs: 1941–1951. The Real Life of Sebastian Knight. Bend Sinister. Speak, Memory: An Autobiography Revisited. New York: The Library of America.

REFERENCES

- Dolgoborodova, D. S. and V. G. Timofeev. “Egunov i Nabokov: Iavnye sviazi i neiaivnye sovpadeniia.” In *Nabokov i sovremenniki*. Vol. 3, 13–31. Saint Petersburg: Symposium, 2025.
- Dubnitskii, D. N. “Iz pisem I. A. Likhacheva.” *Zvezda* 6 (2006): 141–62.
- Forgues, É.-D. “Moby Dick: La chasse à la baleine, scènes de mer.” *Revue des Deux Mondes*, seconde série de la nouvelle période 1, no. 3 (1853): 491–515.
- Gavrilov, A. K. *O filologakh i filologii: Stat’i i vystupleniia raznykh let*. Edited by O. V. Budaragina, A. L. Verlinskii, and D. V. Keier. Saint Petersburg: Izdatel’stvo Sankt-Peterburgskogo Universiteta, 2011.
- [Melville, H.] “Kitovaia lovliia: Morskie stseny.” *Moskovskie vedomosti. Literaturnyi otdel* 20–22 (14–19 February, 1853): 210–11; 221–22; 230–32.

- Melville, H. "Moby Dick: Stseny kitovoi lovli." *Zhurnal konnozavodstva i okhoty* 36, no. 5 (1853): 211–44.
- . "Morskie stseny: Kitovaia lovlia." *Moskvitianin* 15, no. 1 (1853): 99–126 (8th pag.).
- . *Moby Dick; or, The Whale*. Publisher W. Benton. Chicago; London; Toronto; Geneva; Sydney; Tokyo; Manila: Encyclopædia Britannica, 1952.
- . *Moby Dick, ili Belyi kit*. Illustrated by Rockwell Kent. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury, 1961.
- Nabokov, V. *Novels and Memoirs: 1941–1951. The Real Life of Sebastian Knight. Bend Sinister. Speak, Memory: An Autobiography Revisited*. New York: The Library of America, 1996.
- . *Pod znakom nezakonnorozhdennykh: Roman*. Translated and annotated by A. A. Babikov. Moscow: AST; Corpus, 2025.
- Nikolev, A. *Po tu storonu Tuly: Sovetskaia pastoral'*. Introduced by D. M. Bresler and K. E. Konstantinova. Annotated by A. A. Agapov, D. M. Bresler and K. E. Konstantinova. Moscow: Nosorog, 2022.
- Tishunina, T. "Materialy ob okruzhenii M. A. Kuzmina: N. G. Sängeri i I. A. Likhachev." In *Russkie poety 20 veka: Materialy i issledovaniia. Mikhail Kuzmin (1872–1936)*. Edited by P. V. Dmitriev, and G. V. Petrova, 513–42. Moscow: Azbukovnik, 2024.
- Zeltchenko, V. V. "V storonu Tuly: Zametki i dopolneniia k novomu izdaniuu romana Andreia Nikoleva." *Slavica Revalensia* 10 (2023): 176–89.

ЭДИП В КЛОНКАХ: К ПОЛИГЕНЕЗИСУ «МЕЛЬНИЧНОГО ЦИКЛА» ХАРМСА

Е. П. Сошкин

(Иерусалим)

I

В 1930–1931 гг. из-под пера Даниила Хармса вышло четыре стихотворения, связанных с мельничным топосом: «Жил мельник...» (далее – ЖМ; 13 января 1930), «Он и Мельница» (далее – ОиМ; 26–28 декабря 1930), «Ohne Мельница» (январь 1931) и, возможно, представляющее собой незаконченный отрывок «Где мельница там и пороги...» (январь–апрель 1931). Эти тексты (но главным образом – первые два) вместе с еще двумя, с мельничным топосом не связанными¹, были кратко проанализированы в статье Н. Перлиной (см.: Perlina 1991: 75–94) с целью проиллюстрировать ряд общих принципов коллективной поэтики обэриутов и идиопоэтики Хармса. В. Н. Сажин в комментариях к подготовленному им собранию сочинений Хармса условно объединил все четыре текста в «мельничный цикл» (далее – МЦ) с добавлением еще одного, более позднего, – «Колесо радости жена...» (1933) (см.: Хармс 1997–2002, 1: 370, 380, 391). К мельничному топосу Хармс обратился также в четверостишии, датированном 1933–1935 гг.: «Случилось так, что кто-то раз...» (см.: Хармс 1997–2002, 4: 189)².

Макароническое немецко-русское название «Ohne Мельница» (‘Без Мельницы’), по наблюдению М. Б. Мейлаха и В. И. Эрля, каламбурно отсылает к названию «Он и Мельница»³ (см.: Хармс

¹ «Виталист и Иван Стручков» (28 декабря 1930) и «Андор» (13–14 января 1931).

² Здесь и далее выбор того или иного научного издания при отсылках к текстам Хармса и их цитировании определяется текущими соображениями, которые при этом не излагаются.

³ В авторской рукописи есть и заглавие «Он и мельница» (как отвергнутый вариант) (см.: Хармс 1997–2002, 1: 384).

1978–1988, 2: 197). Согласно догадке Р. Мильнера-Галланда, оно намекает на распад первого брака поэта (см.: Milner-Gulland 1991: 251–252), т. е. подразумевает знак тождества между Мельницей и Э. А. Русаковой. При этом в лексико-семантическом отношении «Ohne Мельница» ничем, кроме названия, с тремя остальными стихотворениями, похоже, не связано.

Включая в условный цикл стихотворение «Колесо радости жена...», Сажин очевидным образом руководствовался тем, что в нем тоже речь идет о некой антропоморфной мельнице, наделенной женской притягательностью, а также имеются дополнительные схождения с более ранними вариациями этой темы: образ коня (ср. *кнут* в ЖМ, *конку* в ОиМ и *рысака* в «Где мельница...») и обилие генитивных метафор (ср. *твари мудрости зарю* в ОиМ и *собак души* в «Ohne Мельница»). Вместе с тем хронологически оно относится к другому жизненному периоду – после первого ареста, следствия и ссылки, а стилистически представляется более тесно связанным с позднейшими опытами Хармса в жанре молитвы, гимна и т. п.⁴

С другой стороны, можно дополнить МЦ еще одной вещью – стихотворной сценой «Окно» (15 марта 1931), в которой Школьница по приказанию Учителя толчет пестиком зерна в ступке до тех пор, пока не умирает от изнеможения, а Учитель на это замечает, что у него этот случай уже одиннадцатый. Стало быть, школьницы одна за другой подвергаются механизации, хотя и пока что безуспешно. Впоследствии та же участь будет уготована героине рассказа «Кас-сирша» (1936), которую заведующий кооперативным магазином «устроил <...> кассу вертеть», и она ее «вертела, вертела <...> и вдруг умерла» (Хармс 1997–2002, 2: 107). По наблюдению М. Б. Ямпольского, эта касса «из всех хармсовских машин <...> больше всего напоминает мельницу» (Ямпольский 1998: 356).

Разумеется, нужно иметь в виду, что мельничные мотивы появляются и в других, причем крайне важных произведениях Хармса, хотя и не занимают в них центрального места. Можно вспомнить,

⁴ См. развернутый анализ этого стихотворения в: Россомехин 2005b.

например, мышей, которые *трут ладонями муку* в пьесе «Елизавета Бам» (1927)⁵, или образ *большого млина* в финале поэмы «Лапа» (1930)⁶. Кроме того, Хармсу принадлежит рисунок колеса водяной мельницы для эмблемы ОБЭРИУ⁷ (см.: Хармс 2006: 44, 46).

По поводу принципиальной применимости понятия стихотворного цикла к перечисленным произведениям Хармса нужно заметить, что они, по-видимому, не составляют никакого диахронного континуума, будь то сюжетного или чисто логического, определяющего порядок чтения. Мы имеем дело не с последовательным рядом, а с неупорядоченной группой текстов – в полном соответствии с отмеченной Л. С. Флейшманом общеавангардистской тенденцией к переходу «от лексической зауми к “озаумниванию” синтаксиса <...> по линии установления сепаратности кусков и “агрегатного” состояния целого <...>, факультативности следования частей» (Флейшман 1975: 7).

И все же возникает вопрос: чем оправдано объявление нескольких текстов составным художественным целым, пусть даже не упорядоченным, если не считать общности главных мотивов – явления более чем обычного в поэтике Хармса? Думается, естественный аргумент в пользу компоновки условного цикла заключается в том, что поэтическая разработка топоса мельницы неизбежно подразумевает историко-культурный контекст двух классических сочинений, которые представляют собой именно *циклы*: стихотворного цикла Гете о юноше, влюбленном в дочку мельника (1797–1798)⁸, и вокального цикла Шуберта «Прекрасная мельничиха» (1823) на слова Вильгельма Мюллера⁹.

⁵ Об этом образе см.: Ямпольский 1998: 151–152.

⁶ В составе, опять-таки, генитивной метафоры: «мы снова спим и видим сны большого млина» (Хармс 1997–2002, 1: 145). Об этом образе см.: Панова 2017: 451.

⁷ Об этой эмблеме см.: Ямпольский 1998: 306; Россомехин 2005а: 178–189.

⁸ Об этом цикле Гете в связи с текстами «мельничного цикла» см.: Хармс 1978–1988, 2: 197; Хармс 1997–2002, 4: 189; Хармс 2001: 978; Ямпольский 1998: 314–315.

⁹ О цикле Шуберта в иной связи с «мельничным циклом» см.: Perlina 1991: 182–183.

2

В ОиМ в качестве действующего лица выступает антропоморфная мельница. В комментарии Мейлаха и Эрля в первом собрании сочинений Хармса и восходящем к нему комментарии в антологии «Поэты группы ОБЭРИУ» этот женский персонаж трактуется как, соответственно, коннотант дочери мельника (см.: Хармс 1978–1988, 2: 197) и просто как дочь мельника (а *Мельница*, стало быть, – как неологизм со значением ‘дочь мельника’; см.: ПГО 1994: 606). Но, думается, правильнее будет, вслед за Перлиной (см.: Perlina 1991: 183–184), определить Мельницу как двуединый образ, представляющий собой одновременно водяную мельницу и дочь мельника без доминирования той или другой из этих двух сущностей¹⁰.

В ЖМ *мельница* и *дочь мельника* соприсутствуют в тексте, но прямо друг с другом не отождествляются. Аналогичным образом в отрывке «Где мельница...» сперва упоминается *мельница* в значении места, а затем появляются *дочери мельника*: «Где мельница там и пороги / льют воду свысока / и дочери мельника недотроги / выводят в поле рысака» (Хармс 1978–1988, 3: 97)¹¹. Все «мельничные» сегменты выстраиваются в единый ряд, вполне однозначно характеризующий дочерей мельника – этот множественный предмет страсти, исходящей от *рысака* (= *жеребца*): *пороги* (символ неприступности), *льют воду* (ср. фразеологизмы «как холодной водой окатить», «холодный душ»), *свысока*, *недотроги*. Соответственно, фраза *выводят в поле* здесь может означать ‘выводят вон’. Характеристика дочерей мельника, *недотроги*, ранее появлялась в финале ОиМ, в уккоризненном обращении героя к Мельнице, причем – в составе той же самой рифмопары *недотрога–порога*: «Вы обманщица. / Вы недотрога. /

¹⁰ Показательно, что в одном из черновых набросков к этому диалогу в такой же роли ускользающей от мужчины женской фигуры действует некто Лампа (см.: Хармс 1978–1988, 2: 196).

¹¹ Далее по тексту в этом издании следует черновое двустушие: «[едва к оврагу подвели / он камни закинул ногами]» (см. о нем: Ямпольский 1998: 303). В издании: Хармс 1997–2002, 1: 222 – это стихотворение озаглавлено «Колода» (на основе данных, о которых см.: Хармс 1978–1988, 3: 219).

И впредь моя нога / не переступит вашего порога». В контексте отрывка «Где мельница...» становится очевидным, что эта концовка каламбурно смешивает дверной и речной пороги, тем самым удостоверяя двуединство дочери мельника с гидротехническим сооружением.

На этих первых двух (по времени написания) стихотворениях МЦ и будет сфокусирован дальнейший анализ.

Жил мельник
дочь его Агнесса¹²
в кругу зверей шутила днями
пугая скот, из недр леса
ее зрачки блестят огнями.
Но мельник был свиреп и зол
Агнессу бил кнутом
возил ячмень из дальних сел
и ночью спал потом.
Агнесса мельнику в кадык
сажает утром боб
рычит Агнесса. Мельник прыг
но в двери входит поп.
Агнесса длинная садится
попа сажает рядом в стул
крылатый мельник. Он стыдится
ах если б ветер вдруг подул
и крылья мельницы вертелись
то поп Агнесса и болтун
на крыше мельника слетелись
и мельник счастлив. Он колдун.
(Хармс 1999: 140)

¹² В издании: Хармс 1997–2002, 1: 116 – имя героини содержит лишь одну букву «с»: Агнеса.

ОН И МЕЛЬНИЦА¹³

О н –

Простите. Где дорога в Клонки?

М е л ь н и ц а –

Не знаю.

Шум воды отбил мне память.

О н –

Я вижу путь железной конки.

Где остановка?

М е л ь н и ц а –

Под липой.

Там даже мой отец сломал себе ногу.

О н –

Вот ловко!

М е л ь н и ц а –

Ей-Богу!

О н –

А ныне ваш отец здоров?

М е л ь н и ц а –

О да, он учит азбуке коров.

О н –

Зачем же тварь

учить значкам?

Кто твари мудрости заря?

¹³ Цит. по: Хармс 1999: 164–168 с незначительными корректировками оформления на основе сверки с фрагментом авторской рукописи, приводимым там же на с. 165, и более ранними изданиями, также подготовленными М. Б. Мейлахом (совместно с другими текстологами): Хармс 1978–1988, 2: 83–85; ПГО 1994: 293–295.

М е л ь н и ц а –

Букварь.

О н –

Зря, зря.

М е л ь н и ц а –

Поднесите-ка к очкам

мотылька.

Вы близоруки?

О н –

Очень.

Вижу среди тысячи предметов...

М е л ь н и ц а –

Извините, среди сколькá?

О н –

Среди тысячи предметов

только очень крупные штуки.

М е л ь н и ц а –

В мотыльке

и даже в мухе

есть различные коробочки

расположенные в ухе,

на затылке – пробочки.

Поглядите.

О н –

Погодите,

запотели зрачки.

М е л ь н и ц а –

А что это торчит из ваших сапог?

О н –

Стручки.

М е л ь н и ц а –
Трите слева глаз направо.

О н –
Фу ты! треснула оправа!

М е л ь н и ц а –
Я замечу вам: глаз нé для
развлечений разных дан.

О н –
Разрешите вас в бедро поцеловать немедленно.

М е л ь н и ц а –
Ах отстаньте хулиган!

О н –
Вы жестоки. Что мне делать?
Я ослеп. Дорогу в Клонки
не найду.

М е л ь н и ц а –
И конки
здесь не ходят на беду.

О н –
Вы обманщица.
Вы недотрога.
И впредь моя нога
не переступит вашего порога.

всё

По поводу имени Агнес(с)а Сажин отмечает, что «стихотворение написано накануне дня памяти непорочной Агнии; возможно, это совпадение случайно, но, независимо от того, избранное Хармсом экзотическое имя сигнализирует об уже встречавшейся у него оппозиции девственность/распутство» (Хармс 1997–2002, 1: 370). По наблюдению Перлиной, имя Агнесса подвергается псевдо-

этимологизации посредством фразы «ее зрачки блестят огнями». Благодаря тому, что блестят они «из недр леса», подобно зрачкам ночных хищников, Агнесса предстает лесной девой и, по примеру самого мельника, колдуньей (см.: Perlina 1991: 183).

В связи с фигурой мельника-колдуна в ЖМ указывалось на теснейшую связь фольклорного мельника с нечистой силой, широко отразившуюся и в литературной традиции. К приводившимся примерам¹⁴ добавлю только один, заведомо известный и небезразличный Хармсу, – из поэмы Хлебникова «Поэт. Весенние святки» (1919, 1921):

И забыв про ночные леса,
И мельника с чортом божбу,
И мельника небу присягу,
Глухую его ворожбу,
И игор подводных отвагу <...>
(Хлебников 1928–1933, 1: 155)

3

Но главный хлебниковский подтекст ЖМ – это поэма «Вила и Леший. Мир» (1912). Начинается она с того, что *младая* (т. е. Вила) в разгар полуденного зноя *дразнит овцу*, у которой от этого *каплют слезы*; ср. дневные занятия Агнессы: «в кругу зверей шутила днями / пугая скот». В обоих произведениях героя и героиню, связанных с колдовскими силами, объединяет взаимное влечение, каковому препятствуют возрастная дистанция между ними (принадлежность к разным поколениям), целомудрие героини и – у Хармса – табу на кровосмешение. В итоге это влечение сублимируется в форме различных садистических актов. В частности, обе героини совершают озорные действия над спящим героем. Вот фрагмент «Вилы

¹⁴ Среди которых – комическая опера М. Соколовского по пьесе А. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват» (1779) (см.: Perlina 1991: 182). Примечательно, что пара влюбленных из этой оперы упоминается в лицейском стихотворении Пушкина «К Наталье» (1813), которое Хармс прозрачно реминисцирует в стихотворении «ноты вижу...» (1933) (см.: Козюра 2019: 240).

и Лешего», в котором Вила, предаваясь таким забавам, *блещет зарницей глаз* (ср. *зрачки блестят огнями*), причем одна из ее шалостей состоит в том, что она *садит* Лешему на брови комаров (ср. *в кадык сажает... боб*):

Над лысой старостью глумится
Волшебноокая девица.
Хребтом прекрасная сидит,
Огнем воздушных глаз трепещет,
Поет, смеется и шалит,
Зарницей глаз прекрасных блещет
И сыплет сверху муравьев.
Они звончее соловьев
На ноги спящего поставят
И страшным гневом позабавят.
Как он дик и как он согнут,
Веткой длинною дрожа,
Как персты его не дрогнут,
Палкой длинной ворожа.
Как дик и свеж
Владыка мреж!
«Я в сеть серебряных ячеек,
Попавши сомом, завоплю,
В хвосте есть к рыбам перешеек¹⁵,
Им оплеуху налеплю!»

Руко<ю> ловит комаров
И садит спящему на брови:
«Ты весел, нежен и здоров,
Тебе не жалко капли крови.
Дубам столетним ты ровесник,
Но ты рогат, но ты кудесник».
(Хлебников 1928–1933, 1: 126–127)

¹⁵ Ср. в ОиМ: «В мотыльке / и даже в мухе / есть различные коробочки». – Е. С.

Как уже говорилось, поэтологическое усилие, объединяющее группу «мельничных» стихотворений в условный цикл, опирается на жанрово-тематические прототипы, в числе которых – стихотворный цикл Гете о любви к дочери мельника. Сажин отмечает (см.: Хармс 2001: 978), что зачин стихотворной сцены Хармса «Вода и Хню» (29 марта 1931): «Куда куда / спешишь ты вода?» (Хармс 1997–2002, 1: 194) – представляет собой реминисценцию двух сходных зачинов из этого цикла Гете, и цитирует их в переводе П. Вейнберга по изданию 1892 г.: «Куда, куда поспешно так, / Хорошенькая мельничиха? <...>» («Молодой дворянин и мельничиха»); «Куда, прозрачный ручеек, / Куда так бойко / Ты мчишься, весел и легок?» («Подмастерье и мельничный ручей») (Гете 1892: 117–118). Между тем похожим образом начинались и первые наброски ОиМ¹⁶:

куда спешите?

оставьте мальчик

мою дорожку

вертеться между вереском

Ах мельница

сотрете ножку

о валуны

пустите мальчик

вы все проказники

все шалуны

я вам на праздники

чулки куплю

Ах полюбите

не полюблю

¹⁶ Ср.: «По-видимому, непосредственным источником хармсовской интерпретации мотива мельницы стал цикл стихотворений Гете 1797 года о дочке мельника, юноше и ручье» (Ямпольский 1998: 314).

Мельник – вы куда бежите?
Лампа – вот моя дорожка
(убегает в темный стог)
Мельник – вон мелькает ножка
(Хармс 1978–1988, 2: 195–196)¹⁷

Но поскольку присутствие поэмы Хлебникова среди подтекстов МЦ можно считать установленным, то, следовательно, и комбинированная реминисценция из Гете, заключенная в обращении к Воде/Мельнице/Лампе, опосредована текстом «Вилы и Лешего»:

Неслась веселая вода.
Постой, разбойница, куда?
(Хлебников 1928–1933, 1: 125)

4

В ОиМ Перлина выявила несомненную реминисценцию из поэмы Заболоцкого «Торжество Земледелия» (1929–1930):

Воспряньте, умные коровы,
Воспряньте, кони и быки!
Отныне, крепки и здоровы,
Мы здесь для вас построим кровы
С большими чашками муки.
Разрушив царство сох и борон,
Мы старый мир дотла снесем
И букву А огромным хором
Впервые враз произнесем!
(Заболоцкий 2002: 153–154)

¹⁷ Г. А. Левинтон любезно указал мне вероятный источник мотива чулок как мельничного атрибута – стихотворение Козьмы Пруткова (впервые опубликованное в 1861 г.): «Я встал однажды рано утром, / Сидел впросонках у окна; / Река играла перламутром, / Была мне мельница видна, / И мне казалось, что колеса / Напрасно мельнице даны, / Что ей, стоящей возле плеса, / Приличней были бы штаны. <...>» (СКП 1959: 315).

Ср.: «– ...он учит азбуке коров. – Зачем же тварь / учить значкам? / Кто твари мудрости заря? – Букварь. – Зря, зря». Как отметила Перлина, Хармс апеллирует к неовиталистской утопии Заболоцкого также и в написанном встык с ОиМ стихотворении «Виталист и Иван Стручков», причем связь между этими двумя текстами Хармса дополнительно выражается в параллелизме фамилии Стручков и такого обмена репликами: «– А что это торчит из ваших сапог? – Стручки» (см.: Perlina 1991: 184–185).

Параллелизм этим не ограничивается: обладатель ног-стручков не приемлет идею ликбеза среди животных, Иван же Стручков отвергает рассуждения виталиста о сокровенных тайнах природы. При этом стручки, торчащие из сапог, можно интерпретировать как фактор, дискредитирующий их обладателя, низводящий его на вегетативный, до-животный уровень эволюции. А если так, то и фамилия Стручков дискредитирует позицию своего носителя.

Аргументы в пользу виталистской доктрины звучат и в реакции Мельницы на замечание собеседника о бессмысленности обучения коров. Мельница приводит в пример создания, бесконечно уступающие корове по своим размерам и значительности: «В мотыльке / и даже в мухе / есть различные коробочки / расположенные в ухе, / на затылке – пробочки». Коробочки в ухе насекомого – это, должно быть, некие потайные вместилища, а пробочки на затылке – некие печати, оберегающие содержимое этих коробочек. Мельница имеет в виду, что даже в насекомых заключены сокровенные тайны природы.

ОиМ написано большей частью 26 декабря, а 28 декабря датируется только, согласно собственной записи Хармса, «эпизод, где Он просит Мельницу, чтобы она позволила ему поцеловать ее в бедро» (Хармс 1978–1988, 2: 197). И в этот же день, 28 декабря, написано «Виталист и Иван Стручков». Таким образом, фамилия Стручков, по-видимому, произведена от образа ног-стручков, а не наоборот. Сам же этот образ, как представляется, восходит к мотиву боба, посаженного Агнессой в кадык спящему отцу¹⁸. В рамках целостного

¹⁸ Нельзя не отметить прямую аналогию между посадкой боба в кадык и тем этиологическим содержанием, которое заключено в альтернативном обозначении

изучения МЦ эта преемственность между двумя персонажами – мельником первого стихотворения и безымянным героем второго, расспрашивающим Мельницу о ее отце-мельнике, как мы увидим в дальнейшем, крайне важна.

Действие *сжать боб в кадык* можно истолковать как аналогичное таким действиям, как *всадить пулю, засадить дробью* и пр.¹⁹ В теоретическом тексте «Одиннадцать утверждений Даниила Ивановича Хармса» (18 марта 1930) читаем: «Предмет обезоружен. Он стручок. Вооружена только куча» (Хармс 1997–2002, 2: 304)²⁰. Соответственно, жалкие ноги-стручки нужно понимать как *незаряженные*²¹.

5

Главным объектом литературных аллюзий в ЖМ и ОиМ, по единодушному мнению комментаторов, является неоконченная драма Пушкина «Русалка» (1829–1832) как центральный текст на тему обольщения дочери мельника в русской литературе (см.: Хармс 1978–1988, 2: 197 и др.). В частности, Перлина отмечает, что образы *крылатого мельника* и *крыльев мельницы* (ЖМ) отсылают

кадыка – адамово яблоко. Вспомним, во-первых, что популярнейший теологический хиазм представляет Адама таким же непорочным отцом Евы, как Новую, или Вторую Еву – непорочной матерью Нового, или Второго Адама (но только первая из двух пар еще и состоит в супружеских отношениях), а во-вторых – что при создании Евы Бог навел на Адама крепкий сон. Последующую утрату им бдительности во время грехопадения Евы и даже его собственное грехопадение иудейская и христианская экзегеза объясняли тем, что он спал (кстати, спящий пассивный Адам и бодрствующая активная Ева либо Лилит – расхожее нарративное и изобразительное клише русского модернизма). Парадоксальное осеменение спящего отца инициативной мельниковой дочерью коннотирует и с другими библейскими сюжетами – об оскотлении Ноя сыном и о сожительстве дочерей Лота с отцом.

¹⁹ Ср. *стрельбу горохом*, словосочетание *огорошить дубиной* (приводимое в словаре Даля), *свинцовую горошину* в четверостишии Ахматовой (1937) и т. п., а также смертоносную семантику гороха в одном из «Случаев» (1936): «Однажды Орлов обжелься толченым горохом и умер» (Хармс 1997–2002, 2: 330).

²⁰ Об «Одиннадцати утверждениях» см.: Жаккар 1995: 98–99.

²¹ См. также топографический «план Аменхотепа» в «Лапе» в виде человеческой фигуры, на чьей правой ноге написано снизу вверх «нога өинит.», а на левой – сверху вниз «нога цисөинит.» (Хармс 1997–2002, 1: 133).

к пушкинскому безумному мельнику, вообразившему себя вороном, и его оперному воплощению в «Русалке» Даргомыжского (1856), которое стало одной из коронных ролей в репертуаре Шаляпина (см.: Perlina 1991: 183).

В 12-м (декабрьском) выпуске «Нового мира» за 1930 год появилось пастернаковское «Вступление к поэме “Спекторский”». Если ко времени написания ОиМ (26–28 декабря) этот выпуск увидел свет и добрался до Ленинграда²², то, возможно, определенный импульс к очередному обращению Хармса к мельничному топосу исходил от концовки «Вступления»:

Чужая даль. Чужой, чужой, из труб
По пням и шляпам шлепающий дождик,
И отчуждением обращенный в дуб,
Чужой, как мельник пушкинский, художник.

Как известно, «Вступление» появилось позднее основного текста «Спекторского». Ранее, в июле 1927 г., Хармс делал выписки из «Спекторского» в записной книжке № 9 (см.: Хармс 1997–2002, 5: 165). К началу 1930-х гг. Хармс продолжает испытывать к Пастернаку пиетет²³, который сменится иронически-уничижительным отношением ближе к середине десятилетия²⁴.

²² К сожалению, мне не удалось это выяснить. Единственное известное мне сообщение о выходе номера появилось на страницах «Известий» за 29 декабря вместе с объявлением о подписке на журнал на 1931 год: «ВЫШЛА из ПЕЧАТИ и рассылается подписчикам ДВЕНАДЦАТАЯ (ДЕКАБРЬСКАЯ) КНИГА ЖУРНАЛА “НОВЫЙ МИР”» (Известия. 1930. № 358. 29 декабря. С. 6). Предыдущее аналогичное объявление, о выходе 11-го выпуска журнала, также приуроченное к объявлению о подписке на 1931 год, появилось в «Известиях» № 319 за 20 ноября, а 6 ноября и 1 декабря подписка на 1931 год рекламировалась без упоминания о свежих номерах журнала. Благодарю за справку анонимного читателя моего блога.

²³ О причинах актуальности Пастернака для чинарей/обэриутов см.: Флейшман 1975: 3–8.

²⁴ В связи с, «прежде всего, изменившимся местом в писательско-поэтической иерархии, которое было закреплено за Пастернаком после Первого съезда Союза писателей в 1934 году. Всякие сомнения на этот счет, если они еще и существовали у Хармса, могли быть им откинuty после сообщений советских газет о поездке Пастернака на антифашистский конгресс в Париж в 1935 году в составе делегации советских писателей.

Помимо крылатости мельника, следует отметить еще один общий для Пушкина и Хармса (в ОиМ) мотив, который можно определить как некое действие, совершаемое бывшим мельником над коровами. Вот что о себе сообщает пушкинский персонаж:

...С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилке
Сижу, да каркаю.
(Пушкин 1937–1959, 7: 206)

Этот мотив Хармс увязывает с аллюзией на следующие размышления князя после встречи с помешанным мельником:

...человек, лишенный
Ума, становится не человеком.
Напрасно речь ему дана, не правит
Словами он, в нем брата своего
Зверь узнает, он людям в посмеянье,
Над ним всяк волен, бог его не судит.
(Там же: 207–208)

В восприятии князя умалишенный мельник и в самом деле перестал быть человеком, опустился до уровня зверя (именно с точки зрения князя мельник назван *чужим* в «Спекторском»²⁵). У Хармса же бывший мельник, наоборот, просвещает животных, возвышая их до уровня человека.

У Пушкина мельник-сводник потворствует влюбленной в князя дочери. Беременная и оставленная князем, она винит отца в попустительстве, прежде чем утопиться в Днепре:

Об истинных чувствах и ощущениях Пастернака той поры сторонний наблюдатель (каким в данном случае и был Хармс) естественно догадываться не мог, однако пастернаковская лояльность, востребованность и «успешность» бросались в глаза» (Сергеева-Кляtis, Россомехин 2015: 725–726).

²⁵ Иную точку зрения высказал Л. С. Флейшман, доказывая, что «мельник именуется *чужим* с точки зрения дочери-русалки» (Флейшман 1981: 167).

...тебе отдать
Велел он это серебро, за то,
Что был хорош ты до него, что дочку
За ним пускал таскаться, что ее
Держал не строго... В прок тебе пойдет
Моя погибель.

(Там же: 195)

Как и в случае с характером той личностной перемены, что постигла бывшего мельника, Хармс (в ЖМ) подвергает обращение мельника с дочерью инверсии: из-за ее лесных вылазок тот «был свиреп и зол / Агнессу бил кнутом» (т. е. *держал строго*). Мельник как воплощение репрессивного мужского контроля в дальнейшем появится у Пушкина в песенке Франца «Воротился ночью мельник...» в «Сценах из рыцарских времен» (1835) (ср. у Хармса: *и ночью спал потом*). Вместо отца-сводника мельник здесь выступает в роли обманутого мужа, но, в сущности, речь идет о другом изводе той же самой коллизии. Примечательно, что в инвариантном сюжете, который обработал Пушкин, обычно действуют другие пары акторов: отец и дочь или брат и сестра, а комический допрос получает злополучный исход: в средневековой балладе, имевшей хождение по всей Скандинавии и за ее пределами, находчивая героиня узнает, что ее находчивость бесполезна, поскольку отец/брат уже убил ее возлюбленного; ночью она поджигает родную усадьбу и – last but not least – убегает в лес (см.: СБ 1978: 156–158).

Наконец, можно усмотреть намек на пушкинскую «Русалку», где действует Княгиня, в уже упоминавшейся как примыкающая к МЦ стихотворной сцене «Окно»; здесь Учитель отмахивается от жалоб Школьницы: «Подумаешь, какая княжна!» (Хармс 1978–1988, 3: 15).

6

По моему убеждению, общий вектор разработки мотивов пушкинской драмы в МЦ не может быть определен и проанализирован без учета не замеченного до сих пор самого базисного подтекста, каковым является миф об Эдипе. Свой канонический вид он приобрел

в версии Софокла, который посвятил Эдипу первые две трагедии фиванской трилогии – «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне». Миф общеизвестен, но для связности дальнейшего изложения стоит проговорить ключевые моменты.

Фиванскому царю Лаию было предсказано, что он погибнет от руки своего сына. Когда сын родился, Лаий, дабы не осквернять себя сыноубийством, велел проколоть младенцу ноги и бросить его умирать в горах. Там его нашел пастух, отнесший ребенка к царю и царице Коринфа. Приемные родители нарекли найденыша Эдип, т. е. 'Имеющий распухшие ноги', и воспитали как родного сына. Таковым он себя и считал. Когда Эдип возмужал, оракул предсказал ему, что он убьет отца и женится на матери. Во избежание этого Эдип покинул Коринф и направился в Фивы. По пути ему повстречалась колесница. Возница и его господин обошлись с Эдипом грубо, и в завязавшейся потасовке Эдип перебил своих обидчиков, не подозревая, что в колеснице ехал его родной отец Лаий. Затем Эдип избавил Фивы от чудовищной Сфинкс (Сфинги), разгадав ее загадку. В своей наиболее распространенной версии загадка имеет следующий вид: *Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?* (Отгадка: *Человек, ведь он в детстве ползает на четвереньках, во взрослом возрасте ходит на двух ногах, а в старости опирается на палку.*) Благодарные фиванцы возвели Эдипа на престол, женив его на овдовевшей царице – его собственной матери Иокасте. В браке с Иокастой у Эдипа родились два сына и две дочери²⁶. Когда Фивы постигла моровая язва, было получено предсказание, что эпидемия не прекратится, пока из города не будет изгнан убийца Лаия. В ходе дознания открылась правда о невольных преступлениях Эдипа – отцеубийстве и кровосмешении. В отчаянии Иокаста совершила самоубийство, а Эдип выколол себе глаза и стал бездомным скитальцем, сопровождаемый дочерью Антигоной. Умер Эдип в пригороде Афин – Колоне.

Герой Хармса спрашивает Мельницу, «где дорога в Клонки». *Клонки* – вымышленный топоним, русифицированная версия *Колона*.

²⁶ В дософокловой, более реалистичной, но менее драматичной версии мифа дети родились у Эдипа во втором браке, в который он вступил после самоубийства Иокасты.

«Путь железной конки» как раз и указывает дорогу в Колон-Клонки, поскольку полное название того Колона, в который прибыл Эдип, было Конный Колон. Как пояснялось в одном из античных предисловий к «Эдипу в Колоне», «действие происходит в Колоне, называемом Конным. Существует ведь и другой Колон – Торговый» (Софокл 1990: 457). В самой трагедии страж сообщает Эдипу: «...здесь Колон-наездник – / Вот этот самый – пращуром слывет» (Там же: 62). Соответственно, Ф. Ф. Зелинский, реконструируя место действия пьесы во вступительной ремарке к своему переводу (в составе трехтомника Софокла, вышедшего в 1914–1915 гг. в издательстве Сабашниковых), писал: «Слева – конная статуя героя Колона» (Там же: 554). Павсаний в «Описании Эллады» сообщает: «Здесь же показывают местность под названием “Конный Колон”, где, говорят, Эдип в первый раз вступил на Аттическую землю, хотя и это противоречит сказаниям Гомера, а дальше жертвенник конному Посидону и конной Афине, и алтарь героям: Пирифою и Фисею, Эдипу и Адрасту» (Павсаний 1887–1889: 215).

Так же, как мифический Эдип, герой Хармса страдает дефектом ног, тощих и в то же время опухших, наподобие стручков: «А что это торчит из ваших сапог? – Стручки».

Так же, как Эдип, он себя ослепляет: «Трите слева глаз направо. – Фу ты! треснула оправа! <...> Я ослеп».

С греческим мифом перекликается и такой мотив, как отсутствие отца-мельника на мельнице. Подобно тому как Эдип является в город, оставшийся без правителя, герой Хармса застаёт Мельницу/мельницу без отца-мельника. Этот мотив показывает чуткость Хармса к древнейшей метафоре города как желанной женщины.

Далее, в третьем эпизоде «Царя Эдипа», из Коринфа в Фивы прибывает старый вестник, чтобы известить Эдипа о смерти его приемного отца. Старик обращается к Эдипу «дитя», а затем между ним и Эдипом происходит такой диалог:

В е с т н и к

Нет общей крови у тебя с Полибом.

Э д и п

Что ты сказал? Отец мой – не Полиб?

В е с т н и к

Ничуть не более чем я, поверь мне!

Э д и п

Ты бредишь! Он отец мой, ты – ничто.

В е с т н и к

Ты не был сыном ни ему, ни мне.

Э д и п

Но как же? Сыном он ведь звал меня!

В е с т н и к

А получил – из этих самых рук. <...>

Э д и п

А ты... купил меня? Иль подобрал?

В е с т н и к

Нашел тебя... в долине Киферона. <...>

Был горных стад надсмотрщиком тогда я.

Э д и п

Ты пастухом был? Батраком скитался?

В е с т н и к

Я был твоим спасителем, мой сын.

(Софокл 1990: 40)

В четвертом же эпизодии мы узнаем историю единственного из спутников Лаия – глашатая, которому удалось спастись. Узнав в новом царе Фив убийцу своего господина, он упросил Иокасту отпустить его на дальние пастбища в качестве пастуха. Таким образом, символическими заместителями обоих отсутствующих отцов – действительного и приемного – у Софокла являются *пастухи*. Один из них превратился из пастуха в вестника, другой из глашатая сделался пастухом, но в обоих случаях косвенным виновником смены рода занятий оказался Эдип. Так же и у Хармса отец Мельницы после травмы превращается из мельника в кого-то наподобие пастуха: «он учит азбуке коров»²⁷.

²⁷ Аналогичная перемена постигает и пушкинского героя, который после этого и обозначается уже не как *Мельник*, а как *Старик*.

Поскольку на идиолекте Хармса *Мельница* в первую очередь означает дочь мельника, а ноги-стручки героя ведут свою генеалогию от *боба*, посаженного дочерью мельника в кадык отцу в ЖМ, герой ОиМ потенциально доводится героине отцом, сыном и братом в тех или иных комбинациях. И действительно, различные аспекты диалога позволяют соотнести Мельницу и с матерью Эдипа Иокастой, и с его дочерью Антигоной, и со Сфинкс (которая, кстати сказать, по сообщению Павсания, была побочной дочерью Лаия (см.: Павсаний 1887–1889: 718), т. е. доводилась Эдипу единокровной сестрой, причем «по некоторым версиям Эдип лиш<ил> ее силы <...> путем брачного соединения». – Пропп 1976: 289).

Так, домогательства героя к Мельнице («Разрешите вас в бедро поцеловать немедленно») ставят ее в положение Иокасты. Поскольку Мельница по определению пребывает в положении стоя, поцелуй в бедро подразумевает одно из двух: либо герой должен наклониться или опуститься на колени (на что в тексте нет никаких намеков), либо Мельница обладает гигантским ростом, что вполне естественно для мельницы как постройки (и вызывает ассоциации с «Дон Кихотом») ²⁸. Но есть и третья возможность: разница в габаритах может отражать соотношение между ростом взрослой женщины и мальчика: хотя Эдип отправился в Колон на склоне дней, герои Хармса в черновой редакции диалога звались *Мальчик* и *Она* (см.: Хармс 1978–1988, 2: 196). Можно допустить, что Она годится Мальчику в матери.

С Антигоной Мельница соотносится благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, она себя аттестует как *дочь* отсутствующего отца (мельника) и жалуется на беспамятство; при этом безымянный

²⁸ В этой связи Евгений Козюра любезно поделился со мной наблюдением о том, что в стихотворении «был он тощъ высок и строен...» (ноябрь 1930), отброшенный финал которого вызывает отдаленные мельничные ассоциации («И всю ночь соседний прах / Лежа пристально в гробу / Слышал будто бы в руках / Терли пшеничную крупу». – Хармс 1997–2002, 1: 378), тоже содержится мотив великанского роста возжеленной героини («ростом вверх до потолка», она в могиле «стала лишь длиннее»). Обратим внимание также на мотив мертвой коровы, имеющий вероятное пушкинское происхождение: «подовившись лбом коровы / оба умерли увы» (Там же: 164).

пришелец как-то связан с мельником своими ногами-стручками. Сочетание всех этих факторов позволяет допустить, что незнакомец является ее отцом, не узнанным ею и не узнающим ее. Во-вторых, поведение Мельницы характеризует ее в качестве, так сказать, анти-Антигоны, дистрибутивного двойника Антигоны: если Антигона была верным поводырем слепого Эдипа, то статичная Мельница доводит пришельца до слепоты и отказывает ему в навигации. Она уверяет героя, что остановка конки находится под липой, и добавляет: «Там даже мой отец сломал себе ногу». Упоминание об отце кажется не идущим к делу и призвано, судя по всему, придать бóльшую достоверность словам о местонахождении остановки. На это указывает и союз *даже*, в то время как слово *липа* наводит на мысль о дезинформации. И действительно, в дальнейшем Мельница опровергает саму себя, издевательски заявляя, что «конки / здесь не ходят на беду», герой же ей в ответ бросает: «Вы обманщица».

Наконец, соотнесенность Мельницы со Сфинкс основывается прежде всего на *агрегатности* каждой из них, каковая включает в себя два одинаковых элемента: лицо женщины (у Мельницы – по умолчанию) и крылья (но если в стихотворении «Жил мельник» мельничные крылья названы прямо, то здесь они как бы редуцированы к образу мотылька). Кроме того, один из предложенных Мельнице вопросов: «Кто твари мудрости заря?» – содержит характерную для Хармса удвоенную генитивную метафору, сконструированную по образцу скальдических кеннингов, и очень напоминает загадку. Симметричным образом односложный ответ Мельницы: «Букварь» – звучит как отгадка. При этом неясно, к какому неодушевленному объекту относится местоимение *кто* – к *твари мудрости заре* или к *Букварю*. Соответственно, либо первая аллегорически персонифицирует собою второго, либо второй – первую. Казалось бы, следующая за этим реакция героя: «Зря, зря» – не позволяет воспринять его предшествующий вопрос как загадку, поскольку эта реакция задним числом дает понять, что вопрос был вызван дефицитом информации, а не намерением испытать собеседницу. Но до момента реакции, в реальном времени восприятия вопроса и

ответа мы вправе интерпретировать их как загадку и отгадку соответственно, и эта смысловая потенция в конкретный момент чтения важна для поэтики Хармса²⁹. Более того, с учетом столь характерных для последней узуальных смещений, реплику «Зря, зря» можно истолковать в том смысле, что загадка Мельницей не отгадана. В таком случае можно допустить, что обращенный к Мельнице вопрос пересекается с загадкой Сфинкс – что *заря* в греческом источнике соответствует *утро* (ср. крылатую метафору «на заре жизни»). Тогда правильный ответ, по-видимому, – не *Букварь*, а *Человек*, т. е. тот, *кто* (а не что) *учит азбуке коров* (= *тварей мудрости зря*). Смена же коммуникативного вектора между Сфинкс как адресантом загадки и Эдипом как ее адресатом в поэтике Хармса едва ли нуждается в специфической мотивировке (ср. хотя бы поведение Мельницы как «анти-Антигоны»). Тем не менее стоит упомянуть, что в несохранившейся сатировской драме Эсхила «Сфинкс», дополнявшей фиванскую трилогию, заглавная героиня не загадывала загадку Эдипу, а, наоборот, отгадывала *его* загадку.

7

В связи с мотивом самоослепления как исходным компонентом греческого мифа обращает на себя внимание модернизирующая надстройка – очки. Указания Мельницы, подменяющие действие жерновов: «Трите слева глаз направо», – и результат их выполнения: «Фу ты! треснула оправа!» – буквализируют фразеологизм из лексикона эпохи: *очковтирательство*³⁰. Оставляя за скобками возможный

²⁹ Ср. компаративное обобщение Я. С. Друскина: «Расширение моей жизни с е й ч а с до всей жизни, в пределе до бесконечности – серьезность и святость, сужение до мгновения – серьезность и мудрость – это два пути. Первый искал Хармс, второй – Введенский» (СД 1998: 55). Здесь и далее шрифтовые выделения в цитатах, забранных в кавычки либо выделенных петитом, принадлежат источнику.

³⁰ Судя по НКРЯ, слова «очковтирательство», «очковтиратель» вошли в употребление только в 1920-е годы. Старинный фразеологизм «втирать очки», от которого они были образованы, по известной гипотезе В. В. Виноградова, восходит к картежному жаргону. Эта гипотеза обстоятельно оспаривается в статье И. А. Горбушиной; согласно выводам исследовательницы, фразеологизм изначально подразумевал очки как оптический

намек на очки «виталиста» Заболоцкого (даром что у Хармса носитель очков, наоборот, занимает антивиталистскую позицию), укажу на, вероятно, главный литературный источник мотива очков в диалоге Хармса – юмористический рассказ Эдгара По «Очки» (1844).

Неправдоподобный греческий сюжет о невольной женитьбе на собственной матери По доводит до крайней степени гротеска и делает это совершенно в абсурдистском вкусе. Герой рассказа, комплексующий из-за слабости своего зрения, не пользуется очками и поэтому толком не может разглядеть свою избранницу. Она соглашается обвенчаться с ним при условии, что впредь он будет носить очки. После венчания он исполняет свое обещание, водружает на нос очки – и с ужасом обнаруживает, что женился на восьмидесятидвухлетней старухе, которая к тому же, как выясняется, доводится к нему прапрабабкой. Но герой По оказывается счастливее своего мифологического прототипа: прародительница разыграла своего потомка, устроив мнимое венчание. Розыгрыш пошел ему впрок: с тех пор он никогда не расставался с очками.

Интересно, что домогательства к Мельнице со стороны героя ОиМ начинаются тотчас же после его самоослепления. Можно допустить, что эта смежность объясняется каузальной связью и прямо отсылает к рассказу По.

Помимо глаз, к очкам у Хармса имеет непосредственное отношение еще один объект – мотылек. «Поднесите-ка к очкам / мотылька», – приказывает герою Мельница и спрашивает: «Вы близоруки?» Он подтверждает: «Очень». Ясно, что параллелизм между очками на глазах и мотыльком основан на сходстве их очертаний, а также на узоре на крыльях, похожем на глаза (ср. дальнейшее взаимоотождествление глаз и очков: *запотели зрачки; трите глаз – треснула оправа*). Этот мотив, как представляется, тоже фундирован литературным источником, причем находящимся в теснейшем родстве с рассказом «Очки», а именно еще одним рассказом Эдгара По и тоже повествующим о курьезном недоразумении вследствие

прибор: «*втереть очки* – это как бы навязать, вставить кому-либо очки, которые изменят взгляд желаемым для “втирающего” образом» (Горбушина 2014: 277).

зрительного заблуждения. Этот рассказ имеет знаменательное название – «Сфинкс». По-русски оба рассказа – «Очки» и «Сфинкс» – впервые появились под одной обложкой во втором томе двухтомника Эдгара По 1896 г. (см.: По 1896: 164–183, 247–251). Кроме того, «Сфинкс» был целиком помещен в детском научно-популярном бестселлере Я. Перельмана «Занимательная физика» (см.: Перельман 1913: 189–193)³¹.

Герой рассказа «Сфинкс», переживающий эпидемию холеры в загородном доме своего друга и пребывающий в крайне возбужденном психическом состоянии, видит за окном гигантское чудовище, которое спускается по склону холма, направляясь прямо к нему. Потрясенный этим зрелищем, он падает без чувств. Когда через несколько дней кошмарное видение повторяется, он указывает на него хозяину дома. Тот ничего не видит, а потом, догадавшись, в чем дело, объясняет, что имел место обман зрения: на самом деле наблюдателю предстало не чудовище на склоне холма, а находившаяся непосредственно за окном на фоне холма бабочка рода *Sphinx*.

8

Единственный случай обращения к мельничному топосу в корпусе дошедших до нас произведений Введенского, с чьим творчеством творчество Хармса находится в непосредственном контекстуальном соседстве, обнаруживается в одной из ремарок пьесы «Минин и Пожарский» (1926): «Около того места где они все собрались был лес. А если повернуться кругом была мельница: плывешь не плыву» (СД 1998: 338). Комментаторы Введенского обратили внимание на исключительность этого примера по сравнению со сквозным характером мотива мельницы у Хармса (см.: Там же: 1004). Для нас этот прецедент в заведомо значимом для Хармса тексте важен по двум причинам. Во-первых, слова «плывешь не плыву», которыми, видимо, описано вращение мельничного колеса,

³¹ Указано Р. Д. Тименчиком.

загребающего воду, но не сдвигающего мельницу с места, сигнализируют о таком же транзитном положении мельницы в пространственно-временном континууме, каким она впоследствии будет наделена в диалоге Хармса. Во-вторых, далее в той же пьесе Введенского одно из проходных действующих лиц называет себя *царем Эдипом* (см.: СД 1998: 348).

9

«Гераклитовская» символика мельницы как, с одной стороны, «машины времени», преобразующей настоящее в прошлое (ср. поговорку «Перемелется – мука будет»), а с другой – временной ловушки, пускающей движение времени по кругу, распространяется на МЦ априори. Символика эта, впрочем, обозначена и вполне эксплицитно: как бы в противовес подслеповатости, а затем и слепоте героя, Мельница, наделенная острым зрением по умолчанию (ср. Агнессу, чьи *зрачки блестят огнями из недр леса*), жалуется на беспамятство, которое выступает синонимом глухоты: «шум воды отбил мне память» (вспомним, что в 1925 г. увидела свет мемуарная книга Мандельштама «Шум времени»). В дальнейшем Мельница и в самом деле будет переспрашивать, перебивая героя на середине фразы: «Извините, среди сколькá?»

Все это дает основания причислить стихи МЦ к тем сочинениям Хармса, в которых непосредственно отразился философский интерес чинарей к проблеме времени³². Но один из текстов МЦ нужно выделить особо; это драматическая сцена «Окно», где проблема времени получила не только метафизическую, но и вполне злободневную трактовку. В этом отношении «Окно» тесно связано с написанным полутора годами ранее, в ноябре 1929 г., стихотворением

³² Актуальным для чинарей философским, мистико-религиозным и эстетико-теоретическим доктринам в значительной своей части посвящены монографии Ж.-Ф. Жаккара (см.: Жаккар 1995) и М. Б. Ямпольского (см.: Ямпольский 1998). Собственно проблема времени у Хармса в проекции на различные философские системы рассматривается в таких работах, как: Секацкий 2016: 408–412; Tyszkowska-Kasprzak 2012: 117–129 и др.

«I разрушение» (начато 6 ноября, в канун годовщины революции), в котором шла речь о сокращении недели:

...но неделю сокращая
увеличем свой покой
через равный промежуток
сундучёк в четыре дня
видишь день свободных шуток
годом дело догоня
Видишь новая неделя
стала разумом делима
как ладонь из пяти пальцев
стало время течь неумолимо.

(Хармс 1997–2002, 1: 109)

Флейшман в заметке о «I разрушении» выявил его актуальный контекст – развернувшуюся в 1929 г. кампанию за переход на «скользящую» пятидневную неделю, состоящую из четырех рабочих и одного выходного дня. При новой системе всякий день становился рабочим для четырех пятых работающего населения и выходным для одной пятой. Пятидневная неделя была введена в 1930 г. (вместе с новым летосчислением – с 7 ноября 1917 г.) и отменена после речи Сталина 23 июня 1931 г., в которой «непрерывка» была окрещена «обезличкой» (Флейшман 1987: 255).

«Окно» было написано еще при пятидневке, за несколько месяцев до ее отмены. Школьница, толкущая зерна в ступе, прежде чем умереть от изнеможения, ропщет: «Пять суток я толку» (Хармс 1978–1988, 3: 15). Это значит, что Учитель отказывает ей в дне отдыха, который положен человеку, и принуждает работать круглосуточно все пять дней кряду, наравне с машинами, чья беспростояная работа как раз и была одной из объявленных целей перехода на пятидневную систему. Таков идеологический бэкграунд постепенного превращения Школьницы в мельничный механизм, по ходу которого она восклицает: «Ах, как скрипит моя поясница!» (Там же; отметим сходство слов *школьница* и *поясница*, сквозь которые проглядывает *мельница*).

Вместе с тем к «Окну», как мне кажется, правомерно отнести замечание Сажина по поводу «I разрушения»: «Очевидно, что конкретно-историческая ситуация наложилась на размышления Хармса о свойствах времени, реальность которого ощущалась лишь вследствие деления бесконечности на доли, события <...>. Проблема делимости времени <...> – круг размышлений Хармса, Липавского, Друскина» (Хармс 1997–2002, 1: 366). Действительно, фраза «Пять суток я толку» может быть понята и в том смысле, что девочка толчет само время, превращаясь именно в мельницу времени. Соответственно, и смерть ее подобна остановке часового механизма: «Пока я влез на стул / и поправлял часы, / чтоб гиря не качалась, / она, несчастная, скончалась, / недокончив образования», – сокрушается Учитель (Хармс 1978–1988, 3: 16). По замечанию Мейлаха и Эрля, «<с>имволика Часов более подчеркнуто проявляется в черновиках, где они выступают с речью» (Хармс 1978–1988, 3: 169) (см.: «Половина второго / половина второго / ку ку / впредь впредь / половина второго». – Там же: 170). Рассуждая о разветвленной хармсовской символике Окна, которым после смерти становится Школьница, Сажин определяет его как «пространство, сквозь которое осуществляется переход в имманентный мир <...>; здесь учитель и школьница, соответственно, маг и его ученица, а действие происходит в алхимической лаборатории» (Хармс 1997–2002, 1: 385).

10

Как известно, теоретическая сторона творчества чинарей опирается на весьма эклектичный исходный материал, существенную долю которого составляет оккультная литература³³. Ямпольский в книге «Беспамятство как исток» довольно подробно анализирует ОиМ под соответствующим углом зрения (см.: Ямпольский 1998: 307–309). В дальнейшем он отмечает, что мельничное колесо как рекуррентный

³³ Об оккультных интересах и аспектах творчества Хармса см.: Жаккар 1995: 326–327; Никитаев 1989: 95–99; Герасимова, Никитаев 1991: 36–50; Ямпольский 1998: 314–342; Россомехин 2005а: 178–189; Токарев 2005: 35–53; Кувшинов 2014: 14–18 и др.

символ в творчестве Хармса может быть связано с десятым арканом Таро, который назывался, в частности, «Колесом фортуны», или «Мистической мельницей», или «Мельницей превращений» и на котором изображалось колесо, увенчанное сфинксом. Как подчеркивает Ямпольский, система гадания по картам Таро представляла для Хармса особенный интерес потому, что она позволяет «связывать прошлое, настоящее и будущее. Все схемы расклада Таро – схемы, по существу, временные, распределяющие в определенном порядке “зоны” прошлого, настоящего и будущего. Так, в классическом, наиболее популярном раскладе из десяти карт в центре располагается карта, обозначающая настоящее, справа от нее – отдаленное прошлое, снизу – недавнее прошлое, слева – будущее, а сверху – “цель” или “судьба”. Таким образом, темпоральная схема расклада Таро, меняющаяся от одного расклада к другому, – это сочетание линейной временной оси, идущей справа налево, как в еврейском письменном тексте, и некоего временного колеса, окружающего собой момент настоящего, “точку-теперь”, чье движение может идти как по направлению часовой стрелки, так и против нее» (Ямпольский 1998: 320). Здесь же, обращаясь к перерисованной Хармсом схеме расположения карт Таро из книги Папюса «Цыганское Таро», Ямпольский приводит комментарии Папюса, в которых подчеркивается, что различные группы элементов схемы упорядочены в противоположных направлениях – справа налево и слева направо. Естественно предположить, что слова Мельницы «трите слева глаз направо» знаменуют судьбоносный поворот колеса.

Сфинкс в качестве оккультного символа появляется в записной книжке Хармса за октябрь 1928 – январь 1929 г., т. е. примерно за год до появления первого из текстов МЦ. Хармс делает несколько почти дословных выписок из книги Петра Успенского «Символы Таро» (1912; 1917), в том числе – из главы, посвященной карте с изображением колесницы (см.: Успенский 1917: 32–33):

5-ая карта Таро

Победитель в колеснице, запрещенной сфинксами.

Здесь всё имеет значение.

Это воля, вооруженная знанием.

Но во всём этом больше желания достигнуть, чем настоящего достижения.

Это не настоящий победитель.

Настоящий победитель начнёт с победы над временем.

А это победитель – не любовью, а огнём и мечом.

Он видит сфинксы вне себя. Это его самая большая ошибка.

Он был в преддверии Храма, но думает, что был в Храме.

Ритуалы первых испытаний он принял за посвящение. Жрицу, стерегущую порог, принял за богиню.

Его ждут большие опасности.

.....

И пойми, что это тот-же Человек, которого ты видел соединяющим небо с землей – и потом, идущим по пыльной дороге к пропасти (Хармс 1997–2002, кн. 1: 273).

Если рассматривать выписки из книги Успенского как возможный ключ к интерпретации ОиМ, а сам диалог – как некий опыт воссоединения оккультной доктрины с греческим мифом, то в сделанные выше предварительные выводы можно внести принципиальное уточнение: Мельница – не Сфинкс (~ не *богиня*), а только *Жрица* на страже остановки конки-колесницы – временного порога, отделяющего прошлое, которого она не помнит («шум воды отбил мне память»), от будущего, куда она не пропускает героя («конки / здесь не ходят на беду»). Для трансгрессивной *победы над временем* герою необходимо осознать, что *сфинксы* (~ *богини*) находятся не вне, а внутри него самого³⁴. Это осознание равносильно самоотожествлению с *Человеком* на всех стадиях жизни и, соответственно, постижению истинного смысла загадки Сфинкс. Герой диалога разыскивает *остановку* в значении станции на пути следования конки, но его уделом оказывается остановка в значении прекращения движения – остановка его собственной «*колесницы*».

³⁴ Утверждению о том, что сфинксы пребывают внутри испытуемого, аналогична мысль Олейникова, высказанная в беседе с Липавским по пути «от Калинкина моста до Летнего сада», о том, что в сфинксах «действительно заключены загадки, но не аллегорически, а буквально. Это каменные ребусы <...>» (СД 1998: 180).

II

Итак, семантико-нарративный кластер, объединяющий мельничный топос и оккультную символику сфинксов, на самом базовом уровне обеспечивается «Мельницей превращений» из колоды Таро. Однако сами по себе карточные сфинксы не способны мотивировать обращение к мифу об Эдипе в ОиМ. Постараемся же выявить удовлетворительную мотивировку.

В первую очередь нужно указать на исключительную созвучность коллизии мифа об Эдипе той философской ревизии, которой чинари подвергли стандартную модель пространственно-временного континуума в рамках учения Друскина о вестниках, с энтузиазмом встреченного Хармсом. В понимании Друскина и Хармса, резюмирует Ж.-Ф. Жаккар, «всякое событие начинается, но никогда не кончается», вписываясь «в вечность настоящего», и только «человек видит его как нечто имеющее конец, вследствие чего у него появляется сознание прошедшего и будущего», а мир воспринимается как событийная «последовательность, то есть как порядок, вместе со всем тем произволом, который им предполагается, а следовательно, и с репрессией. Жить с сознанием прошедшего и будущего, значит делать из настоящего промежуток между двумя мгновениями. И в этом промежутке может неожиданно появиться <...> скука. Вестники чужды этой проблеме <...>» (Жаккар 1995: 125).

В качестве значимого источника этой системы взглядов Перлина указывает на центральное понятие интуитивизма Бергсона – «память о будущем» и связанное с ним «представление о дискретном в реально развивающемся, открытом и незавершенном процессе жизни» (Perlina 1991: 188; пер. с англ. мой. – Е. С.). Другим источником была оккультная концепция времени, которая, как отмечает Сажин, «была известна Хармсу, в частности, из книги Успенского “*Tertium organum*” <...>. Рассуждая о соотношении окружающего мира вещей с нуменальным миром четырех измерений, Успенский утверждал, что в нем, нуменальном мире, время “<...> существует пространственно, то есть *временные события* должны существовать, а не случаться”» (Хармс 1997–2002, 1: 352; купюра в цит. источнике. – Е. С.).

Если поместить Мельницу-Жрицу в эту систему понятий, то напрашивается ее отождествление с *вестницей*. В частности, с вестниками всякую мельницу роднит такое свойство (выраженное в цитированной выше ремарке Введенского в «Минине и Пожарском»), как неподвижность, – та цена, которой вестники расплачиваются за свою неподвластность времени, за власть над ним (впрочем, в этой невозможности для вестников перемещаться в пространстве Друскин и вовсе видел безусловное преимущество; см.: Жаккар 1995: 125–126). Временной порог, который создает Мельница, не столько отделяет условное (ибо не длящееся, спасительное) прошлое от такого же условного будущего, сколько преобразует одно в другое, в терминологии чинарей – преобразует *это* в *то*, существующие лишь относительно друг друга (см.: Там же: 134–141).

В силу этой концепции времени и событийности все нарративные элементы у чинарей – объекты, качества, активные и пассивные действия – поддаются комбинаторным операциям: перестановке, компрессии, инверсии³⁵. Об этой стороне их поэтики, развивая соответствующий тезис Флейшмана (см.: Флейшман 1975: 7), обстоятельно пишет Перлина³⁶, отмечая, в частности, «отказ от каузальных мотивировок и иерархической соподчиненности различных текстуальных элементов как в отношении друг друга, так и в отношении окружающего контекста, т. е. сознательную и последовательную замену диахронии синхронией на всех уровнях текста» (Perlina 1991: 175; пер. с англ. мой. – Е. С.).

Миф об Эдипе представляет собой плодотворный материал для подобных операций. Уже в загадке Сфинкс идет речь о трех способах движения в пространстве как застывших формах пребывания

³⁵ Сказанное относится, разумеется, и к ненарративным уровням текста, начиная от низших уровней. Достаточно вспомнить программный отказ Хармса от орфографической нормы (на биографическом уровне это могло быть внушено длившимся с юности общением, в том числе и письменным, с Эстер Русаковой, плохо владевшей русским).

³⁶ Точнее, у Перлиной речь идет об участниках группы ОБЭРИУ, к которым, на мой взгляд, ее обобщения применимы в несколько меньшей степени.

на трех стадиях жизненного пути. При этом ключевые события жизни самого Эдипа (усыновление приемными родителями – отцеубийство и женитьба на матери – самонаказание) четко привязаны к трем возрастным фазам. По замечанию В. Я. Проппа, «софокловская гениальная, чисто трагическая концепция сюжета» заключается в том, что Эдип «бежит от своего будущего» (Пропп 1976: 285). Как бы логически продолжая эту пространственную проекцию Судьбы, Хармс преобразует перверсивные мотивы мифа в чисто инверсионные ходы, вектор же возрастного неравенства между участниками инцеста превращает в переменную величину: как мы помним, хармсовский «Эдип», направляющийся в Клонки, где ему предстоит умереть, в черновых редакциях обозначен как *Мальчик*³⁷.

12

Сказанного, однако, все еще недостаточно для прояснения селективной стратегии, определившей подтекстуальный субстрат МЦ, где центральное положение оспаривается друг у друга мифом об Эдипе и пушкинским замыслом о русалке. Известную роль тут мог сыграть инцестуальный оттенок отношений между мельником и его дочерью.

Мы уже видели, что и пушкинская песенка «Воротился ночью мельник...», превратившая пару антагонистов *отец – дочь* или *брат – сестра* средневековой баллады в пару *муж – жена*, и поэма Хлебникова «Вила и Леший», изображающая табуированное взаимное влечение старости и молодости, и, наконец, ЖМ, генетически связанное с обоими текстами – Пушкина и Хлебникова, имеют сходный квазиинцестуальный садистический паттерн, в котором старость представлена мужской фигурой, а молодость – женской (только вот у Хлебникова садистский контроль всецело принадлежит юной госпоже, а в ЖМ он в определенный момент переходит

³⁷ По устному наблюдению Г. А. Левинтона, атрибут женского персонажа этих редакций – *моя дорожка* – представляет собой генитальный эвфемизм. Если так, то Мальчик устремляется по ней обратно в материнское лоно.

от отца к дочери). В ОиМ эта коллизия потенциально претерпевает эдипальную «рокировку»³⁸.

В «Русалке» же мельник и князь предстают резко выраженными дистрибутивными двойниками: старый и молодой, простолюдин и аристократ, сводник и распутник. В то же время героиня определяет общую для двух мужчин нравственную динамику: до ее гибели оба они циники, после – помешанные скитальцы. Как отметил Н. Я. Берковский, между речью того и другого в каждой из этих двух фаз действия имеет место стилистическое сходство (см.: Берковский 1958: 99–100). С учетом общей ориентированности чинарей на произвольное объединение и раздвоение персонажей, особенно в драматическом жанре, можно сказать, что пушкинский текст располагает к подобной трактовке, давая дополнительные стимулы к встраиванию «Русалки» в инцестуальную парадигму. В этом же ключе потенциально воспринимаются слова князя, которыми обрывается текст пьесы: «Откуда ты, прекрасное дитя?» Пораженный красотой незнакомой девочки (Русалочки), князь не ведает, что перед ним – его дочь. С одной стороны, в предшествующей сцене мать поручила дочери открыть князю тайну своего рождения, с другой – наказала ей *к нему нежнее приласкаться*. Хармсу заведомо не могло быть известно неопубликованное стихотворение Набокова «Лилит» (1928), в котором пушкинский замысел о русалке получил инцестуально-педофильскую разработку, но сам вектор творческой мысли в стихотворении Набокова тех же лет знаменателен³⁹.

Но и этих «дремлющих» смыслов пушкинской драмы, конечно, тоже недостаточно для ее продуктивного сближения с греческим мифом: требовалась более специфичная, даже уникальная

³⁸ Здесь уместно вспомнить параинцестуальную любовь между мельничихой Мадленой Бланше и мальчиком Франсуа в романе Жорж Санд «Франсуа ле Шампи» («Франсуа-найденых») – первым в жизни романом, который прочел Марсель, герой эпопеи Пруста. Точнее, этот роман прочла Марселию мать, пропуская любовные сцены, причем первый сеанс этих чтений произошел той ночью, когда Марсель, рискуя в наказание за свое поведение быть отправленным из деревни в коллеж, фактически отнял мать у отца, распорядившегося, чтобы она провела ночь в комнате мальчика.

³⁹ Примечательно, что святой Агнессе, проданной в публичный дом, на момент ее мученической смерти было всего 12 лет.

мотивировка. Такой мотивировкой, на мой взгляд, послужила комбинация двух факторов: с одной стороны, генетическая преемственность пушкинского крылатого мельника по отношению к ослепленному и ставшему нищим бродягой Глостеру в «Короле Лире», а с другой – типологическое сходство попытки самоубийства ослепленного Глостера с обстоятельствами смерти ослепившего себя Эдипа.

Критики с давних пор отмечали, что «Русалка» изобилует переключками с драматургией Шекспира. Еще Чернышевский (1855) объявил «Короля Лира» одним из прямых источников «Русалки» (см.: Чернышевский 1947: 19). И действительно, мельник (наряду со стационарным зрителем, но более узнаваемо) восходит к шекспировским несчастным отцам, таким как Лир (и в еще большей степени Шейлок). По наблюдению Зелинского (1903), сцена прощания беременной дочери мельника с князем была подсказана Пушкину аналогичной сценой прощания Клеопатры с Антонием (см.: Алексеев 1972: 275–276). Есть и другие параллели, мимо которых невозможно пройти. Например, сцена княжеской свадьбы, когда из толпы девушек раздается песня об утопленнице (по убеждению князя – из уст дочери мельника, которая, как читатель знает, наложила на себя руки), явно ассоциируется со сценой появления призрака Банко на пиру Макбета. Среди всех переключек выделим одну, проясняющую литературный генезис рассказа мельника о своем превращении в ворона. Вот этот рассказ:

Какой я мельник, говорят тебе,
Я ворон, а не мельник. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
В реку, я побежал за нею следом
И с той скалы прыгнуть хотел, да вдруг
Почувствовал, два сильные крыла
Мне выросли внезапно из-под мышек
И в воздухе сдержали. С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мертвую, то на могилке
Сижу, да каркаю.

(Пушкин 1937–1959, 7: 206)

Чудесное превращение в ворона можно понять как иллюзорное событие, продукт умопомешательства, которое постигло мельника в силу инстинкта самосохранения в тот момент, когда он собирався покончить с собой, кинувшись со скалы. Эта коллизия чрезвычайно близко варьирует шекспировскую линию ослепленного Глостера – еще одного несчастного отца: благодаря мистификации он полагает, что бросился с обрыва, но чудесным образом уцелел. Показательно, что Глостера мистифицирует сын, а метаморфоза, будто бы постигшая мельника-самоубийцу, – явно той же природы, что и предшествующее превращение его дочери-самоубийцы в русалку.

Помимо этого, в связи с восклицанием слепящего героя Хармса «Фу ты! треснула оправа!» нужно отметить мотив очков в одной из реплик Глостера. Намереваясь прочесть фальсифицированное Эдмундом письмо якобы от Эдгара, он говорит: “if it be nothing, I shall not need spectacles” (I, 2). Этот символический отказ от очков знаменует фигуральное ослепление, которое предшествует буквальному ослеплению и, наконец, фигуральному прозрению.

Таким образом, сцена неудавшегося самоубийства слепого Глостера служит соединительным звеном для двух главных семантико-нарративных источников МЦ – линии пушкинского мельника и линии Софоклова Эдипа. Но если связь ‘Пушкин ← Шекспир’ лежит на поверхности, то связь ‘Шекспир ← Софокл’ далеко не столь очевидна и нуждается, в свой черед, в эксплицирующем посредничестве.

13

Можно совершенно точно указать филологический источник, обеспечивший эту вторичную медиацию: это исследование Ольги Фрейденберг, посвященное литературно-мифологическому мотиву ‘слепец над обрывом’. Одноименная статья, написанная в 1925 г., до своей публикации (1932) не единожды была представлена перед коллегами в виде доклада: в 1928 г. – на Секторе семантики мифа и фольклора Яфетического института; в марте 1930 г. –

в Фольклорной группе Сектора методологии литературоведения Института речевой культуры (б. ИЛАЗВ) (см.: Perlina 2002: 139; Андреев 1932: 1).

В начале своей работы Фрейденберг пересказывает несколько сходных друг с другом сцен в произведениях, относящихся к разным литературным традициям и разным эпохам, начиная с комедии Аристофана «Плутос». Все они строятся на однотипном обмане слепца в тех или иных (совершенно разных) целях. Центральное место среди этих примеров занимает развернутый пересказ сцены мнимого самоубийства Глостера (см.: Фрейденберг 1932: 229–230). В соответствии со своей семантико-палеонтологической доктриной Фрейденберг далее интерпретирует переход от богатства к нищете и от зрячести к слепоте как временную смерть земледельческого божества, а падение со скалы – как переходный момент, знаменующий смену той или другой фазы на противоположную. Принципиальное значение для нас имеет следующий пассаж:

Так, быть может, набраться смелости и прочесть миф дословно, на языках тех самых образов, которыми он говорит? Тогда окажется, что у нашего нищего богача две биографии: одна – сюжетная, остающаяся в тематике и фабуле; другая – метафорическая, которая неизменно присутствует в обстановке и месте действия. По одной, он нищий, становящийся богатым и теряющий богатство; по другой, он связан со скалой, с морем и крутизной. Там он живет, там его мертвое тело: там он в жизни и в смерти. Но там мы его видим лишь на миг, эпизодически, перед падением вниз. И семантическое тождество двух различных мотивов разъясняет себя, когда на этом же месте, в миг перед падением, мы застаем еще одного фольклорного «старого нищего слепца», Эдипа. Его утес – это низвергающийся путь смерти, крутизна, ведущая в мрачную обитель преисподней. Таков конец Эдипа. Из царя он стал немощным и бездомным нищим, старым бессильным слепцом, умирающим внезапно, исчезающим с обрывистого утеса. <...> он исчез так же таинственно, как исчезал Глостер в мистификации Эдгара. <...> вся разница между Эдипом и позднейшими слепцами в том,

что он упал действительно... нет, именно в том, что он не падал. Высокое уединенное место – здесь крутизна смерти, исчезновение с него – смерть, распростертое у ног пространство – преисподняя <...>. И самые наши герои, стоящие у края срывов, живущие на скалах, свержаемые с утесов – метафорные изображения смерти, олицетворения и персонификация ее самой. Эдип, из-за которого упал в море с крутого утеса Сфинкс, или наш Плутос – они могли и не падать, а оставаться на обрывах скал, как дьявол – Эдгар; но они некогда стояли на краю срывов и свержались оттуда в воду, олицетворяя собою смерть (Фрейденоберг 1932: 237–238).

Что касается конкретных каналов, благодаря которым Хармс мог познакомиться с содержанием доклада Фрейденоберг, то о них можно только гадать. Например, сведения о докладе могли прийти до круга чинарей через Дмитрия Михайлова, который наполовину принадлежал к академическому миру⁴⁰. Среди участников обсуждения в марте 1930 г. единственным, кто поддержал докладчицу, по ее собственному дневниковому свидетельству, был Владимир Пропп (см.: Perlina 2002: 139). Впоследствии он напишет уже не раз цитированную здесь фундаментальную статью «Эдип в свете фольклора» (1944), в которой, как убедительно демонстрирует Перлина, «постановка основной проблемы и метод ее решения полностью укладывались в рамки подхода Фрейденоберг» (Perlina 2002: 142; пер. с англ. мой. – Е. С.). В «Разговорах» Липавского запечатлена их тройственная беседа с Проппом и Михайловым в гостях у последнего (см.: СД 1998: 216), имевшая место, вероятно, в 1933 г.⁴¹, – это все, что известно о контактах чинарей с Проппом.

Другой возможный источник сведений об исследовании Фрейденоберг – антиковед и литератор А. Н. Егунов (А. Николев),

⁴⁰ Д. Д. Михайлов (1892–1942?) «<в> 1930-е заведовал кафедрой иностранных языков ЛИИЖТа. Затем работал в ЛГУ на кафедре зарубежных литератур» (ДЗ 1992: 567).

⁴¹ Если исходить из того, что разговоры фиксировались в хронологическом порядке: вскоре Липавский записывает разговор, в котором смерть Андрея Белого обсуждается как недавнее событие.

бывавший в квартире М. Кузмина на ул. Рылеева (б. Спасской), которую в 1925–1926 гг. посещали и чинари (см.: Петров 1980: 143).

Наконец, можно допустить и самый прямой из всех возможных каналов – непосредственное общение одного из чинарей с Ольгой Фрейденберг. В 1932 г. Фрейденберг вступила в должность завкафедрой классической филологии в новоучрежденном Ленинградском институте философии, литературы и истории (ЛИФЛИ). Предположительно именно к ней и именно по этому поводу обращено написанное в 1932 г. «Послание» Олейникова с посвящением *Ольге Михайловне* (другой вариант названия – «Ольге Михайловне»). Если адресатка «Послания» – действительно Фрейденберг (см., в частности: «Смешна тебе любви и страсти позолота – / Тебя влечет научная работа», – Олейников 2016: 261), то, судя по его игривому тону, они с Олейниковым были достаточно близко знакомы и дружили. Основываясь на этих соображениях, Флейшман высказал гипотезу о том, что «<о>бериутские контакты с марровской школой», которые «восходят еще к смычке в 1924–25 гг. Туфанова и его теории зауми с марровской “палеонтологией речи”» (Флейшман 1975: 14), не прерывались и в дальнейшем⁴². Настоящая работа может послужить новым доводом в подкрепление этой гипотезы.

*

В основу работы положен доклад, прочитанный 25 марта 2025 г. на семинаре Александра Кулика в Иерусалимском университете (по видеосвязи). Сердечно благодарю всех участников заключительной дискуссии (ряд сделанных ими замечаний интегрирован в текст статьи с соответствующей атрибуцией). Моя отдельная признательность – Илье Кукую за его консультативную и практическую помощь с литературой по теме.

⁴² Симметричным образом можно задать частным вопросом, не отражает ли мотив боба в ЖМ устные контакты круга Хармса с Фрейденберг задолго до ее обращения к бобовой семантике в публикациях середины 1930-х гг. (о каковом в связи с псевдонимом Олейникова «Макар Свирепый» см.: Флейшман 1975: 15).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев М. П. 1972. Пушкин и Шекспир. – Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 240–280.
- Андреев Н. 1932. Предисловие. – Язык и литература. Т. VIII. Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 1–3.
- Берковский Н. 1958. Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка»). – Русская литература. № 1. С. 83–111.
- Герасимова А., Никитаев А. 1991. Хармс и «Голем». – Театр. № 11. С. 36–50.
- Гете И. В. 1892. Собр. соч. Гете в переводе русских писателей: 2-е изд. / Под ред. П. Вейнберга. Т. I. СПб.: Н. В. Гербель.
- Горбушина И. А. 2014. О происхождении фразеологизма *втереть очки*. – Русский язык в научном освещении. № 1 (27). С. 273–283.
- ДЗ 1992. Дневниковые записи Даниила Хармса / Публикация А. Устинова и А. Кобринского. – Минувшее: Исторический альманах. № 11. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 417–583.
- Жаккар Ж.-Ф. 1995. Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с фр. Ф. А. Перовской. СПб.: Академический проект. (Современная западная русистика).
- Заболоцкий Н. А. 2002. Полн. собр. стихотворений и поэм. Избр. переводы / Вступительная ст. Е. В. Степанян. Сост., подготовка текста и примечания Н. Н. Заболоцкого. СПб.: Академический проект. (Новая библиотека поэта).
- Козюра Е. О. 2019. Амплификация и компрессия претекста у Даниила Хармса. – Универсалии русской литературы. [Т.] 7. Воронеж: Издательский дом ВГУ. С. 239–242.
- Кувшинов Ф. В. 2014. Оккультизм в творчестве Д. И. Хармса. – Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. № 2 (24). С. 14–18.
- Никитаев А. 1989. Тайнопись Даниила Хармса: Опыт дешифровки. – Даугава. № 8. С. 95–99.
- Олейников Н. М. 2016. Число неизреченного / Сост., подготовка текста, вступительный очерк и примечания О. А. Лекманова и М. И. Свердлова. М.: ОГИ.
- Павсаний 1887–1889. Описание Еллады или Путешествие по Греции во II-м веке по Р. X. / Пер. с греч. с толкованиями Г. Янчевецкого. СПб.: Издание Книжного Магази́на П. В. Луковникова.

- Панова Л. Г. 2017. Мнимое сиротство: Хлебников и Хармс в контексте русского и европейского модернизма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. (Исследования культуры).
- ПГО 1994. Поэты группы «ОБЭРИУ» / Вступительная ст. М. Б. Мейлаха. Сост., подготовка текста, биографические справки и примечания М. Б. Мейлаха, Т. Л. Никольской, А. Н. Олейникова, В. И. Эрля. СПб.: Издательство «Советский писатель». Санкт-Петербургское отделение. (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).
- Перельман Я. 1913. Занимательная физика: 140 парадоксов, задач, опытов, замысловатых вопросов и пр. / Сост. Я. Перельман. СПб.: Издательство П. П. Сойкина.
- Петров В. Н. 1980. Из «Книги воспоминаний». – Панорама искусств. [Вып.] 3. М.: Советский художник. С. 128–161.
- По Э. 1896. Собр. соч. Эдгара По: [В 2-х тт.] Т. 2: Повести и рассказы, притчи и сказки / Пер. М. А. Энгельгардт. СПб.: Типография бр. Пантелеевых.
- Пропп В. Я. 1976. Эдип в свете фольклора. – Пропп В. Я. Фольклор и действительность: Избр. статьи / Сост., ред., предисловие и примечания Б. Н. Путилова. М.: Издательство «Наука». С. 258–299. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. М.; Л.: Издательство АН СССР.
- Россомахин А. 2005a. REAL Хармса: попытка анализа. – Столетие Даниила Хармса: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса / Научный ред. А. Кобринский. СПб.: ИПЦ СПГУТД. С. 178–189.
- Россомахин А. 2005b. «REAL» Хармса: По следам оккультных штудий поэта-чинаря. СПб.: Красный матрос.
- СБ 1978. Скандинавская баллада / Издание подготовили Г. В. Воронкова, Игн. Ивановский, М. И. Стеблин-Каменский. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. (Литературные памятники).
- СД 1998. «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: А. Введенский, Л. Липавский, Я. Друскин, Д. Хармс, Н. Олейников. «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. В 2-х тт. Т. 1: А. Введенский. Л. Липавский. Я. Друскин / Статьи А. Л. Дмитренко, В. Н. Сажина. Сост., подготовка текстов, примечания Л. С. Друскиной, А. Г. Машевского и В. Н. Сажина. Научный ред. В. Н. Сажин. М.: Ладомир. (Русская потаенная литература).

- Секацкий А. К. 2016. Эффект Шустерлинга (проблема времени у Канта и Даниила Хармса). – Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Т. 16. Вып. 4. С. 408–412.
- Сергеева-Клятис А., Россомахин А. 2015. Кто оказался «в ночном горшке»? Д. Хармс и Б. Пастернак – к вопросу о литературной пародии. – Russian Literature. Vol. 78. № 3–4. P. 723–735.
- СКП 1959. Сочинения Козьмы Пруtkова / Примечания А. К. Бабореко. М.: ГИХЛ.
- Софокл 1990. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зелинского. Издание подготовили М. Л. Гаспаров и В. Н. Ярхо. М.: Наука. (Литературные памятники).
- Токарев Д. В. 2005. Даниил Хармс и Густав Майринк. – Русская литература. № 4. С. 35–53.
- Успенский П. Д. 1917. Символы Таро (старинная колода карт): Философия оккультизма в рисунках и числах. 2-е изд. Пг.: Литературная Книжная Лавка.
- Флейшман Л. 1975. Маргиналии к истории русского авангарда (Олейников, обериуты). – Олейников Н. М. Стихотворения / Вступительная ст. Л. С. Флейшмана. Bremen: K-Presse. С. 3–18. (Studien und texte, 5).
- Флейшман Л. 1981. Борис Пастернак в двадцатые годы. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Флейшман Л. 1987. Об одном загадочном стихотворении Даниила Хармса. – Stanford Slavic Studies. Vol. 1 / Ed. by L. Fleishman, G. Freidin, R. D. Schupbach, W. M. Todd III. Stanford: [n. p.]. P. 247–258.
- Фрейденберг О. М. 1932. Слепец над обрывом. – Язык и литература. Т. VIII. Л.: Издательство Академии Наук СССР. С. 229–244.
- Хармс Д. 1978–1988. Собр. произведений / Под ред. М. Мейлаха и В. Эрля. Bremen: K-Presse.
- Хармс Д. И. 1997–2002. Полн. собр. соч.: [В 6-ти тт.] / Сост., подготовка текста Ж.-Ф. Жаккара (т. V–VI) и В. Н. Сажина. Примечания В. Н. Сажина. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект».
- Хармс Д. 1999. Дней катыбр: Избранные стихотворения. Поэмы. Драматические произведения / Сост., вступительная ст. и примечания М. Мейлаха. М.: Гилея. (Правительство поэтов).
- Хармс Д. 2001. Цирк Шардам: Собр. художественных произведений / Сост., подготовка текста, предисловие, примечания и общая ред. В. Н. Сажина. СПб.: Кристалл.

- Хармс Д. 2006. Рисунки Хармса / Сост. Ю. С. Александров. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Хлебников В. 1928–1933. Собр. произведений Велимира Хлебникова / Под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Л.: Издательство писателей в Ленинграде.
- Чернышевский Н. Г. 1947. Полн. собр. соч.: В 15-ти тт. Т. III / Под ред. В. Я. Кирпотина. Подготовка текста и комментарии Н. М. Чернышевской. Ред. текста С. С. Борщевского. М.: ОГИЗ.
- Ямпольский М. 1998. Беспамятство как исток (Читая Хармса). М.: Новое литературное обозрение.

- Milner-Gulland, R. 1991. Beyond the Turning-Point: An Afterword. – Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials / Ed. by N. Cornwell. New York: St. Martin's Press. P. 243–267.
- Perlina, N. 1991. Daniil Kharms's Poetic System: Text, Context, Intertext. – Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials / Ed. by N. Cornwell. New York: St. Martin's Press. P. 175–191.
- Perlina, N. 2002. Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington: Slavica Publishers.
- Tyszkowska-Kasprzak, E. 2012. Творчество Даниила Хармса и философия Анри Бергсона. – *Polilog: Studia Neofilologiczne*. Nr 2. S. 117–129.

REFERENCES

- Alekseev, M. P. "Pushkin i Shakespeare." In *Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia*, 240–80. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otделение, 1972.
- Andreev, N. "Predislovie." In *Iazyk i literatura*. Vol. 8, 1–3. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1932.
- Berkovskii, N. "Narodno-liricheskaia tragediia Pushkina ('Rusalka')." *Russkaia literatura* 1 (1958): 83–111.
- Chernyshevskii, N. G. *Polnoe sobranie sochinenii*. 15 vols. Vol. 3. Moscow: OGIZ, 1947.
- Dnevnikovye zapisi Daniila Kharmsa*. Published by A. Ustinov and A. Kobrinskii. In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 11, 417–583. Moscow and Saint Petersburg: Atheneum; Phoenix, 1992.

- Fleishman, L. "Marginalii k istorii russkogo avangarda (Oleinikov, oberiuty)." In *Stikhotvoreniia*, by N. M. Oleinikov. Prefaced by L. S. Fleishman. Studien und texte, vol. 5, 3–18. Bremen: K-Press, 1975.
- . *Boris Pasternak v dvadtsatye gody*. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1981.
- . "Ob odnom zagadochnom stikhotvorenii Daniila Kharmsa." In *Stanford Slavic Studies*. Vol. 1. Edited by L. Fleishman, G. Freidin, R. D. Schupbach, and W. M. Todd III, 247–58. Stanford: n. p., 1987.
- Freidenberg, O. M. "Slepets nad obryvom." In *Iazyk i literatura*. Vol. 8, 229–44. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1932.
- Gerasimova, A. and A. Nikitaev. "Kharms i 'Golem'." *Teatr* 11 (1991): 36–50.
- Goethe, J. W. *Sobranie sochinenii Goethe v perevode russkikh pisatelei*. Edited by P. Weinberg. 2nd ed. Vol. 1. Saint Petersburg: N. V. Gerbel', 1892.
- Gorbushina, I. A. "O proiskhozhdenii frazeologizma *vteret' ochki*." *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii* 27, no. 1 (2014): 273–83.
- Iampol'skii, M. *Bespamiatstvo kak istok (Chitaia Kharmsa)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Jaccard, J.-Ph. *Daniil Kharms i konets russkogo avangarda*. Translated from the French by F. A. Perovskaia. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1995.
- Kharms, D. *Sobranie proizvedenii*. Edited by M. Meilakh, and V. Erl'. Bremen: K-Press, 1978–1988.
- . *Polnoe sobraniie sochinenii*. 6 vols. Edited by J.-Ph. Jaccard (vols. 5–6), and V. N. Sazhin. Annotated by V. N. Sazhin. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt," 1997–2002.
- . *Dnei katybr: Izbrannye stikhotvoreniia. Poemy. Dramaticheskie proizvedeniia*. Prefaced, edited and annotated by M. Meilakh. Moscow: Hylaea, 1999.
- . *Tsirk Shardam: Sobranie khudozhestvennykh proizvedenii*. Prefaced, edited and annotated by V. N. Sazhin. Saint Petersburg: Kristall, 2001.
- . *Risunki Kharmsa*. Edited by Iu. S. Aleksandrov. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2006.
- Khlebnikov, V. *Sobranie proizvedenii Velimira Khlebnikova*. Edited by Iu. Tynianov, and N. Stepanov. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1928–1933.
- Koziura, E. O. "Amplifikatsiia i kompressiia preteksta u Daniila Kharmsa." In *Universalii russkoi literatury*. Vol. 7, 239–42. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2019.

- Kuvshinov, F. V. "Okkul'tizm v tvorchestve D. I. Kharmsa." *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki* 24, no. 2 (2014): 14–18.
- Milner-Gulland, R. "Beyond the Turning-Point: An Afterword." In *Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials*. Edited by N. Cornwell, 243–67. New York: St. Martin's Press, 1991.
- Nikitaev, A. "Tainopis' Daniila Kharmsa: Opyt deshifrovki." *Daugava* 8 (1989): 95–99.
- Oleinikov, N. M. *Chislo neizrechnenogo*. Prefaced, edited and annotated by O. A. Lekmanov and M. I. Sverdlov. Moscow: OGI, 2016.
- Panova, L. G. *Mnimoe sirotstvo: Khlebnikov i Kharms v kontekste russkogo i evropeiskogo modernizma*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017.
- Pausanias. *Opisanie Ellady ili Puteshestvie po Gretsii vo 2-m veke po R. Kh.* Translated from the Greek, with annotations by G. Ianchevetskii. Saint Petersburg: Izdanie Knizhnogo Magazina P. V. Lukovnikova, 1887–1889.
- Perel'man, Ia. *Zanimatel'naia fizika: 140 paradoksov, zadach, opytov, zamyslovatykh voprosov i pr.* Saint Petersburg: Izdatel'stvo P. P. Soikina, 1913.
- Perlina, N. "Daniil Kharms's Poetic System: Text, Context, Intertext." In *Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials*. Edited by N. Cornwell, 175–91. New York: St. Martin's Press, 1991.
- . *Ol'ga Freidenberg's Works and Days*. Bloomington: Slavica Publishers, 2002.
- Petrov, V. N. Iz "Knigi vospominanii." In *Panorama iskusstv*. Vol. 3, 128–61. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1980.
- Poe, E. *Sobranie sochinenii Edgara Poe*. 2 vols. Vol. 2, *Povesti i rasskazy, pritchi i skazki*. Translated by M. A. Engel'gardt. Saint Petersburg: Tipografiia br. Panteleevykh, 1896.
- Poety gruppy "OBERIU."* Prefaced by M. B. Meilakh. Edited and annotated by M. B. Meilakh, T. L. Nikol'skaia, A. N. Oleinikov, and V. I. Erl'. Saint Petersburg: Izdatel'stvo "Sovetskii pisatel'." Sankt-Peterburgskoe otdelenie, 1994.
- Propp, V. Ia. "Edip v svete fol'klora." In *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i*, by V. Ia. Propp. Prefaced, edited and annotated by B. N. Putilov, 258–99. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1976.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959.
- Rossomakhin, A. "REAL Kharmsa: popytka analiza." In *Stoletie Daniila Kharmsa: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi*

- 100-letiiu so dnia rozhdeniia Daniila Kharmsa. Edited by A. Kobrinskii, 178–89. Saint Petersburg: IPTs SPGUTD, 2005.
- . “REAL” Kharmsa: *Po sledam okkul’nykh shtudii poeta-chinaria*. Saint Petersburg: Krasnyi matros, 2005.
- “...Sborishche družei, ostavlennykh sud’boiu”: A. Vvedenskii, L. Lipavskii, Ia. Druskin, D. Kharms, N. Oleinikov. “Chinari” v tekstakh, dokumentakh i issledovaniiaxh. 2 vols. Vol. 1, A. Vvedenskii. L. Lipavskii. Ia. Druskin. Moscow: Ladomir, 1998.
- Sekatskii, A. K. “Effekt Shusterlinga (problema vremeni u Kanta i Daniila Kharmsa).” *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriia “Filosofia. Psikhologiiia. Pedagogika”* 16, no. 4 (2016): 408–12.
- Sergeeva-Kliatis, A. and A. Rossomakhin. “Kto okazalsia ‘v nochnom gorshke’? D. Kharms i B. Pasternak – k voprosu o literaturnoi parodii.” *Russian Literature* 78, no. 3–4 (2015): 723–35.
- Skandinavskaiia ballada*. Edited by G. V. Voronkova, Ign. Ivanovskii, and M. I. Steblin-Kamenskii. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1978.
- Sochineniia Koz’my Prutkova*. Annotated by A. K. Baboreko. Moscow: GIKhL, 1959.
- Sophocles. *Dramy*. Translated by T. S. Zieliński. Edited by M. L. Gasparov, and V. N. Jarcho. Moscow: Nauka, 1990.
- Tokarev, D. V. “Daniil Kharms i Gustav Mairink.” *Russkaia literatura* 4 (2005): 35–53.
- Tyszkowska-Kasprzak, E. “Tworчество Daniila Kharmsa i filosofiiia Henri Bergson’a.” *Polilog: Studia Neofilologiczne* 2 (2012): 117–29.
- Uspenskii, P. D. *Simvoly Taro (starinnaia koloda kart): Filosofiiia okkul’tizma v risunkakh i chislakh*. 2nd ed. Petrograd: Literaturnaia Knizhnaia Lavka, 1917.
- Zabolotskii, N. A. *Polnoe sobranie stikhotvorenii i poem. Izbrannye perevody*. Prefaced by E. V. Stepanian. Edited and annotated by N. N. Zabolotskii. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002.

КОМАНДИРОВКА ЗА ОКЕАН: ПОЕЗДКА ИЛЫИ ЭРЕНБУРГА В США В 1946 г.

Г. В. Лапина
(Мэдисон)

Илья Эренбург, наверное, никогда не побывал бы в Америке, если бы не визит в Москву в марте 1945 года делегации Американского общества газетных редакторов, ответом на который и стала его командировка в страну, чуждую вкусам советского европейца.

Основанное в 1922 году Американское общество газетных редакторов (American Society of Newspaper Editors, ASNE) на своем первом съезде приняло так называемый «Канон журналистики», в котором впервые были сформулированы основные этические принципы профессии: «ответственность, свобода, независимость, честность, непредвзятость, добросовестность» (Mellinger 2008: 21; 2020: x). Важнейшей задачей этой организации, которая приобрела особую актуальность в 1945 году, стала защита свободы информации. Тогда как во время войны с фашистской Германией пресса многих стран подвергалась цензуре из соображений безопасности, скорое установление мира в Европе исключало ее необходимость. Аргументируя важность свободы прессы, американские редакторы утверждали, что «если бы фашисты и нацисты в Италии и Германии с самого начала не захватили прессу и не поставили под свой контроль все средства информации, укрепление этих гнусных диктатур вполне можно было бы предотвратить и внедрение в сознание нации идей ненависти и недоверия вряд ли было бы возможно»¹.

Для того, чтобы обсудить с коллегами и правительственными чиновниками проблему свободы печати в послевоенном мире, заместитель редактора *New York Herald Tribune* Уилбур Форрест, редактор газеты *Atlanta Constitution* Ральф МакГилл и декан факультета

¹ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 3 (2-я пагинация).

журналистики при Колумбийском университете Карл Аккерман по заданию Общества посетили Великобританию, Францию, Бельгию, Италию, Ватикан, Грецию, Египет, Турцию, Иран, Индию, Советский Союз, Китай, Австралию. Редакторы искали у своих коллег в разных странах поддержки предложения включить в послевоенные мирные договоры статьи о свободе прессы, обязывающие государство:

1. не подвергать цензуре новости;
2. не использовать прессу как инструмент национальной политики;
3. не препятствовать свободному обмену новостями между странами, подписавшими соглашение².

Вряд ли можно было рассчитывать на то, что в Советском Союзе это предложение понравится редакторам и тем более их партийным менторам, но заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский, который принял делегацию, «обещал попытаться найти возможность сотрудничества»³. На вопрос, возможен ли после окончания войны свободный обмен информацией между СССР и США, Лозовский дипломатично ответил: «Если мы смогли прийти к взаимопониманию в борьбе с фашизмом, почему нам не достичь взаимопонимания в решении проблемы, которая представляется менее важной, чем другие»⁴. Слова Лозовского (по просьбе американцев, видимо не поверивших своим ушам, он повторил их) вселяли надежду на положительный исход визита делегации.

В Москве первая встреча американской делегации с советскими коллегами состоялась в американском посольстве. Никогда раньше здесь не собирались одновременно генеральный директор ТАСС, глава пресс-службы Народного комиссариата иностранных дел, заместитель Наркома иностранных дел и редакторы всех крупных советских газет – «Правды», «Красной звезды», «Комсомольской

² ASNE Reports Progress on Free Press Pledges. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 3.

³ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 21.

⁴ Ibidem.

правды», Moscow News, «Известий», газеты «Труд». Посол Уильям Гарриман, открывший дискуссию, не стал скрывать, что американская политика на протяжении долгого времени страдала изоляционизмом, и критика со стороны других стран воспринималась негативно. Однако в настоящее время, утверждал он, Америка «отказывается от своего изоляционизма и заинтересована в мнении Советского Союза, к которому испытывает дружеские чувства»⁵. Если Гарриман надеялся, что советские гости, в свою очередь, признают недостатки советской информационной политики и пообещают их исправить, то этого не произошло. С. А. Лозовский ответил на примирительное выступление посла выпадом против американской прессы. «Главное, чего не могут понять советские люди и органы печати, – сказал он, – это постоянная критика некоторыми американскими газетами своего союзника»⁶. Каким образом советские люди могли знать, что пишут американские газеты, он не пояснил. О превосходстве советской прессы над американской в один голос говорили главный редактор «Правды» П. Н. Поспелов и его коллега из «Известий» Л. Ф. Ильичев. Резюмируя выступления советских редакторов, член американской делегации Ральф Мак-Гилл сказал: они «отрицали, что американская система свободна, и настаивали, что свободна система их собственная, поскольку она правильно понимает то, что хочет народ»⁷.

Советские журналисты привели и конкретные примеры, которые должны были окончательно дискредитировать американскую прессу. Так, во время встречи в редакции «Правды» заведующий военным отделом этой газеты генерал М. Р. Галактионов обвинил двух американских военных корреспондентов в дезинформации. Заверения У. Форреста, что в традициях американской прессы мнение одного корреспондента не представляет собой общего мнения газеты и может оказаться неверным, остались без внимания.

⁵ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 21.

⁶ Ibidem.

⁷ McGill, R. Reflections on World News Freedom Following the ASNE Tour. – Journalism Quarterly. 1945. Vol. 22. No. 3. P. 193.

Перед отъездом американской делегации советские журналисты дали обед в гостинице «Националь», на котором кроме редакторов газет присутствовали корреспондент газеты «Красная звезда» Илья Эренбург, корреспондент «Правды» Давид Заславский, поэт и переводчик С. Я. Маршак, во время войны печатавший статьи в «Правде» и «Красной звезде». Особенно запомнился американцам И. Г. Эренбург, который «потребовал объяснить, почему американцы не могут сочетаться браком с неграми и евреями», настаивал на том, что «американцы по сути своей фашисты» и им «не избежать фашистского будущего», а «“трест” Херста отравляет фашистским ядом душу Америки»⁸.

Возвратившись в Америку после трехмесячной поездки по странам мира, глава американской делегации У. Форрест дал короткое радиоинтервью, в котором прозвучал осторожный оптимизм по поводу результатов переговоров в Москве. «Хотя я не могу сказать, что наша миссия что-либо поменяла в России, – заявил Форрест, – важно, что мы смогли заронить среди чиновников и редакторов газет некоторые идеи, которые однажды приведут к более беспрепятственному двустороннему потоку информации»⁹.

Первого июня американские газеты поместили краткий отчет делегации редакторов о встречах с журналистами разных стран – сухое протокольное изложение дискуссий о проблемах прессы. Особое место в нем отводилось миссии в Москву, где американцы слышали критику своей прессы, которая, по мнению советских редакторов, «не всегда представляет интересы людей», печатает непроверенные критические материалы, тогда как статьи в советских газетах «проходят проверку на истинность и неизменно представляют интересы народа»¹⁰. Ответом на эту публикацию стала статья Е. Жукова «Еще раз о свободе печати». Пользуясь тем, что текст отчета не был известен читателям «Известий», Жуков обвинил американцев в том, что они считают свою печать «самой свободной

⁸ Full Report of ASNE Committee on Freedom of Information. – Editor & Publisher. 1945. June 16. P. 22.

⁹ Forrest Seeks World Alliance for Free Press. – The New York Herald Tribune. 1945. May 1. P. 13 A.

¹⁰ Report on Free Press Tour. – The New York Herald Tribune. 1945. June 11. P. 9.

в мире» и «под маской свободы печати» ведут «профашистскую пропаганду» и распространяют ложную информацию. Не меньшую опасность, по мнению Е. Жукова, представляют собой и «херсты» – порождение все той же «свободы печати». «Не нужно нам такой “демократии”, пусть возьмут ее себе другие», – заключил он свою статью¹¹. Многочисленными и весьма агрессивными нападками на американскую прессу борьба с западной концепцией свободы слова не ограничилась. Задача Кремля состояла в том, чтобы осуществить «тотальный контроль над доступной корреспондентам информацией, перехват неугодных властям материалов и сокращение числа иностранных корреспондентов в Советском Союзе, особенно из Соединенных Штатов» (Bassow 1988: 124). Настоящей проблемой для американских корреспондентов было получение визы. Чтобы получить ее летом 1945 г., корреспонденту *New York Times* Бруксу Аткинсону потребовалось шесть месяцев и телеграмма Сталину, а сменивший его в Москве Дрю Миддлтон ожидал визу больше года. Нередко журналисту, покинувшему на время советскую столицу, в повторной визе вовсе отказывали (это произошло и с Дрю Миддлтоном, который в 1947 году не смог вернуться в Москву после отпуска). Были периоды, когда крупнейшую газету *New York Times* в советской столице представлял только один корреспондент. «У нас разные точки зрения на свободу прессы и демократию, – заметил издатель этой газеты Артур Х. Салцбергер. – Я хотел бы иметь в Москве полдюжины наших корреспондентов (вместо одного). Но это невозможно, и не по нашей вине»¹². Журналисты были лишены доступа к новостям и информации, они не могли путешествовать по стране (им запрещалось уезжать на расстояние дальше 40 км от столицы), говорить с интересующими их людьми. Самое сложное, с чем приходилось сталкиваться иностранным корреспондентам в Советском Союзе, была цензура. Все статьи западных журналистов попадали на стол цензора, который мог не пропустить статью, искалечить ее или задержать.

¹¹ Жуков Е. Еще раз о свободе печати. – Известия. 1945. № 137 (8747). 13 июня. С. 4.

¹² Sulzberger Cites Soviet News Curbs. – The New York Times. 1946. May 7. P. 17.

Цензурная политика свидетельствовала о том, что предложения делегации американских редакторов о свободном обмене информацией не только игнорировались, но и вызвали обратную реакцию. Это не помешало Политбюро принять 4 апреля 1946 г. постановление «О поездке советской делегации на собрание Американского общества газетных редакторов в г. Вашингтоне». Была утверждена «советская делегация в составе т. т. Галактионова М. Р. (руководитель делегации) – от газеты “Правда”, Эренбурга И. Г. – от газеты “Известия” и Симонова К. М. – от газеты “Красная звезда”» (Большая цензура 2005: 571). Окончательное решение о посылке группы советских журналистов было принято 11 апреля, причем рукой Сталина написан пункт постановления: «Выдать на расходы уезжающих в США представителей советской прессы по 10 тыс. долларов, не считая расходов на поездку» (Там же: 621). В своих воспоминаниях Константин Симонов подробно рассказывает о долгом разговоре с В. М. Молотовым, о наставлениях министра и о том, как поразила его сумма, выделенная «каждому из троих», «своей величиной» (164 853 доллара по курсу середины 2025 г.). «В ходе разговора я – не знаю, какое лучше употребить выражение, – понял или почувствовал, что общая установка поездки, широта постановки вопроса, очевидно, исходят от Сталина, – писал он. – <...> Так я подумал тогда и имел основания убедиться в этом впоследствии, когда услышал из уст Сталина, как одновременно и жестоко, и болезненно он относился ко всему тому, что в сумме вкладывал в понятие “низкопоклонство перед заграницей”» (Симонов 2005: 365–366). Разумеется, цель миссии не сводилась к тому, чтобы показать американцам полное отсутствие пресловутого «низкопоклонства».

По замечанию историка советско-американских отношений В. О. Печатнова, именно весна 1946 года стала «важной вехой в перестройке военно-политического планирования США в духе холодной войны <...>. Понимание безопасности США приобретало все более глобальный и абсолютный характер» (Печатнов 2006: 142). СССР из союзника быстро превращался в «потенциального противника». Вероятно, предполагалось, что визит советских журналистов способен затормозить этот процесс. Молотов говорил Симонову, что

поездке придается большое значение, что «смысл поездок не в том, чтоб принять участие в съезде редакторов и издателей, хотя и это существенно, а в том, чтобы потом возможно дольше поехать по Соединенным Штатам, <...> при этом использовать все возможности для того, чтобы разъяснять всем людям, с которыми мы будем встречаться, а желательно, чтобы их было как можно больше, что мы не хотим войны, что слухи, распространяемые об обратном, нелепы и провокационны, что установление мира и все, что ведет к его укреплению, есть для нас аксиома, которую только клеветники могут подвергать сомнениям» (Симонов 2005: 365).

Симонов не смог удержаться и не упомянуть в своих мемуарах, какую важную роль отводил ему министр: «В решении этого не указано, сказал Молотов, но для вашего собственного сведения сообщаю, что руководителем делегации являетесь вы» (Там же: 366).

Кто бы ни возглавлял делегацию – генерал Галактионов, названный ее «руководителем» в решении Политбюро, или Симонов, «назначенный» Молотовым, но самым активным участником дискуссий с американскими коллегами стал И. Г. Эренбург, горячо и агрессивно отстаивавший и миролюбие Советского Союза, и преимущества «свободной» советской прессы над западной. Именно выступления Эренбурга, чей голос в журналистском трио был, по слову американской исследовательницы Дины Файнберг, «доминирующим» (Fainberg 2021: 18), цитировали американские газеты, восхищаясь его красноречием, остроумием и быстротой реакции.

Советские журналисты прилетели в Нью-Йорк 19 апреля на самолете посла США в Москве и в тот же день переехали в Вашингтон для участия в съезде Общества газетных редакторов. Триста редакторов ведущих газет страны, ожидавших их в конференц-зале Statler Hotel, самого современного по тем временам отеля, приветствовали появление советской делегации аплодисментами. Глава делегации редакторов Уилбур Форрест, председательствовавший на заседании, представил гостей, с которыми познакомился еще в Москве, назвал их визит историческим событием и предложил выступить. В своих коротких (меньше 15 минут) выступлениях Симонов и Эренбург напомнили редакторам о необходимости

продолжать борьбу с фашизмом («фашист, – по определению Ильи Эренбурга, – это тот, кто ненавидит Советский Союз»¹³). Галактионов убеждал собравшихся, что он в «Правде» «редактирует статьи так же, как Форрест или любой другой редактор в этом зале»¹⁴. Эренбург, к этому времени уже снискавший известность как «самый злой на язык критик американской прессы у себя на родине»¹⁵, призывал американских редакторов «покончить с враждебной клеветой против русских людей». «У вас свое правительство, и вам оно нравится. Это ваше дело. У нас большая страна, и нам она нравится. Я не вижу, почему мы должны из-за этого ссориться. Те, кто это делает, – прогремел он, – враги не только Советского Союза, но и Америки»¹⁶.

На следующий день редакторы получили редкую возможность расспросить советских журналистов о ситуации с западными корреспондентами в Москве. Первый вопрос, волновавший всех собравшихся в зале, задал Эбнер Кэрролл Биндер (Abner Carroll Binder), редактор *Minneapolis Tribune*: «Не мог бы мистер Эренбург сказать, получают ли американские журналисты возможность ездить по стране и писать о том, что они увидели?» На этот вопрос Эренбург отвечал долго: подчеркнул, что он прежде всего писатель, а не журналист, сообщил, что даже во время войны западным корреспондентам позволяли ездить по стране – американец Л. Стоу вместе с ним был на фронте подо Ржевом, а британец Ральф Паркер¹⁷ посетил Сталинград, Киев и Ленинград; признал, что иногда в Советском Союзе случаются бюрократические проволочки (как, впрочем,

¹³ Wood, L. Fight on Fascism Urged on Editors. – The New York Times. 1946. April 20. P. 5.

¹⁴ Blue Pencils and Vodka. – Newsweek. 1946. April 29. P. 62.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Yarbrough, C. Red Journalists' Frank Words Win Applause of Editors Here. – The Washington Post. 1946. April 20. P. 1.

¹⁷ Лиланд Стоу (Leland Stowe; 1899–1994) вместе с Эренбургом был на фронте подо Ржевом и посвятил этому главу книги “They Shall Never Sleep” (1942). Ральф Паркер (Ralph Parker; 1908–1964) в 1941–1945 гг. был корреспондентом английской *The Times* и американской *The New Times* в Москве. После войны печатался в газете английских коммунистов *The Daily Worker*. В 1949 году из-за несогласия с политикой Великобритании по отношению к Советскому Союзу объявил о решении остаться в Москве, где и умер в 1964 г.

и в Америке, где недавно его и его спутников держали в самолете после того, как все пассажиры вышли)¹⁸. «Я уверен, что выражу мнение моих коллег, что чем больше американских журналистов приезжают в нашу страну, тем лучше для них и для нас, – слукавил он. – У нас нет секретов от журналистов. Каждый может поехать и посмотреть то, что хочет. Однако в каждой стране есть секреты, и не дело журналистов выведывать эти секреты»¹⁹. Вспоминая этот эпизод много лет спустя, Эренбург написал: «...свалил все на войну, добавил, что я не цензор, а журналист» (Эренбург 1990, 3: 40). Основатель и редактор *U.S. News* Дэвид Лоуренс попросил советских гостей объяснить, почему американские корреспонденты вынуждены ждать визу от трех месяцев до года и сколько корреспондентов вовсе не дождались виз. Генерал и Симонов молчали. «Лично я хотел бы видеть как можно больше американских журналистов у нас в стране, – парировал Эренбург, – но что еще я, как журналист, могу сказать? <...> Вопрос не по адресу»²⁰. Редактор из Кентукки Том Уоллес (Tom Wallace, *Louisville Times*) поинтересовался, сможет ли он приехать в Россию и там разъезжать по стране и писать то, что сочтет нужным. Отвечать снова взялся Эренбург. «Повторяю: я не выдаю виз. Если бы мне позволили выдавать визы, я, вероятно, выдавал бы их с легкостью, и, наверное, поэтому мне и не поручено это делать. <...> О процедуре выдачи виз я ничего не знаю. Как только мы вернемся в Россию, мы поднимем вопрос о более широком взаимообмене корреспондентами»²¹. Редакторы встретили эти слова аплодисментами – наконец они услышали то, что хотели услышать. Сам Эренбург был, очевидно, доволен своей находчивостью и остроумием, позволившими, по его словам, «сломать лед»

¹⁸ Эренбург, заполнявший за троих анкеты приезжающих в США, в графе о расе поставил прочерк. Он «решил на дурацкие вопросы не отвечать и был наказан» (Эренбург 1954: 667) – его и его спутников не сразу выпустили из аэропорта (см.: Эренбург 1990, 3: 39).

¹⁹ Visiting Russians Answer Questions of U.S. Editors on Soviet News. – The New York Times. 1946. June 26. P. 10.

²⁰ Ibidem.

²¹ Ibidem; cp.: Эренбург 1990, 3: 40.

(Эренбург 1990, 3: 40). На самый острый и опасный вопрос, адресованный всем советским гостям, отвечать пришлось снова Эренбургу. Роберт Гласс из Виргинии (Robert Glass, *Lynchburg News*) спросил, возможно ли, чтобы кто-нибудь из журналистов поддержал в редакторской колонке отставку Сталина и замену его, например, Молотовым или Литвиновым? «Михаил Романович повернулся ко мне; я увидел на его лице ужас: “Отвечайте! Вы привыкли...”» – вспоминал Эренбург (Эренбург 1990, 3: 40). Симонов признался, что он бы «не нашелся, что ответить. Эренбург нашелся. Чуть заметно кивнул мне, что отвечать будет он, усмехнулся и сказал: “Очевидно, у нас с вами разные политические взгляды на семейную жизнь: вы, как это свойственно ветреной молодости, каждые четыре года выбираете себе новую невесту, а мы, как люди зрелые и в годах, женаты всерьез и надолго”» (Симонов 2005: 366).

Американские редакторы «приходили в восторг» от находчивости Ильи Эренбурга, которого журнал *Time* назвал «звездой шоу». Его товарищи держались в тени: «круглоголовый генерал Галактионов время от времени вставлял медленные, категоричные ответы. Щеголеватый автор-драматург Симонов сидел, окутанный клубами сигаретного дыма, и давал говорить старшим»²².

Разумеется, посланники из СССР, выполнявшие задание партии и ее вождя, отдавали себе отчет в том, что разговор о свободе печати, праве журналиста критиковать руководство страны был для них крайне опасным. Генерал не скрывал страха – по дороге в гостиницу он повторял: «Какой ужас!» Эренбург в тот вечер пришел в номер «окончательно измученным» – ему больше других пришлось, как он сказал, «выкручиваться» (Эренбург 1990, 3: 40).

Через десять дней после встречи с редакторами советское посольство устроило прием в честь именитых советских журналистов. Эренбург снова был «звездой шоу» и в очередной раз продемонстрировал мастерство изворотливости. У него «настолько подкупающее чувство юмора, что его реплики неизменно попадают в точку, даже хотя он говорит через переводчика», – восхищалась

²² Mission to Washington. – *Time*. 1946. April 29. P. 58.

присутствовавшая на приеме американская журналистка Либби Магуайр. Эренбург рассказал, какие вопросы ему якобы чаще всего задают, и тут же ответил на них:

1. «Где вы купили свой костюм – в России или в Америке?» – «В Москве».
2. «Почему у вас только одна политическая партия, а не две?» – «А когда у вас в Америке будет десять политических партий, а не две?»
3. «В котором часу вы встаете?» – «Очень поздно».
4. «Когда у вас в России будет свобода прессы?» – «Наши репортеры так похожи на репортеров в других странах, что к свободе прессы приходится относиться с опаской»²³.

Вероятно, уверившись в своей способности «выкручиваться», Эренбург нашел нужным пожурить американских журналистов. Выступая на завтраке, данном Ассоциацией журналистов-международников (Overseas Press Club of America) в честь советских коллег, он заявил: «Главная слабость американских журналистов заключается в том, что они свысока относятся к другим людям. Они не понимают, что одни народы не похожи на другие» – и предложил «учредить специальную школу для журналистов, в которой им объяснили бы, что люди и страны различны в своих философских, экономических и гастрономических понятиях». Затем он снова, как и на встрече с редакторами, заверил американских коллег, что по возвращении на родину будет содействовать облегчению цензурных запретов и установлению более тесных отношений с иностранными журналистами²⁴. Американские журналисты восприняли это обещание с надеждой, русские эмигранты – с недоверием. «Мы не сомневаемся, что, как только он очутится в Москве, Эренбург со свойственным ему блеском и силой напишет статью в “Правде” или

²³ Maguire, L. Chargé d'affaires Host at Party: Russian Journalists Entertained at Embassy Reception for Press. – The Evening Star (Washington, D. C.). 1946. April 29. P. B-3.

²⁴ Эренбург будет хлопотать об облегчении цензуры. – Новое русское слово. 1946. № 12430. 10 мая. С. 2; Russian to Urge Less Censorship. – The New York Times. 1946. May 9. P. 8.

“Известиях” под заголовком: “Больше свободы для иностранных корреспондентов! Пора отменить ограничения!”²⁵ – иронизировал популярный журналист «Нового русского слова» М. К. Айзенштадт, печатавшийся под псевдонимом Аргус.

Эренбург отлично знал, что вмешиваться в цензурную политику он не будет, однако его обещание похлопотать за ее ослабление устраивало американцев, и он не раз его повторял. Знал он и то, что свободы прессы в Советском Союзе нет, и смирился с этим. В 1917 году молодой Эренбург вместе с другими московскими литераторами участвовал в издании однодневной газеты «Слову – свобода!», вышедшей 10 декабря 1917 г. Газета стала ответом на подписанный Лениным декрет, согласно которому «подлежали закрытию» органы «контрреволюционной печати разных оттенков». «Граждане! Защищайте свободу слова!»²⁶ – призывали писатели и поэты, среди которых были Бальмонт, Бунин, Балтрушайтис. Эренбург напечатал в газете стилизованное под духовные стихи стихотворение «Божье слово». Тогда он верил, что слово – «птица вольная», но со временем научился укрощать его, подчинять поставленным партией задачам.

4 мая в Гарварде Эренбург и Симонов были почетными гостями конвенции, собравшей 79 журналистов – стипендиатов престижного фонда Nieman Foundation. О встрече с ними написал в студенческой газете *Harvard Crimson* Энтони Льюис, девятнадцатилетний студент, который станет известным журналистом, лауреатом Пулитцеровской премии (1955 и 1963 г.), членом Американского философского общества. На протяжении всей жизни Льюис будет писать и говорить о непреходящей актуальности Первой поправки к Конституции США, гарантирующей свободу слова и печати, читать посвященные ей курсы студентам и аспирантам Гарварда и Колумбийского университета. В 2007 году он издаст книгу «Свобода мысли, которую мы ненавидим. Биография Первой поправки». Он был убежден, что

²⁵ Аргус. О чем говорят: Слухи-факты. – Новое русское слово. 1946. № 12416. 26 апреля. С. 2. По словам Георгия Адамовича, М. К. Айзенштадт-Аргус представлял собой «явление оригинальнейшее» в литературе русской эмиграции как поэт, писатель-сатирик, автор нескольких книг (см.: Адамович 1969: 6).

²⁶ Слову – свобода!: Изд. Клуба московских писателей. 1917. 10 декабря.

Америка – «самое откровенное общество в мире», позволяющее «открывать секреты правительства и секреты спальни», «разоблачать правительство и друг друга без страха за последствия» (Lewis 2010: 11).

В советских журналистах девятнадцатилетнего Э. Льюиса удивила «степень их патриотизма – степень верноподданности, с которой Соединенные Штаты расстались в конце XVIII века»²⁷, когда была принята Первая поправка к Конституции США.

«Усталый, выглядевший на свои 55 лет <...>, скорее суровый, чем серьезный», «насмешливый, но не для того, чтобы вызвать улыбку» – таким увидел И. Г. Эренбурга Льюис. Когда знаменитого журналиста спросили, безопасно ли ему критиковать решения правительства, он сказал: «У журналистов в СССР есть внутренняя цензура. Мы знаем, что наша позиция подобна позиции других стран в военное время. Наш народ един. Мы так же уверены в нашем курсе, как вы в своем после Перл-Харбора. Кредо наших журналистов – поддерживать свою страну, что бы они ни думали»²⁸. Эренбург дал понять, что советские журналисты не хотят, не могут и не должны критиковать руководство страны независимо от своего отношения к нему, ушел от прямого ответа на вопрос и, разумеется, ничего не сказал о существовании цензурных запретов. Несмотря на попытку, по его слову, «выкрутиться», в гарвардском интервью Илья Григорьевич наиболее откровенно сформулировал принцип подчинения журналиста и писателя диктату государства. В журналистике внутренняя цензура была защитной реакцией на строгий цензорский контроль, поэтому Эренбург говорит о ней как о необходимом качестве советского журналиста, который сам знает, что и как писать²⁹. Этим качеством

²⁷ Lewis, J. A. Ehrenburg and Simonov Highlight Nieman Fellow Weekend Reunion. – The Harvard Crimson. 1946. May 7. P. 1, 4.

²⁸ Ibidem.

²⁹ По замечанию Т. М. Горяевой, самоцензура была «одним из характерных проявлений деформации гражданского общества» и «в условиях советского режима <...> приобрела гигантские масштабы, поразив не только массовое сознание, но и большей части творческой интеллигенции, которая всегда соотносила содержание текста на авторском листе с вероятностью его публикации» (Горяева 2009: 134).

прекрасно владел он сам – журналист, писатель, мемуарист, оратор. По замечанию Томаса Венцловы, Эренбург «был своим собственным цензором. Обычно ему удавалось найти золотую середину, в равной степени приемлемую и в равной степени не удовлетворяющую ни власти, ни читателей»³⁰.

Эренбурга раздражали (если не озлобляли) не только опасные разговоры о свободе прессы, но и интерес к нему американских журналистов с их стремлением поближе узнать советского гостя и, если повезет, «открыть его секреты».

Известный советский писатель, много лет проживший во Франции, автор недавно изданной в переводе книги «Падение Парижа», журналист, написавший за время войны 2000 статей, многие из которых перепечатывали американские газеты, Эренбург воспринимался как настоящая знаменитость. Как известно, знаменитости являются объектами особого интереса американских газетчиков и героями «профиля» – «журналистского жанра, цель которого – показать реального человека под маской публичной персоны и позволить читателям заглянуть в его частную жизнь» (Borchard 2022: 786). Именно в этом жанре написана статья Геральда Бланка для *PM* – нью-йоркской ежедневной газеты либерального толка (кстати, резко критиковавшей Херста и его концерн). Журналист обратился к Эренбургу с предложением пройти вместе с ним по магазинам Манхэттена. Предполагалось, что результатом прогулки должна стать статья, иллюстрированная фотографиями Ирвинга Хабермана³¹ (газета была известна своими фоторепортажами). По словам Г. Бланка, у Эренбурга, «очевидно, были сомнения, позволять ли репортеру и фотографу сопровождать его, но поскольку репортер мог говорить с ним по-французски и не спрашивал, какого цвета

³⁰ Venclova, T. Out of Chaos. [Review of:] *Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg* by Joshua Rubenstein. – The New Republic. 1996. Vol. 215. No. 12/13. September 16 & 23. P. 39.

³¹ Ирвинг Хаберман (Irving Haberman; 1916–2003) – один из самых знаменитых американских фотожурналистов прошлого века. Известен фотографиями политиков – Кеннеди, Никсона, Голды Меир, и знаменитостей – Л. Бернштейна, Элвиса Пресли, Мэрилин Монро, П. Ньюмана и др.

его нижнее белье, он сдался»³². В статье Бланк изобразил Эренбурга крупным планом: «грива седеющих волос придает ему вид усталого льва», «с лица не сходит выражение безнадежной тоски», у него «нехорошие зубы и свежий шрам на переносице». «Эти ваши стеклянные двери повсюду. Кто их видит? Что в них хорошего?» – объяснил происхождение шрама Эренбург.

Эренбург разговаривал не сразу – по замечанию Бланка, «он не из тех людей, с которыми легко найти контакт». Однако сама обстановка располагала к свободной беседе, и статья, написанная по впечатлениям дня, проведенного с Эренбургом, позволяет не только увидеть его глазами американца, но и услышать его интонации. Он рассказал о войне, о потерях Советского Союза, о восстановлении Москвы, где «сейчас лучше, чем в Париже, который не пострадал физически». Говорил о любимых американских писателях и о своей работе над новым романом «Буря». Критиковал американскую прессу с ее «неприятным и удручающим» интересом к мелочам и удивлялся, почему журналисты не задают ему вопросы о том, что он хорошо знает.

Неожиданно Эренбург сам завел речь именно о мелочах. «Не уверен, чья кухня хуже – английская или американская, – размышлял он вслух. – Думаю, скорее американская. Эта ваша привычка во все добавлять сахар – в огурцы, салат и даже в мясо – фу! Неужели ВСЕ нужно подслащивать?» Не нравилось ему в Америке и обилие лифтов: «с тех пор, как я сюда приехал, я ни разу не спустился по лестнице. Уоллес <министр торговли Генри Э. Уоллес. – Г. Л.> на днях порадовал меня маленьким подарком – предложил спуститься на один пролет. Я почти разучился это делать. Я встретился с ним за ланчем <Эренбург использовал английское слово *lunch*. – Г. Л.>. Звучит почти так же, как *Lynch*. И то и другое мне почти одинаково противно»³³.

Первой остановкой стала мастерская портного. Эренбург заказал синий костюм из шерстяной фланели, синий твидовый в елочку костюм, спортивный пиджак и спортивные брюки. «Все

³² Blank, G. PM Goes Shopping with Ilya Ehrenburg. – PM. 1946. May 2. P. 11.

³³ Ibidem.

эти вещи, – сообщил журналист, – будут сшиты по индивидуальной мерке и обойдутся в 155 долларов каждая». Он не мог знать о «командировочных», «выписанных» Сталиным, и предположил, что источник денег – либо работа Эренбурга в «Известиях», либо гонорар за роман «Падение Парижа». Когда портной снимал мерку для брюк, сверкнула вспышка фотографа. Эренбурга, по словам Бланка, «это озадачило и несколько обеспокоило»: «Для чего вы снимаете меня? Чтобы поразвлечься?» После того, как фотограф заверил Эренбурга, что читал его книги и уважает его как человека, и журналист перевел его слова на французский, он, кажется, успокоился. Однако вряд ли он мог предположить, что именно эта фотография появится в газете и Бланк расскажет, как Эренбург на вопрос портного, какую застежку на брюках он предпочитает, молнию или пуговицы, сказал: «Молния вполне может сломаться, и кто ее будет чинить в Москве?!»³⁴ – и предпочел пуговицы. Знаменитый писатель, возможно, испытал унижение, прочитав статью, однако очень скоро он изловчился и нашел возможность использовать ее в своих целях для разоблачения «бульварной» американской прессы. Пустяковый эпизод в примерочной, который можно было бы забыть, обрстал в его рассказах все новыми подробностями.

В конце мая Эренбург выступал в Гарлеме перед афроамериканскими студентами, преподавателями и журналистами, собравшимися в конференц-зале тринадцатэтажного Theresa Hotel – центре общественной жизни Гарлема. Репортаж об этом событии для влиятельной газеты афроамериканцев *Chicago Defender* написала близкая к коммунистическим кругам Тайра Эдвардс. По ее словам, Эренбург ответил на вопросы «с обаятельным юмором», рассказал о жизни в Советском Союзе, о проблеме свободы прессы у него на родине и в Америке. «Свобода прессы, – заявил он, – это вопрос уровня журнализма, а не степени свободы». Чтобы доказать, насколько низок уровень журнализма в Америке, он придумал историю, как

³⁴ Blank, G. PM Goes Shopping with Ilya Ehrenburg. – PM. 1946. May 2. P. 11. В 1940-е годы застежка-молния на мужских брюках полностью вошла в обиход в Америке, поэтому журналиста так удивило решение Эренбурга.

«американские репортеры, расспросив его о вопросах международной политики, написали статью, главная проблема которой – застегивает ли он брюки на молнию или на пуговицы». В Советском Союзе «такая статья отправилась бы в корзину для мусора, – заявил Эренбург. – Это пошлость, а не свобода»³⁵.

«Репортер крупной нью-йоркской газеты тайком пробрался к портному, который шил мне костюм, – написал он в путевом очерке из цикла «В Америке»³⁶. – На следующий день я увидел в газете фотографию – я примеряю брюки. Статья, сопровождавшая этот снимок, была посвящена жгучей проблеме: почему я предпочел на брюках пуговицу модной застежке “молния”» (Известия. 7 августа; Эренбург 1954: 704)³⁷. Надо отдать должное той ловкости, с которой он переиначивает ситуацию, изложенную в статье Бланка. Очевидно, что репортер сопровождал важного советского гостя с его согласия; когда портной снимал мерку, Эренбург был в старых брюках, а застежке «молния» посвящены два предложения, а не статья.

На этом Эренбург не остановился, поведав о перебранке с ответственным редактором газеты, которого он якобы спросил, «почему он напечатал такой вздор». Тот объяснил статью интересом к человеку, на что Эренбург «раздраженно сказал: “К его нижней половине”» (Известия. 7 августа; Эренбург 1954: 704). Когда в 1963 году Эренбург вспоминал свою поездку в Америку, он включил в мемуары и злосчастный эпизод в примерочной. Правда, на этот раз он ничего не сказал о застежке-молнии (она уже перестала быть редкостью в Советском Союзе), но вновь сообщил о появлении фотографа во время примерки брюк и повторил свою пошловатую остроту (см.: Эренбург 1990, 3: 60).

³⁵ Edwards, Th. Famous Soviet Novelist Selects “Poll Tax Belt” for U.S. Tour. – The Chicago Defender (National Edition). 1946. June 1. P. 2.

³⁶ Путевые очерки И. Эренбурга были напечатаны сначала в шести номерах «Известий» за 1946 г. под общим названием «В Америке», а затем, с некоторыми изменениями, в брошюре «В Америке» (1947). Далее ссылки на статьи из «Известий» даются в скобках с указанием даты публикации, а брошюра цитируется по: Эренбург 1954.

³⁷ Эренбург И. Американские впечатления. – Литературная газета. 1946. № 46 (2309). 16 ноября. С. 2.

Рассказывая о беззастенчивости американского репортера РМ, Эренбург предпочел промолчать о других его фотографиях в газете, под которыми стояли следующие подписи:

1. «Для чего вы меня снимаете?» – спрашивает Эренбург.
2. Известный русский писатель и военный корреспондент рассматривает ткани для одного из своих костюмов стоимостью 150 долларов каждый.
3. Эренбургу понравились сигары Havana's в Peterson's Pipe shop.
4. Эренбург решает, как платить по счету в долларах³⁸.

Журналиста явно заинтересовали экстравагантные вкусы советского писателя, который, сравнивая магазины на Пятой авеню с парижскими на фешенебельной торговой улице Rue de la Paix, сказал: «Такие же. Только немного больше роскоши и меньше вкуса» – и добавил: «Не пишите этого. Я и так на плохом счету». Бланк написал это и перечислил покупки, которые сделал в дорогих магазинах Эренбург: чемодан за 36 долларов (596 \$ по курсу 2025 г.), сумку на молнии за 9 долларов (145 \$), трубку за 10 долларов (162 \$), коробку гаванских сигар за 6 долларов 72 цента (113 \$)³⁹.

Из-за своей любви к дорогим магазинам Эренбург угодил в «Львиное логово». Так назвал свою ежедневную колонку в газете *New York Post* Леонард Лайонс, чья фамилия Lyons созвучна с притяжательным существительным lion's (львиный). Колонка сплетен, которую Лайонс вел на протяжении 40 лет, пользовалась популярностью и перепечатывалась десятками газет – в том числе херстовскими. Сам журналист считал себя не сплетником, а скорее посредником между знаменитостями и своими читателями. Он не писал о разводах, ссорах и любовных связях, не подглядывал и не злорадствовал и, как утверждал журнал *Time*, «сохранил любовь и героев своей колонки, и ее читателей»⁴⁰.

³⁸ Фотографии перепечатал журнал *Newsweek* (1946. May 13. P. 66).

³⁹ Blank, G. PM Goes Shopping with Ilya Ehrenburg. – PM. 1946. May 2. P. 11.

⁴⁰ The Gentle Gossip. – Time. 1974. June 3. P. 39.

О знаменитом советском госте Лайонс написал всего пару строк: «Эренбург нашел время, чтобы посетить только один магазин. В Abercombie & Finch он купил кое-что для своей собаки: четыре ошейника, резиновую кость и средство от экземы»⁴¹. Журналисту показалось забавным, что гость из Советского Союза пошел покупать ошейник для собаки в самый дорогой в Америке спортивный магазин. Разумеется, среди его покупателей были многие из знаменитостей, о которых писал в своей колонке Лайонс.

Благодаря тому, что Эренбург попал в поле внимания Лайонса и узнал о его колонке, он будет «со знанием дела» говорить о низкосортной американской прессе и даже сможет для большей убедительности назвать имя (правда, исказив его) журналиста, распространяющего «неопрятные» сплетни. «Стиль бульварных газет весьма своеобразен, – напишет он. – Есть, например, журналист Лайн <sic!>; его статейки (неизменно с портретом автора) печатаются ежедневно в пятидесяти газетах. Статьи Лайна – это коллекция коротких и неопрятных сплетен: кто с кем отобедал и сколько долларов стоил обед, как сенатор Икс улыбнулся актрисе Игрек, или наоборот. Разумеется, и сплетни организованы: такого-то надо выдвинуть, такого-то потопить» (Эренбург 1954: 704).

О серьезной прессе, которая не обделила его вниманием, Эренбург предпочел не говорить – это не входило в его планы. Большая статья о трех писателях, «гостях из России», опубликованная в майском номере *New York Times Book Review*, была посвящена в основном Эренбургу (генерал Галактионов писателем не был, а Симонов на вопросы журналиста отвечал неохотно и односложно). Автор статьи Роберт ван Гелдер на протяжении трех лет (1943–1946) был редактором литературного приложения газеты *New York Times* и за это время напечатал около ста интервью с выдающимися американскими и европейскими писателями, которые собрал и издал в 1946 году отдельной книгой *Writers and Writing*⁴². В 1946 году

⁴¹ Lyons, L. *Broadway Gazette*. – *The Washington Post*. 1946. May 6. P. 12.

⁴² Несмотря на интерес современных исследователей к жанру интервью, в том числе интервью литературному, книга ван Гелдера незаслуженно забыта.

ван Гелдер ушел из газеты, чтобы самому заняться литературным творчеством⁴³. Считается, что последним писателем, у которого Роберт ван Гелдер взял интервью в начале 1946 г., был Эрих Мария Ремарк⁴⁴. Однако на самом деле последним стало его майское интервью с Ильей Эренбургом, в книгу не вошедшее.

В предисловии к книге "Writers and Writing" ван Гелдер рассказал, как, с его точки зрения, нужно проводить интервью. Собеседника, по его словам, «следует принимать таким, какой он есть»: не оценивать его, не «разбирать по косточкам» то, что он говорит (Van Gelder 1946: 14). «Лучший способ узнать человека – слушать, как он разглагольствует, и время от времени подталкивать его вопросом и больше не пребывать» (Ibid.: 13).

Именно этими правилами ван Гелдер руководствовался, пытаясь получше «узнать» своего советского собеседника. «У вас четыре писателя – они подобны деревьям, – рассуждал Эренбург. – Это Хемингуэй, Стейнбек, Колдуэлл, Фолкнер. Они большие и крепкие. Удивительно, что они выросли в стране, которая по сравнению с другими мало страдала, которая мало испытала войну и вряд ли знает, что значит страдание; появились в культуре, уровень которой вряд ли достаточно высок, чтобы объяснить их появление»⁴⁵. Роберту ван Гелдеру, очевидно, было что на это возразить, но он позволил Эренбургу высказаться и «подтолкнул» его вопросом о «скандале», разгоревшемся в Советском Союзе из-за некоторых пассажей в романе «По ком звонит колокол». «Есть страницы политически неверные, не основанные на четком понимании фактов», – ответил Эренбург. И добавил, что он говорит о Хемингуэе-писателе, а не политике⁴⁶. Он не сказал, что роман «По ком звонит колокол» не был напечатан в Советском Союзе, а сам он читал машинопись

⁴³ Его роман "Important People", вышедший в 1948 г., успеха не имел.

⁴⁴ См.: Lindley, D. The Literary Life: Its Perils, and Its Unique Rewards. – The New York Times. 1946. July 14. P. 107; Van Gelder, R. Erich Maria Remarque Lays Down Some Rules for the Novelist. – The New York Times Book Review. 1946. January 27. P. 3.

⁴⁵ Van Gelder, R. News and Views of Three Visiting Russian Writers. – The New York Times Book Review. 1946. May 19. P. 3.

⁴⁶ Ibidem.

перевода (см.: Эренбург 1990, 2: 130). «Эти четыре писателя, подобные деревьям, – повторил он некоторое время спустя, – растут, кажется, не только головой, мозгом, но всем своим существом». Из четверых он не был знаком только с Фолкнером, но «бьется об заклад, что тот пьет не меньше Хемингуэя». Эренбург принялся «с восторгом изображать Хемингуэя, повторяя: “Scotch and soda” – и поднимая воображаемый стакан. И снова: “Scotch and soda”, “scotch and soda”». Затем он с энтузиазмом начал рассказывать о своем новом романе, в котором постарается объяснить «психологический механизм сопротивления русских германскому вторжению». Именно психология героев интересует его, а не политические, экономические и военные факторы, обеспечившие победу⁴⁷.

Литературными вкусами советского писателя заинтересовался и журнал *The New Republic*, напечатавший большую статью «Илья Эренбург об американских писателях». Автор статьи Кэтти Лучхейм (политическая активистка, недавно вернувшаяся из Европы, где посещала лагеря перемещенных лиц⁴⁸) беседовала с Эренбургом по-французски. Эренбург встретил ее в тесном номере гостиницы: горы чемоданов по всем углам, возле двери грязные тарелки, которые не успели убрать после завтрака, секретарша без остановки говорит по телефону, туда-сюда ходят какие-то люди. Эренбург, ссутулившись, сидит в кресле с сигарой в руках. «Между двумя войнами единственная поистине великая литература была создана в Америке, – говорит он на прекрасном французском. – Великие американские писатели – Хемингуэй, Фолкнер, Колдуэлл и Стейнбек подобны небоскрегам в городах по всей Америке. Их мощная и оригинальная проза так же мало похожа на то, что производит средний американский писатель и что читают массы американцев, как непохожи небоскребы на одноэтажные дома, которые их окружают

⁴⁷ Van Gelder, R. News and Views of Three Visiting Russian Writers. – The New York Times Book Review. 1946. May 19. P. 3.

⁴⁸ К. Лучхейм (K. Louchheim) работала в аппарате Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций (United Nations Relief and Rehabilitation Administration, UNRRA).

на главной улице американских городков»⁴⁹. На этот раз сравнение писателей с мощными деревьями сменилось сравнением с небоскребами, окруженными «одноэтажными домиками». Оно так полюбили Эренбургу, что он будет обращаться к нему снова и снова⁵⁰. Согласно Эренбургу, несмотря на существование писателей-«небоскребов», общий уровень литературы в Америке ниже европейского. «В Европе у нас, может быть, нет небоскребов, но у нас больше двух-, трех-, четырех- и даже восьмизэтажных зданий. Во Франции и в России больше хороших писателей более низкого уровня», – заявил он. Наконец, Эренбург счел возможным дать американцам совет: необходимо повышать уровень среднего человека, чтобы он смог научиться читать великих писателей. Предполагалось, что уровень среднего советского читателя достаточно высок, однако, когда Кэтти Лучхейм спросила, читают ли в Советском Союзе Достоевского, Эренбург ответил: «Нет, сейчас не читают, он слишком на их вкус отвратительный». Что касается романа «Преступление и наказание», то, как пошутил Эренбург, читать его мешает «жилищная проблема»: «Лучше не читать “Преступление и наказание”, если у вас нет двух комнат – одна для вас, а одна для книги. Как можно спать в одной комнате с этой книгой?»⁵¹

Возразил Эренбургу – причем достаточно резко – один из (средних?) читателей журнала *The New Republic* Эрвин Сван. «Интервью с Ильей Эренбургом было бы смешным, если бы не дурной вкус и низкий уровень критики, который продемонстрировал один из наиболее известных советских литераторов», – написал он. По мнению Свана, Эренбург назвал четырех писателей – Хемингуэя, Фолкнера, Колдуэлла и Стейнбека прежде всего потому, что их книги выходили большими тиражами, их печатали массовые журналы. Сван, в свою очередь, называет имена других американских и европейских

⁴⁹ Louchheim, K. Ilya Ehrenburg on American Writers. – *The New Republic*. 1946. July 1. P. 931.

⁵⁰ См.: Известия. 16 июля; Эренбург И. Американские впечатления. – Литературная газета. 1946. № 46 (2309). 16 ноября. С. 2 и др.

⁵¹ Louchheim, K. Ilya Ehrenburg on American Writers. – *The New Republic*. 1946. July 1. P. 931–932.

писателей, которые «приходят на память, когда речь идет о литературе между двумя войнами»: Уилла Кэсер, Томас Вулф, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Шервуд Андерсон, Синклер Льюис, Андре Жид, Олдос Хаксли, Андре Мальро, Джеймс Джойс, Томас Манн, Т. С. Элиот, Франц Кафка, причем «лишь немногие из них пользуются массовым признанием, которое Эренбург ошибочно принимает за гениальность».

«Что касается шутки по поводу отдельной комнаты, необходимой, чтобы читать “Преступление и наказание”, то она служит доказательством того, что его литературный вкус не лучше, чем у наших критиков, озабоченных только тиражами. <...> Пожалуйста, напечатайте этот тонкий одинокий голос против дурного вкуса, даже если этот вкус пролетарский»⁵², – заключает Эрвин Сван свое письмо в редакцию.

Первый месяц в Америке советским журналистам – и главным образом Эренбургу – приходилось много выступать. Американские газеты писали о его выступлениях во время приемов, ланчей, встреч с общественностью, цитировали Эренбурга, описывали его внешность, костюм. Впоследствии об Эренбурге в Америке напишет и его известный соотечественник – А. А. Громыко, который тогда сменил должность посла СССР в США на пост постоянного представителя СССР при ООН. Советское посольство, получившее, по словам Громыко, распоряжение из Москвы «оказать необходимое содействие на период их поездки по стране» (Громыко 2016: 512), разумеется, следило за пребыванием Эренбурга и его товарищей в Америке. В Нью-Йорке советский дипломат впервые встретился с Эренбургом, который произвел на него впечатление «яркой личности». «Я знал, – вспоминает А. А. Громыко, – что Эренбург умел выступать перед самой разной аудиторией. Но он меня приятно поразил тем, что не только оказался хорошим, опытным оратором, но и ежедневно выдерживал трудную нагрузку. Причем делал это в высшей степени умело и успешно. Ему ничего не стоило выступить почти с часовой речью перед одной аудиторией, а затем через

⁵² Swann, E. One Vote Against Ehrenburg. – The New Republic. 1946. July 29. P. 104.

несколько часов – с такой же по продолжительности лекцией – перед другой. Говорил он нестандартно. <...> Умел делать неожиданные, смелые обобщения и выводы» (Громыко 2016: 513). Не ограничившись комплиментами по поводу ораторского искусства советского журналиста, А. А. Громыко рассказал о неприятном инциденте с Эренбургом, свидетелем которого он стал. Оба они были почетными гостями на банкете в отеле «Пенсильвания», организованном Национальным советом американо-советской дружбы. По словам А. А. Громыко, «за столом экспромтом выступил Эренбург. Его речь, естественно, переводилась на английский язык. Переводчик – американец – очень старался, но в один из моментов допустил некоторую неточность. Заметили ее американцы, знавшие русский язык, и, конечно, мы – советские люди. Эренбург, когда ему об этом сказали, выразил недовольство и сделал переводчику «реприманд»». Вероятно, неуместное поведение гостя обратило на себя внимание, поскольку А. А. Громыко незадолго до отъезда Эренбурга мягко его упрекнул: «Да, возможно, не стоило так делать. Переводчик ведь большой друг Советского Союза. Но ничего страшного не произошло» (Громыко 2016: 513). Это был не единственный «реприманд», который сделал Эренбург американцам.

Однажды он, как писал популярный американский еженедельник, «нанес визит вежливости» Джо Дэвидсону – «бородатому скульптору, возглавлявшему просоветский Независимый комитет граждан по делам искусств, наук и профессиональной деятельности»⁵³. Дэвидсон, работавший в реалистической манере, за свою жизнь создал 450 скульптурных портретов знаменитых современников – Дж. Джойса, Р. Киплинга, Конан Дойля, Б. Шоу, А. Франса, Гертруды Стайн, Чарли Чаплина, Махатмы Ганди, Долорес Ибаррури и др. и в середине прошлого века был на пике своей славы. Реализм американского скульптора претил вкусам поклонника и друга Пикассо, и Эренбург преподавал Дэвидсону урок, «недипломатично заявив, что для политического радикала подобное искусство слишком устарело». В ответ Дэвидсон показал ему на дверь. Уладить конфликт взялись

⁵³ Art and Politics. – Newsweek. 1946. Vol. XXVIII. No. 2. July 8. P. 14.

Симонов с Галактионовым, которые на следующий день извинились перед скульптором за Эренбурга и пригласили его обязательно посетить СССР. «Извинения и приглашение были приняты»⁵⁴.

8 мая в отеле «Commodore» Американско-биробиджанский комитет (Амбиджан) устроил прием в честь Эренбурга и Симонова. Советский консул настоятельно просил их принять приглашение. В годы войны Амбиджан, основанный в 1934 году для помощи переселенцам в Еврейскую автономную область, расширил свои функции и взял под свое попечение 1000 сталинградских сирот из детского дома «Серебряные пруды». О приеме, собравшем в зале отеля более тысячи американцев (в основном это были иммигранты из России), подробно рассказала своим читателям газета «Новое русское слово». Вначале выступили руководители комитета, которые отчитались о его работе и рассказали о намерении «в текущем году <...> собрать 2 000 000 долларов». Затем «был устроен сбор», который «дал свыше 30 000 долларов». «Первый чек в 10 000 долларов внес член комитета Джозеф Моргенстерн», – называет газета весьма внушительную сумму взноса⁵⁵.

Главными героями вечера должны были стать советские гости. Симонов не обманул ожиданий собравшихся. Он «говорил просто, без внешней аффектации, но в словах его чувствовался подлинный пафос и большое внутреннее волнение». Рассказав о том, что его «товарищи евреи <...> своей борьбой на всех фронтах раз и навсегда опровергли все глупые и подлые выдумки, которые распространяли о них фашисты», что «самые проникновенные слова о русской культуре сказал еврей Илья Эренбург», он призвал всех продолжать борьбу с фашизмом, который не до конца побежден. Наконец Симонов прочел заключительные строки стихотворения «Убей его», и зал отозвался «громом аплодисментов».

Эренбурга встретили «грандиозной овацией», однако он «сразу вылил ушат холодной воды на головы американских евреев».

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ А. С. Патетическая речь К. Симонова на приеме Биробиджанского комитета. – Новое русское слово. 1946. 10 мая. С. 2.

«Хорошо, что вы даете деньги. Было бы лучше, если бы вы делали это скромнее... У нас кровь отдавали молча. Вы не жертвуете, вы отдаете долг за спасение жизни», – упрекал он благотворителей, «которые отдавали во время войны не только доллары, но и своих сыновей в американскую армию». Эренбург предупредил собравшихся, что порочить Советский Союз – значит работать на фашистов, и заверил, что в Советском Союзе нет еврейского вопроса. «Поучения Эренбурга» «вызвали среди части слушателей чувство большой неловкости»⁵⁶, однако сам он не только не испытал неловкости, но и остался доволен собой: о приеме, устроенном Амбиджаном, он написал несколько раз. Напомнив читателям «Известий», что «деньги в Америке окружены уважением», он рассказал об «обеде-митинге», на котором ему удалось побывать: «Сначала все поспешно жуют курицу, потом ораторы произносят длинные речи, потом певица исполняет сентиментальный романс, потом пастор приступает к сбору денег на благотворительные нужды. Он оглашает имена наиболее щедрых жертвователей: “Мистер Смитс дал пятьсот долларов”... Все дружно аплодируют, а мистер Смитс встает и кланяется» (Известия. 16 июля).

В брошюре Эренбург назвал «обед-митинг» «приемом одного прогрессивного общества». Пастор на этот раз назван «специалистом по сбору денег», которому это занятие приносит «подсобный заработок», а некто Смитс пожертвовал тысячу долларов. «Когда я сказал, что у нас люди, борясь за мир, отдавали свою жизнь с большей скромностью, чем присутствующие дают доллары, – написал Эренбург самодовольно, – меня не поняли, а один американец участливо спросил: “Вы не больны?” Будучи “прогрессивным”, он мог отрицать все, только не доллары» (Эренбург 1954: 676)⁵⁷.

⁵⁶ А. С. Патетическая речь К. Симонова на приеме Биробиджанского комитета. – Новое русское слово. 1946. 10 мая. С. 2.

⁵⁷ Почти двадцать лет спустя Эренбург вернулся к этому эпизоду в своих мемуарах. Кампания по борьбе с космополитизмом была в прошлом, и можно было не скрывать, что прием устраивало не «прогрессивное общество», а «одна из еврейских организаций» (Эренбург 1990, 3: 44).

Недружелюбные выпады Эренбурга против американских евреев в 1946 году пришлось ко времени в 1948 году, когда нарастала кампания борьбы с космополитами. «Там, в Америке, евреи не понимают трагедии еврейского народа, – заявил Эренбург, выступая в июне 1948 года перед еврейскими писателями г. Лодзь, – нужно им напоминать. Нужно их обучать»⁵⁸.

Громко заявляя в своих выступлениях во время американского турне, что в Советском Союзе нет еврейского вопроса, в частной беседе с верными друзьями Эренбург мог позволить себе сказать правду о растущей угрозе антисемитизма. В Нью-Йорке он встретился с испанским художником, бойцом-республиканцем Фернандо Херасси и его женой Стефой, с которыми подружился во время войны в Испании. В 1990 году вспоминая эту встречу в интервью с биографом Эренбурга Д. Рубинштейном, Стефа Херасси рассказала, что Эренбург «откровенно говорил о том, как мучительно переживает советский антисемитизм» (Рубинштейн 2002: 255).

Встретился Эренбург и со старым другом Романом Якобсоном. Они познакомились в Берлине в 1923 году, виделись в Праге, Брно, Париже, после 1953-го – в Москве. О встрече в Нью-Йорке Эренбург написал очень кратко: «...мой старый друг Р. О. Якобсон ночь напролет рассказывал мне о новорожденной науке и о “мыслящих машинах”» (Эренбург 1990, 3: 366). На самом деле им было о чем говорить, кроме «мыслящих машин», было что вспомнить. «А помнишь, как в 39-м...» – обратился Якобсон к другу, на что тот «сразу же решительно и твердо ответил: “Нет, не помню”». Объясняя реакцию Эренбурга, Б. Я. Фрезинский написал: «После войны, ставшей его звездным часом, у него не было никакого желания возвращаться в тот жуткий год...» (Фрезинский 2013: 220)⁵⁹.

Общий друг Эренбурга и Якобсона польский поэт Юлиан Тувим принимал Илью Григорьевича в своей нью-йоркской квартире «среди сундуков и чемоданов: через неделю он должен был уехать

⁵⁸ Pat, J. Anti-Semitism in Soviet Russia. – New Leader. 1948. Vol. 31. June 5. P. 48.

⁵⁹ Об этом эпизоде известный филолог Омри Ронен рассказал Б. Я. Фрезинскому со слов самого Якобсона.

во Францию, а оттуда в Варшаву. Он был необычайно весел, приподнят. Многие поляки, жившие тогда в Нью-Йорке, пробовали его отговорить: возвращение в Варшаву они называли “предательством”. <...> жил он одним – близкой встречей с Польшей» (Эренбург 1990, 1: 401). Эренбург высоко ценил и поэзию Тувима, которого много переводил, и публицистику, особенно его манифест-обращение «Мы – польские евреи». По словам Б. Я. Фрезинского, обращение глубоко потрясло Эренбурга, для которого тема еврейства была почти недоступной «в силу жесткой политической цензуры в СССР», и он «всюду, где мог, начиная с 1944 года, его цитировал в своем переводе» (Фрезинский 2013: 618).

В Гарлеме Эренбург оказался благодаря Полу Робсону. Олли Харрингтон (политический карикатурист, борец за права чернокожих) вспоминал, как однажды «Пол вошел в ветхую редакцию одной гарлемской газеты вместе с Ильей Эренбургом, одним из великих мировых писателей. <...> Робсон поговорил с журналистами. Эренбург обратился к ним и поблагодарил от всего Советского Союза всех американцев за оружие, которое Красная армия так успешно использовала в борьбе с гитлеровскими ордами. И он ясно дал понять, что его глубокая благодарность адресована и всем людям Гарлема»⁶⁰.

На машине Эренбурга привезли в Принстон, где он встретился с Альбертом Эйнштейном. Понимая масштаб этого человека, Эренбург ловил каждое его слово, а вернувшись в гостиницу, записал все, что смог запомнить. В книге очерков 1946 г. он ограничился тем, что пересказал услышанную от Эйнштейна притчу об одном африканском племени, у которого «нет ни истории, ни традиций, ни легенд». Считая, что эта притча относится и к американцам, Эренбург впоследствии будет много раз ее повторять (см.: Эренбург 1954: 683–684). По-видимому, самой важной темой его разговора с Эйнштейном была так называемая «Черная книга» – сборник документов и свидетельств очевидцев о преступлениях нацистов против

⁶⁰ Harrington, O. Our Beloved Pauli. – Freedomways: A Quarterly Review of the Freedom Movement. 1971. Vol. 11. No. 1 (First Quarter). Paul Robeson: The Great Forerunner. A Special Issue. P. 62.

евреев на оккупированных территориях. Он составлялся в СССР по инициативе самого Эйнштейна и Американского комитета еврейских писателей, художников и ученых, и Эренбург до конца 1945 г. принимал самое непосредственное участие в его подготовке⁶¹. Впервые об обсуждении с Эйнштейном «Черной книги» он напишет лишь в своих воспоминаниях (см.: Эренбург 1990, 3: 59). Даже в 1965 году Эренбург предпочел не говорить, что Эйнштейн в 1942 г. был инициатором ее создания и написал к ней предисловие, которое испугало руководство ЕАК (Еврейский антифашистский комитет во главе с С. М. Михоэлсом) «немыслимыми в СССР формулировками учебного» и в конце концов было отвергнуто (Фрезинский 2013: 245). Весной 1946 года надежда на издание «Черной книги» на русском языке еще оставалась (окончательное заключение о ее запрете было принято 7 октября 1947 г.)⁶², и Эренбург привез Эйнштейну «некоторые опубликованные материалы, фотографии» (Эренбург 1990, 3: 59)⁶³.

16 мая Эренбург отправился в поездку по южным штатам – как он сказал Эйнштейну, «поглядеть, как живут негры» (Эренбург 1990, 3: 59). Решение поехать на Юг Эренбург принял давно. 28 апреля, вскоре после завершения собрания газетных редакторов, советских гостей пригласили в Госдепартамент и предложили совершить ознакомительную поездку по стране. «Мы хотим, чтобы вы посмотрели все, что пожелаете, – обратился к ним по-русски представитель Госдепартамента. – Мы хотим, чтобы вы знали, что у нас нет закрытых территорий. У вас будет возможность поехать куда угодно. <...> Есть вещи, которыми мы не можем гордиться. Кое-что мы стараемся исправить. Возможно, мы пока в этом не преуспели, но, по крайней мере, мы стараемся»⁶⁴. Симонов, которого прежде

⁶¹ Подробнее об истории подготовки издания и его запрета см.: Альтман, Карасик 2018: 133–138; Фрезинский 2013: 236–255; Ro'i, Ya. Black Book. – The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe. <https://encyclopedia.yivo.org/article/70>.

⁶² См. «Заключение управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о невозможности издания “Черной книги”»: Государственный антисемитизм 2005: 101.

⁶³ Это мог быть сборник «Народоубийцы», в который вошли 58 документов, изданный на языке идиш в 1944 и 1945 г., и номера 1–2 журнала «Знамя» за 1944 г., где были напечатаны очерки под тем же названием (см.: Фрезинский 2013: 240).

⁶⁴ Childs, M. The Russian Journalists' Tour. – The Washington Post. 1946. April 29. P. 7.

всего в Америке интересовало кино, захотел поехать на Запад в Голливуд, Галактионов – в Чикаго, изучать работу газетных редакций, Эренбург – на Юг. Маркус Чайлдс, известный журналист (кстати, много писавший о проблемах бедняков), в своей колонке “Washington Calling” откликнулся на решение Эренбурга: «Было достаточно очевидно, что Илья Эренбург, в некотором отношении наиболее яркий и агрессивный из трех, выбрал своей целью Табачную дорогу. Говорят, что его талант подкрепляется большой долей цинизма, и он знает, что редакторы “Правды” будут приветствовать рассказы о том, в какой нищете и убожестве живут белые бедняки на Юге»⁶⁵. Чайлдс не ошибся, предположив, что гость будет писать с оглядкой на советских идеологов и цензоров, однако Эренбурга на Юге интересовала не столько жизнь белых бедняков, о которой писал Колдуэлл в «Табачной дороге», сколько, по его собственным словам, «положение негров в Америке» (Эренбург 1990, 3: 49)⁶⁶. Он проедет по Теннесси, Алабаме, Миссисипи, Луизиане – южным штатам, где была узаконена расовая сегрегация, где делалось все, чтобы не допустить к выборам афроамериканцев, где «идея превосходства белой расы жила в сердцах многих белых американцев» (Tischauser 2008: 104). Позднее американские газеты в шутку напишут, что маршрут выбрал для Эренбурга сенатор Теодор Бильбо⁶⁷. В этой шутке была доля истины. Имя сенатора Бильбо⁶⁸, члена Ку-клукс-клана, сторонника суда Линча, белого супрематиста, который «не только громко заявлял, что негры относятся к низшей расе, но и призывал к их изоляции <...>, репатриации в Африку» (Zorn 1972: 289), стало нарицательным. В то время, как «поражение фашизма положило конец планам нацистов создать высшую расу, американские супрематисты не сдались и боролись за господство англосаксов после окончания войны», – пишет американский историк (Tischauser 2008: 104). Для Эренбурга расизм, узаконенный

⁶⁵ Childs, M. The Russian Journalists' Tour. – The Washington Post. 1946. April 29. P. 7.

⁶⁶ Эренбург частично процитировал статью Чайлдса.

⁶⁷ См.: Goodbye, Илья Grigorevich. – The Nation. 1946. July 6. P. 4.

⁶⁸ Теодор Гилмор Бильбо дважды избирался губернатором штата Миссисипи (1916–1920, 1928–1932) и с 1935 по 1947 г. был сенатором.

в южных штатах, был сродни антисемитизму в нацистской Германии. Как справедливо заметил биограф Эренбурга Джулиан Лайчук, «черным отводилось такое же место в американском обществе, что и *Untermenschen* – не арийцам в теории и практике нацизма» (Laychuk 1991: 228). Эренбург будет собирать свидетельства расовой дискриминации в США подобно тому, как они с Василием Гроссманом собирали свидетельства о зверствах фашистов на оккупированной территории Советского Союза, которые должны были войти в «Черную книгу». Поездка на Юг стала для Эренбурга чем-то вроде полевого исследования расизма. По словам Д. Лайчука, «учитывая его настроения этого времени, Эренбург в своем экспрозе расизма сознательно стремился опозорить американцев» (Laychuk 1991: 227).

О расизме как о зле, которое необходимо преодолеть, писали и говорили сами американцы. Бильбоизм стал обозначением болезни, которая обезображивала американский Юг. Госдепартамент не только не сделал попытки скрыть от советского журналиста реальное положение афроамериканцев в южных штатах, но и помог ему организовать поездку. В качестве переводчика Эренбурга сопровождал представитель Госдепа Уильям Нельсон, первый редактор журнала «Америка» на русском языке, который начал выходить в 1945 году в результате соглашения, достигнутого годом раньше между американским послом в Москве Гарриманом и министром иностранных дел Молотовым. «Нельсон обращался к местным властям; меня приглашали на официальные обеды – то председатель торговой палаты, то издатель крупной газеты, то чиновник, занятый делами культуры» (Эренбург 1990, 3: 51), – вспоминал Эренбург.

Провезти советского гостя по Югу в своем бьюике вызвался южанин Д. Гилмор, известный тем, что с 1940 по 1941 г. редактировал и, возможно, финансировал прокоммунистическую газету *Friday*. Эренбург называет его в воспоминаниях «прогрессивным южанином», а журналист и писатель Юджин Лайонс в своей книге – «молодым сталинистом, который беспрекословно следовал линии партии» (Lyons 1941: 380).

Четвертым членом – и хроникером – экспедиции стал Сэмюэль Грэфтон, журналист, чей «либеральный голос звучал в американской

прессе с 1940-х до 1960-х годов»⁶⁹. Особую известность С. Грэфтон приобрел благодаря своей колонке “I’d Rather Be Right” («Лучше бы мне не ошибиться»; 1939–1948), которую перепечатывали 120 газет по всей стране. Именно для этой колонки он написал серию статей о путешествии советского гостя по Югу. Эренбург, очевидно, остался ими доволен, поскольку охарактеризовал С. Грэфтона как «одного из блистательных нью-йоркских журналистов» (Известия. 24 июля). Американский журналист стал свидетелем работы журналиста советского, причем статьи обоих дополняют друг друга. Между всеми участниками экспедиции установились дружеские отношения. Американцы стремились помочь Эренбургу – его возили, заботились о ночлеге (не везде были гостиницы), устраивали встречи с самыми разными людьми, помогали узнать Юг, законы, по которым он живет, пусть самые позорные. Как писал журнал *Time*, «это была свобода, о которой американским журналистам в Москве остается только мечтать»⁷⁰. Эренбург в полной мере воспользовался предоставленной ему свободой.

Сэмюэль Грэфтон присоединился к экспедиции в городе Бирмингем, штат Алабама⁷¹, где, как в большинстве других южных штатов, действовали жестокие «законы Джима Кроу» (Jim Crow Laws). Здесь важным для Эренбурга событием стала встреча с редактором газеты афроамериканцев *Birmingham World* Эмори Джексон, который был в авангарде борьбы за гражданские права афроамериканцев (и прежде всего – движения за равные избирательные права) в Алабаме. Грэфтон довольно подробно описал встречу Эренбурга с журналистом из Бирмингема: «Илья Григорьевич задался целью как следует изучить положение негров в Алабаме. Он подошел к проблеме с экономической точки зрения, затем с политической, наконец, с социальной. Он жадно расспрашивал Джексона по-русски и по-французски – выясняя

⁶⁹ Samuel Grafton, 90, Newspaper Columnist. – The New York Times. 1997. December 15. P. B 7.

⁷⁰ Ehrenburg Goes South. – Time. 1946. June 10. P. 70.

⁷¹ В городе с населением около 267 тысяч человек афроамериканцы составляли более 40 процентов.

численность населения, шкалу заработной платы, данные об образовании. Вскоре в небольшой комнате редакции <...> возникла некоторая напряженность. Оказалось, что мистер Джексон должен был уйти на похороны, но Илья Григорьевич, решив, очевидно, что поскольку хоронят не самого Джексона, продолжал сыпать вопросами»⁷². Американский журналист с удивлением наблюдал Эренбурга в роли интервьюера и вскоре убедился, что отвечать на его вопросы – «опыт травматический для любого, поскольку тот считает, что получить информацию можно не раньше чем за два или три часа расспросов»⁷³. Когда Илья Григорьевич наконец понял, что невозможно дольше задерживать собеседника, он пришел в смятение – ведь работа едва началась – и успокоился, только когда Джексон пообещал в свободное время ответить на 10 вопросов, которые Эренбург ему тут же написал.

Сам Эмори Джексон в колонке для *Birmingham World* (которую часто перепечатывали другие газеты афроамериканцев) тоже рассказал о визите в редакцию Эренбурга, о том, как тот «жадно собирал свежую, из первых уст информацию о положении негритянских граждан на Юге. <...> Его интересовали четкие формулировки и честные мнения. <...> Я ответил на несколько вопросов, и мы разошлись, договорившись снова встретиться. Эренбург оставил свои вопросы. Слышали бы вы мои ответы»⁷⁴, – заключил он свою заметку. Узнать ответы Эмори Джексона можно из очерка «В Америке». Констатируя, что «негры в южных штатах лишены права голоса», Эренбург привел данные об общей численности негритянского населения и количестве чернокожих избирателей в Бирмингеме и подробно описал способы, которыми пользуются южане-расисты, чтобы не допустить афроамериканцев к голосованию (см.: Известия. 24 июля; Эренбург 1954: 694). Источник информации советский журналист не называет, однако очевидно, что почерпнул он ее из разговора и письменных ответов Эмори Джексона.

⁷² Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 23. P. 32.

⁷³ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – Ibid. May 27. P. 26.

⁷⁴ Jackson, E. O. The Tip-Off. – Atlanta Daily World. 1946. June 4. P. 5.

Там же, в Бирмингеме, Эренбург беседовал с председателем профсоюза металлургов, «человеком смелым и культурным», который сказал ему, «что ни разу ни один белый товарищ не пришел к нему домой и не позвал его к себе» (Известия. 25 июля; ср.: Эренбург 1954: 694; Эренбург 1990, 3: 53). Грэфтон записал этот разговор следующим образом:

Приходят ли к вам домой белые рабочие?

– Нет.

Вы к ним ходите?

– Нет.

Что же такое, по-вашему, дружеские отношения?

– Дружеские на работе⁷⁵.

Вероятно, вопросы журналиста обескуражили рабочего, поскольку, по словам Сэмюэля Грэфтона, «напористая, полемическая манера Эренбурга мешает многим американцам понять советского человека»⁷⁶.

Наблюдая за Эренбургом, американский журналист пришел к выводу, что «его ум устроен так же, как у любого интеллектуала. <...> Разница в определенной жесткости, почти свирепости, если заходит речь о политических проблемах. Он не признает, когда его ценности не полностью разделяют, не признает нюансов настроений или технических оправданий того, что он считает политическими ошибками»⁷⁷.

Во время путешествия по дорогам Алабамы спутники Эренбурга на смеси французского и русского языка объясняли ему, что, хотя расистские настроения и существуют в Америке, в федеральной законодательной политике страны нет и следа расизма. На это Эренбург ответил нравоучительной лекцией об отсутствии антисemitских настроений у русских людей. «В царской России существовал закон, который загонял евреев в гетто, однако среди интеллигенции

⁷⁵ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 23. P. 32.

⁷⁶ Ibidem.

⁷⁷ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 24. P. 34.

антисемитизма не было, – сказал он. – Интеллигенция создала объединенный фронт против расизма, и русский интелlectual скорее признался бы в том, что у него есть венерическое заболевание, чем в том, что он заражен антисемитизмом. Русские люди помогали евреям, и гораздо хуже иметь расизм в сердцах людей, а не в законах, чем иметь его в законах, а не в сердцах»⁷⁸. В подтверждение того, что антисемитизма в сердцах людей нет, он рассказал о женщине, прятавшей во время немецкой оккупации Монастырщины мужа-еврея в яме под печкой. Эта трагическая история (мужчина погиб во время обстрела под развалинами дома) вошла в «Черную книгу» под редакцией Эренбурга (см.: Черная книга 2015: 284–285).

В столь же назидательной манере он говорил с журналистами во время пресс-конференций. На вопрос, волновавший многих американцев, может ли Советский Союз начать войну, он заявил: «Это все равно что спрашивать раненого солдата, вернувшегося домой, на кого тот собирается напасть». По словам С. Грэфтона, американцы пришли в замешательство, ожидая получить односложный ответ на простой вопрос. «Воцарилось молчание <...>. Словно кто-то разбил тарелку в комнате»⁷⁹.

В городе Джексон, столице штата Миссисипи, газета *Jackson Daily News* организовала встречу Эренбурга с представителем торговой палаты М. Дэвисом (Mendell M. Davis) и юристом Стоуксом Робертсоном (Stokes V. Robertson), от которых советский гость мог «получить информацию о промышленном развитии Юга и расовых проблемах»⁸⁰. Как именно проходила встреча, неизвестно – «новости никогда не были сильной стороной газеты», по сути своей расистской (Houston 2009: 136). Однако Эренбургу удалось в неформальной обстановке «откровенно и задушевно» поговорить с адвокатом Робертсоном, которого он назвал «одним из самых благородных людей, яростным противником рабовладельцев»

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 24. P. 34; Ehrenburg Goes South. – Time. 1946. June 10. P. 70.

⁸⁰ Baker, F. Soviet Writer, Jackson Leaders Talk of Dixie's Position in U.S., World. – Jackson Daily News. 1946. May 22. P. 1.

(Известия. 25 июля), «защитником негров» (Эренбург 1954: 698). С. Робертсон, в отличие от Эмори Джексона, которого ждали на похоронах, никуда не торопился, и Эренбург расспрашивал его до глубокой ночи. По словам Грэфтона, «интервью началось в одиннадцать часов вечера. Одиннадцать растянулось до двенадцати, двенадцать до часу, а вопросы все не иссякали». Из беседы с адвокатом Эренбург узнал, как работает южная юстиция, по его словам «напоминавшая суд Линча». Именно Робертсон рассказал о последних и самых вопиющих случаях бесправия афроамериканцев перед неписаными законами Юга, которые Эренбург будет снова и снова приводить в своих очерках, изменяя топонимы, что-то опуская или добавляя для большего драматизма. Работая над очерком о расизме, Эренбург следовал тем же принципам, как при работе над «Черной книгой». По словам исследователей «Черной книги», идея Эренбурга «была в том, чтобы не только представить документы, а показать весь масштаб трагедии, заставить читателя ужаснуться, сделав эти документы “живыми свидетельствами”» (Альтман, Карасик 2018: 135). Из рассказа Робертсона он узнал о нашедшем деле двадцатичетырехлетней Реси Тайлор, изнасилованной расистами 3 сентября 1944 г. в городе Аббевилл (Abbeville), штат Алабама. Жюри присяжных, состоявшее из белых мужчин, не признало виновными ни одного из насильников (см.: Berry, Gross 2020: 160). Городок Аббевилл, где произошло преступление, Эренбург называет Альбевилем в ранних очерках и почему-то Олбезиллом в мемуарах (см.: Известия. 25 июля; Эренбург 1954: 697; Эренбург 1990, 3: 53). Очевидно, проверка топонимов и даже имени жертвы (Эренбург называет ее «негритянской девочкой») не входила в задачу советского журналиста.

«В городе Колумбия предали суду тридцать негров. За что? Белые, устроив погром, убили двух негров и ранили двенадцать. <...> отвечать будут не убийцы, а отцы, братья, сыновья убитых» (Известия. 25 июля; ср.: Эренбург 1954: 697), – сообщит Эренбург читателям «Известий». О расправе в г. Колумбия на протяжении нескольких месяцев писали американские газеты. Публичность привела к тому, что справедливость восторжествовала: жюри присяжных 4 октября 1946 года оправдало 23 из 25 подсудимых

(см.: Beeler 1980: 59). Узнать о дальнейшей судьбе подсудимых и написать о ней в брошюре, вышедшей в 1947 г., Эренбург посчитал необязательным.

«Если негр сойдется с белой женщиной, негра обвинят в изнасиловании и посадят на электрический стул» (Известия. 25 июля) – еще одно преступление расизма, о котором Эренбург услышал от адвоката Робертсона. В брошюре 1947 г. он уточнил, что жертвой расизма «был молочник, развозивший молоко», и сообщил, что «негра <...> казнили» (Эренбург 1954: 696, 697). В статье «Сверхчеловеки Америки» (сентябрь 1949 г.) он добавил – вероятно, для большего драматизма: «Когда я был в городе Джексоне, там казнили негра» (Эренбург 1950: 121). Наконец, в 1963 г. в статье для журнала «Юность», которую он включил в мемуары, он назвал (исказив его) имя казненного – Вилли Меги (см.: Эренбург 1990, 3: 53). Имя афроамериканца, несколько лет не сходившее с газетных страниц, – Вилли МакГи (Willie McGee). Он был обвинен в изнасиловании белой женщины, приговорен к смертной казни в 1945 г. и казнен – несмотря на многочисленные протесты – в 1951 г., а не во время визита Эренбурга в г. Джексон.

Беседа Эренбурга с адвокатом, который с готовностью отвечал на вопросы пытливого советского журналиста, затянулась. Наконец Илья Григорьевич расслабился было, но вдруг обратился к собеседнику с последним вопросом (который Грэфтон не привел). Эренбург спросил адвоката, «как лично он относится к неграм» (Эренбург 1954: 699). «Обладавший редким даром давать прямые фактические ответы на прямые вопросы»⁸¹, Робертсон признался, что новорожденный ребенок его чернокожей прислуги вызвал у него неприязнь – «живое существо, а все-таки не белый... Я сам себе неприятен...» (Эренбург 1990, 3: 53). Что за этим последовало, мы узнаем от С. Грэфтона:

«Как, по-вашему, я, советский гражданин, должен относиться к тому, что вы только что сказали?» – спросил Илья Григорьевич.

⁸¹ Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 27. P. 26.

Двух усталых мужчин разделяла огромная пропасть – такая же безмерная, как расстояние между звездами, которые смотрели на них из окна, и вдруг после длинного дня настал момент просветления. «Единственное, что я могу сказать, – проговорил юрист с безысходной мрачностью, – это то, что я с моим жизненным опытом и образованием не в состоянии понять вас так же, как и вы с вашим образованием и жизненным опытом не можете понять меня». Это было мгновение почти что близости в осознании расстояния, их разделяющего, но лишь мгновение⁸².

Никакого понимания между простыми южанами и Эренбургом не возникало. Сопровождавший его Грэфтон рассказал, как однажды они подошли к довольно жалкой негритянской хижине. «Россия так далеко, что, когда в Америке день, там ночь», – попытался завести разговор кто-то из ее обитателей. «Илья Григорьевич улыбается, окидывает глазами хижину и говорит: “А иногда, когда здесь темно, в России светит солнце”. Никто не понял, о чем он. “Это так”, – соглашаются они»⁸³. Эренбург, который, кажется, даже мыслит советскими метафорами, не мог согласиться с тем, что ночь регулярно спускается на Советский Союз, где люди живут «под небом ясным страны прекрасной»⁸⁴. Иначе, по его мнению, обстоят дела с Америкой. Об этом через три года Эренбург напишет книгу «Ночь Америки». (Одна из ее глав, «Предел ночи», начинается со слов: «Черное небо Америки...»⁸⁵.)

29 мая, вскоре после возвращения Эренбурга в Нью-Йорк, в Мэдисон-сквер-гарден состоялся многолюдный митинг в честь советских журналистов, организованный Национальным советом американо-советской дружбы. К этому времени холодная война стала набирать силу, раскол бывших союзников был очевиден. В сложившейся ситуации важно было привлечь как можно больше

⁸² Grafton, S. I'd Rather Be Right. – The New York Post. 1946. May 27. P. 26.

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ Слова В. Агатова из «Физкультурной боевой песни» (1940); также: В. Лебедев-Кумач. «Глянешь на солнце – и солнце светлей, жить стало лучше, жить стало веселей» (1936).

⁸⁵ Эренбург И. Г. Ночь Америки. – РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 14. Ед. хр. 854. С. 111.

сторонников, готовых поддерживать Советский Союз в противостоянии грядущей угрозе. Митинг, собравший 20 тысяч человек, стал финалом в истории союзнических отношений и кульминацией миссии трех журналистов, поездке которых в Соединенные Штаты придавалось, как мы помним, прежде всего политическое значение. Кроме советских журналистов перед многотысячной аудиторией выступили Корлисс Ламонт, председатель Совета американско-советской дружбы, американский философ, симпатизировавший Советскому Союзу и Сталину – будь то Московские процессы или послевоенная политика вождя; бывший посол в Москве Дэвис – почетный председатель Совета, большой поклонник Сталина; сенатор Д. Томас, председатель комиссии по военным делам; У. Э. Б. Дьюба – афроамериканский общественный деятель, основатель Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения (National Association for the Advancement of Colored People, NAACP); Шолом Аш, еврейский писатель и драматург. Постоянный представитель СССР при ООН и в Совете Безопасности ООН А. А. Громыко говорил о том, что эта международная организация призвана «вести неустанную борьбу против поджигателей войны, против остатков фашизма и кое-где еще существующих фашистских порядков»⁸⁶.

Евгений Добренко, указывая на связь дискурсов войны и мира в послевоенной публицистике Эренбурга, писал: «Новый враг, интенсивно формировавшийся в послевоенной культуре, типологически не изменился со времен войны, так и оставшись фашистом» (Добренко 2020: 412). Фашист, как не раз повторял Эренбург, – это «тот, кто ненавидит Советский Союз». Так же трактовали фашизм и друзья Советского Союза, выступавшие на митинге в Мэдисон-сквер-гарден, заявляя, что «борьба с войной и фашизмом не закончена» (Ehrenburg, Galaktionov, Simonov 1946: 3), «фашистские элементы требуют войны» (Ibid.: 17), «фашизм притаился в засаде» (Ibid.: 6). Выступление Эренбурга было самым ярким и резким. «Люди, которые теперь мечтают о походе против Советского

⁸⁶ Митинг советско-американской дружбы в Нью-Йорке. – Известия. 1946. № 127 (9043). 31 мая. С. 4.

Союза, – это те же фашисты, на каком бы языке они ни разговаривали, – заявил он. – Фашизм – это не германская монополия. Он развивается и в других странах <...>» (Ibid.: 5, 6).

Заявляя, что «американский народ хочет мира, как хочет мира и советский народ», Эренбург (казалось бы, себе противореча) вспомнил, как недавно «человек из народа» – фермер в штате Теннесси «сказал ему, что скоро между Америкой и Советским Союзом может начаться война. Это был мирный человек, ухаживающий за коровами. Но поскольку он доил своих коров с помощью электрических доильников, у него оставалось много времени, чтобы внимательно читать местную антисоветскую газету. <...> Здесь есть люди, которые льют чернила в надежде, что другие могут пролить кровь» (Ehrenburg, Galaktionov, Simonov 1946: 5), – заключил он свой рассказ. От Эренбурга досталось и фермеру, и газете, и электрическим доильникам (если бы не они, времени для чтения газеты не оставалось). Кстати, один из американцев, сопровождавших Эренбурга, написал о разговоре писателя с фермером (которого оторвала от дойки коров неожиданно нагрянувшая делегация) несколько иначе: «Эренбург через переводчика спросил, кто помогает фермеру. “Сейчас никто, – ответил тот, – оба моих сына в армии. Они помогли разбить немцев и, если понадобится, разобьют и русских”»⁸⁷. По мнению биографа Эренбурга Анатолия Голдберга, эпизод с фермером произвел сильное впечатление на советского гостя. Хотя «диатрибы Эренбурга против “антисоветских клеветников”, которых он обвинил в подготовке третьей мировой войны, были, очевидно, инспирированы Москвой, – рассуждал Голдберг, – он, кажется, был искренне шокирован тем фактом, что люди в Соединенных Штатах открыто обсуждали возможность войны с Россией» (Goldberg 1984: 222). Представляется, однако, что идеологический прагматизм Эренбурга, который писал ровно то, чего от него ждали, был сильнее, чем эмоции, и разговор с фермером стал для него большой журналистской удачей – можно было сослаться на него, обвиняя американцев

⁸⁷ Hinton, H. B. Russian Ignored TVA Dam to Boast. – The New York Times. 1946. October 28. P. 4.

в агрессивных планах. Он напишет о фермере в статье для журнала *Collier's*, в путевом очерке «В Америке» и годы спустя в мемуарах (см.: Известия. 9 августа; Эренбург 1954: 705; Эренбург 1990, 3: 65).

Популярный в середине сороковых годов журнал *Collier's* обратился к Эренбургу с просьбой написать для него статью «Как жить в дружбе с Россией» (“How to Get Along with Russia”), «полагая, что взгляд русского на эту проблему, о которой думают и пишут американцы после окончания войны, был бы интересен и даже полезен»⁸⁸. Эренбург отозвался на просьбу журнала статьей «Чернила и кровь», в которой обвинил американскую прессу в дезинформации. В то время, когда он был в Америке, газеты обсуждали конфликт СССР с Турцией из-за черноморских проливов, отказ СССР вывести войска из Ирана, столкновения между советской и западными делегациями на сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) в Париже. Обострение отношений между союзниками не могло не сказаться и на отношении к советским посланникам. Как вспоминал Эренбург, «газеты все чаще выказывали неприязнь, люди, с которыми мы встречались, стали настороженнее» (Эренбург 1990, 3: 61).

Интерес к Советскому Союзу стал угасать еще в конце 1945 г. На смену ему, по словам В. О. Печатнова, «пришли безразличие и антипатия, переходящая во враждебность, которая входила в моду в средствах массовой информации на Западе» (Pechatnov 2001: 2). Руководствуясь принципом «лучшая защита – это нападение», Эренбург в статье для *Collier's* заявил, что «подобно тому, как детей пугают букой, американские газеты пугают Советским Союзом своих читателей, и те дрожат от страха»⁸⁹. Сам он прекрасно знал, как советские газеты пугают своих читателей, оказавшихся после победы над одним врагом во «враждебном окружении». *Враждебные* страны, державы, классы, силы, элементы, выпады, акты, действия, попытки, лозунги, взгляды, намерения – вот далеко не полный список использования прилагательного «враждебный» в газете «Правда» за 1946 г.

⁸⁸ Ehrenburg, I. Ink and Blood. – *Collier's*. 1946. Vol. 118. July 27. P. 17.

⁸⁹ Ibid. P. 30.

«Многие американцы, прочитав свои утренние или вечерние газеты, думают, что Красная армия угрожает их благополучию и что в один прекрасный день может понадобиться сбросить атомную бомбу на Сталинград», – продолжает Эренбург и приводит все тот же разговор с «воинственным» фермером. В заключении статьи он тем не менее выражает надежду на таких же, как фермер, простых американцев: «Мне хочется верить, что американцы найдут в себе силы, понимание и мудрость, чтобы сказать тем, кто готовит третью мировую войну: “Хватит! Я не собираюсь платить за ваши чернила своей кровью”»⁹⁰.

В подводке к статье, напечатанной без изменений, было указано: «*Collier's* не считает, что мистер Эренбург увидел нас такими, какие мы есть. *Collier's* считает, что американцам будет интересно узнать, какое представление о нас Эренбург увозит в свою страну»⁹¹.

Отклики на статью были различными. *Collier's* напечатал письма нескольких читателей, высказывавших прямо противоположные мнения:

«Дорогой Редактор: Я обратил внимание на ваши слова о том, что *Collier's* не согласен с точкой зрения Эренбурга на Америку. Почему? В этой статье нет ничего, с чем не может согласиться даже добрый республиканец. Его замечания чрезвычайно пронизательные и острые», – написал фон дер Ланкен из Чикаго (C. von der Lancken)⁹².

«Дорогой Редактор: Мистер Эренбург – сильный писатель с блестящим умом и острым взглядом. Однако мне кажется, что его статья полна искажений фактов», – написал читатель из Филадельфии, подписавшийся инициалами F. S. P.⁹³

Откликнулся на статью советского журналиста и У. Форрест, который познакомился с Ильей Эренбургом в Москве (куда он, как мы помним, приезжал в качестве главы делегации редакторов). Эренбург, по его мнению, стал несколько лучше думать об

⁹⁰ Ehrenburg, I. Ink and Blood. – *Collier's*. 1946. Vol. 118. July 27. P. 30.

⁹¹ *Collier's*. 1946. Vol. 118. July 27. P. 17.

⁹² *Collier's*. 1946. September 7. P. 8.

⁹³ Ibidem.

американцах, чем год назад – тогда он считал, что почти все они «безнадежные фашисты». Хотя советский журналист мог убедиться, что многие американцы хотят жить в мире и дружбе с русскими, он, как заметил У. Форрест, «выискивает статьи, недоброжелательные по отношению к Советскому Союзу, и именно о них с обидой пишет», а многочисленные дружелюбные статьи «игнорирует». «Американцы не хотят войны с Россией, и это, кажется, Эренбург открыл для себя, – заявил У. Форрест. – Достаточно, если он расскажет об этом по возвращении в Россию»⁹⁴.

Наконец, анонимный корреспондент газеты *The Waterbury Democrat* внимательно изучил и проанализировал статью как образец советской пропаганды – «смесь правды, полуправды и вопиющих умолчаний». Его интересовал механизм работы сознания советского журналиста. «Результат состоит в том, что он оскорбил здравомыслящих американцев искажениями и двусмысленностями, которые он выдает за реальные наблюдения, и не сделал ничего, чтобы приблизить нас к пониманию русских людей, политики и планов их правительства или чтобы показать нам, как видит дружелюбный русский дружелюбную Америку»⁹⁵.

Покидая Америку, Эренбург по просьбе агентства United Press подвел итоги поездки. Это первая – и наиболее дружелюбная – статья об Америке, своего рода набросок, эскиз его будущих, гораздо более критических и даже враждебных сочинений. «Через несколько часов я покидаю Соединенные Штаты и уезжаю в Европу. Я провел здесь два месяца, и я счастлив, что мои американские коллеги пригласили меня. За свою жизнь я очень многое повидал, но невозможно понять мир и человечество, не побывав в Америке», – начинает Эренбург прощальное письмо, явно стараясь угодить читателям. Америка – «великая и сложная страна», которую «легко восхвалять, не трудно над ней посмеяться, труднее всего ее понять», – продолжает он и предлагает свое (не слишком

⁹⁴ Collier's. 1946. August 10. P. 8.

⁹⁵ Mr. Ehrenburg's Travelog. – *The Waterbury Democrat* (Waterbury, Conn.). 1946. July 20. P. 6.

оригинальное) понимание Америки: «Здесь все черное или белое. В Нью-Йорке я видел коробку сигар ценой 200 долларов; выкурить их можно за несколько дней. В Миссисипи я видел семью из восьми человек, которая живет на 200 долларов целый год. <...> Писатели во всем мире восхищаются Хемингуэем и Фолкнером, но, когда вы идете в обычный кинотеатр на Main Street, чтобы посмотреть обычный фильм, голова идет кругом от бесконечной пошлости». По его словам, он «встречал идеалистов, мечтающих о счастье всего человечества», и «настоящих надсмотрщиков над рабами, только без кнутов», «видел великолепные университеты, удивительные лаборатории, музеи, которым могла бы позавидовать Европа», и ланчи, организованные Lions Club, где «взрослые мужчины, торговцы подтяжками или электрическими плитками, подражая львам, рычали по команде»⁹⁶.

Кстати, к ланчу в «Клубе львов», впервые упомянутому в прощальной статье, Эренбург будет возвращаться снова и снова – в последний раз в книге мемуаров он вспомнит, как «едва сдержался, чтобы не рассмеяться», услышав дружное «ууу!» (Эренбург 1990, 3: 45). Однако он ни разу не счел нужным упомянуть благородные задачи Lions Club – гуманитарной организации, объединяющей людей разных профессий, которые занимаются волонтерской работой, оказывают помощь нуждающимся и ратуют за укрепление мира и взаимопонимания между народами. В клубах (а их сотни в США и других странах) есть свои ритуалы, связанные с приемом новых членов, поздравлением их с достижениями и т. д. Иногда собравшиеся, демонстрируя принадлежность к сообществу «львов» и приветствуя друг друга, несколько секунд рычат. Эренбург стал свидетелем этого забавного – и весьма редкого – ритуала.

Эренбург возмущается расовым неравенством (эта проблема станет центральной в его последующих статьях), законами, лишаящими афроамериканцев права голоса. Но в центре статьи Эренбурга – критика американской прессы. Как могут американские

⁹⁶ Ehrenburg, I. Visiting Russian Sums Up His Trip. – The New York Times. 1946. June 26. P. 11.

газеты сравнивать «свободы, существующие в Америке, с недостатком свобод в России», негодует он, если в штате Теннесси «запрещено преподавать теорию Дарвина», тогда как в Советском Союзе «запрещена пропаганда антисемитизма». «Крупные и серьезные газеты засыпают читателей ложной информацией о России. Они раздувают каждый конфликт, стараясь убедить американцев, что война между нашими странами возможна». «Я не обижаюсь на американцев, которые нас критикуют, – продолжает он. – Я обижаюсь на тех американцев, которые на нас клеветают. За эти два месяца я прочел множество фантастических историй о своей персоне. Если они смогли столько напридумывать про меня, легко представить, сколько они придумывают про Россию. Россия далеко»⁹⁷.

Эренбург отдавал себе отчет в том, что было бы по меньшей мере бестактно не упомянуть того, что ему понравилось в Америке: «тысячи мелочей, которые облегчают жизнь, сказочный Нью-Йорк, заводы Детройта, мощные плотины Теннесси, великолепные дороги и высокий жизненный уровень». Но самое прекрасное в этой стране – это «духовные возможности американского народа».

Заканчивает свое послание Америке Эренбург заявлением: «Хочу верить, что <...> американский народ усмирит подстрекателей войны, своих фашистов, тех, кто мечтает о походе на Москву, и с любовью я говорю Америке: спасибо за теплый прием... и до свидания!»⁹⁸

Письмо Эренбурга было прочитано американцами и вызвало немало откликов в газетах всего политического спектра⁹⁹. Уже на следующий день после его публикации авторитетная газета *New York Herald Tribune* напечатала статью под заголовком «Обнадеживающая русская искренность». По мнению анонимного – и на удивление наивного – автора, Эренбург своим «чрезвычайно трогательным

⁹⁷ Ibidem.

⁹⁸ Ibidem.

⁹⁹ Например: Ehrenburg, I. Visiting Russian Sums Up His Trip. – The New York Times. 1946. June 26. P. 11; Ehrenburg Sees Fascists Seeking U.S.-Soviet War. – The New York Herald Tribune. 1946. June 26. P. 10; A Farewell Word to America... – The People's Voice (Helena, Mont.). 1946. July 5. P. 2; Прощальная статья Эренбурга. – Новое русское слово. 1946. 27 июня. С. 2.

и важным документом» вселил «в это тревожное время» надежду на установление прочных связей между Россией и Соединенными Штатами. Да, разговоры о войне ведутся, и большинство американцев разделяют озабоченность Эренбурга по этому поводу, но преувеличивать их опасность не стоит. Честный и благожелательный обмен информацией разоружит поджигателей войны: «Визит Эренбурга принесет плодотворный урожай для человечества»¹⁰⁰.

«Плодотворным» – правда, не для человечества, а для советской пропаганды – назвал визит Эренбурга анонимный корреспондент старейшей газеты Миннесоты *Minneapolis Morning Tribune*. По его словам, «шитый на заказ репортаж поможет сохранить веру русских в то, что, как бы плохо они ни жили, при капитализме им было бы гораздо хуже»¹⁰¹. «Добрым американцам стыдно за табачные дороги, расизм, религиозные предрассудки, за дискриминацию, – продолжает автор статьи. – Они делают все возможное, чтобы избавиться от этого и сделать жизнь лучше. Они могут вынести попреки иностранных критиков, таких как Эренбург, за то, что им не удалось провести в жизнь свои демократические идеалы. Чего, однако, добрые американцы не могут вынести, так это лицемерия Эренбурга, который делает вид, что в России нет такой же или худшей дискриминации и несправедливости. Есть, и Эренбург знает об этом. Советский пропагандист просто надеется воспользоваться недостаточным знанием о России многих американцев, чтобы продать им достоинства коммунизма»¹⁰². Автор статьи рассказал читателям, что за железным занавесом существует антисемитизм, что советская элита, к которой принадлежит Эренбург, «пользуется всеми привилегиями коммунистического правящего класса, не считаясь с нищетой и страданиями советских людей», что советский посланец приехал «в брызгливом, высокомерном настроении» и оно, судя по его прощальному письму, не исчезло¹⁰³.

¹⁰⁰ Helpful Russian Frankness. – The New York Herald Tribune. 1946. June 27. P. 28.

¹⁰¹ Russians Can't Get Truth on U.S. From Ehrenburg. – Minneapolis Morning Tribune. 1946. June 27. P. 4.

¹⁰² Ibidem.

¹⁰³ Ibidem.

Умеренно-консервативный журнал *Time* назвал Эренбурга «российским пропагандистом-журналистом № 1»¹⁰⁴, леволиберальный журнал *Nation* – «талантливым, но явным пропагандистом», а его письмо «велеречивым и лицемерным»¹⁰⁵. Поездка по южным штатам дала Эренбургу возможность отражать любую критику Советского Союза, сославшись на пороки американского Юга. Что касается критики прессы, то, продолжает анонимный автор, «беспокоят американцев не статьи о России в *Chicago Tribune* или *New York Daily News*, но сами действия Советского Союза; и чтобы их настроения поменялись, нужны действия Сталина, а не слова Эренбурга»¹⁰⁶.

Эрл Браун, журналист старейшей газеты афроамериканцев *New York Amsterdam News*, воображает, как Эренбург, возвратившись в Москву, идет к Сталину и рассказывает ему о жизни американских негров. Он «доложил Сталину, что Америка, лидер западной демократии, на самом деле не демократическая страна. “Почему?” Мистер Эренбург, должно быть, ответил: “Бильбо, будущий американский Гитлер, заседает в сенате”»¹⁰⁷.

Один из отцов правого популизма, выступавший против запрета судов Линча, Уэстбрук Пеглер в своей статье для херстовского синдиката *King Features* обошел молчанием тему расизма у Эренбурга. Он не поверил ни в то, что семья в Миссисипи, которая живет на 200 долларов в год, голодает, ни тем более в то, что коробка сигар может стоить 200 долларов («наблюдая жизнь богатых людей от Палм-Бич до Голливуда, я не видел таких дорогих сигар»). Подобно Эренбургу, Пеглер в своей статье пишет о контрастах, но не в США, а в СССР: в то время как большинство советских граждан живут в бедности, советские вожди дают банкеты, которые могли бы сравниться с «оргиями при дворе императора». На шутивное замечание Эренбурга по поводу «Клуба львов» Пеглер ответил серьезно: «Если журналист – прислужник диктатора, которого даже Рузвельт

¹⁰⁴ “Thanks & Goodbye!”. – *Time*. 1946. July 8. P. 48–49.

¹⁰⁵ Goodbye, Ilya Gregorevich. – *Proletarec* (Chicago, Ill.). 1946. July 24. P. 1. Цитируется по газете словенских социалистов *Proletarec*, перепечатавшей статью в *Nation*.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Brown, E. Timely Topics. – *New York Amsterdam News*. 1946. July 6. P. 8.

сравнивал с Гитлером, критикует взрослых мужчин за то, что они рычат по команде, то ответ напрашивается сам собой: “Прислушайтесь, кто же это рычит по команде”¹⁰⁸.

Автора статьи в авторитетном *Wall Street Journal* тоже привлек рассказ Эренбурга о рычащих «торговцах подтяжками», и он объяснил, чем отличается свободное общество от несвободного: «Мы никогда не были на ланче, где люди подражают львиному реву, но что из того, если они это делают? <...> Мистер Эренбург не понимает, что значит свободное общество. Это, помимо прочего, право гражданина быть смешным, если он того хочет. Он может надеть смешную шляпу и маршировать на параде. <...> Он может носить шорты. Он может попытаться запеть тенором. Он может много что делать, и люди могут над ним смеяться, хотя в то же время позавидуют его умению получать удовольствие. Вероятно, в России люди не могут рычать, как львы, мяукать, как коты, или пищать, как мыши. Ужасная перспектива. Если легкомыслие вырвется из-за железного занавеса, страшно подумать, что может произойти». В прощальном письме Эренбурга Пеглер увидел «ласковую угрозу войны». По его мнению, Эренбург «говорит от имени Сталина, а пресса, которую он представляет, контролируется и корректируется в интересах диктатуры»¹⁰⁹.

Один из самых влиятельных либеральных американских журналистов Уолтер Липпман ответил коллеге Эренбургу подробной статьей. Он поддержал его критику «постыдных сторон американской цивилизации», но не согласился с тем, что Эренбург назвал главными достоинствами Америки. «Когда он говорит, что самое прекрасное, что он увидел, – это духовные возможности американцев, мы можем сказать, что эти духовные возможности не существовали бы и не могли существовать, если бы нам пришлось делать вид, что такой Бильбо возможен только где-нибудь в другой стране, но не у нас, – пишет Липпман. – Нам не нужно обманывать себя, дурачить

¹⁰⁸ Pegler, W. Fair Enough. – The Wilmington Morning Star (Wilmington, N. C.). 1946. July 3. P. 4.

¹⁰⁹ Ibidem.

себя, скрывая правду о себе. Это и есть свобода. <...> Как журналист журналисту, я хотел бы сказать мистеру Эренбургу, что, пока он не сможет говорить о своей стране так, как он говорит о нашей, у русских не будет надежды на реализацию прекрасных духовных возможностей, которые в изобилии существуют у этих талантливых, смелых и симпатичных людей. Не будет у них надежды завоевать симпатию и преданность народов мира до тех пор, пока они <...> не докажут свою гуманность, признав свои недостатки и неудачи»¹¹⁰. Эренбург позднее ответит «верному слуге определенных монополистических кругов»¹¹¹, как аттестовала Липпмана «Правда», и огласит «наши недостатки»: «бюрократизм, порой грубость, порой техническая отсталость» (Известия. 25 июля).

Еженедельная газета *The People's Voice*, адресованная фермерам, профсоюзным лидерам и рабочим, перепечатав прощальное письмо Эренбурга, предварила его кратким комментарием: «Это рассуждение о Соединенных Штатах было написано известным советским журналистом Ильей Эренбургом. Его замечания о контрастах американской жизни будут интересны каждому американцу, которому приходила в голову идея “себя увидеть так, как видят нас другие”»¹¹².

Кажется, самому Эренбургу идея увидеть себя со стороны не приходила в голову. В Америке он вел себя с советской спесью, отбивался от любой критики, мог сделать выговор благотворителям, слишком громко объявлявшим сумму пожертвования, отчитать переводчика за неточность. Он жаловался на ланч с неизбежной курицей, без вина. «В Америке, – говорил он цинично, – два линча, – то, что они делают с неграми, и то, чем они кормят иностранных гостей. И то и другое плохо»¹¹³. Отвращение вызывал у него «ком-

¹¹⁰ Lippmann, W. Today and Tomorrow: Ehrenburg and the Fourth of July. – The New York Herald Tribune. 1946. July 4. P. 15; Lippmann, W. Ehrenburg on America. – The Los Angeles Times. 1946. July 5. P. A 4.

¹¹¹ Обозреватель. Международное обозрение. – Правда. 1946. № 89. 14 апреля. С. 4.

¹¹² A Farewell Word To America. – The People's Voice (Helena, Mont.). 1946. July 5. P. 2. В оригинале цитируется ставшая мемом строка из сатирического стихотворения Р. Бернса «Послание ко вши» (“To a Louse”, 1786): “To see ourselves as others see us!”

¹¹³ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 81.

пот с майонезом» – фруктовый салат, заправленный белым соусом, который подавали в гостинице Waldorf на закуску. Капризный советский гость доставил немало хлопот сопровождавшему его сотруднику Госдепартамента Фреду Уорнеру Нилу. До войны Нил был вашингтонским корреспондентом газеты *Wall Street Journal* (1938–1943), потом служил в военно-морском авиационном корпусе в Сибири, а с 1946 по 1948 г. был консультантом по Советскому Союзу в Госдепартаменте. Вряд ли можно заподозрить его в предвзятом отношении к советскому журналисту, поскольку всю свою жизнь он старался укреплять отношения между двумя странами. Он станет профессором политологии, напишет несколько книг, которые будут благосклонно восприняты в СССР. В 70-е годы Фред Нил в качестве председателя американского Совета по делам американо-советских отношений будет поборником курса на разрядку.

К заданию оказывать помощь советским журналистам во время их пребывания в Америке Фред Нил отнесся серьезно. В 1946 году «мы все еще старались изо всех сил быть друзьями Советского Союза, и приглашение нашим Госдепартаментом Эренбурга и С° представляло собой искреннюю попытку начать культурный обмен», – вспоминал он четыре года спустя в своей статье, посвященной опыту общения с Эренбургом и его товарищами и названной «Как я сопровождал важных советских шишек». В ней Нил рассказывал, что происходит с советскими людьми, «когда им позволяют вырваться из коммунистического загона и пастись на тучных капиталистических пастбищах». «Я думаю, – предварил он свой рассказ, – что правдивый отчет о том, что они делают и говорят в этих обстоятельствах, позволит читателям понять, что это за люди, и главное – насколько они искренни». Сложности начались с первых дней пребывания советских гостей в Америке. Вместо того, чтобы заночевать в Вашингтоне, они в сопровождении сотрудника советского посольства отправились в Нью-Йорк. Номер в гостинице Waldorf-Astoria¹¹⁴ в Нью-Йорке был забронирован только со

¹¹⁴ Отель класса люкс в центре Манхэттена, символ роскоши. Незадолго до приезда советской делегации, 5 марта 1946 г. здесь был дан обед в честь Уинстона Черчилля.

следующего дня, и «трио было вынуждено довольствоваться небольшим отелем на East Thirties». «Чистый и вполне приличный, даже роскошный по сравнению с московскими, хотя, конечно, не Waldorf-Astoria, – рассказывает Нил. – Когда я приехал в Нью-Йорк, Эренбург стал жаловаться и жаловался почти все время, пока не уехал почти три месяца спустя. Ему пришлось ночевать в борделе, – читал он, – это посягательство на честь Советского Союза. Гости они Соединенных Штатов или не гости?! В России такого бы никогда не случилось! Там к гостям так не относятся. <...> Проблема была разрешена без разрыва дипломатических отношений, и скоро знаменитые коммунистические писатели благополучно разместились в знаменитом капиталистическом отеле»¹¹⁵. Эренбург, вероятно, считал унижением для себя ночевать в заурядной, «плохонькой», как он выразился, гостинице, где на ночном столике лежала библия, в коридоре «покрикивали пьяные постояльцы», шум Бродвея «не позволял уснуть», а цветные рекламные плакаты, которые он видел в окно, «прославляли противные напитки с имбирем или без имбиря» (Эренбург 1954: 667). Любопытно, что в мемуарах Эренбург написал, что провел первую ночь в Америке в «ультрасовременной» гостинице (Эренбург 1990, 3: 40).

Еще больше хлопот доставил Эренбург Фреду Нилу в Детройте, где советские гости остановились на пути в Канаду, чтобы осмотреть автомобильные заводы и, главное, купить автомобили. Между ним и Эренбургом вспыхнула ссора, о которой Нил подробно рассказал в своей статье:

Эренбург требовал большой бьюик. Симонов хотел купить большой крайслер. Эренбург проявлял особую настойчивость. Две недели он изо дня в день спрашивал: «Когда будет этот автомобиль?» Я старался изо всех сил – производители не желали лишиться американских покупателей машин ради двух русских и обещали поставить автомобили в скором времени, не называя дату. Эренбург отказывался мне верить. Вспыльчивость, которую

¹¹⁵ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 81.

он проявлял и раньше, переросла в откровенную грубость. Накануне отъезда из Детройта Эренбург призвал меня, словно царь, к себе в номер. И снова: «Мистер Нил, когда будет автомобиль?» – «Я не знаю точно. Но скоро. Не беспокойтесь. Вы ведь еще не уезжаете».

«<...> Мистер Нил, <...> вы мне это повторяете уже много дней! Если вы не можете сказать, когда будет автомобиль, я, Илья Григорьевич Эренбург, бедный советский писатель, сам пойду и куплю этот автомобиль».

Я не стерпел. Разозлился. «Если вы настолько глупы, что считаете, что вам это удастся, идите попробуйте! – вскричал я. – Я устал от ваших дурацких требований!» Вышел из номера и хлопнул дверью.

У себя в номере я начал беспокоиться. Хорош же я, получил задание укреплять добрые отношения с русскими, а сам не сдержался, потерял терпение и оскорбил важного, пусть и капризного гостя. Я воображал всякого рода последствия – жалобы в Госдепартамент, обмен нотами. Прошел час, и я подумал: «Мне нужно пойти и извиниться». В этот момент раздался стук в дверь. Это был посыльный с пакетом в руках. На пакете было написано: «Трубка мира. Эренбург». Он купил мне трубку, да еще хорошую. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Звонил Эренбург. «Мир?» – спросил он с надеждой в голосе. С тех пор он ничего больше не говорил о машине. Свой бьюик Эренбург в конце концов получил. Симонову пришлось довольствоваться кадиллаком¹¹⁶.

Фред Нил заинтересовался, «в чем причина хронической раздражительности и постоянного недовольства Эренбурга», и обратился за разъяснением к генералу Галактионову. Генерал, по определению Нила «старый большевик, бесцветный доктринер, человек бесстрастный, но добрый», подробно ответил на его вопрос: «Не нужно слишком серьезно воспринимать Эренбурга. <...> Он всегда

¹¹⁶ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 27.

нервный. И не забывайте, что Эренбург много лет жил за границей – дольше за границей, в Париже и где-то еще, чем в Советском Союзе. Иногда говорят, что Эренбург в душе не настоящий советский гражданин. Он постоянно старается убедить, что это не так»¹¹⁷.

Фреду приходилось помогать гостям делать покупки и более мелкие, чем автомобиль:

Что делают три выдающихся представителя коммунистического рая, когда их выпускают в капиталистическую пучину? <...> Они тратят уйму времени, покупая самые разные вещи – одежду, табак, чемоданы, очки, вставные зубы, часы и ювелирные украшения. Каждый приехал с одним чемоданом, а уехал с несколькими, набитыми до отказа. И вкус к вещам у них был не более пролетарским, чем вкус к автомобилям. <...> После их отъезда я долгое время не мог привыкнуть покупать костюмы меньше чем за 200 долларов, ботинки за 50, галстуки за 10 и сигары за 50 центов¹¹⁸.

Другой помощник Эренбурга в походах за покупками, сын его испанских друзей Джон (Тито) Херасси, удивлялся, что в дорогом магазине «Сакс» на Пятой авеню тот делал покупки, «какие были по карману богачу-«капиталисту», а вовсе не «коммунисту»» (Рубинштейн 2002: 255).

Ф. Нилу надо было проводить своих подопечных и посадить их на французский теплоход *Île de France*, который выходил из Бостона 26 июня. Когда они из Нью-Йорка прибыли в Бостон, Эренбург не обнаружил одного из чемоданов, который по какой-то причине не успели загрузить. Узнав об этом, он устроил настоящий скандал: в чемодане рукопись нового романа, очень важная, Фред ему не помогает, придется вернуться в Нью-Йорк и обратиться за помощью к друзьям из американско-советского общества дружбы. «Симонов и Галактионов изо всех сил удерживали его, пока я не отыскал чемодан, – вспоминал Нил. – Так закончился наш первый и практически единственный опыт послевоенных культурных обменов с Советским

¹¹⁷ Ibid. P. 81.

¹¹⁸ Ibidem.

Союзом. Принес ли он что-нибудь хорошее? Учитывая тот факт, что и Эренбург, и Симонов почти сразу после возвращения злобно и несправедливо критиковали Соединенные Штаты, вероятно, нет. Но кто знает...»¹¹⁹

Покинув Соединенные Штаты, Эренбург несколько месяцев провёл во Франции. Разрешение «задержаться в Париже» он получил от самого Молотова. «Не имею возражений», – ответил министр на его просьбу (Эренбург 1990, 3: 33).

В августе в городе Вуврэ, известном, по словам Эренбурга, своим «душистым вином», он увидел «крохотное сообщение» «о новой чистке, жертвами которой стали писатели Ахматова и Зощенко», и, приехав в Париж, «побежал в посольство», где получил газеты с полным текстом постановления (Эренбург 1990, 3: 34). Вернулся он в Москву только в октябре, пробыв за границей почти полгода. Крутые перемены в политической атмосфере не могли не отразиться на переработке Эренбургом ранее напечатанных своих газетных статей о поездке в Америку в брошюру, выпущенную в издательстве «Московский рабочий» в начале 1947 г. В газетных отчетах встречались проявления восхищения достижениями американцев, которые «в относительно короткий срок <...> создали изумительную технику». «Я видел, – писал он, – как быстро они строят небоскребы, как аккуратно и хорошо изготавливают в Детройте автомобили, сколько у них изобретений, облегчающих повседневную жизнь человека» (Известия. 17 июля). По воспоминаниям Фани Фишман (приемной дочери Ирины Эренбург), в разговоре с Рубинштейном Илья Григорьевич говорил, что «Европа на два столетия отстала от Соединенных Штатов» (Рубинштейн 2002: 259). Но в книге подобные восторги «почти совсем заглохли» (Рубинштейн 2002: 263). Так, например, в «Известиях» Эренбург писал: «Я думаю, что мы можем многому поучиться и у американских писателей, и у американских архитекторов, и даже (несмотря на потрясающую пошлость средней продукции) у американских кинорежиссеров» (25 июля). В брошюре же этот пассаж не был включен. Если в газетном очерке Эренбург

¹¹⁹ Neal, F. W. I Escorted the Soviet Big Shots. – Saturday Evening Post. 1951. January 6. P. 82.

признавал, что «в архитектуре Нью-Йорка [есть] красота, пусть и беспокойная, но бесспорная» (17 июля), то в брошюре он дает другую оценку увиденному: «Я не знаю, красив ли Нью-Йорк. Красота его не связана с нашими представлениями о гармонии. <...> Есть величие и есть трагизм в этом нагромождении железобетона; оно передает жадность, лихорадку, размах, бесчеловечность империализма» (Эренбург 1954: 669).

Самой безопасной темой для советского журналиста являлся расизм в США. Он, действительно, представлял собой реальную и жгучую проблему, которая обсуждалась в американской прессе. К тому же (по замечанию Мередит Ромэн) «разоблачение американского расизма (racial mores) имело целью вызвать гордость у советских людей, подтверждая, что их миссия строительства антикапиталистического общества была благородной. Осуждение расизма в США служило и отвлекающим маневром от непрекращающегося бытового антисемитизма и национальной вражды в стране, которая, кажется, должна была освободиться от таких пережитков капитализма» (Roman 2012: 531). В газетных статьях и – более подробно – в брошюре Эренбург с позиции очевидца детально рассказывает о сегрегации, политическом бесправии афроамериканцев, произволе властей, о неправомерных обвинениях в судах, линчевании, наконец, о бытовом расизме, который «вошел в плоть и в кровь американцев» (Эренбург 1954: 698), причем, как мы видели выше, нередко отклоняется от фактов. Но стержень образа Америки, созданного Эренбургом, – фигура белого американца. Он со злой иронией пишет о «среднем», то есть типичном или среднестатистическом американце, лишенном каких-либо индивидуальных качеств. Средний американец, перечисляет Эренбург, «проспал рождение американского империализма», «не обладает политической зрелостью» (Эренбург 1954: 706, 707), «убежден, что он внутренне независим, больше всего он страшится “пропаганды”» (Известия. 7 августа; Эренбург 1954: 700), «считает, что он – носитель подлинной демократии» (Эренбург 1954: 700), «готов поверить, что вся человеческая культура сосредоточена в Америке» (Там же: 684), «отожествляет культуру и технику» (Там же: 685),

«отравлен расовыми предрассудками», «наивно боготворит бумажный доллар» (Там же: 707). Стандартизация, как якобы успел заметить Эренбург, поразила не только быт, но и частную жизнь среднего американца. «Страшно не то, что все приказчики щеголяют в одинаковых рубашках и подносят своим возлюбленным одинаковые чулки, – пишет он, – страшно, что при этом они говорят возлюбленным те же слова и возлюбленные в ответ улыбаются той же стандартной улыбкой» (Там же: 675).

Несмотря на весьма непривлекательную картину Америки и нелестный портрет среднего американца в травелоге 1946–1947 гг., Эренбург позднее признался, что он тогда «был сдержан», поскольку не хотел озлобить американских обывателей «правдивым, но резким словом»¹²⁰ и «старался несколько смягчить отрицательные стороны американской жизни»¹²¹. Статьи в «Известиях», брошюра «В Америке» были лишь началом его «экспертной» критики Соединенных Штатов. С нарастанием борьбы с космополитизмом и волной репрессий против евреев будет нарастать и антиамериканизм Эренбурга. В многочисленных статьях и выступлениях он будет рассказывать о пороках этой страны, изобразит гнусных американцев в пьесе «Лев на площади» (1948), в романах «Буря» (1947) и «Девятый вал» (1950). По справедливому замечанию Г. В. Костырченко, «обласканный властью Эренбург превращается в годы холодной войны в главного глашатая антиамериканизма в СССР» (Костырченко 2001: 416). В начале 1949 года, значительно расширив брошюру «В Америке», он написал памфлет «Ночь Америки»¹²², намереваясь, как он доложил секретарю ЦК ВКП(б)

¹²⁰ Эренбург И. Г. Ночь Америки. – РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 14. Ед. хр. 854. С. 2.

¹²¹ Эренбург И. Ответ господину Дэвиду Лоуренсу. – Правда. 1947. № 97 (10488). 22 апреля. С. 3.

¹²² «Ночь Америки» была написана в конце весны – начале лета 1949 г. по заказу издательства «Советский писатель», которое, в свою очередь, выполняло план мероприятий ССП по усилению антиамериканской пропаганды, утвержденный в ЦК ВКП(б) (см.: Сталин и космополитизм 2005: 346–348). Кроме издательства, Эренбург отдал готовую рукопись в журнал «Знамя», где она была принята к печати и сверстана в составе номера 8 (см.: Эренбург 2004: 353, прим. 1 к письму 311). Однако Отдел пропаганды и агитации ЦК памфлет не пропустил и, судя по всему, потребовал серьезной

М. А. Суслову, курировавшему идеологию, «передать читателю презрение и ненависть к “американскому образу жизни” и его апологетам» (Эренбург 2004: 355). Теперь он пишет не о среднем, а о «серийном американце», то есть изготовляемом сериями, по образцу. «Америка, – по его словам, – напоминает человека с крохотной головой на огромном мускулистом теле, <...> американцам нужно учиться с самых азов – с букваря человеческой культуры»¹²³. Самый антиамериканский (и «плохой», как признает впоследствии сам Эренбург) роман «Девятый вал» – «об американском сенаторе, об интригах газетного агентства “Трансок”» (Эренбург 1990, 3: 181) – вышел в 1950 году. Один из его героев говорит голосом автора: американцы «успели построить небоскребы, создать высокую технику, комфорт, о котором в Европе и не мечтают, изготовили бомбу для Хиросимы, а о том, что культура – это не только “искусственный климат” или самолет с баром, они не подозревают» (Эренбург 1953: 238). В романе Эренбург повторил то, что писал в газетных очерках и статьях: Америка «быстро достигла высокого уровня материальной культуры. Что касается духовной культуры, то она здесь только-только рождается» (Известия. 17 июля)¹²⁴.

переработки текста, на которую Эренбург не согласился, ограничившись лишь немногочисленными дополнениями (см.: Там же). Одновременно издательство сообщило ему, что «не решается издать книгу, так как в ней нет “второй Америки”» (Там же: 355). В архиве «Советского писателя» сохранились две внутренние рецензии на рукопись, написанные известными критиками – Б. И. Соловьевым и А. К. Тарасенковым (см.: РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 14. Ед. хр. 66). Оба они указали на существенный недостаток памфлета, препятствующий его публикации: Эренбург, по утверждению рецензентов, игнорирует ленинское учение о двух культурах и совсем не показывает новую прогрессивную Америку. После жалобы Эренбурга секретарю ЦК М. А. Суслову в докладной записке для последнего, подготовленной сотрудником Отдела агитации и пропаганды Л. А. Слеповым, были высказаны сходные претензии: «Недостатком книги является отсутствие четких граней между американским простым народом и его угнетателями» (Сталин и космополитизм 2005: 498). Трудно сказать, был ли отказ издательства печатать «Ночь Америки» инициирован его руководством или инспирирован недоброжелателями Эренбурга в Агитпропе.

¹²³ Эренбург И. Г. Ночь Америки. С. 33.

¹²⁴ Эренбург И. Американские впечатления. – Литературная газета. 1946. № 46 (2309). 16 ноября. С. 2.

*

Примерно то же самое прочел Эренбург уже во время оттепели в статье «Америка без прикрас», напечатанной в «Литературной газете» 28 февраля 1957 года. «Американской культуры не возникло», – утверждал автор статьи Александр Казем-Бек, белоэмигрант, покинувший Россию в январе 1920 года и вернувшийся в Советский Союз в 1956 году. До 1940 года Казем-Бек жил в Германии и Франции, руководил организацией «младороссов», встречался с Муссолини. В 1940 году он бежал в Америку, где провел 15 лет, после чего считал себя большим знатоком этой страны. В мемуарах Эренбург называет его «бывшим монархистом» (Эренбург 1990, 3: 172).

Ссылаясь на свой опыт пребывания в Америке, Казем-Бек писал о «варварстве <...> молодых американцев», духе вырождения и упадничества в стране, о «неосведомленности американцев», их равнодушии к информации. Главный изъян Америки он видит в отсутствии национальной культуры, причем сами американцы, на его взгляд, даже не претендуют на ее наличие. «Влияние очагов культуры ничтожно, как и авторитет носителей ее. Пусть Хемингуэя и Фолкнера читают миллионы американцев, – десятки миллионов их сограждан никогда о них не слыхали»¹²⁵.

По сути дела, Казем-Бек утрировал то, что писал об Америке и американцах в годы позднего сталинизма Илья Эренбург, который мог увидеть в его статье своего рода пародию на свои очерки 1946–1947 гг. Похоже, что в 1957 году Эренбург хотел отчасти отречься от тех антиамериканских клише, которые он был вынужден повторять в конце сороковых годов. В изменившейся ситуации он взял на себя роль защитника американской культуры, выступив против статьи Казем-Бека с письмом в «Литературную газету», которое главный редактор В. А. Кочетов печатать отказался. Тогда Эренбург обратился за поддержкой к Д. Т. Шепилову, заведующему Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, утверждая, что «даже

¹²⁵ Казем-Бек А. Америка без прикрас. – Литературная газета. 1957. № 26 (3682). 28 февраля. С. 4. На одной странице со статьей Казем-Бека, отрицающего существование национальной культуры в Америке, помещена большая подборка новых переводов из Г. Лонгфелло.

во время войны никто у нас не писал о немецкой культуре в том тоне, в котором Казем-Бек написал об американской» (Эренбург 2004: 431). Обращение к Шепилову возымело действие, и письмо в редакцию было 23 марта опубликовано.

Для того, чтобы опровергнуть «приговор» американской культуре Казем-Бека, пишет Эренбург, «не нужно пересекать Атлантику: достаточно подойти к книжной полке. Ученые могли бы привести ряд имен, которыми американская наука обогатила мировую культуру». Возражая своему оппоненту, Эренбург восклицает: «...можно ли оттого, что десятки миллионов людей не приобщены к подлинной культуре, утверждать, что национальной культуры не существует?»¹²⁶

Письмо Эренбурга, которое теперь кажется беззубым, тогда выглядело смелым. Так оценила его итальянская газета *La Stampa*, корреспондент которой писал, что оно «поистине звучит как диссонанс в антиамериканской и антизападной симфонии последнего времени»¹²⁷. В. А. Кочетов, главный редактор «Литературной газеты», участвовавшей в антиамериканской кампании, принял сторону Казем-Бека и сопроводил письмо Эренбурга примечанием редакции, а потом жаловался на него в ЦК. В мемуарах Эренбург не без гордости вспомнил свою отповедь Казем-Беку: «Я послал в газету письмо – говорил, что в Америке есть своя – и значительная – культура, крупные ученые, замечательные писатели. Хотя редакция и указала, что не согласна со мною, письмо она все же напечатала. Но это было в 1957 году, а не в 1950-м...» (Эренбург 1990, 3: 172).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Адамович Г. 1969. Об Аргусе. – Аргус (М. Айзенштадт-Железнов). Другая жизнь и берег дальний. Нью-Йорк: Издательство «Чайка». С. 3–6.
- Альтман И., Карасик О. 2018. История и судьба «Черной книги»: Писатели и документы эпохи. – Филология и культура. № 3 (53). С. 133–138.

¹²⁶ Эренбург И. Письмо в редакцию. – Литературная газета. 1957. № 36 (3692). 23 марта. С. 4.

¹²⁷ Todisco A. Ehrenburg difende in Russia la letterature degli americani. – *La Stampa*. 1957. Num. 72. 24 marzo. P. 3.

- Большая цензура 2005. Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917–1956 / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева. Сост. Л. В. Максименков. М.: Международный фонд «Демократия». Издательство «Материк».
- Горяева Т. М. 2009. Политическая цензура в СССР: 1917–1991 гг. 2-е изд., испр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- Государственный антисемитизм 2005. Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева. Сост. Г. В. Костырченко. М.: Международный фонд «Демократия». Издательство «Материк».
- Громыко А. 2016. Памятное: Испытание временем. Кн. 2. М.: Центрполиграф.
- Добренко Е. А. 2020. Поздний сталинизм: Эстетика политики. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение.
- Костырченко Г. В. 2001. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М.: Международные отношения.
- Печатнов В. О. 2006. От союза – к холодной войне: Советско-американские отношения в 1945–1947 гг. М.: МГИМО-Университет.
- Рубинштейн Д. 2002. Верность сердцу и верность судьбе: Жизнь и время Ильи Эренбурга / Пер. с англ. М. А. Шерешевской. Научный ред. Б. Я. Фрезинский. СПб.: Академический проект.
- Симонов К. 2005. Глазами человека моего поколения. – Симонов К. Истории тяжелая вода: Сборник мемуарной прозы / Сост. Л. Лазарев. М.: Вагриус. С. 287–506.
- Сталин и космополитизм 2005. Сталин и космополитизм. 1945–1953: Документы Агитпропа ЦК / Под общей ред. академика А. Н. Яковлева. Сост. Д. Г. Наджафов, З. С. Белоусова. М.: Международный фонд «Демократия». Издательство «Материк».
- Фрезинский Б. Я. 2013. Об Илье Эренбурге: Книги, люди, страны. М.: Новое литературное обозрение.
- Черная книга 2015. Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. / Под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. М.: АСТ; Corpus.
- Эренбург И. 1950. За мир! М.: Советский писатель.

- Эренбург И. 1953. Соч.: В 5-ти тт. Т. 3: Девятый вал: Роман. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Эренбург И. 1954. Соч.: В 5-ти тт. Т. 5: Очерки. Статьи. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Эренбург И. 1990. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3-х тт. М.: Советский писатель.
- Эренбург И. Г. 2004. Письма: [В 2-х тт.] Т. 2: 1931–1967 / Издание подготовлено Б. Я. Фрезинским. М.: Аграф.
- Bassow, W. 1988. *The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost*. New York: William Morrow and Company.
- Beeler, D. 1980. Race Riot in Columbia, Tennessee (February 25–27, 1946). – *Tennessee Historical Quarterly*. Vol. 39. No. 1. P. 49–61.
- Berry, D. R., Gross, K. N. 2020. *A Black Women's History of the United States*. Boston: Beacon Press.
- Borchard, G. A. 2022. *The SAGE Encyclopedia of Journalism* / Ed. by G. A. Borchard. s. l.: SAGE Publications.
- Ehrenburg, I., Galaktionov, M., Simonov, K. 1946. *We Have Seen America*. New York: National Council of American-Soviet Friendship.
- Fainberg, D. 2021. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Gelder, R. van. 1946. *Writers and Writing*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Goldberg, A. 1984. *Ilya Ehrenburg: Revolutionary, Novelist, Poet, War Correspondent, Propagandist: The Extraordinary Epic of a Russian Survivor* / With an Introduction, Postscript, and Additional Material by E. de Mauny. New York: Viking.
- Houston, H. R. 2009. *Jackson Clarion-Ledger*. – Smith, J. C., Wynn, L. T. *Freedom Facts and Firsts: 400 Years of the African American Civil Rights Experience*. Visible Ink Press. P. 136.
- Laychuk, J. L. 1991. *Ilya Ehrenburg: An Idealist in an Age of Realism*. New York; Paris: Peter Lang.
- Lewis, A. 2010. *Freedom for the Thought That We Hate: A Biography of the First Amendment*. New York: Basic Books.
- Lyons, Eu. 1941. *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America*. Indianapolis; New York: The Bobbs-Merrill Company.

- Mellinger, G. 2008. American Society of Newspaper Editors. – Encyclopedia of American Journalism / Ed. by S. L. Vaughn. New York; London: Routledge. P. 21–22.
- Mellinger, G. 2020. Introduction. – Journalism's Ethical Progression: A Twentieth-Century Journey / Ed. by G. Mellinger, J. Ferré. Lanham, MD: Lexington Books. P. IX–XXVI.
- Pechatnov, V. 2001. Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47. – Cold War History. Vol. 1. No. 2. P. 1–27.
- Roman, M. L. 2012. Forging Soviet Racial Enlightenment: Soviet Writers Condemn American Racial Mores, 1926, 1936, 1946. – The Historian. Vol. 74. No. 3. P. 528–550.
- Tischauser, L. V. 2008. Race Relations in the United States, 1920–1940. Westport, Conn.: Greenwood Press.
- Zorn, R. J. 1972. Theodore G. Bilbo: "Shibboleths for Statesmanship". – Public Men in and out of Office / Ed. by J. T. Salter. New York: Da Capo Press. P. 277–296.

REFERENCES

- Adamovich, G. "Ob Arguse." In *Drugaiia zhizn' i bereg dal'nii*, by Argus [M. Aizenshtadt-Zheleznov, pseud.], 3–6. New York: Izdatel'stvo "Chaika," 1969.
- Al'tman, I. and O. Karasik. "Istoriia i sud'ba 'Chernoi knigi': Pisateli i dokumenty epokhi." *Filologiya i kul'tura* 53, no. 3 (2018): 133–38.
- Bassow, W. *The Moscow Correspondents: Reporting on Russia from the Revolution to Glasnost*. New York: William Morrow and Company, 1988.
- Beeler, D. "Race Riot in Columbia, Tennessee (February 25–27, 1946)." *Tennessee Historical Quarterly* 39, no. 1 (1980): 49–61.
- Berry, D. R. and K. N. Gross. *A Black Women's History of the United States*. Boston: Beacon Press, 2020.
- Bol'shaia tsenzura: Pisateli i zhurnalisty v Strane Sovetov. 1917–1956*. Edited by A. N. Iakovlev, and L. V. Maksimenkov. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- Chernaia kniga: O zlodeiskom povsemestnom ubiistve evreev nemetsko-fashistskimi zakhvatchikami vo vremenko okkupirovannykh raionakh Sovetskogo Soiuzia i v gitlerovskikh lageriakh unichtozheniia na territorii Pol'shi vo vremia voyny 1941–1945 gg.* Edited by V. Grossman, and I. Ehrenburg. Moscow: AST; Corpus, 2015.

- Dobrenko, E. A. *Pozdnii stalinizm: Estetika politiki*. Vol. 2. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020.
- Ehrenburg, I. *Za mir!* Moscow: Sovetskii pisatel', 1950.
- . *Sochineniia*. 5 vols. Vol. 3, *Deviatyi val: Roman*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1953.
- . *Sochineniia*. 5 vols. Vol. 5, *Ocherki. Stat'i*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1954.
- . *Liudi, gody, zhizn': Vospominaniia*. 3 vols. Moscow: Sovetskii pisatel', 1990.
- . *Pis'ma*. 2 vols. Vol. 2, 1931–1967. Edited by B. Ia. Frezinskii. Moscow: Agraf, 2004.
- Ehrenburg, I., M. Galaktionov and K. Simonov. *We Have Seen America*. New York: National Council of American-Soviet Friendship, 1946.
- Fainberg, D. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2021.
- Frezinskii, B. Ia. *Ob Il'e Ehrenburge: Knigi, liudi, strany*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
- Gelder, R. van. *Writers and Writing*. New York: Charles Scribner's Sons, 1946.
- Goldberg, A. *Ilya Ehrenburg: Revolutionary, Novelist, Poet, War Correspondent, Propagandist: The Extraordinary Epic of a Russian Survivor*. With an Introduction, Postscript, and Additional Material by E. de Mauny. New York: Viking, 1984.
- Goriaeva, T. M. *Politicheskaia tsenzura v SSSR: 1917–1991 gg.* 2nd rev. ed. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2009.
- Gosudarstvennyi antisemitizm v SSSR: Ot nachala do kul'minatsii, 1938–1953*. Edited by A. N. Iakovlev, and G. V. Kostyrchenko. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- Gromyko, A. *Pamiatnoe: Ispytanie vremenem*. Bk. 2. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016.
- Houston, H. R. "Jackson Clarion-Ledger." In *Freedom Facts and Firsts: 400 Years of the African American Civil Rights Experience*, by J. C. Smith, and L. T. Wynn, 136. Visible Ink Press, 2009.
- Kostyrchenko, G. *Tainaia politika Stalina: Vlast' i antisemitizm*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2001.
- Laychuk, J. L. *Ilya Ehrenburg: An Idealist in an Age of Realism*. New York and Paris: Peter Lang, 1991.
- Lewis, A. *Freedom for the Thought That We Hate: A Biography of the First Amendment*. New York: Basic Books, 2010.

- Lyons, Eu. *The Red Decade: The Stalinist Penetration of America*. Indianapolis and New York: The Bobbs-Merrill Company, 1941.
- Mellinger, G. "American Society of Newspaper Editors." In *Encyclopedia of American Journalism*. Edited by S. L. Vaughn, 21–22. New York and London: Routledge, 2008.
- . "Introduction." In *Journalism's Ethical Progression: A Twentieth-Century Journey*. Edited by G. Mellinger, and J. Ferré, IX–XXVI. Lanham, MD: Lexington Books, 2020.
- Pechatnov, V. "Exercise in Frustration: Soviet Foreign Propaganda in the Early Cold War, 1945–47." *Cold War History* 1, no. 2 (2001): 1–27.
- . *Ot soiuza – k kholodnoi voine: Sovetsko-amerikanskie otnosheniia v 1945–1947 gg.* Moscow: MGIMO-Universitet, 2006.
- Roman, M. L. "Forging Soviet Racial Enlightenment: Soviet Writers Condemn American Racial Mores, 1926, 1936, 1946." *The Historian* 74, no. 3 (2012): 528–50.
- Rubinshtein, D. *Vernost' serdtsu i vernost' sud'be: Zhizn' i vremia Il'i Ehrenburga*. Translated from the English by M. A. Shereshevskaiia. Edited by B. Ia. Frezinskii. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2002.
- Simonov, K. "Glazami cheloveka moego pokoleniia." In *Istorii tiazhelaia voda: Sbornik memuarnoi prozy*, by K. Simonov. Edited by L. Lazarev, 287–506. Moscow: Vagrius, 2005.
- Stalin i kosmopolitizm. 1945–1953: Dokumenty Agitpropa TsK*. Edited by A. N. Iakovlev, D. G. Nadzhafov, and Z. S. Belousova. Moscow: Mezhdunarodnyi fond "Demokratiia"; Izdatel'stvo "Materik," 2005.
- The SAGE Encyclopedia of Journalism*. Edited by G. A. Borchard. n. p.: SAGE Publications, 2022.
- Tischauser, L. V. *Race Relations in the United States, 1920–1940*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008.
- Zorn, R. J. "Theodore G. Bilbo: 'Shibboleths for Statesmanship'." In *Public Men in and out of Office*. Edited by J. T. Salter, 277–96. New York: Da Capo Press, 1972.

К БИОГРАФИИ МАКСА ФАСМЕРА: ТАРТУСКИЙ ПЕРИОД (1918–1921)¹

Марина А. Бобрик
(Берлин)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Ровно сто лет назад, в 1925 году, Макс Фасмер стал ординариусом Берлинского университета им. Фридриха Вильгельма. Когда после Второй мировой войны город разделился на Восточный и Западный, и Фасмер был поставлен перед выбором, он оставил основанный им славянский институт и в 1949 г. принял приглашение вновь созданного в Западном Берлине Свободного университета (Freie Universität Berlin), где стал первым ординарным профессором славянской филологии². Для понимания мотивов этого определяющего выбора, вообще фасмеровской личной этики важно обратиться к более раннему времени, к концу 1917 г., когда Фасмер оставил петербургский дом и Саратовский университет и принял решение в пользу Дерпта³.

В разного рода и объема очерках жизни Фасмера (монографической биографии не существует) сведения о первом послереволюционном времени скудны и смутны. В сентябре 1917 г., когда накануне октябрьских событий был сформирован историко-филологический факультет Саратовского университета, Фасмер вошел в первый его преподавательский состав в качестве профессора сравнительного языкознания.

¹ Статья написана при поддержке Австрийского научного фонда (FWF) в рамках проекта “Slavic Studies in Exchange: Austria and Russia in 1849–1939” (I 5309-G).

² См.: Бобрик 2012: 121–138, особ. 134; лит.

³ Ср. суждение Валентина Кипарского: „Nach dem Zusammenbruch Europas 1945 stand Vasmer wieder sozusagen am Anfang aller Dinge da, genau wie nach der Bolschewististenrevolution von 1917 [После европейской катастрофы 1945 года Фасмер вновь все должен был начать с нуля, так же как после большевистской революции 1917 года; здесь и далее перевод мой. – М. Б.]“ (Kiparsky 1963: 18).

Не вполне ясным остается промежуток между Саратовом и Дерптом, то есть тот период, когда, собственно, было принято решение двинуться прочь из России и каким-то образом выявилась возможность работы в Дерптском университете. Некоторые сведения об этом периоде сообщает М. Вольтнер:

Nach der russischen Revolution beschloss Vasmer während eines Aufenthaltes in Finnland, nicht nach Saratov zurückzukehren, sondern nach Dorpat zu gehen (1917). Briefe, die er von dort aus an Erich Berneker richtete mit der Bitte, ihm wenigstens zu einem russischen Lektorat zu verhelfen, blieben unbeantwortet; die Aussicht auf eine Professur für Indogermanistik in Dorpat mit der Verpflichtung, in absehbarer Zeit in estnischer Sprache zu unterrichten, bewog Vasmer, sich in ländlicher Umgebung mit Hilfe des NT und einiger weniger estnischer Bücher auf Grund seiner finnischen Sprachkenntnisse ins Estnische einzuarbeiten. Es ist erstaunlich, in wie kurzer Zeit Vasmer es wagte, Vorträge in estnischer Sprache zu halten (Woltner 1963: 3).

[В 1917 г., после революции в России, Фасмер во время поездки в Финляндию принял решение не возвращаться больше в Саратов, а двинуться в Дерпт. Письма, написанные им из Финляндии Эриху Бернекеру⁴ с просьбой помочь получить хотя бы место преподавателя русского языка, остались без ответа. Перспектива дерптской профессуры по индоевропеистике с условием в скором времени начать преподавать на эстонском языке побудила Фасмера приступить к изучению этого языка, чем он занялся в деревне с помощью Нового Завета, немногих эстонских книжек и своих познаний в финском. Поразительно краткое время спустя Фасмер уже делал доклады на эстонском языке.]

Комментарием к этому сообщению может служить свидетельство самого Фасмера в чрезвычайно любопытной его статье 1921 г.

⁴ Эрих Бернекер (Erich Berneker; 1874–1937) – славист и балтист, в тот момент ординарный профессор Мюнхенского университета им. Людвига и Максимилиана.

о Дерптском университете в эстонский период (об этом тексте еще пойдет речь ниже), в которой, в частности, говорится:

Zwar erhielten einige Professoren schon im Dezember 1918 die Nachricht, dass sie bei Besetzung von Lehrstühlen in Aussicht genommen seien, aber die drohende Bolschewistengefahr ließ die estnische Regierung noch über ein halbes Jahr mit der Wiedereröffnung der Universität warten. Im Juli 1919 endlich fanden die ersten Berufungen statt (Vasmer 1921: 4).

[Некоторые профессора, правда, уже в декабре 1918 г. получили известие о том, что они значатся в кандидатах на кафедры, однако большевистская угроза заставила эстонское правительство отложить открытие университета еще на полгода. В июле 1919 г. были наконец произведены первые назначения.]

Не называя себя прямо, Фасмер пишет здесь и о себе. Упоминание декабря 1918 г. объясняет, почему Маргарете Вольтнер⁵ и Эрик Амбургер⁶ (без указания на источник) датировали начало профессуры в Дерпте 1918 г. (см.: Woltner 1963: 3; так впоследствии, например,

⁵ Маргарете Вольтнер (Margarete Woltner; 1897–1985) – близкая сотрудница и друг Фасмера; подробнее см.: Бобрик 2012: 117, примеч. 35.

⁶ Эрик Амбургер (Erik Amburger; 1907–2001) – историк России, создатель ценнейшей базы данных об иностранцах в Российской империи. Пунктир пересечений и совпадений с Фасмером примечателен: родился в Петербурге, в 1918 г. с частью семьи уехал; путь в Германию лежал через Эстонию (1918–1920); в 1933 г. защитил в Берлине диссертацию «Россия и Швеция в 1762–1772 гг.» („Rußland und Schweden 1762–1772“); в 1953 г. уволен из Академии наук ГДР за отказ переселиться в Восточный Берлин. В сборнике к 100-летию Фасмера Э. Амбургер вспоминает, как вскоре после конца Второй мировой войны ему привелось беседовать с Фасмером о языке петербургских немцев, образчики которого Фасмер собирал многие годы (материалы предполагавшегося словаря до сих пор не обнаружены): „Trotz eines Altersunterschiedes von über 20 Jahren zwischen uns erinnerten wir uns an dieselben Erscheinungen in der Sprache der Petersburger Deutschen, wobei es keine Bedeutung hatte, dass meine väterliche Familie seit 150 Jahren in der Stadt lebte, während Vasmers Vater erst eingewandert war – und selbst nie die russische Sprache erlernt hatte [Несмотря на разницу в возрасте более чем в 20 лет, мы вспоминали одни и те же явления языка петербургских немцев, и не имело никакого значения то обстоятельство, что к тому времени, когда мои родственники по отцу жили в Петербурге уже полтора столетия, отец Фасмера только приехал и русским языком так и не овладел]“ (Amburger 1986: 16).

в: Karttunen 1995: 72; Благово 2006: 630; Warditz 2020–2021: s. p.; Кюльмоя 2024: 127) или даже прямо декабрем 1918 г. (см.: Amburger [s. d.]). В том же 1918 г., согласно документам Фасмера в архиве Берлинского университета, он получил немецкое (прусское) гражданство („als preußischer Staatsbürger“. – Bott 1999: 154). Упомянутая в приведенной цитате дата первых назначений, июль 1919 г., находит подтверждение в тартуских документах Фасмера (см. ниже).

Представление о дерптском (тартуском) этапе жизни Фасмера расширяют документы его личного дела в тартуском отделении Национального архива (Rahvusarhiiv), охватывающие период с июля 1918 до конца 1921 г.: личное дело Фасмера 1918–1921 гг. (ЕАА.2100.2.1313) и отдельно бумаги 1920–1921 гг. (ЕАА.2100.2b.98).

Особый интерес представляют самые ранние документы фонда, относящиеся собственно к моменту движения Фасмера в Дерпт; это два письма, помеченные началом июля 1918 г. и адресованные ректору университета: одно собственно от Фасмера (ЕАА.2100.2.1313, f. 28–29r), а другое, рекомендательное, от Бодуэна де Куртенэ (f. 26–27r). Без этих связанных друг с другом документов содержание биографического штриха между Саратовом и Дерптом неясно. В *Приложении* они публикуются вместе: письмо Фасмера впервые, а письмо Бодуэна заново выверено по сравнению с первой публикацией (см.: Кюльмоя 2024: 125–132)⁷.

Знакомством с этими документами я обязана Карлу Аймермахеру. В период своих занятий той эпохой жизни Фасмера, когда он восстанавливал погибшие при бомбардировке материалы русского этимологического словаря, мне посчастливилось говорить и

⁷ В первопубликацию письма, к сожалению, вкрались неточности в наборном воспроизведении немецкого текста (*Sprachwissenschaftler* вм. *Sprachforscher*; *Philolog* в тогдашнем языке нормативная форма, так что исправление в сноске на *Philologe* неоправданно, с. 127) и в переводе (*бывший ординарный профессор* <...> в *Саратове* вм. ‘в настоящее время ординарный профессор <...> в Саратове’, *der bisherige ordentliche Professor* <...> *in Saratow*, с. 128; *г-н Фасмер по происхождению немец, который родился в Петербурге* вм. ‘...лишь по случайности родился в Петербурге’, *...nur zufällig in Petersburg geboren*, с. 129), язык которого в целом неоправданно модернизирован (ср., например, *связался* с вм. ‘обратился с соответствующим прошением к’, *mit einem diesbezüglichen Gesuche hat er sich an* <...> *gesandt*, с. 128).

переписываться с теми, кто застал Фасмера и у него учился. У Карла Аймермахера я нашла тогда живейший отклик своему интересу; в одну из встреч он поделился со мной хранившимися у него копиями двух писем 1918 г., увы, без выходных данных. За точную архивную справку о местонахождении обоих документов я благодарна Татьяне Шаховской, к которой меня направил неизменно щедрый на помощь Габриэль Суперфин. Предваряя публикацию, необходимо кратко сказать о содержании писем и об их контексте.

*

Прежде всего нужно сказать о том, в какой момент истории Дерптского университета туда стремится и попадает Фасмер. В феврале 1918 г., в день провозглашения независимой Эстонской Республики, в Дерпт вошла Восьмая немецкая армия. Российское государственное управление в балтийских землях было упразднено, новое эстонское еще не вполне установилось, и управление Дерптским университетом было временно передано командованию немецкой армии (о культурно-историческом фоне см.: Selart, Laur 2023: 141–154). Начался краткий (15 сентября – 1 декабря 1918 г.), но примечательный период немецкого *Landesuniversität* (см.: История ТУ 1982: 166–167; Donnert 2007: 199–208; Goeze, Wörster 2008: s. p; Järvelaid 2018: 85–87).

Согласно временному статуту, университет являлся земельным университетом трех балтийских провинций („*Landesuniversität der drei baltischen Provinzen*“, § 2) и включал в себя пять факультетов, среди них историко-филологический (§ 4). Языком преподавания и официального делопроизводства становился немецкий (§ 3)⁸. Университет подчинялся штабу армии; управление осуществлялось администрацией университета, подчиненной армейскому командованию (§ 5). Извлечение из статута – названные пять параграфов – было напечатано в программе занятий на осенний семестр 1918 г. На первом месте стоял параграф, в котором – в духе

⁸ Отчетливую картину языков преподавания в разные периоды истории университета см.: Järvelaid 2018: 81.

гумбольдтианской традиции академической свободы – сформулирована идея университета:

Der Universität liegt die unparteiliche Pflege der Wissenschaft ob (§ 1)
(Vorlesungsverzeichnis 1918: 16).

[Университету надлежит заниматься наукой вне борьбы каких-либо группировок.]

Занятия в Дерпте должны были начаться в сентябре, хотя, как сообщала *Revaler Zeitung* ('Ревельская газета') со ссылкой на *Baltische Zeitung*, начало полноценной работы университета было отложено до конца года⁹. К началу семестра преподавательский состав должен был быть полным. В условиях войны и неустройства сотрудников набирали на основании временных договоров. За недостающими преподавательскими силами командование Восьмой армии обратилось к министерству просвещения Пруссии, и более тридцати профессоров приехало из различных земель Германии, так что доля высококвалифицированной профессуры в преподавательском составе университета оказалась небывало высокой – 60 из 68 (см.: История ТУ 1982: 167; групповую фотографию преподавателей см.: Järvelaid 2018: 86). Студентов записалось много (1004), состав их был многонациональным (429 немцев, 246 евреев, 165 эстонцев, 133 латыша, другие; см.: История ТУ 1982: 167). Ректором стал балтийский немец, медик Карл Дейо¹⁰; ему адресованы оба публикуемых письма.

*

Осенний семестр 1918 г., получивший в немецкой историографии университета название немецкого („deutsches Semester“), начался 15 сентября торжественным актом открытия университета (см.: История ТУ 1982: 167). Письмо Фасмера ректору послано из Петербурга

⁹ См.: Von der Landesuniversität. – *Revaler Zeitung*. 1918. № 96. 8. Juli. S. 1.

¹⁰ Карл Дейо (русифиц. Дегио; Karl Dehio; 1851–1927) занимал в университете с 1886 г. кафедру патологии и клинической медицины; возглавлял университетскую поликлинику.

и помечено 5 июля; времени на решение и переезд было мало, тон письма тревожный. Фасмер просит ректора о месте приват-доцента¹¹, о поддержке в получении немецкого подданства и – в случае необходимости – о помощи ему и жене в одноразовом выезде из Петербурга (в Саратов для увольнения) и затем из Саратова (в Дерпт) с немецким транспортом. Из письма следует, что хлопоты о восстановлении немецкого гражданства Фасмер начал весной 1918 г.¹² и тогда же впервые обратился в Дерптский университет, написав прошение декану философского факультета. Письмо, по-видимому, пропало – факт неудивительный при тогдашнем состоянии почтового сообщения¹³. Не получив ответа, Фасмер решил обратиться к ректору университета. К новому своему прошению он приложил рекомендательное письмо своего учителя и друга Яна Бодуэна де Куртенэ¹⁴.

Фасмера и Бодуэна связывали не только отношения научной приемственности – более глубокой, чем принято думать, – но и

¹¹ В немецком академическом обиходе должность, которая подразумевает, что ученый, не имеющий должности профессора, хотя и обладающий достаточной научной степенью (*Dr. habil.*), получает право преподавания (*venia legendi*).

¹² Получив, как упоминалось, в 1918 г. немецкое гражданство, Фасмер еще и в 1920 г. будет формально оставаться гражданином России, что следует из его написанного по-русски заявления в «Правление Дерптского университета» от 6 марта 1920 г. Намекаясь летом «поработать в библиотеках Берлина над своей работой об иранских местных названиях в Южной России (*Iranische Ortsnamen in Südrussland*)», он просит Правление позаботиться о предоставлении ему самому и его жене Эльзе Фасмер «германской валюты и заграничного паспорта», «так как иначе, – пишет он, – мне как формально еще состоящему в русском подданстве могли бы быть причинены затруднения иностранными властями» (ЕАА.2100.2.1313, f. 19, рус., ркп.). Орфографию оригинала (Ѣ, і, ъ) здесь не воспроизвожу.

¹³ Регулярное почтовое сообщение для гражданского населения Дерпта было открыто 1 мая 1918 г.; до этого момента действовала полевая немецкая почта (см.: <https://argebaltikum.de/estonia-30-de.shtml>).

¹⁴ С содержанием писем был, по-видимому, в какой-то мере знаком автор работы: Solomonov 2015–2017, где без указания на источник и с некоторыми неточностями говорится о том, что еще в 1918 г. Фасмер «предлагал свои услуги в качестве приват-доцента Сельскохозяйственному университету Тарту» („an der Landwirtschaftlichen Universität Tartu“, искаж. Landesuniversität, букв. ‘Земельный университет’ в территориально-административном смысле) и что в 1919 г. он по рекомендации Бодуэна де Куртенэ и Микколы (ср. письмо Бодуэна) был приглашен в Тартуский университет на место профессора сравнительного языкознания.

многолетние отношения человеческой приязни и доверия, нисколько не поколебленные разводом Фасмера с дочерью Бодуэна Чезарией¹⁵ (1913):

Ich muss es als eine gute Schicksalsfügung bezeichnen, dass ich diesen eigenartigen Sprachforscher und liebenswerten Menschen, der als echter Europäer um die Erhaltung der europäischen Kultur bangte, als andere die Gefahr noch nicht sahen, als Universitätslehrer und Freund genau kennenlernen durfte.

[Должен назвать подарком судьбы то стечение обстоятельств, благодаря которому мне посчастливилось близко узнать как университетского учителя и как друга этого своеобразного языковеда и достойного любви человека, который как истинный европеец заботился о сохранении европейской культуры тогда, когда другие еще не видели, какая опасность ей грозит.]

– писал Фасмер к 100-летию Бодуэна (Vasmer 1947: 76). По словам М. Вольтнер,

In Baudouin fand er <...> einen verständnisvollen, sehr anregenden Lehrer, einen väterlichen Freund, dessen Weite des wissenschaftlichen Horizonts und dessen Unerschrockenheit im Kampf um eigene politische Überzeugungen für Vasmer und durch Vasmer für so manchen seiner Schüler zum Leitbild eines wahren Gelehrten wurden (Woltner 1963: 1).

[В Бодуэне он <...> нашел понимающего, пробуждающего мысль учителя, старшего друга, чья широта научного горизонта и неустрашимость в борьбе за свои политические убеждения стали для самого Фасмера и через его посредство для ряда его учеников образцовыми качествами истинного ученого.]

Просьба о поддержке и рекомендации в экзистенциально трудный момент не могла не опираться на глубокое доверие и этическое

¹⁵ Чезария Анна Бодуэн де Куртенэ (Cezaria Anna Baudouin de Courtenay; 1885–1967) – антрополог, этнограф, этнолог.

единомыслие. Фасмер знал Бодуэна как свободного человека, неизменно следующего «главной своей заповеди – всегда вступаться за слабого» („seinem Grundsatz, sich überall für die Schwachen dieser Welt einzusetzen“. – Vasmer 1932: 338). В свою очередь, в своем рекомендательном письме Бодуэн, охарактеризовав Фасмера как выдающегося лингвиста и филолога, яркого и компетентного преподавателя, замечательным образом квалифицирует его взгляды:

Он прежде всего свободен от шовинизма и выше всякой политической склоки (л. 26 об.)¹⁶.

В 1918 г. и учитель и ученик в движении из России туда, где они надеются найти лучшие условия для научной деятельности. Каждый из них едет в ту академическую среду, которую считает для себя более естественной. О Фасмере Бодуэн пишет:

Господин Фасмер немец по происхождению и лишь по случайности родился в Петербурге. <...> В России открытое высказывание своих взглядов доставило ему немало неприятностей, поэтому он хотел бы работать в немецкой научной среде, тем более что в ближайшем будущем надеяться на здоровую научную жизнь в России едва ли приходится (л. 26 об.).

Сам Бодуэн через пару недель, в том же июле 1918 г., двинется с семьей в только что обретшую независимость Польшу, в город, где родился, – Варшаву. В письме в ректорат Петроградского университета (в котором Бодуэн формально экстраординарный профессор) он просил отпуска и разрешения читать лекции в Варшавском университете; постоянных профессорских мест там в это время нет, но возможно преподавание на гонорарной основе (см.: Mugdan 1984: 38).

Точно так же, как Фасмер стремился в переставший быть Юрьевским университет в Дерпте, где в период российской администрации ему отказывали в месте из-за тесных научных связей с польскими

¹⁶ Публикуемые письма Фасмера и Бодуэна в статье цитирую в переводе; немецкие оригиналы, как и полный перевод, см. в *Приложении*; ср.: Кюльмоя 2024: 129.

учеными¹⁷, семидесятитрехлетний Бодуэн ехал во вновь основанный Варшавский университет, где в свое время ему как поляку было отказано в месте¹⁸ и где ему предстояло – вновь преодолевая трудности и нападки, теперь со стороны тех, кто считал его «дурным поляком», – проработать последнее десятилетие жизни. В некрологе Бодуэну Фасмер напишет:

Als Emeritus erlebte B. den Weltkrieg in Russland, und in dieser Zeit hatte er auch noch eine Gefängnisstrafe zu verbüßen, zu der er von der zaristischen Regierung wegen der Veröffentlichung einer Schrift verurteilt wurde, in der er mit bewundernswerter Hellseherei dem russischen Zarenreich den Untergang voraussagte, wenn dieses nicht den zahlreichen ihm unterworfenen Fremdvölkern weitgehende Selbstverwaltung bewilligen würde. Nach dem Kriege siedelte B. nach Warschau über, wo er fast bis zu seinem Tode seine Lehrtätigkeit fortgesetzt hat (Vasmer 1932: 338).

[Мировую войну Бодуэн, лишившись должности, пережил в России и в это время отбывал тюремное заключение, на которое был осужден царскими властями за опубликование текста, в котором он с поразительной проницательностью предсказал царской империи конец в случае, если многочисленным поработенным ею

¹⁷ Позднее Фасмер напишет об этом в письме Казимежу Нитшу от 24 дек. 1937 г.: «Хотел бы напомнить, что мое прежнее сотрудничество в *Rocznik Slawistyczny* повредило моим отношениям с русскими, так что из-за этого меня не приглашали в Одессу, Дерпт или какой-либо иной российский университет. Не сожалею об этом, но упоминая здесь лишь в качестве свидетельства тому, что никогда не принимал такие вещи во внимание» (польский оригинал цитируется в работе: Urbańczyk 1986: 393).

¹⁸ В «Автобиографической записке» для словаря С. А. Венгерова Бодуэн об этом случае дискриминации написал, что «как поляк не мог получить места в варшавском русском университете, переделанном из польского в 1869 г.» (Венгеров 1897: 22–23) в полосу реакции после восстания 1863–1864 гг. В 1871 г. он по той же причине не получил места в киевском университете св. Владимира, несмотря на то что историко-филологический факультет единогласно избрал его доцентом по кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков (см.: Там же: 27). Наконец, когда краковский Ягеллонский университет пригласил его ординарным профессором на кафедру славянской филологии, он вынужден был отказаться, так как российское министерство не дало ему освобождения от обязанности отслужить полученную им двухгодичную стипендию в России (см.: Там же: 28).

народам не будет дано право на самоопределение¹⁹. После войны Бодуэн переселился в Варшаву, где он почти до самой смерти продолжал преподавание.]

В начале сентября, как пишет Фасмер ректору, он должен быть в Саратове, чтобы сложить с себя тамошние обязанности. В октябре он уже в Дерпте, но без места. Сообщая об этом в открытке Я. М. Розвадовскому²⁰ от 29 октября 1918 г., Фасмер подписывается бывшим профессором в Саратове („zuletzt prof. in Saratow“. – Urbańczyk 1986: 397). В самом деле, в списке пятнадцати преподавателей историко-филологического факультета, опубликованном в газетах (см.: *Revaler Zeitung*. 1918. № 144. 2. Sept. S. 2) и в программе занятий на осенний семестр (см.: *Vorlesungsverzeichnis* 1918: 4), Фасмера нет; профессор славистики в этом перечне – Леонард Мазинг (L. Masing)²¹, а индоевропеистики – индолог Л. Геллер (L. Heller).

С поражением немецкой армии в ноябре 1918 г. история немецкого Дерптского университета завершилась. В конце ноября немецкие военные власти передали управление университетом эстонскому Временному правительству, и 4 декабря ректор К. Дейо сдал дела и печати министру просвещения Пеэтеру Пыльд²², ставшему куратором университета (см.: *История ТУ* 1982: 167). В том же декабре, как упоминалось, некоторые ученые – в их числе, по-видимому, Фасмер – «получили известие о том, что они значатся в кандидатах на кафедры» (Vasmer 1921: 4).

¹⁹ Имеется в виду сочинение «Национальный и территориальный признак в автономии» (СПб., 1913, с. 83–84). Бодуэн был осужден на два года тюрьмы; срок заключения был затем сокращен, крепость заменена на заключение в «Крестах», однако Бодуэн потерял право преподавания; в качестве экстраординарного профессора его восстановили в должности после Февраля 1917 г. (см.: *Mugdan* 1984: 33–38).

²⁰ Ян Михал Розвадовский (Jan Michał Rozwadowski; 1867–1935) – индоевропеист, профессор Ягеллонского университета в Кракове.

²¹ Готхильф Леонард Мазинг (Gotthilf Leonhard Masing; 1845–1936) – славист и индоевропеист, до 1910 г. ординарный профессор Дерптского университета; в 1918 г. он на пенсии, но в этот момент согласился преподавать; его упоминает в своем письме Бодуэн де Куртенэ, см. *Приложение*.

²² Пеэтер Пыльд (Peeter Põld; 1878–1930) – куратор (нем. *Kurator*, ср. рус. *попечитель*) Тартуского университета в 1919–1925 гг.

*

Все другие документы в тартуском личном деле Фасмера (ЕАА.2100.2.1313) относятся к следующему, «эстонскому» периоду истории университета.

В начале января Тарту был освобожден от Красной армии. 26 февраля 1919 г. Фасмеру и «сопровождающей его» жене Эльзе²³ был выдан временный (на год) вид на жительство в Эстонской Республике (f. 25, эст., бланк), а 21 июля тогдашний (май–ноябрь 1919 г.) министр просвещения Юхан Картау утвердил «предложенную университетской академической комиссией» кандидатуру Фасмера в должности профессора «индоевропеистики (сравнительного языкознания)» (f. 1, эст., маш.).

Вступив в должность ординарного профессора, Фасмер получил отпуск до 1 октября, который он использовал для работы в библиотеках Берлина. В письме к новому министру просвещения и куратору университета Пеэтеру Пыльду, написанном по-немецки (f. 15–16, ркп.), Фасмер сообщает о своем твердом намерении окантоваться в Дерпте около 20 сентября, чтобы «начать служить в новом, мне чрезвычайно любезном университете» („und mich dann in den Dienst der mir äußerst sympathischen neuen Universität stellen zu können“). Он выражает надежду на то, что нисколько не пропустит занятий, так как, по сообщениям газет, семестр начнется позднее, чем предполагалось летом, и заверяет в своей обязательности. На случай, если понадобится узнать о точной дате возвращения Фасмера у его жены, он сообщает свой адрес в Дерпте: ул. Лосси, 14 (Lossi uulits 14).

На торжественной церемонии 1 декабря 1919 г. премьер-министр юрист Яан Тыниссон объявил об открытии Тартуского университета Эстонской Республики (Eesti Vabariigi Tartu Ülikool). Основным языком преподавания и делопроизводства стал эстонский, но в первом семестре больше половины лекций читалось на русском, около сорока процентов на эстонском и примерно пять с половиной процентов на немецком языке (см.: История ТУ 1982: 168).

²³ Эльза Фасмер (Else Vasmer), урожд. Нипп (Nipp; 1888–1960) – жена Фасмера с 1915 г.

Свои ретроспективные оценки решений как эстонской, так и предшествующей немецкой администрации университета в отношении культурной ориентации, в отношении языка в аудиториях и в канцелярии Фасмер отчетливо сформулировал в статье „Universität Dorpat unter estnischer Verwaltung“ («Дерптский университет под эстонским управлением»), которую он в 1921 г. опубликовал в выходившем в Данциге на немецком языке журнале *Die Brücke* («Мост»). В статье содержится развернутое подтверждение той характеристики, которую дал Фасмеру в своем рекомендательном письме Бодуэн де Куртенэ («Он прежде всего свободен от шовинизма и выше всякой политической склоки»).

Фасмер безусловный противник русификации университета, которой он противопоставляет ориентацию на Западную Европу. С восхищением отзываясь о П. Пыльде как кураторе университета, Фасмер видит его достоинство в толерантности и заслугу в ориентации университета на Западную Европу:

Es zeigte sich sofort, welch ein Glück für den jungen estnischen Staat es war, dass ein in nationaler Hinsicht so toleranter und organisatorisch so befähigter Mann zum Kurator der Universität ernannt worden war, wie der Professor P. Pöld. Sein Verdienst ist es, dass die Universität von vornherein engsten Anschluss an Westeuropa suchte und nicht zu den russischen Traditionen der letzten Jahrzehnte zurückkehrte. Auswärtige Gelehrte wurden vor allem aus Deutschland, Finnland und Schweden berufen. Ein äußeres Zeichen der westlichen Orientierung war auch die Beseitigung der zur Russifizierungszeit errichteten orthodoxen Kapelle am Hauptgebäude der Universität. So hat die Universität nun wieder dasselbe Aussehen wie vor der Russifizierung (Vasmer 1921: 4).

[Сразу стало очевидным, сколь удачным для молодого эстонского государства было назначение куратором университета такого терпимого в национальном отношении и компетентного в организационных вопросах человека, как профессор П. Пыльд. Его заслугой явилось то, что университет с самого начала стремился установить тесный контакт с Западной Европой, а не возвращаться к традициям русского периода последних десятилетий. Иностранные

ученые были приглашены прежде всего из Германии, Финляндии и Швеции. Внешним знаком западной ориентации было и устранение из ансамбля главного здания возведенной в период русификации православной часовни. Теперь университет вновь выглядит так, как и до русификации.]

Фасмеру претит шовинизм определенных кругов балтонемецкой эмиграции, которые из ненависти к эстонцам воспрепятствовали приглашению в Тартуский университет некоторых немецких профессоров из Германии. В то же время он считает ошибкой эстонской администрации обязательность преподавания на эстонском для ученых ниже профессорской должности („Allerdings ist es bedauerlich, dass die *venia legendi* neuerdings nur Gelehrten erteilt wird, die estnisch vortragen können. Nur berufene Professoren haben das Recht in einer anderen Sprache zu dozieren“), в результате чего некоторые сведущие приват-доценты („einigen tüchtigen Privatdozenten“) медицинского факультета лишились права преподавания, полученного ими в русское время. Неприемлемо для Фасмера и лишение права преподавания по политическим мотивам – как в случае К. Дейо, того самого ректора университета при немцах, к которому обращены письма Фасмера и Бодуэна; кроме К. Дейо, в этой группе такие выдающиеся ученые („*hervorragende Gelehrte*“) времени «немецкого семестра», как медик В. Цеге фон Мантойфель (W. Zoege von Manteuffel) и теолог, историк церкви К. Грасс (K. Grass). Резюмируя, Фасмер пишет:

Vom wissenschaftlichen Standpunkt ist es tief zu bedauern, dass eine Universität sich solche Kräfte entgehen lässt. Wem die Zukunft der jungen Generation seines Landes und Volkes am Herzen liegt, der muss dafür sorgen, dass alle derartigen Kräfte nicht fallen gelassen, sondern auf einen Posten gestellt werden, wo sie hingehören. Medizin und Kirchengeschichte haben nichts mit Politik zu tun und die Vermengung von Wissenschaft und Politik hat bisher noch nie einem Lande zum Nutzen gereicht (Vasmer 1921: 4).

[С научной точки зрения достойно сожаления, что университет лишает себя таких научных сил. Тот, кому дорога будущность

молодого поколения своей страны и своего народа, должен заботиться о том, чтобы такие силы не утратить, но дать им занять то место, для которого они предназначены. Ни медицина, ни история церкви не имеют ничего общего с политикой; вмешательство политики в науку <и/или: политизация науки. – М. Б.> ни одной стране еще не была полезна.]

Мысли Фасмера звучат прямым продолжением той позиции, которую представлял в Дерптском (Юрьевском) университете в свою бытность там профессором Бодуэн. Достаточно привести слова из его речи на торжественном обеде по случаю столетия Императорского университета в 1902 году, единственной произнесенной тогда по-немецки:

Wie in dem Kopfe eines Einzelnen, so können auch in einem Lande mehrere Sprachen ruhig und freundlich neben einander bestehen und sich duldsam vertragen. Hier im Lande sind neben der Reichssprache, neben der Sprache des großen Russischen Reichs, neben der Sprache des großen russischen Volks, neben der Sprache der großen russischen Denker und Dichter noch drei andere Sprachen historisch und ethnographisch gleich berechtigt: die deutsche Sprache, nicht die deutsche Sprache der Verfolger und Unterdrücker, sondern die deutsche Sprache der Gelehrten und Künstler, und außerdem die estnische und lettische Sprache (цит. по: Mugdan 1984: 22–23).

[В стране, как и в голове отдельного человека, несколько языков могут мирно сосуществовать в терпеливом соседстве. В этой стране исторически и этнографически равные права с государственным языком (Reichssprache), с языком великой Российской империи, языком великого русского народа, языком великих русских мыслителей и поэтов, имеют три другие языка: немецкий – не немецкий язык преследователей и угнетателей, но немецкий язык ученых и деятелей искусства, – а также эстонский и латышский языки.]

Тем основам, которые нашли отчетливое выражение в статье 1921 г. о Дерптском университете, – принципу академической свободы, идеалу независимого университета, императиву научной

честности, – Фасмер не изменит и впоследствии. Они будут определять его решения и наиболее значимые выступления; имею в виду и ретроспективную оценку берлинской профессуры при национал-социализме (речь „Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus“, 1948 г.; публикацию и комм. см.: Bott 2009), и обоснование причин своего ухода из университета им. Гумбольдтов (1948 г.), и речь на Рождество 1949 г. перед студентами Свободного университета (цитаты и пер. см.: Бобрик 2012: 121–122, 136).

*

В конце 1920 г. подошел к концу и срок работы в Дерпте. 13 декабря 1920 г. Фасмер сообщил декану факультета, что намерен принять приглашение Лейпцигского университета на должность ординарного профессора славянской филологии и, по-видимому, в начале марта 1921 г. будет вынужден выйти из состава преподавателей Дерптского университета (f. 21–21r, нем., маш.; ЕАА.2100.2b.98, f. 10–10r). Фасмер находит искренние слова похвалы и сожаления в адрес оставляемых им коллег и студентов („Die ausgezeichneten kollegialen Beziehungen, die vielfache Anregung, die ich von meinen Kollegen erhalten habe und die Arbeitsfreudigkeit meiner Hörer machen mir den Abschied von der Dorpater Universität besonders schwer“) и сообщает, что, заботясь о приемнике, уже написал в научные центры Германии и Финляндии.

Решением совета университета от 17 декабря 1920 г. прошение Фасмера об освобождении от профессорской должности было удовлетворено (f. 22, эст., маш.; ЕАА.2100.2b.98, f. 12); 29 января 1921 г. последовало утверждение этого решения министерством образования, и 8 февраля ректорат сообщил об увольнении Фасмера с 1 марта 1921 г. (ЕАА.2100.2b.98, f. 13).

В конце этого периода Фасмер, возглавлявший сводную библиотеку историко-филологического факультета²⁴, участвовал в экспе-

²⁴ В помеченном 19 декабря 1919 г. черновике благодарственного письма некоему коллеге, приславшему в университетскую библиотеку свои сочинения, Фасмер называет себя „Leiter der Seminarbibliotheken der historisch-philologischen Fakultät“ и подписывается „Dr. Max Vasmer, ordentlicher Professor“ (f. 17, нем., ркп.).

диции по возвращению в Тарту перемещенных во время Первой мировой войны в разные места России университетских коллекций (научных, книжных, художественных). В отчете о своей деятельности за 1920 г. Фасмер сообщает, что в период 12 июля – 6 ноября он в качестве представителя университета входил в «комиссию по эвакуации», созданную с целью возвращения незаконно вывезенного („verschleppt“) в Саратов Дерптского ветеринарного института (ЕАА.2100.2b.98, f. 9, ркп.). Одновременно Фасмер вызволил из Саратова свою личную библиотеку, о чем сообщал К. Нитшу в письме от 7 ноября 1920 г. (см.: Urbańczyk 1986: 388)²⁵. Об участии Фасмера (очевидно, в ходе той же экспедиции) в возвращении из Воронежа университетских книжных коллекций упоминает М. Вольтнер:

Als die Dorpater Universität auf Grund des estnisch-sowjetischen Staatsvertrages (2.2.1920) das Recht erhielt, ihre Anfang des Krieges nach Voronež verlagerte Bibliothek nach Dorpat zurückzuführen, wurde u. a. Vasmer mit dieser Mission betraut, die es ihm ermöglichte, auch seine eigene umfangreiche Privatbibliothek nach Dorpat zu überführen (Woltner 1963: 4).

[По государственному соглашению между Эстонией и Советской Россией от 2 февраля 1920 г. Дерптский университет получил право вернуть свою библиотеку, эвакуированную в начале войны в Воронеж. Фасмер был среди тех, кому была поручена эта миссия, что дало ему возможность перевезти в Дерпт <из Саратова. – М. Б.> и свою обширную частную библиотеку.]

*

По мере перемещения из одного научного центра в другой Фасмер не прерывал связей с коллегами и научными сообществами; он, как Арахна, создавал сеть, без которой не мыслил жизни исследователя,

²⁵ Книги Бодуэна и все его научные материалы остались в 1918 г. в Петрограде, судьба их была несчастна: лишь в 1926 г. и лишь часть Бодуэн получил назад в виде массы разрозненных бумаг и книг, своих вперемешку с чужими (см.: Mugdan 1984: 39).

и заботился о том, чтобы сеть эта не рвалась. С первых шагов в науке он устанавливал связи и поддерживал переписку с многими и многими коллегами. В отчете за 1920 г. он перечисляет ряд иностранных научных обществ, членом которых он в этом году являлся, – в Лейпциге, Галле, Гельсингфорсе, Париже, Дерпте, но и – вне своего неприятия большевистской власти и вне своего отъезда – в Петербурге²⁶ (Русское археологическое и Русское географическое общества) и в Саратове (Философско-историческое общество при Саратовском университете и Общество археологии, истории и этнографии; ЕАА.2100.2b.98, f. 9, нем., ркп.). Во время экспедиции по реэвакуации он сделал в Саратове два доклада: 11 августа 1920 г. в языковедческой секции Философско-исторического общества «О некоторых фракийских и иллирийских топонимах» („Über einige thrakische und illyrische Ortsnamen“) и 3 октября – в Обществе археологии, истории и этнографии «О задачах топонимических исследований» („Über die Aufgaben sprachwissenschaftlicher Lokalforschung“; см.: Там же, f. 7).

В своих действиях и решениях Фасмер стремился следовать своему личному этосу, важнейшими опорами которого были идея академической свободы и идея свободы совести. Эти основы были у него общими с Бодуэном де Куртенэ и в немалой мере от него усвоенными:

Seinen Schülern musste er ein Vorbild sein als ein Bekenner, der von seinen Ansichten nicht lassen konnte und ihnen zu Liebe alle Mühsal des Lebens zu erdulden bereit war. Sein warmes Eintreten für die Schwachen dieser Welt und seine schroffe Ablehnung jeglicher Gewaltanwendung in der Politik, seine vorurteilsfreie Beurteilung von Rasse und Sprachfamilien machten ihn zu einem vorbildlichen Erzieher der studierenden Jugend nicht nur in wissenschaftlicher Hinsicht. Meine speziell sprachhistorischen Interessen ließen mich wissenschaftlich früh andere Wege gehen; um so dankbarer gedenke ich des Etos, das diese

²⁶ Фасмер называет город Петербургом (Petersburg) (как *Дерпт* (Dorpat) остается в его документах и текстах единственным обозначением университетского города).

Persönlichkeit ausstrahlte, und der wohlwollenden Förderung, die mir durch sie zuteil geworden ist und die mir den Weg zur akademischen Laufbahn erschloss (Vasmer 1947: 77).

[Ученикам он был неизменным образцом исповедничества²⁷, неотступности от своих взглядов и готовности ради этих взглядов претерпеть любые тяготы жизни. Его душевное заступничество за слабых мира сего и резкое неприятие всякого насилия в политике, его свободное от предрассудков суждение о расе и языковых семьях делали из него образцового воспитателя учащейся молодежи не только в научном отношении. Рано развившийся интерес к истории языка заставил меня пойти другими путями; тем с большей благодарностью я храню память об этическом свете его личности и о его благотворном влиянии, которое я испытал и которое открыло мне путь к академическому развитию²⁸.]

Называя Бодуэна «истинным европейцем» („echter Europäer“. – Vasmer 1947: 76), Фасмер называет, как кажется, качество, существенное и для него самого. Главный резон усилий по созданию сети научной коммуникации вне идеологий он видел в сохранении «европейского культурного сообщества». Некролог Бодуэну он завершит словами:

Die moderne Sprachforschung in den slavischen Ländern hat durch den Tod B<audouin>s einen ihrer universellsten Führer verloren. Um den Menschen B<audouin> trauern nicht nur seine zahlreichen Schüler, denen er ein lieber Freund war, sondern auch alle diejenigen, die den Glauben an eine europäische Kulturgemeinschaft bewahrt haben trotz der Erfahrungen der letzten Zeit (Vasmer 1932: 340).

²⁷ Фасмер с момента прихода нацистов к власти принадлежал Церкви Исповедания (Bekennende Kirche) – той части протестантской церкви в Германии, которая начиная с 1934 г. открыто противопоставляла себя режиму (см.: Bott 2009: 55).

²⁸ Ср. слова С. К. Булича, который отмечал «благородную простоту и прямоту характера, человечность и участливость [Бодуэна] в личных отношениях к слушателям <...>, сильное нравственное и умственное влияние не только на его непосредственных учеников, но и на других ученых» (Венгеров 1897: 49).

[Современное языкознание в славянских странах потеряло со смертью Бодуэна одну из ведущих фигур редкостно универсального масштаба. О Бодуэне как человеке скорбят не только многочисленные его ученики, которым он был дорогим другом, но и все те, кто вопреки опыту последнего времени сохранил веру в европейское культурное сообщество.]

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо М. Фасмера публикуется в виде наборного текста, в переводе на русский и факсимиле; письмо Я. Бодуэна де Куртенэ – без факсимиле (см.: Кюльмоя 2024: 130–132). Электронные копии обоих документов доступны на сайте архива. Письма публикуются с сохранением особенностей орфографии и пунктуации, снабжены русским переводом и лишь самыми необходимыми примечаниями. Общепринятые и в настоящее время сокращения не комментируются.

I

Rahvusarhiiv, EAA.2100.2.1313, f. 28–29r, нем., ркп.

Макс Фасмер – ректору немецкого Дерптского университета

f. 28r

<архивная помета:>

Eingegangen am 17-7-1918

Bearbeitet a. 18 7

An Seine Magnifizienz den Rektor
der Deutschen Universität Dorpat.

Gesuch.

Vor etwa 2 ½ Monaten sandte ich an den Dekan der philosophischen Fakultät der Deutschen Universität Dorpat mein Gesuch um Umhabilitation nach Dorpat als Privatdozent für indogermanische Sprachwissenschaft. Dieses Gesuch möchte ich hiermit nochmals vorbringen, falls mein erstes Schreiben auf der Post verloren gegangen sein sollte.

Ausserdem möchte ich Ew.²⁹ Magnifizenz ersuchen, falls meine Umhabilitierung nach Dorpat nicht auf Schwierigkeiten stösst, für mich bei den örtlichen Militärbehörden einen Erlaubnisschein zum Aufenthalt im baltischen Occupationsgebiet zu erwirken, mit Hinweis auf mein im April d. J. an das Auswärtige Amt in Berlin abgesandtes Gesuch um Wiedererlangung der deutschen Reichsangehörigkeit.

Da ich Anfang September zur Niederlegung meiner Amtspflichten noch in Saratow sein muss, so dürfte es für mich, wegen des für russische Untertanen daselbst herrschenden Ausreiseverbotes, schwer sein von dort wieder fortzukommen, wenn ich bis dahin nicht wieder deutscher Reichsangehöriger geworden bin. Daher möchte ich Ew. Magnifizenz bitten beim Auswärtigen Amt um beschleunigte Lösung meiner Reichsangehörigkeitsfrage nachzusuchen. Den urkundlichen Nachweis meiner deutschen Abstammung habe ich am 28 Juni d. J. im Kaiserlich Deutschen Generalkonsulat in Petersburg zur weiteren Beförderung an das Auswärtige Amt eingereicht. –

Sollten diese Massnahmen für die deutsche Universität Dorpat schwer auszuführen sein, dann möchte ich die Universität ersuchen

f. 28v

für mich und meine Frau die einmalige Benutzung der von Petersburg und Saratow aus abgehenden reichsdeutschen Züge zu erwirken und mir einen entsprechenden Erlaubnisschein der Deutschen Regierung sowie eine offizielle Bescheinigung meiner Zulassung zur Privatdozentur zukommen zu lassen.

Wissenschaftlich sowohl wie politisch empfiehlt mich die beiliegende Empfehlung des ehemaligen Professors der Universität Dorpat aus deutscher Zeit Prof. Dr. J. Baudouin de Courtenay. Ausserdem wird mich Prof. Dr. Jos Mikkola in Helsingfors empfehlen können, der mich während des Krieges oft getroffen hat und, wie ich höre, augenblicklich einen hohen diplomatischen Posten in Finnland bekleidet.

²⁹ Eure.

Wegen der unsicheren Postverbindung mit Dorpat bitte ich dringend um eine Empfangsbestätigung meiner beiden Briefe (dieses und des vorgehenden). Die Lösung der daselbst berührten Fragen bis zum 15 August d. J. wäre mir durchaus erwünscht, da ich nach diesem Termin nach Saratow zurückkehren muss. Die Antwort bitte ich womöglich bis zum 15 August d. J. an das Kaiserlich Deutsche Generalkonsulat in Petersburg mit rekommandierter Zustellung an mich per Adresse: Petersburg, Bolschaja Dworjanskaja 22 W. 6 gelangen zu lassen.

Indem ich meine Angelegenheit in Ew. Magnifizenz' Hände lege, verbleibe ich hochachtungsvoll und ergebenst

Dr. Max Julius Friedrich Vasmer
Ordentlicher Professor f. vergleichende Sprachwissenschaft
an der Universität Saratow.

5 Juli 1918. Petersburg.

f. 29r

NB. Wie ich soeben erfahre, ist eine Antwort an mich am sichersten an das Auswärtige Amt in Berlin zur Weiterbeförderung an das Kaiserlich Deutsche Generalkonsulat in Petersburg für Prof. Dr. Max Vasmer Pburg, Bolschaja Dworjanskaja 22 zu adressieren.

Перевод:

л. 28

Его Высокопревосходительству ректору немецкого Дерптского университета³⁰

Прошение

Около двух с половиной месяцев назад я послал декану философского факультета немецкого Дерптского университета прошение

³⁰ См. примеч. 10.

о переводе меня приват-доцентом по индогерманскому языкознанию. Настоящим письмом я хотел бы повторить прошение на случай, если первое мое письмо затерялось при пересылке.

Кроме того, я хотел бы просить Ваше Высокопревосходительство, в случае если мой перевод в Дерпт не встретит затруднений, испросить для меня у местных военных властей документ, дающий право на пребывание в балтийской зоне оккупации. Указываю при этом, что в апреле с. г. я направил в Министерство иностранных дел в Берлине прошение о возвращении мне гражданства Германской империи.

Так как в начале сентября я еще должен быть в Саратове для сложения обязанностей по должности, мне, по всей вероятности, в силу действующего запрета на выезд подданных России из страны, будет трудно вновь оттуда выехать, если к тому времени я не получу немецкого подданства. Поэтому я хотел бы просить Вас, Ваше Высокопревосходительство, ходатайствовать в Министерстве иностранных дел об ускоренном решении моего дела о гражданстве. Свидетельство о своем немецком происхождении я подал 28 июня с. г. в Генеральное консульство Германской империи в Петербурге для дальнейшей переправки в Министерство иностранных дел. –

Если же эти меры окажутся для немецкого Дерптского университета трудноисполнимыми, то я хотел бы просить университет

л. 28 об.

предоставить мне и моей жене однократную возможность проезда на одном из отходящих из Петербурга и Саратова немецких поездов и, кроме того, прислать соответствующее разрешение Германского правительства и подтверждение того, что я допущен к должности приват-доцента.

Характеристику меня как с научной, так и с политической стороны содержит прилагаемая рекомендация бывшего профессора Дерптского университета немецкого периода проф. д-ра Я. Бодуэна

де Куртенэ³¹. Кроме того, рекомендацию мне может дать проф. д-р Йос Миккола (Гельсингфорс), который во время войны не раз со мною встречался и который, насколько знаю, в настоящее время занимает в Финляндии высокий дипломатический пост³².

По причине ненадежности почтового сообщения с Дерптом настоятельно прошу Вас подтвердить получение обоих моих писем (этого и предыдущего). Решение затронутых в них вопросов до 15 августа с. г. было бы мне чрезвычайно желательно, так как после этой даты я должен буду вернуться в Саратов. Ответ прошу направить по возможности до 15 августа с. г. в Генеральное консульство Германской империи в Петербурге заказным письмом для переправки мне на адрес: Петербург, Большая Дворянская 22, кв. 6³³.

Сим вручаю Вам, Ваше Высокопревосходительство, свое дело и остаюсь глубоко уважающий Вас и преданный Вам

д-р Макс Юлиус Фридрих Фасмер
ординарный профессор сравнительного языкознания
в Саратовском университете

5 июля 1918. Петербург

³¹ В 1883–1893 гг. Бодуэн де Куртенэ был экстраординарным профессором славянской филологии в Дерптском университете; до 1893 г. преподавание в университете велось на немецком языке.

³² Йоосеппи (Йос) Юлиус Миккола (Jooseppi Julius Mikkola; 1866–1946) – специалист по сравнительному языкознанию и славистике, профессор славистики в университете Гельсингфорса (Хельсинки) в 1900–1934 гг. В 1918 г. Миккола был представителем сената независимой Финской республики при штабе Балтийской дивизии (Ostsee-Division) Р. фон дер Гольца (см.: Зимняя война 2010: 49, примеч. 143); в 1918–1927 гг. возглавлял Комиссию по военному языку и участвовал в создании словаря финского военного языка (см.: <https://375humanistia.helsinki.fi/en/jooseppi-mikkola/a-fennoman-and-an-inspiring-slavist>).

³³ В опубликованных биографических сведениях о Фасмере адрес Большая Дворянская, 22, кв. 6 на Петроградской стороне до сих пор не упоминался; в статье Википедии (рус.) о доме среди известных его жильцов Фасмер не назван. В 1918 г. (в июле которого Фасмер пишет свое прошение) революционные власти присвоили Большой Дворянской название Первая улица деревенской бедноты. Дом 22, доходный дом Георга Шульце, построен в 1901–1902 гг. по проекту Карла Шмидта; в настоящее время в частном владении, входит в реестр объектов культурного наследия федерального значения; в 2015 г. владелец провел переделку («реконструкцию») фасада дома.

л. 29

NB. Как я только что узнал, ответное письмо наиболее надежно было бы направить в Министерство иностранных дел для переправки в Генеральное консульство Германской империи в руки проф. д-ра Макса Фасмера, Пбург, Большая Дворянская 22.

2

Rahvusarhiiv, EAA.2100.2.1313, f. 26–27r, нем., ркп.

Ян Бодуэн де Куртенэ – ректору немецкого Дерптского университета

f. 26r

An Seine Magnificenz³⁴ den Herrn Rektor
der deutschen Universität in Dorpat.

Herr Dr. Max Vasmer, der bisherige ordentliche Professor der vergleichenden Sprachwissenschaft in Saratow, früher als Privat-Dozent an der Petersburger Universität tätig, möchte an der Dorpater Universität angestellt sein. Mit einem diesbezüglichen Gesuche hat er sich vor mehreren Wochen an den Professor Dr. Leonhard Masing gewandt, bis-jetzt aber keine Antwort erhalten, wahrscheinlich infolge des gegenwärtig vollständig paralysierten Postverkehrs.

Herr Vasmer ist als hervorragender Sprachforscher und Philolog in allen europäischen Ländern rühmlich bekannt und hat eine große Anzahl scharfsinniger und origineller Arbeiten in der deutschen und russischen Sprache veröffentlicht. Er würde also keine besondere Empfehlung meinerseits brauchen, in den gegenwärtigen Ausnahmeverhältnissen aber ist wohl eine solche Empfehlung nicht überflüssig.

³⁴ Magnificenz, ср. написание в конце письма.

f. 26v

Außer seiner literarischen Tätigkeit hat sich Herr Vasmer bisjetzt als sehr lebhafter und nützlicher Dozent ausgezeichnet, seine Zuhörer zum wissenschaftlichen Denken angeregt und zählt schon einige tüchtige Schüler.

Herr Vasmer ist Deutscher von Geburt und nur zufällig in Petersburg geboren. Was seine politische Stellung betrifft so ist er vor allem Chauvinismus frei und über allen politischen Hader erhaben. Seine frei ausgesprochenen Ansichten haben ihm in Rußland viele Unannehmlichkeiten verursacht, und er möchte deswegen in einer deutschen wissenschaftlichen Umgebung arbeiten, um desto mehr, da man in Rußland auf ein gesundes wissenschaftliches Leben in der nächsten Zukunft kaum hoffen kann.

Herr Vasmer ist allen Fachmännern in Deutschland in Oesterreich und in den übrigen Ländern genügend bekannt. Unter anderem kann ich Professor Bezzenberger in Königsberg, Prof. Berneker in München, Prof. Rozwadowski in Krakau nennen. Herr Professor L. Masing ist auch, so viel ich weiß, hoher Meinung über die wissenschaftlichen Verdienste des Prof. Vasmer.

Indem ich die Sache des Herrn Vasmer in die

f. 27r

Hände Eu. Magnifizenz lege, verbleibe ich hochachtungsvoll ergebender
J. Baudouin de Courtenay,
bis jetzt Professor in Petersburg,
neuerdings zum Professor der Universität
in Warschau gewählt.

Petersburg (Petrograd), d. 5 Juli 1918.

Meine Adresse (noch einige Wochen):

Petersburg. W. O. Kadetskaja Linie, № 9, W. 14.

(В. О. Кадетская л., 9, кв. 14).

Перевод:**л. 26**

Его Высокопревосходительству г-ну Ректору
Дерптского немецкого университета

Господин д-р Макс Фасмер, в настоящее время ординарный профессор сравнительного языкознания в Саратове, прежде приват-доцент Петербургского университета, хотел бы получить место в Дерптском университете. Несколько недель назад он обратился с соответствующим прошением к профессору д-ру Леонарду Мазингу³⁵, но ответа до сих пор не получил, по всей вероятности, по причине нынешней полной остановки почтового сообщения.

Господин Фасмер, во всех странах Европы широко известный как выдающийся языковед и филолог, опубликовал большое число новаторских, оригинальных работ на немецком и русском языках. Рекомендация с моей стороны была бы совершенно излишней, если бы не исключительные нынешние обстоятельства, при которых такая рекомендация оказывается не лишней.

л. 26 об.

Кроме своей научной деятельности, господин Фасмер выказал себя ярким и компетентным преподавателем, который побуждает своих слушателей к научной мысли и уже имеет немало достойных учеников.

Господин Фасмер немец по происхождению и лишь по случайности родился в Петербурге. Что касается его политических взглядов, то он прежде всего свободен от шовинизма и выше всякой политической склоки. В России открытое высказывание своих взглядов доставило ему немало неприятностей, поэтому он хотел бы работать в немецкой научной среде, тем более что в ближайшем

³⁵ Ср. ниже в письме тж. транскрипцию *Майзинг*; см. о нем примеч. 21.

будущем надеяться на здоровую научную жизнь в России едва ли приходится.

Господин Фасмер достаточно известен специалистам в Германии, Австрии и других странах. Могу назвать, в частности, профессора Беценбергера в Кёнигсберге, проф. Бернекера в Мюнхене, проф. Розвадовского в Кракове³⁶. Господин профессор Л. Майзинг, насколько знаю, также высокого мнения о научных заслугах проф. Фасмера.

Вручая Вам, Ваше Высокопревосходительство, судьбу господина Фасмера,

л. 27

остаюсь с глубоким уважением преданный Вам

Я. Бодуэн де Куртенэ,
в настоящее время профессор
Петербургского университета,
недавно избранный профессором
Варшавского университета.

Петербург (Петроград), июля 5-го дня 1918.

Мой адрес (в течение ближайших нескольких недель):

Петербург. В. О. Кадетская линия, № 9, кв. 14
(В. О. Кадетская л., 9, кв. 14)³⁷.

³⁶ Бодуэн называет выдающихся лингвистов в области индоевропеистики и славистики: А. Беценбергера (Adalbert Bezzenberger; 1851–1922), Э. Бернекера (см. о нем примеч. 4), Я. Розвадовского (см. примеч. 20).

³⁷ Дом купца Ф. Клеменца, угловой по Тучкову и Кубанскому переулкам, построен в 1842–1843 гг., перестраивался в 1873 и 1900 гг.; в настоящее время имеет статус «объекта культурного наследия регионального значения» (<https://moika78.ru/news/2023-06-02/880208-kgior-vklyuchil-dom-kuptsa-klements-a-v-reestr-pamyatnikov/>). Рядом, в Тучкове переулке, была квартира родителей Фасмера (см.: Валиев 2013: 284), отсюда Макс и его младший брат Рихард ходили в гимназию Мая.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Благово Н. 2006. Фасмер (Vasmer) Максим Романович (Макс Юлий Фридрих). – Немцы России: Энциклопедия. Т. 3. М.: ЭРН. С. 630–631.
- Бобрик М. А. 2012. «Шведский псалом» и его биографический контекст: Из архива М. Фасмера. – *Slověne*. Vol. 1. С. 100–144.
- Валиев М. Т. 2013. Макс и Рихард Фасмеры – время и судьбы. – Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. XVIII–XX вв. Вып. 7. СПб.: Кунсткамера. С. 281–293.
- Венгеров С. А. 1897. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Т. V. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Зимняя война 2010. Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД / Авторы-составители С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб.: Информационно-издательское агентство «Лик».
- История ТУ 1982. История Тартуского университета: 1632–1982 / Под ред. К. Сийливаска. Таллин<н>: Периодика.
- Кюльмоя И. 2024. Письмо И. А. Бодуэна де Куртене ректору Тартуского университета. – *Acta Slavica Estonica*. [Вып.] XVIII. *Slavica Tartuensia*. [Вып. XIII]: Тарту в истории славянской филологии. Вып. 2: Иван Александрович Бодуэн де Куртене (1845–1929). Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 125–132.
- Amburger, E. [s. d.]. Datenbank „Ausländer im Russländischen Reich“. – <https://amburger.ios-regensburg.de/?id=53123>
- Amburger, E. 1986. Zum „Petersburger Deutsch“. – *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Bd. 46. S. 16–18.
- Bott, M.-L. 1999. Ein Forschungsinstitut für Slavistik in Berlin? Max Vasmer's Denkschrift 1928. – *Jahrbuch für Universitätsgeschichte*. Bd. 2. S. 151–180.
- Bott, M.-L. 2009. Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus: Max Vasmer's Rückschau 1948. Berlin: Der Präsident der Humboldt-Universität zu Berlin. (Neues aus der Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin. Bd. 1).
- Donnert, E. 2007. Die Universität Dorpat-Jur'ev 1802–1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches. Frankfurt am Main u. a.: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften.

- Goeze, D. M., Wörster, P. 2008. Universität Dorpat – das „deutsche Semester“ 1918. – <https://www.herder-institut.de/blog/2008/10/15/universitaet-dorpat-das-deutsche-semester-1918>
- Järvelaid, P. 2018. Die Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft im 20. Jahrhundert und das Baltikum. Die Landesuniversität Dorpat 1918. – Rechtskultur. Nr. 4. S. 79–87.
- Karttunen, K. 1995. Linguarum profession in the Academia Gustaviana in Tartu (Dorpat) and the Academia Gustavo-Carolina in Pärnu (Pernau). – Nordisk judaistik / Scandinavian Jewish Studies. Vol. 16. No. 1–2. P. 65–74.
- Kiparsky, V. 1963. [Gedenkrede]. – Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin / Es sprachen H.-J. Lieber, V. Kiparsky, F. Siegmann. Berlin: Osteuropa-Institut an der Freien Universität. S. 9–22.
- Mugdan, J. 1984. Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk. München: Fink.
- Selart, A., Laur, M. 2023. Dorpat/Tartu: Geschichte einer Europäischen Kulturhauptstadt. Wien: Böhlau.
- Solomonov, V. A. 2015–2017. Vasmer, Max Julius Friedrich Richard (Maxim Romanowitsch). – Enzyklopädie der Russlanddeutschen. <https://enc.rusdeutsch.eu/articles/3818>
- Urbańczyk, S. 1986. Max Vasmers Korrespondenz mit Krakauer Slavisten. – Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 46. S. 384–398.
- Vasmer, M. 1921. Universität Dorpat unter estnischer Verwaltung. – Die Brücke. Nr. 35. [S. 4].
- Vasmer, M. 1932. Jan Baudouin de Courtenay. – Indogermanisches Jahrbuch. Bd. 16. S. 338–340.
- Vasmer, M. 1947. J. Baudouin de Courtenay: Zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages. – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Bd. 1. S. 71–77.
- Vorlesungsverzeichnis 1918. Vorlesungsverzeichnis der Universität Dorpat für das Herbstsemester 1918. Dorpat: [s. n.].
- Warditz, V. 2020–2021. Migration, Wissenstransfer und Slawistik: Der Fall Max Vasmer (Forschungsprojekt, gefördert von Gerda Henkel Stiftung, 2020–2021). – https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/migration_wissenstransfer_und_slawistik_der_fall_max_vasmer?nav_id=9604
- Woltner, M. 1963. Max Vasmer †. – Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 31. Heft 1. S. 1–21.

REFERENCES

- Amburger, E. *Datenbank „Ausländer im Russländischen Reich“*. <https://amburger.ios-regensburg.de/?id=53123>
- . “Zum ‘Petersburger Deutsch’.” *Zeitschrift für Slavische Philologie* 46 (1986): 16–18.
- Blagovo, N. “Fasmer (Vasmer) Maksim Romanovich (Maks Iulii Fridrikh).” In *Nemtsy Rossii: Entsiklopediia*. Vol. 3, 630–31. Moscow: ERN, 2006.
- Bobrik, M. A. “‘Shvedskii psalom’ i ego biograficheskii kontekst: Iz arkhiva M. Fasmera.” *Slověne* 1 (2012): 100–44.
- Bott, M.-L. “Ein Forschungsinstitut für Slavistik in Berlin? Max Vasmers Denkschrift 1928.” *Jahrbuch für Universitätsgeschichte* 2 (1999): 151–80.
- . *Die Haltung der Berliner Universität im Nationalsozialismus: Max Vasmers Rückschau 1948*. Neues aus der Geschichte der Humboldt-Universität zu Berlin, vol. 1. Berlin: Der Präsident der Humboldt-Universität zu Berlin, 2009.
- Donnert, E. *Die Universität Dorpat-Jur’ev 1802–1918. Ein Beitrag zur Geschichte des Hochschulwesens in den Ostseeprovinzen des Russischen Reiches*. Frankfurt, etc.: Peter Lang, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2007.
- Goeze, D. M. and P. Wörster (blog). “Universität Dorpat – das ‘deutsche Semester’ 1918.” <https://www.herder-institut.de/blog/2008/10/15/universitaet-dorpat-das-deutsche-semester-1918>
- Istoriia Tartuskogo universiteta: 1632–1982*. Edited by K. Siilivask. Tallinn: Periododika, 1982.
- Järveld, P. “Die Geschichte der deutschen Rechtswissenschaft im 20. Jahrhundert und das Baltikum. Die Landesuniversität Dorpat 1918.” *Rechtskultur* 4 (2018): 79–87.
- Karttunen, K. “Linguarum profession in the Academia Gustaviana in Tartu (Dorpat) and the Academia Gustavo-Carolina in Pärnu (Pernau).” *Nordisk judaistik / Scandinavian Jewish Studies* 16, no. 1–2 (1995): 65–74.
- Kiparsky, V. “[Gedenkrede].” In *Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6. Februar 1963 im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin*, 9–22. Berlin: Osteuropa-Institut an der Freien Universität, 1963.
- Külmoja, I. “Pis’mo I. A. Baudouin’a de Courtenay rektoru Tartuskogo universiteta.” In *Acta Slavica Estonica*. Vol. 18. Slavica Tartuensia, vol. 13, *Tartu v istorii slavianskoi filologii*. Pt. 2, *Ivan Aleksandrovich Baudouin de Courtenay (1845–1929)*, 125–32. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2024.

- Mugdan, J. *Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929): Leben und Werk*. Munich: Fink, 1984.
- Selart, A. and M. Laur. *Dorpat/Tartu: Geschichte einer Europäischen Kulturhauptstadt*. Wien: Böhlau, 2023.
- Solomonov, V. A. "Vasmer, Max Julius Friedrich Richard (Maxim Romanowitsch)." *Enzyklopädie der Russlanddeutschen*. <https://enc.rusdeutsch.eu/articles/3818>
- Urbańczyk, S. "Max Vasmers Korrespondenz mit Krakauer Slavisten." *Zeitschrift für Slavische Philologie* 46 (1986): 384–98.
- Valiev, M. T. "Max i Richard Vasmer'y – vremia i sud'by." In *Nemtsy v Sankt-Peterburge: Biograficheskii aspekt. 18–20 vv.* Vol. 7, 281–93. Saint Petersburg: Kunstkamera, 2013.
- Vasmer, M. "Universität Dorpat unter estnischer Verwaltung." *Die Brücke* 35 (1921): 4.
- . "Jan Baudouin de Courtenay." *Indogermanisches Jahrbuch* 16 (1932): 338–40.
- . "J. Baudouin de Courtenay: Zur 100. Wiederkehr seines Geburtstages." *Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft* 1 (1947): 71–77.
- Vengerov, S. A. *Kritiko-biograficheskii slovar' russkikh pisatelei i uchenykh (ot nachala russkoi obrazovannosti do nashikh dnei)*. Vol. 5. Saint Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1897.
- Vorlesungsverzeichnis der Universität Dorpat für das Herbstsemester 1918*. Dorpat: n. p., 1918.
- Warditz, V. "Migration, Wissenstransfer und Slawistik: Der Fall Max Vasmer." *Forschungsprojekt, gefördert von Gerda Henkel Stiftung, 2020–2021*. https://lisa.gerda-henkel-stiftung.de/migration_wissenstransfer_und_slawistik_der_fall_max_vasmer?nav_id=9604
- Woltner, M. "Max Vasmer †." *Zeitschrift für slavische Philologie* 31, no. 1 (1963): 1–21.
- Zimniaia voina 1939–1940 gg. v dokumentakh NKVD*. Edited by S. K. Bernev, and A. I. Rupasov. Saint Petersburg: Informatsionno-izdatel'skoe agentstvo "Lik," 2010.

**С. А. РЕЙСЕР И П. А. РУДНЕВ.
ПЕРЕПИСКА 1967–1969 гг.
(К 120-ЛЕТИЮ С. А. РЕЙСЕРА
И 100-ЛЕТИЮ П. А. РУДНЕВА)**

Подготовка текста, вступительная статья и комментарий

Я. В. Слепкова и А. А. Хробостовой

(С.-Петербург)

Знакомство двух выдающихся ученых Петра Александровича Руднева (1925–1996) и Соломона Абрамовича Рейсера (1905–1989) состоялось благодаря их общему другу Борису Яковлевичу Бухштабу (1904–1985) в начале 1967 г. Знаток литературы середины XIX в., Рейсер известен как редактор и комментатор произведений Некрасова, Добролюбова, Лескова; в то же время его штудии о поэзии Некрасова дают полное основание называть его не только текстологом, палеографом, библиографом, но и стиховедом. В биографической книге, обзоре научный путь Рейсера (см.: Фризман 2005), нет раздела, посвященного стиховедению; этот пробел отчасти восполняется публикуемой частью переписки. Из нее видно, что именно Руднев укрепил Рейсера в желании заняться стиховедением и убедил написать статьи о трехстопном ямбе и строфе поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Среди других тем их писем – подготовка кандидатской диссертации Руднева, провал на ее защите в МГПИ и повторная защита в Тарту, а также переезд туда. Переписка отражает и работу над одним замыслом, который несколько месяцев занимал Рейсера и Руднева, и был близок к осуществлению, но так и не увидел свет: заметка о статье Ф. Я. Приймы «От Пушкина до Некрасова», содержащей грубые стиховедческие ошибки. Вероятно, она должна была продолжать начатую в 1963 г. публичную полемику с Приимой (подробнее об этом см.: Егоров 2004: 384–388).

Переписка Рейсера и Руднева началась по настоянию Бухштаба; 14 марта 1967 г. он писал своему младшему другу: «Дорогой Петр

Александрович! Что же Вы не прислали Ваш обзор Рейсеру? Наверное, не потому, что экземпляров не хватило, а все от комплекса неполноценности: дескать, послать значит проявить смешную претензию на то, что этот обзор имеет какое-то значение, и т. п. А человек может обидеться: он ведь Вам послал свою книжку. Беда с Вами, самоедами! Пошлите, если есть еще, измыслив какую-нибудь причину задержки. Он видел Ваш обзор на выставке новых книг в Библиотеке Академии наук и заинтересовался им» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 662. Л. 12). На присланный оттиск статьи Рейсер ответил письмом, на котором Руднев, возможно еще не предполагая, что переписка продолжится, оставил помету карандашом: «Обзор 66 г.»; переписка оказалась оживленной и продолжалась вплоть до смерти Рейсера в 1989 г. Наиболее активно она велась именно в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Публикуемые письма теснейшим образом связаны с перепиской Руднева и Бухштаба, которая частично (некоторые письма 1968 г.) издана (см.: Свиченская 2006: 254–282); также издана переписка Руднева с Я. И. Гином (см.: Гин 1998: 510–524); опубликованы некоторые письма Рейсера к Ю. Г. Оксману (см.: Рейсер 2005: 47–61) и одно письмо к Н. Я. Судаковой (см.: Рейсер 2005: 62–69; оно же недавно републиковано, см.: Магомедова 2022: 165–177).

Письма публикуются по оригиналам, хранящимся в Национальном архиве Республики Карелия (НА РК. Ф. Р-3782. Руднев П. А.) и в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ. Ф. 2835. Рейсер С. А.), одно письмо Рейсера (от 27 февраля 1968 г.) дано по копии, оставшейся в его архиве. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, ошибки и опiski исправлены без отдельных оговорок. Конъектуры публикаторов даны в угловых скобках; в том числе раскрыты сокращенные стиховедческие термины (например, «ЯЗ» – «трехстопный ямб»). Авторские подчеркивания сохранены, но унифицированы (любое выделение текста – черта, двойная черта, «волна» и т. д. – передано простым подчеркиванием). Так же унифицировано перед письмом дается указание города и даты отправления; предположительные датировка и место написания письма приводятся в угловых скобках.

Сокращения имен в письмах не раскрываются. Цитаты из воспоминаний Руднева приводятся по полной ксерокопии из собрания публикаторов¹.

Сердечно благодарим за помощь в осуществлении этой публикации В. П. Руднева и Е. П. Рудневу, М. О. Тилькину, а также К. А. Кумпан, К. Ю. Лаппо-Данилевского, Г. А. Левинтона, М. Ю. Любимову, С. А. Попову, М. К. Свиченскую, Л. Н. Сухорукова, Р. Д. Тименчика и В. В. Турчаненко.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 1.

Ленинград, 25 марта 1967

Глубокоуважаемый Петр Александрович,
Мне очень хочется Вас поблагодарить за память и за внимание. Я в некотором затруднении – куда Вам писать. Так как Вы указали обратным адресом Москву, а не Коломну – я и адресую в Москву: если же Вас там нет – полагаю, что Вам мое письмо перешлют.

Ваш обзор^(а) исключительно удачен. Вы нашли жанр, который у нас некогда существовал, но потом оказался утраченным. У Вас не беспартийный (условно говоря) обзор, а нечто гораздо большее: под видом обзора Вы высказываете чрезвычайно интересные соображения.

Я стихом давно интересуюсь, но увы... – ни одной работы до конца не довел. Не знаю, когда кончу и задуманное обследование стиха «Кому на Руси жить хорошо» – разве если выйду на пенсию... Другого времени не вижу.

Очень бы мне хотелось доказать, что система русского стиха едина (силлабо-тонична) и имеет ряд вариантов, к ней сводимых. Так мне мерещится, но, м<ожет> б<ыть>, я и не прав: это все надо ведь обосновать.

¹ Подробнее о воспоминаниях Руднева см. во вступительной заметке Я. В. Слепкова к публикации их фрагмента: Руднев 2025: s. p.

Очень хорошо Вы уничтожаете пиррихии – в них нет никакого смысла, и они ничего не объясняют. Все дело, как Вы и пишете, в единой интонационной (= ритмической) инерции. Я с некоторым подозрением отношусь к попыткам обосновать для русского стиха две системы: одну для двухсложного, а другую для трехсложника, но и это ведь домыслы мои, которые я и обосновать пока не могу^(b).

Расширенное толкование чисто тонического стиха мне симпатично: очень уж много нагромодили разных систем.

Вот всякие мысли, которые у меня возникли при чтении Вашей работы. Спасибо Вам за нее.

Вы так тщательно выправили все ошибки ротапринта, что решаюсь указать еще: «подземный» вместо «подводный» на стр. 85 (стлб. 2, строка 6 св.) и опечатка на стр. 87 (стлб. 2, строка 8 сн.)^(c).

Желаю Вам всего доброго

С. Рейсер

P. S. Превосходно Вы разбили Шервинского^(d).

(a) См.: Руднев 1966: 83–102. Работа предуведомлена словами: «Светлой памяти Михаила Петровича Штокмара посвящает свою работу автор».

(b) Рейсер соглашался со следующими словами из обзора: «Если ритм – периодическая повторность соизмеримых речевых отрезков, то метр – главный (но не единственный) определитель ритма, как формулирует А. Н. Колмогоров, “закономерность ритма, обладающая достаточной определенностью, чтобы вызвать а) ожидание ее подтверждения в следующих стихах, б) специфическое переживание ‘перебоя’ при ее <обнаружении>”. Применительно к силлабо-тонике можно говорить о двухсложном и трехсложном метрах, т. к. по внутренней структуре двухсложные размеры (и соответственно трехсложные) различаются между собой лишь анакрузой. Двухсложный метр – “теоретическое обобщение реального опыта” – с помощью скандики <...> выявляет особый характер ямбо-хореического ритма: в строке последовательно чередуются не ударные и безударные слоги, а метрически сильные и слабые места. <...> Все это окончательно обнаруживает непригодность для русского стихосложения терминов “пиррихий” и “спондей” и помогает решительно отбросить суждение о замене одних стоп другими. Стих (строка) дает единый интонационно-ритмический импульс, стопа оказывается условным понятием» (Руднев 1966: 87–88).

(c) С ошибками были напечатаны строка из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» и слова «при ее обнаружении» (в публикации – «при ее наружении»).

(d) В обзоре Руднева подвергается критике работа: Шервинский 1961 (см.: Руднев 1966: 84–85). В частности, указывалось, что Шервинский неверно понимал «традиционную терминологию», использовавшуюся Ломоносовым, который «говоря о долготе и краткости слога <...> применительно к русскому языку и стиху имел в виду именно ударность и неударность».

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 1–2 об.

Москва. 28 марта 1967

Глубокоуважаемый Соломон Абрамович!

Спасибо за письмо и присланный оттиск. С Вашей интересной статьей я познакомился еще осенью, когда купил берковский сборник^(а). Тем приятнее было получить ее от автора.

Тронут Вашей оценкой моего, как Вы пишете, «исключительно удачного» обзора. Это даст Борису Яковлевичу^(б) новую пищу для его постоянной иронии над моим «комплексом неполноценности»...

Ваши соображения «по поводу» весьма и весьма интересны для меня особенно потому, что проблема типологии видов русского стиха – это как раз то, чем я занимаюсь упорно уже в течение нескольких лет на материале сопоставления метрического репертуара (системы стихотворных размеров) Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета, Брюсова и Блока. Тут множество интереснейших и еще далеко не вполне ясных вещей. Кстати, как Вы отнесетесь к тому, что я – вопреки традиции – выделяю особый исторический тип – так называемые <«полиметрические композиции»^(с) (мой, б<ыть> м<ожет>, не совсем «уклюжий» термин...), т. е. структуры наподобие некрасовских «Современников», «Двенадцати» Блока etc.? В этой связи стих Некрасова вообще приобретает огромный вес (в том числе и стих «Кому на Руси» – особенно «Пира на весь мир»). Мне эта проблема давно не дает покоя. Ей в значительной мере посвящена I глава моей диссертации о стихе Блока^(д) (точнее – о системе его размеров в сопоставлении с названными выше поэтами), которую я никак не могу дописать... Если это «историческое событие» когда-нибудь совершится, обязательно пришлю Вам автореферат. Кроме того, в Пушкинском Доме, наконец, как недавно сообщил мне В. Е. Холшевников^(е), утвердили к изданию наш сборник «Проблемы стиховедения», где есть большая (почти три листа) моя статья, представляющая, в сущности, сжатое изложение основных результатов сопоставления

метрических систем упомянутых поэтов^(f). Очень было бы интересно ближе познакомиться с Вашими «штудиями» стиха Некрасова. Каков, интересно, чисто методологический аспект предпринятого Вами обследования? Насчет различий закономерностей двух- и трехсложного ритмов русского стиха – здесь я стараюсь идти (как и во многом другом) за Б. В. Томашевским^(g), хотя в его работах здесь есть некоторые противоречия. Расширительное истолкование чисто тонического стиха^(h) мне не кажется удачным именно потому, что это как-то стирает типологические грани и затрудняет процесс изучения отдельных видов неклассических размеров (дольник, акцентный стих и др.).

Еще раз спасибо за столь быстрый ответ. С самыми лучшими пожеланиями П. Руднев

P. S. Пока еще мой московский адрес действителен.

(a) Статья Рейсера «Красный флаг в России» (см.: Рейсер 1966b: 294–301) была опубликована в сборнике к 70-летию Павла Наумовича Беркова (1896–1969). К первому письму Рейсера был приложен оттиск статьи с инскриптом: «Глубокоуважаемому Петру Александровичу Рудневу с приветом от С. А. Рейсера. 24.III.67 Л<енингра>д» (из собрания публикаторов).

(b) Б. Я. Бухштаб (1904–1985) – литературовед, библиограф.

(c) Предложенный Рудневым термин «полиметрия» (или «полиметрическая композиция») позднее крепко вошел в стиховедческую терминологию (см. о нем в частности: Руднев 2017: 468–470).

(d) См.: Руднев 1968b.

(e) Владислав Евгеньевич Холшевников (1910–2000) – литературовед, стиховед.

(f) Сборник, в который вошла статья Руднева «Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX – начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок)» (см.: Руднев 1968a: 107–144), был издан под заглавием «Теория стиха».

(g) Борис Викторович Томашевский (1890–1957) – литературовед, стиховед, текстолог.

(h) В обзоре Руднев писал: «Силлабо-тоника, дольники, акцентный стих рассматриваются нами как видовые категории единой родовой *тонической* системы русского литературного стихосложения» (Руднев 1966: 94). О различии двухсложных и трехсложных размеров у Б. В. Томашевского см.: Томашевский 1959: 351–352. Несмотря на сомнения в точности термина «тоническая система стихосложения», который объединял как силлабо-тонические, так и чисто тонические метры, Руднев опирался на этот тезис в статье, над которой работал в конце 1960-х гг.: Руднев 1968a: 107–144.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 2.

Ленинград. 27 апреля 1967

<Конгресная печать «С. А. Рейсер»>

Глубокоуважаемый Петр Александрович!

Мне всегда досадно, что, много лет интересуясь стихом, я так ничего о нем не написал. Задумал работу о «Кому на Руси...» и не имею возможности ее доделать. Огромные подсчеты. Это хорошо в том смысле, что цифры имеют не относительный, а самостоятельный интерес: я не знаю, есть ли в новой русской литературе вторая поэма такого объема. Но для этих подсчетов у меня времени нет. Работа не в плане и <нститу>та^(а). А кроме плана у меня есть кое-какие литературные дела. Вот я и надеюсь, что летом и т. д. А летом – снова не успею...

Задача, которую я себе поставил, – попробовать выяснить соотношение стиха и слова. Что и как из языкового запаса вошло в поэму и как трехстопный ямб (м<ожет> б<ыть>, в сравнении с другими размерами) влияет на отбор слов. Все это неясно, но яснее я и не могу ничего сейчас сказать^(б).

Боюсь сказать, но мне кажется, что выделение в особый ряд полиметрических видов может себя оправдать. Дело в том, что данная полиметрическая поэма – это некое единство и как таковое и должна рассматриваться.

Есть у меня еще такая фантазия: существует русский стих (литературный, т. е. не народный). Он един, и искать в нем разные системы – от лукавого. Ведь предлагают даже в пределах силлаботоники различать разные системы – для двусложного и для трехсложного стиха. Не лежит у меня душа к этому^(с).

И еще ересь: я не понимаю, что такое анакруза. Убейте – не понимаю. Выходит, что все, что исследователю некуда всунуть, – вот он и предлагает начальную часть считать ею. Я ее не слышу. Не верю я и в то, что ямб и хорей – это, мол, одно и то же – надо только начинать

отсчет на один слог дальше. Ямб и хорей звучат различно – для меня этого довольно, а схема – бог с ней! Все это такие ереси, что только по искренней к Вам симпатии решаюсь их изложить. И притом – только для Вас, по секрету.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренне Ваш С. Рейсер

(a) С 1945 по 1975 г. Рейсер работал в Ленинградском государственном библиотечном институте им. Н. К. Крупской (в 1964 г. преобразован в Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской; ныне – Санкт-Петербургский государственный институт культуры), помимо преподавательской деятельности, он занимал должности ученого секретаря (1945–1950; 1956–1968) и заведующего аспирантурой (1950–1953); в 1959 г. стал профессором института; был членом ученого совета по присвоению научных степеней. Эта работа, насколько можно судить, тяготила Рейсера – уже в 1954 г. он писал Бухштабу из Трускавца (Украина): «Институт, кажется, где-то далеко за 1 000 000 км, и думать о нем не хочется» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 947. Л. 3 об.); в письме к Ю. Г. Оксману от 29 декабря 1959 г. писал: «В моем институтике теперь полоса затишья. Если бы это стало стабильным, я бы лучшего не искал. Мне ведь нужна не “карьера”, а “покой и воля”» (Рейсер 2005: 53).

(b) На полях помета Руднева: «Очень ясно!»

(c) На полях помета Руднева: «Именно!»

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 3.

Ленинград. 11 мая 1967

Глубокоуважаемый Петр Александрович!

Конечно, именно Вам я обязан полученному сегодня приглашению участвовать в конференции Вашего института в мае 68 г.^(a) Я ответил согласием (авось, успею доделать работу!), а Вас хочу поблагодарить за внимание.

Завтра я уезжаю в Псков (а оттуда в Михайловское) на Пушкинскую конференцию^(b). Другие едут в Тарту на Блоковскую^(c), третьи – в Борисоглебск на конференцию по лирическому герою^(d). Так что наука переместилась на периферию.

Ваше письмо получил. Оно для меня очень важно: если я буду дорабатывать работу о Некрасове, то обязательно учту ряд важных

для меня соображений, которые там высказаны. А сейчас я уклоняюсь от разговора по ним, просто по неподготовленности.

Искренне желаю Вам успехов.

Ваш С. Рейсер

(a) Речь идет об организованной заведующим кафедрой литературы Константином Григорьевичем Петровым (1920–2001) и Рудневым при участии декана филологического факультета Коломенского педагогического института Глеба Артемьевича Шпеера (1910–1979) межвузовской научной конференции по проблемам советской поэзии, русской лирики XX века и стиховедения, которая прошла 21–23 февраля 1968 г. в Коломенском педагогическом институте.

(b) IV Пушкинская конференция («Пушкин в советском литературоведении за 50 лет», Псков, 15–18 мая 1967 г.). Рейсер принимал участие в прениях, но с докладом не выступал. См. хронику: Вацуро 1969: 69–72.

(c) II Блоковская конференция («Александр Блок и литература его эпохи», Тарту, 25–28 мая 1967 г.). См. хронику: Помирчий 1967: 251.

(d) Межвузовская научная конференция по проблеме «Образ автора в художественной литературе» (Борисоглебск, 30 мая – 1 июня 1967 г.). Среди ее участников были Бухштаб, Лидия Яковлевна Гинзбург (1902–1990), Борис Федорович Егоров (1926–2020). Фотографии с этой конференции см.: https://www.v-ivanov.it/millior/vestnik_udgu_2000/vestnik_udgu_200_10_ill.htm.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 3.

Коломна. <7 июня 1967>

Глубокоуважаемый Соломон Абрамович!

Спасибо за оперативность – Вы очень быстро и очень точно откликнулись на наше приглашение. Я обращаюсь к Вам с просьбой: пожалуйста, измените несколько формулировку (NB: только формулировку!), добавьте что-нибудь о традициях в поэзии XX века: ведь тема конференции: Русская поэзия XX века^(a). Очень прошу Вас понять меня как надо и выполнить мою просьбу.

Недавно я был с докладом в Тарту на сказочной блоковской конференции^(b)!

2/VI – целый день у меня в Москве гостил Бор. Яковлевич, с которым мы провели отлично время. А вчера около 3^х часов беседовал

с Л. Я. Гинзбург, с которой познакомил меня тут же Б. Я. С июля буду жить в Москве по другому адресу: ул. Лобачевского, 22, кв. 9.

С наилучшими пожеланиями П. Руднев

(а) Впоследствии тематика конференции не была ограничена вопросами изучения поэзии XX в.: на секции стиховедения, которой руководил Руднев, были представлены доклады, посвященные поэтам XIX в.

(б) Руднев выступал с докладом «Метрическая композиция стихотворных драм А. Блока и В. Брюсова». Об атмосфере конференции и участии в ней Руднева сохранились воспоминания К. А. Кумпан, ставшей впоследствии его ученицей и близким другом: «Из методологически нового, но показавшегося мне скучным – был стиховедческий доклад Петра Александровича Руднева, с которым мы тогда познакомились. Он тоже впервые был в Тарту, мы часто сидели рядом, делились впечатлениями и оценками – но его подсчеты и метрические таблицы лирики Блока, которые он развесил на длинной доске в аудитории (речь, кажется, шла о специфике дольников у Блока), меня, глупую школьницу, тогда не вдохновили. Через год Руднев был приглашен преподавателем в Тарту. И извиняет меня только то, что, последовав советам ЮрМиха (такое студенческое сокращение использовалось повсеместно), я вместе с некоторыми другими учениками профессора (моими ближайшими подругами-однокурсницами) записалась в семинар по стиховедению, что, надо сказать, было необычайно полезным» (Кумпан 2022: 587–588).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 4.

Переделкино. 7 июля 1967

Дорогой Петр Александрович!

Не можете ли помочь мне вот в каком деле. Существуют ли работы, в которых было бы ясно сказано –

а. Какие слова и в какой последовательности чаще всего встречаются в русском языке (скажем: 2-хсложные, 3-хсложные etc.)

б. Какой % они занимают в языке.

Очень обяжете. Мне это, как Вы догадываетесь, надо для работы о <трехстопном ямбе> Некрасова – очень уж я в ней не уверен!

Я тут до 25.VII – дальнейшее неясно.

Извините, пожалуйста.

Ваш С. Рейсер

Адрес на конверте^(а)

(а) Речь об адресе, по которому необходимо отправлять письма Рейсеру в Переделкино, где он проводил летний отпуск 1967 г. Конверт не сохранился.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 4–4 об.

Москва. 15 июля <1967>

Дорогой Соломон Абрамович!

Очень рад Вашему письму. Вы, правда, не написали, получили ли мою открытку насчет некоторой «трансформации» названия Вашего доклада. Простите, что ответил не тотчас: был в Коломне (пришлось аварийно на д<оговорной> о<снове> прочитать XX век – некому было читать; на это ушло 5 дней).

Боюсь, что мой ответ сильно разочарует Вас. Дело в том, что, насколько мне известно, специальных работ по интересующему Вас вопросу, к сожалению, нет! Мой ответ столь категоричен потому, что я не ограничился своими возможностями и проконсультировался по телефону с лингвистами, которым могло быть известно то, что неизвестно мне. В частности, я говорил об этом с Никоновым^(а) (он – знаток именно этого дела). Те худосочные советы, которые я хотел Вам дать, он подтвердил. Вот они. В старых работах есть наметки на эти вопросы в «Трактате о рус<ском> стихе» Г. Шенгели^(б) (М., 1923, II изд.). В частности – табл<ицы> Шенгели приводит Л. Тимофеев^(с) в «Очерках теории и истории рус<ского> стиха» (М., 1958, стр. 71); здесь же – приводятся хорошо Вам известные цифры Б. Томашевского (вообще есть еще нечто подобное в работе Б. Т. «Пятистопный ямб Пушкина» в сб<орнике> «О стихе»^(д); у меня этой книги нет; конспекты – в Коломне). Далее – материал, связанный с этой проблемой, есть в статье В. Никонова «О месте ударения в рус<ском> языке»^(е) (автор подтвердил это; мой конспект – в Коломне), опубликованной в яacobсоновском журнале «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics», 1963, VI, стр. 1–8 (статья на русском языке).

Наконец, еще вот что. Мне известно, что, когда готовилась к печати (посмертно) книга Г. Шенгели «Техника стиха»^(ф), в рукописи остались, как говорит Никонов, целые главы, посвященные этой проблеме. Где рукопись, мне неизвестно. Видимо, известно

Л. И. Тимофееву, который ее редактировал. Вот на всякий случай его адрес: Москва, А-445, Беломорская, 15, кв. 32. Правда, Никонов относится к уровню того, что осталось в рукописи Шенгели, скептически. Но он вообще не отрицает только своих трудов и отчасти Тимофеева... Увы, это все! Я бы очень хотел повидаться с Вами, Соломон Абрамович! М<ожет> б<ыть>, Вы остановитесь в Москве? Это вполне возможно у меня: пустая отдельная квартира (даже если Вы не один). Ей-богу, заезжайте. Во всяком случае вот телефон: АВ-2-10-25. Жду ответа. С лучшими чувствами и уважением П. Руднев

(а) Владимир Андреевич Никонов (1904–1988) – лингвист, литературовед.

(б) Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) – переводчик, поэт, стиховед.

(с) Леонид Иванович Тимофеев (1904–1984) – литературовед, стиховед, в 1962–1970 гг. заведовал Отделом советской литературы ИМЛИ.

(д) См.: Томашевский 1929.

(е) Точное название: «Место ударенья в русском языке».

(ф) См.: Шенгели 1960.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 5–5 об.

Переделкино. 17 июля 1967

Дорогой Петр Александрович,
Спасибо за письмо.

Очень удивлен, что Вы не получили моего ответа на Вашу открытку. Я тотчас же Вам ответил. Я писал, что: а) прошу Вас, по собственному усмотрению, ввести соответствующие исправления в заглавие моей (все еще) несуществующей работы, или – б) возвратить мне мое письмо, чтобы я мог исправить, ибо у меня не осталось копии того, что я написал, и я не помню точно заглавия.

Я надеялся, что в нашей л<итерату>ре есть какие-либо подсчеты, которые мне нужны для сопоставления (для работы о <трехстопном ямбе> Некрасова). Указанные Вами – мне известны. Я еще: а) знаю статью Л. Р. Зиндера, «Русские артикуляционные таблицы» («Труды Военной краснознаменной академии связи им. С. Буденного»,

вып. 29–30, 1951), б) произвел кое-какие подсчеты сам, по частотному словарю Э. А. Штейнфельдт^(а).

Большое спасибо за приглашение. Мальвина Мироновна^(б) и я заканчиваем срок пребывания здесь 27.VII и, может быть, сразу возвратимся в Л<енингра>д, а м<ожет> быть, задержимся здесь до 7. VIII. Во всяком случае, этими днями (скорее всего 22.VII) буду в М<оск>ве и Вам позвоню.

Борис Яковлевич говорил мне, что Вы заканчиваете диссертацию – очень рад.

Желаю Вам всего доброго.

Ваш С. Рейсер

Р. С. Я решил, что подсчеты кем-то проведены, на основании заметки А. Прохорова в «Науке и жизни», 1964, № 3, стр. 110^(с).

(а) См.: Штейнфельдт 1963. Эти подсчеты Рейсер опубликовал во второй стиховедческой статье о Некрасове (см.: Рейсер 1969а: 376–377).

(б) Мальвина Мироновна Штерн (1903–1992) – художник, библиотекарь, жена Рейсера (официально брак заключен 11 декабря 1969 г.).

(с) Ученик и соавтор А. Н. Колмогорова А. В. Прохоров писал о работе группы учеников под руководством академика в заметке «Эталонный ямб»: «Ученым удалось получить статистическую характеристику звукового образа метра. Для этого выяснили, насколько часто встречаются в русской речи односложные, двусложные и многосложные слова с ударением на первом, втором и остальных слогах. По этим двум признакам – длине и положению ударения – слова подразделяются на ритмические типы. Оказалось, например, что трехсложные слова с ударением на первом слоге составляют примерно 5 процентов всех слов, а удельный вес односложных – около 20 процентов. Далее, так как обычно речь ритмически не организована, было сделано допущение, что слово данного ритмического типа появляется независимо от того, к какому ритмическому типу принадлежит предыдущее слово» (Прохоров 1964: 110).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 6.

Переделкино. 18 июля 1967

Дорогой Петр Александрович,
Вчера Вам писал, но забыл написать об одной детали и пишу снова.

Как Вам кажется – удобна ли (и наглядна ли) такая система обозначения (мне хочется применить ее в работе о <трехстопном ямбе> Некрасова).

Первая цифра – число слогов в слове, вторая – место ударения.

Т. е.

UI – 22

UUI – 33

I – 11

UUUIUU – 64

и т. д.

Очень буду признателен, если черкнете ответ.

Простите, пожалуйста, эту мороку.

Ваш С. Рейсер

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 5.

Москва. 25 июля 1967

Дорогой Соломон Абрамович!

Простите, что ответил не тотчас: ждал 22/VII Вашего звонка (Вы ведь собирались быть в Москве)^(a).

Ваши сомнения насчет системы обозначений мне очень и очень понятны: в качестве приложения к моей диссертации дается «Алф<авитный> метрический индекс стихотв<орных> произв<едений> Блока» – там нелегко придумать единую и понятную систему (особенно в строфике). Мне кажется, Ваш символ вполне приемлем, но, по-моему, ярче было бы так: напр<имер>, UUU_U: 5-4 или: 5-IU (во всяком случае, наличие дефиса (-) сделает эту символику наглядней, как Вы думаете?)^(b). Мне вдруг пришло в голову – интересно сопоставить по Вашему аспекту <трехстопный ямб> Некрасова и К. Аксакова (в его «Бродяге», кажется, это первый опыт)^(c). Передайте, пожалуйста, привет своей супруге. С которой, я надеюсь, мы скоро познакомимся. Еще раз повторяю

свое приглашение. Где-нибудь между 8–18 августа мы с женой^(d) собираемся в Малеевку – повидать Б. Як. и Гал<ину> Григорьевну^(e).

Ваш П. Руднев

(a) Спустя два дня после отправки этого письма встреча все же состоялась; о ней Руднев сообщал Бухштабу в письме от 30 июля 1967 г.: «27 июля я гостил по настоятельному приглашению Соломона Абрамовича у него в Переделкине – целый день, с большой пользой для себя и, как он уверяет, для него: мы взаимно обменивались своими стиховедческими изысканиями, гуляли, фотографировались. Он, между прочим, уверяет меня, что в Малеевку трудно съездить за день, – далеко» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 958. Л. 26–26 об.). Там же спустя несколько дней состоялось знакомство Руднева с К. И. Чуковским, см. воспоминания А. П. Руднева: «Я видел Корнея Ивановича Чуковского единственный раз в жизни, теплым августовским днем 1967 года, когда меня, четырнадцатилетнего подростка, мой отец, П. А. Руднев, понемногу входивший в известность как филолог-стиховед и готовившийся защищать кандидатскую диссертацию на тему “Метрика Александра Блока”, взял <...> с собой в Переделкино, в Дом творчества, в гости к отдыхавшему там ленинградскому литературоведу С. А. Рейсеру. В Доме творчества нас в столовой угощали обедом, и в это время туда неожиданно вошел высоченный, довольно стройный, совершенно седой 85-летний старик, одетый в полотняную рубашку и пижамные штаны, которые он, как я потом заметил, беспрестанно подтягивал. <...> Рейсер представил ему отца. <...> Потом разговор происходил, по-видимому, общий – речь шла об общих знакомых ленинградцах – профессоре Б. Я. Бухштабе, который в молодости был секретарем у Чуковского, В. М. Жирмунском, И. Г. Ямпольском, о ком-то еще. <...> Затем разговор обратился к диссертации отца о стихе Блока, и Чуковский говорил, кажется, о том, что поэтику Блока изучали плохо и поверхностно, он сам когда-то в книге “Александр Блок как человек и поэт” пытался исследовать его рифмы и ритмы, но это не вполне ему удалось. “А теперь молодые ученые, вооруженные новой методологией, могут это сделать успешно”. <...> Прощаясь и уходя к себе домой (мы тоже собирались уезжать), Чуковский заявил, что кто-то едет сейчас в Москву на машине и мы поедем вместе с ними. Отец стал вежливо отказываться, но Чуковский был непреклонен: – Нет, поедете! Вскоре действительно на улице неподалеку от Дома творчества мы увидели старый “Москвич”, в котором сидели молодой человек и молодая женщина. – Вот, возьмите их с собой, это очень хорошие люди!» (<https://litbook.ru/article/11584/>).

(b) В опубликованном тексте Рейсера дефис добавлен не был, но ударный слог вместо «У» обозначен «х», а безударный слог вместо «I» – тире, например: «х (11) день», «х – (21) город», «х – – (31) Ладога» и т. д. (Рейсер 1969а: 369).

(c) Третья часть статьи Рейсера посвящена вопросу о влиянии поэзии Аксакова на Некрасова (см.: Рейсер 1969b: 202–205).

(d) Лидия Петровна Новинская (1937–2022) – литературовед, стиховед, вторая жена Руднева.

(e) Галина Григорьевна Шаповалова (1918–1996) – фольклорист и этнограф, вторая жена Бухштаба. Лето 1967 г. они проводили в подмосковном Доме творчества Малеевка, где их навещал Руднев с сыном Александром (см.: Руднев 2021: 541).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 7.

Ленинград. 6 октября 1967

<Конгревная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович!

Благодарю Вас за совет и поддержку. Вот Вам повестка на мой доклад: что-то во многом я не уверен. Ну, посмотрим.

Рад, что Ваши диссертационные дела завершаются. Напишите, когда именно Вас поздравлять. В Ленинград не собираетесь?

Тезисы (Вы правы, скорее план) чуть-чуть переделал и отослал (вчера). Я думаю, что смогу уложиться в 40 м<инут> – больше буду пересказывать и показывать таблицы – они напечатаны отдельно.

Желаю Вам всего хорошего.

Искренне Ваш С. Рейсер

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 6.

Коломна. <До 15 января 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

На днях буду в Москве и постараюсь что-нибудь разыскать для Вас – в смысле девочки или мальчика!..^(a) Хотя, к сожалению, на успех почти не надеюсь.

Сейчас сижу над авторефератом, почти заново написав за время длительной декабрьской болезни I главу работы. Реферат по существу, кажется, выходит вполне приличный; но, увы, именно по существу: *ex officio*^(b) – махровый формализм!..^(c) Но делать нечего. Вам, разумеется, пришлю или, если будет напечатан к концу февраля, вручу в Коломне.

После разведки в Москве напишу тотчас.

Привет Вашей супруге.

Всегда Ваш П. Руднев

Р. С. На днях получите приглашение и программу конференции.

Р. С. Да, все забываю спросить, получились ли переделкинские фото^(d).

(a) Возможно, Рейсер просил Руднева найти ему помощника для работы в библиотеках и архивах Москвы.

(b) Официально (лат.).

(c) Руднев пародирует произношение суффикса -изм с мягким «з», свойственное Н. С. Хрущеву и подхваченное впоследствии партийными деятелями (благодарим за указание Г. А. Левинтона).

(d) Рейсер, как и многие его коллеги, увлекался фотографией. Ныне большая часть его фотоколлекции хранится во Всероссийском музее А. С. Пушкина.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 7.

Коломна. <28 января 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Все Ваши просьбы, кроме «мальчика» или «девочки», я выполнил. Обращение к ректору (копия – зав<едующему> каф<едрой>) – но, увы, без программы (уже разбазарили!) – послано с указанием того, что Ваш доклад на такую-то тему включен в программу. Завтра еду в Москву на 10 дней (печатать в типографии автореферат) и снова постараюсь попытаться выполнить Вашу просьбу. Недавно получил отзывы от своих оппонентов (второй – М. Л. Гаспаров^(a)) – очень завышенные. Так что скоро или пришлю, или вручу в Коломне Вам свой реферат.

До скорой встречи.

Не болейте! Сердечно Ваш П. Руднев

(a) Оппонентами диссертации Руднева, которую он защищал в МГПИ, были Михаил Леонович Гаспаров (1935–2005) и Бухштаб. В воспоминаниях Руднев писал о своей научной биографии: «Толчком к ее началу явились два, казалось бы, случайных события, две встречи – одна со старым другом <...> <другая> с человеком, которому суждено было сыграть решающую роль в моей научной жизни (М. Л. Гаспаровым). <...> Я подошел к нему, извинился, назвался, и у нас в верхней курилке <библиотеки им. Ленина> завязался разговор, который не только определил мою судьбу, но определил для меня

то методологическое направление в стиховедении, на которое я довольно скоро стал ориентироваться. <...> И я опять-таки не могу не гордиться, что стал на этом пути одним из верных соратников Гаспарова, каковым остался и до сих пор, сколь ни мал мой (сравнительно с гаспаровским) вклад в стиховедческую науку».

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 8.

Коломна. <9 февраля 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Так случилось, что в мое отсутствие Вашему ректору не была отправлена официальная бумага о Вашем приглашении. Извините. Сегодня это сделал я собственноручно авиаписьмом. Что касается Вашей второй просьбы^(а), пока не получается, но завтра я опять еду в Москву – авось выйдет.

До скорой встречи.

Искренне Ваш П. Руднев

Р. S. Расписание коломенских электричек послано Борису Яковлевичу. Думаю, что Вы, ленинградцы, поедете вместе.

(а) Поиск помощника в Москве.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 120. Л. 1.

Ленинград. 27 февраля 1968

Дорогой Петр Александрович!

Прошу Вас СРОЧНО прилагаемое письмо прочитать, дополнить (если надо), исправить и пр. и мне сразу возвратить. Я перепечатаю и попробую устроить в «Л<итературную> газету» или в какой-либо иной орган. Согласны?

Если захотите попробовать нечто напечатать в «Вопр<осах л<итерату>ры» – напишите мне заглавие, размер и пр., я обращусь к С. И. Машинскому^(а) с соответствующим письмом.

Еще раз большое спасибо за прекрасно организованную конференцию. Хорошо бы сделать их традицией.

Сердечный привет Лидии Петровне.

Всего хорошего.

Ваш.

(а) Семен Иосифович Машинский (1914–1978) – литературовед, член редколлегии журнала «Вопросы литературы».

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 30–31.

<Коломна. 10–15 марта 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Восхищен Вашей оперативностью. Присоединяюсь немедленно...^(а)

Во-первых, Вы ошиблись: «Генерал Топтыгин» – 4343X^(b).

Во-вторых, точные цифры по Некрасову:

<Четырехстопным хореом>: 61 произв<едение>, 3437 строк
(ошибка у Приймы на 60 стихотворений!^(c)).

3) На стр. 11 сказано, что «Пир ведьмы» не случайно был написан начинающим поэтом размером пушкинских «Бесов» (логика! – ср. стр. 38).

Если Вы устроите в «Л<итературную> г<азету>» – будет блеск!

Дорогой Соломон Абрамович!

Теперь другие дела, о которых я собирался Вам писать.

У нас будет сборник, но не больше 0,5 листа на брата. Очень, очень, очень прошу Вас дать фрагмент из своей работы с чисто теоретическим названием вроде «Слово в стихе» или «О слововместимости <трехстопного ямба> (по материалам...)»^(d). Или что-либо другое на Ваше усмотрение. Все так или почти так делают, не желая ломать компании.

Спасибо за предложение написать Машинскому^(e). Я хочу послать и «В<опросам> л<итературы>», и «Р<усской> л<итературе>» (авось где-нибудь клюнет) статью на 1 лист – свой доклад «К проблеме:

метр и смысл (из истории текста стих<отворений> А. Блока «Опять над полем Куликовым» и «Черты знакомых лиц»)). В сборник же дам стр<аниц> 10 – фрагмент из I гл<авы> диссертации^(f) (III главу полностью почти берут во II Блок<овский> сб<орник> в Тарту^(g)).

Последнее: я в восторге от Вашего Некрасова^(h). Достал его с трудом, по благу. Он расходится даже у нас (о Москве не говорю: уже давно нет в продаже). Все свои материалы я уже начал переводить на это издание⁽ⁱ⁾.

В этой связи хочу посоветоваться с Вами (об этом знает лишь Б. Як.) – как Вы считаете для докторской тему: «Стих Некрасова» – на всех уровнях: метры, ритмы, рифма, звукопись, строфика, интонация, стилистика (разумеется, в сопоставлении с П<ушкиным>, Л<ермонтовым>, Фетом, Тютчевым – minimum), с приложением «Полного метр<ического> справочника». Б. Як. опасается, что начальство скажет: «Узко!» Заклад у меня есть уже большой – метрика и частично стилистика.

Очень прошу Вас взвесить все pro и contra и написать мне об этом. Я договорился с ред<акцией> «Лит<ературы> в школе» о рецензии на Некр<асовский> сб<орник>, но официально они, черти, что-то молчат. Если это не неудобно, м<ожет> б<ыть>, Вы спросите и об этом у Машинского (0,5 л<иста> хотя бы). А м<ожет> б<ыть>, мы вдвоем напишем?

Л. П. шлет сердечный привет.

От меня – Мальвине Мироновне.

Простите за небрежный почерк – спешу в Москву на электричку.

Всегда Ваш П. Руднев

(a) Как следует из публикуемых писем, Рейсер и Руднев предполагали опубликовать отзыв о статье Ф. Я. Приймы «От Пушкина до Некрасова», а позднее – рецензию на весь IV выпуск «Некрасовского сборника» (Рейсер от соавторства отказывался, см. его письмо от 24 марта 1968 г.). Замысел рецензии воплощен не был, а заметка о статье Приймы, хотя и была готова, осталась неопубликованной. Федор Яковлевич Прийма (1909–1993) – литературовед, в 1961–1977 гг. занимал пост заместителя директора ИРЛИ.

(b) Урегулированное чередование трех- и четырехстопных хорейских строк.

(c) Прийма утверждал, что четырехстопным хореем у Некрасова написано единственное стихотворение – «Осень» (1877), выводя из этого, что «размер “Осени”

вместе с ее эмоциональной настроенностью, а отчасти и содержанием были подсказаны Некрасову пушкинским “Пиром во время чумы” (Прийма 1967: 38). В этой же статье говорилось, что размер заимствован из стихотворения Пушкина «Бесы» (см.: Там же: 11).

(d) В сборник по итогам коломенской конференции статья вошла с примечанием, вызванным ограничением объема: «Из исследования – Стих поэмы Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”. Работа была в полном виде доложена на секции стиховедения 23 февраля 1968 г.» (Рейсер 1969b: 192). 25 ноября 1968 г. Рейсер писал К. И. Чуковскому: «Я написал большую работу о стихе “Кому на Руси жить хорошо”, но не смог ее напечатать целиком в одном месте. Вскоре выйдет еще глава – о слове поэмы – я не замедлю Вам ее прислать на Ваш суд. Наконец, третья глава – непосредственно о ритме поэмы, по-видимому, появится в печати в издании Пушкинского Дома в самом конце 1970 г.» (цит. по копии письма, хранившейся в личном архиве Рейсера, ныне – в собрании публикаторов). Прогноз этот оказался преждевременным: статья «Трехстопный ямб поэмы Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”» (см.: Рейсер 1974: 89–124) вышла спустя пять лет. Статью о слове поэмы см.: Рейсер 1969a: 368–385.

(e) Рейсер написал Машинскому о совместной с Рудневым заметке, но ответ получил лишь 27 июня 1968 г.: «Дорогой Соломон Абрамович, сижу на даче, под Москвой – и потому с таким опозданием отвечаю на Ваше письмо. <...> Касательно другой Вашей идеи – есть трудности. Мы получили острую полемическую статейку из Киева о том же авторе. Важнее напечатать эту. Обе – невозможно. Ваша заметка убийственна по убедительности. Н. Н. Юргенева уже написала Вам письмо – с одним предложением. А м<ожет> б<ыть>, Вам стоило бы попытаться это письмо напечатать в “Лит<ературной> газете”? Или “Лит<ературной> России”? Сердечный привет. Ваш С. Машинский» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 386. Л. 16). Установить, кем был автор другой заметки, не удалось; полемические отклики на труды Приимы в «Вопросах литературы» опубликованы в ближайших номерах не были. Среди писем другого члена редколлегии журнала Н. Н. Юргеневой к Рейсеру в той части его архива, что отложились в РГАЛИ (Ф. 2835. Оп. 1. Ед. хр. 636), писем о заметке нет.

(f) См.: Руднев 1969c: 227–236.

(g) 3-я глава диссертации Руднева, главным образом посвященная анализу драмы А. Блока «Роза и Крест», была опубликована в «Ученых записках Тартуского государственного университета» (см.: Руднев 1970: 294–334); во II Блоковском сборнике вышла статья «Метрический репертуар А. Блока» (см.: Руднев 1972: 218–267).

(h) Трехтомное издание стихотворений Некрасова в «Большой серии Библиотеки поэта» (см.: Некрасов 1967), которое подготовили к печати Бухштаб, Рейсер и их общий друг И. Г. Ямпольский. В письме к Оксману от 27 апреля 1967 г. Рейсер так отзывался о своей работе: «Три с лишним месяца полностью убил на редактирование одного из томов трехтомного Некрасова в “Большой серии”: 1-й том – у Бор. Як-ча, 3-й – у Исаака Гр-ча. Уверен, что это будет самое надежное по тексту издание. Удалось устранить многое из дилетантского (в полной мере) текстологического мышления Корнея <Чуковского. – Я. С., А. Х.> (а он еще хвастает: от дилетантизма к науке – хороша наука!)» (Рейсер 2005: 57).

(i) Под «материалами» Руднев имел в виду составлявшуюся им метрическую картотеку.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 9.

Коломна. <15 марта 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Спасибо за оперативное выполнение моей просьбы: хроника и так задерживается^(а). Очень прошу Вас прислать статью (не больше 14 стр., к сожалению) 1 апреля (не позже). Мы хотим сделать сборник к концу года. Иначе – утащат бумагу, которая пока есть. Сделайте, пожалуйста, фрагмент о «тесноте стихового ряда» – это будет теоретично и вообще здорово. С нетерпением жду ответа на свое письмо. Тем более, что с «Лит<ературой> в шк<оле>» мой альянс не состоялся: они предложили мне 4 стр. на рецензию.

Л. П. шлет привет. От меня – Мальвине Мироновне.

Всегда Ваш П. Руднев

P. S. Да, я восхищен Вашим Некрасовым! Блестящее издание – я уже <начал> переводить на него свою метр<ическую> картотеку.

(а) Видимо, в несохранившемся письме Руднев просил прислать резюме доклада, прочитанного на конференции в Коломне.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 8.

Ленинград. 16 марта 1968

<Конгревная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович!

Вот несколько измененный текст нашей заметки^(а). По совету сведущих лиц, я не ввел предложенной Вами вставки: без нее, мне кажется, увесистее!

Прошу Вас, буде согласны, подписать (верно ли я указал Ваш титул?), подписать прилагаемое письмо в «Л<итературную> г<азету>» и, перепаквав, – послать.

Будет ли в «Фил<ологических> науках» отчет о Коломенской конференции? Полезно бы. (Кстати: откуда идиома – «коломенской верстою торчит семинарист»?)

На днях Вам писал: выделил для Вашего сборника раздел о строфе и субстрофе (слововместимость <трехстопного ямба> – почти 1,5 листа), но хочу несколько дней еще доработать.

Сердечный привет Лидии Петровне.

Ваш С. Рейсер

Пожалуйста, внимательно перечитайте текст: верны ли назв<ания> ст<ихотворе>ний – нам ошибаться нельзя!

(а) Речь вновь о несохранившейся полемической заметке о статье Приимы.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 10–11 об.

Коломна. 19 марта 1968

Дорогой Соломон Абрамович!

Получил Ваши депеши. Проверил. Вы правы: нам (мы – не Приимы) ошибаться, как саперам, нельзя. Завтра утром по пути на лекции отправлю заказным.

Вашу просьбу о статистике размеров Некрасова готов выполнить тотчас (помимо Некрасова у меня так «разделаны» Блок, Брюсов, Тютчев, Фет; последних двух делала Лида под моим наблюдением; сейчас два моих ученика делают еще А. К. Толстого и Жуковского).

В общем, на Ваше усмотрение: или могу прислать в следующем письме подробнейшие данные по всем размерам Некрасова (произв<едений>, строк; монометрия и полиметрия), или подождите, пока я закончу пересчет по новому прекраснейшему Вашему, Б. Як. и И. Г. Ямпольского изданию, от которого я в таком восторге, что разве только не держу его под подушкой!.. Я по нему составляю метрическую картотеку. Уже сделал 100 номеров, а всего их будет – без «Dubia» – около 500. Так что через месяц я эту работу кончу.

Считайте, что это – первая глава моей будущей большой работы о стихе Некрасова (будет ли диссертация, не знаю, но работа будет, а в этом году, к зиме, будет статья листа на 3–4 «Система стихотворных» размеров Некрасова – в сопоставлении с П<ушкиным>, Л<ермонтовым>, Т<ютчевым>, Ф<етом>» и с приложением метрического справочника; ее мне заказал В. Е. Холшевников для юбилейного V Некр<асовского> сб<орника>, в 1970, кажется, году)^(а). Меня очень обрадовало Ваше одобрение моему замыслу о Некрасове. Если это потребует «законности», года через 2 для отпуска обращусь к Вам с официальной просьбой – быть моим консультантом (конечно, если Вы не будете против такой просьбы возражать). В работе, конечно, все будет построено на сопоставлениях. Теперь мне легче: методика разработана. Мне, кстати, хотелось бы, дорогой Соломон Абрамович, услышать Ваше мнение о моем автореферате.

Откуда в приведенной Вами цитате (по-моему, она – из Белого – «Семинарист и поповна», сб<орник> «Пепел» – или я ошибаюсь?^(b)) «коломенская верста» и почему собственно верста – «коломенская», к стыду своему, не знаю. Но, б<ыть> м<ожет>, здесь имеется в виду не Коломна, а Коломенское?

Ваши опасения о том, что частичная публикация работы «разрушает возможность ее полной публикации», мне не кажутся основательными: на частичную публикацию всегда можно сослаться, было бы где печатать всю работу... Но где – вот вопрос.

За ходатайство перед Машинским – большое спасибо. Тем более что с «Лит<ературой> в шк<оле>» мы не договорились: они предложили мне 4–5 стр<аниц>, что не устраивает меня ни с какой стороны. Но мне хотелось бы узнать, не спросили ли Вы, как предлагали сами, у М<ашинского> о возможностях напечатать у них мою статью по докладу «К проблеме: метр и смысл (из истории текста стих<отворений> А. Блока «Опять над полем Куликовым...» и «Черты знакомых лиц...»» независимо от рецензии на Некр<асовский> сб<орник>? И еще: Вы не ответили на мое предложение о нашем соавторстве в рецензии.

Вот теперь, кажется, все.

Л. П. шлет сердечный привет.

От меня большой привет Мальвине Мироновне, с которой я надеюсь все-таки познакомиться лично хотя бы в свой следующий приезд в Л<енингра>д (где-нибудь зимой).

Всегда Ваш П. Руднев

Р. С. Все забываю спросить: получились ли переделкинские фотографии? Мне бы очень хотелось их иметь.

(а) В V Некрасовском сборнике, ответственным редактором которого, как и предыдущего, был Прийма, статья не вышла; скорее всего, она осталась незавершенной. Метрический репертуар Некрасова описан в работе: Руднев 1975: 93–121.

(b) Речь идет о стихотворении А. Белого «Поповна» (1905).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 9.

Ленинград. 19 марта 1968

Дорогой Петр Александрович, наша переписка, как говорится, асинхронна – письма расходятся, а м<ожет> б<ыть>, какое-то мое и пропало.

Поэтому конспективно повторяю:

а. «Тесноту стихового ряда» дать Вам не могу: я писал о размере этой части. Я подготовил (переработав введение в общетеоретическом смысле) абзацы и субабзацы. И они несколько больше 14 страниц! Вышлю Вам тотчас по перепечатке. Если сие Вам не подходит – известите немедленно!

б. Машинскому о Вас (о рецензии на «Некр<асовский> сб<орник>») писал.

в. Заметку о Прийме (в переделанном виде) Вам послал.

г. Хорошо бы получить от Вас справку о метрическом репертуаре Некрасова.

Всяческие приветы Л. П. и Вам от М. М. и от меня.

Ваш С. Рейсер

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 12.

Коломна. 22 марта <1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

«Асинхронность» нашей переписки лишний раз обнаруживает ее «не-силлабо-тоническую» экспрессивность и подчеркивает ее эффективность... Все депеши я получил и исправно ответил Вам и послал в «Л<итературную> г<азету>».

Сегодня (спасибо Вам большое!) получил уведомление из «В<опросов> л<итературы>» с просьбой написать рецензию.

Берегись, Пр<ий>ма! Выяснив объем и сроки, засяду за работу. Боюсь только, подойдет ли им мой слишком «аттический» (не «азианский») стиль...^(а)

Немного хвораю. Видно, сильно переутомился и переволновался за этот месяц – обострилась язва. К счастью, лекций немного, а на спец-семинарах уже идут доклады студентов (у меня есть чудесные девчонки, которые уж никогда не перепутают хорей не только с ямбом, но и с дольником). Большой привет М. М. и Вам от Л. П. и, конечно, от меня. Всегда Ваш П. Руднев

(а) Аттический и азианский стили красноречия – направления античной риторики. Аттический стиль характеризуется строгостью изложения, лаконичностью, ясностью речи; для азианского стиля свойственно использование разнообразных риторических фигур, звуковых повторов, игры слов. Руднев – филолог-классик по образованию – использовал сравнение с античными риторическими стилями и в мемуарах, сопоставляя себя и своего однокурсника В. И. Камянова: «В чем же состояли наши разногласия? В чем же заключалась наша “дружба-вражда”? Это касалось чисто теоретических вопросов. Витя уже тогда проявил себя как прирожденный и, несомненно, талантливый критик, к тому же рьяный сторонник “азианского” стиля. Я же, напротив, тяготел к чисто академическим формам исследований (когда, кажется, на III курсе вошло в моду писать коллективные характеристики каждому члену группы, мне в качестве недостатка инкриминировали “склонность к академизму”!..) и был рьяным сторонником стиля аттического».

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 10.

Ленинград. 24 марта 1968

<Конгревная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович!

«При сем препровождается» моя статья о строфе в «Кому...», в ней 20 страниц: некоторые страницы неполные – можно считать, что фактически 18,5 страниц. Я уповаю на Вашу благосклонность: м<ожет> быть, кто-то не сдаст статьи, чья-то статья не пойдет и пр. – Вы сами увидите, что сокращать негде. А если укажете – буду признателен. Прошу Вас статью прочитать и Ваше нелицеприятное мнение мне сообщить.

Будем ждать ответа из «Л<итературной> газеты»: я, признаться, не очень надеюсь.

Готов ждать месяц (или сколько Вам понадобится), чтобы получить справку о метрическом репертуаре у Некрасова. Заранее за нее благодарю.

Машинскому я пока писал только о рецензии: известите, пожалуйста, написали ли они Вам. М<ожет> быть, уже кому-либо заказали. О статье мне казалось, что лучше – вторым эшелонем. О соавторстве: думаю, что мне не надо лезть в это дело (Прийма!), да Вы и сами без меня хорошо напишете.

Переделкинских фото нет и не будет: вся пленка была загублена. Мне самому жаль.

Очень польщен Вашим предложением быть Вашим консультантом^(а): я полагаю, что это только форма. По существу я не смогу ведь дать Вам что-либо: Вы эти вещи лучше меня понимаете. Но если Вам понадобится что-либо написать или числиться – конечно, «всегда готов».

Сердечный привет Лидии Петровне. И Мальвина Мироновна и я рады будем вас обоих приветствовать в Ленинграде.

Ваш С. Рейсер

(а) Защитить докторскую диссертацию Рудневу не удалось. В. П. Руднев указывал, что на это повлиял психологический надлом, вызванный неявным конфликтом с Ю. М. Лотманом и отъездом в 1972 г. из Тарту в Стерлитамак (см.: Руднев 2021: 550).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 13–15 об.

Коломна. 4 апреля 1968

Дорогой Соломон Абрамович!

Вчера приехал из Москвы и получил целую кучу писем и пакетов со статьями – в том числе и Вашу статью. Я уверен, обойдется без сокращения, хотя, конечно, несколько великовато. Статью прочитал сразу. Несколько замечаний у меня есть. Но об этом подробнее и ниже. Сейчас – коротко о делах других.

Вы, дорогой Соломон Абрамович, напрасно думаете, что я прошу Вас быть моим консультантом по форме, а не по существу (видимо, я неловко выразился, что ли?). Если я действительно стану трудиться над стихом Некрасова в задуманном диссертационном аспекте (видимо, стану), то только два лица смогли бы всерьез посодействовать мне своей помощью – Б. Як. и Вы – крупнейшие наши некрасоведы и знатоки стиховедения.

Б. Як., однако, отпадает, во-первых, потому, что ему трудно из-за глаз справляться и со своими делами, и, во-вторых, отчасти потому, что ему данная тема не кажется «диссертательной» по чисто конъюнктурным (в мою пользу) соображениям. Следовательно, при прочих равных условиях остается Вы. А Ваши работы по «Кому на Руси...» свидетельствуют, что Вы и стиховед I ранга (я Вам уже говорил о своих впечатлениях еще летом). Пишу и не случайно: ведь Вы еще некрасовед, текстолог, «разыскатель» etc. и обладаете столькими разнообразными знаниями, до которых мне – только стиховеду и блоковеду, скажем, III ранга – еще далековато, выражаясь мягко. Так что дело здесь не в форме и в официальной стороне – тем более, что таковые при работе над докторской, кажется, и не требуются...

Насчет «Л<итературной> г<азеты>» я тоже крепко сомневаюсь. У меня был уже один опыт. Я написал «Реплику внимательного читателя» о книжке саратовца Котова «В мастерской стиха Твардовского» (еще та мастерская!)(^a). Ответили, что напечатают, но вот уже прошло года четыре...

Из «В<опросов> л<итературы>» я уже получил предложение на рецензию (о чем Вам писал); ответил, попросив сообщить сроки и объем, но они пока молчат (?). На днях буду в Москве – б<ыть> м<ожет>, зайду сам или позвоню.

Статью (25 стр.) по своему докладу уже подготовил, хочу послать в «Р<усскую> л<итературу>» – вдруг возьмут, а в наш сборник дам статью на 12 стр. «О соотношении полиметрических и монометрических конструкций в системе стихотворных размеров Блока» – фрагмент из I главы диссертации (кажется, единственное, кроме метрического справочника, что еще не оформлено как статья; написал я это уже под занавес, в декабре, Гаспарову очень нравится^(b)). Очень жаль все-таки, что Ваша статья не о «тесноте стихового ряда». Мне хотелось этим открыть раздел стиховедения в нашем сборнике (тем более что Б. Як. статьи вообще не дает из-за объема, и я ничем не могу ему помочь, несмотря на всю душевнейшую симпатию к нему) – это было бы очень общетеоретично. А строфику придется отнести после метрики – перед фоникой, т. е. статья уже будет в середине раздела, но тут уж ничего не поделаешь – диктует закон композиции. Жаль...

Мне сообщил В. Е., что он хочет организовать 18 июня доклад Тарановского^(c), который, как турист, будет в Ленинграде в июне. Мы коллегиально с Л. П. решили, что мне обязательно надо съездить, несмотря на тесноту не-стихового (!) ряда^(d). Так что авось увидимся в июне – дня на 2, но вырвусь.

Теперь о статье. Статья, разумеется, очень хорошая.

Вот некоторые мои критические суждения.

1) Прежде всего, мне кажется несколько искусственным ряд – рус<ская> ром<антическая> поэма 1820^x гг. – «Медн<ый> вс<адник>» – «Кому на Руси» (по-моему, этого у Вас раньше не было), и вот почему. Ведь поэма Некрасова полиметрична по общей композиции, и она скорее здесь по этому определяющему принципу стоит в ряду таких вещей, как «Мстислав» Катенина – «Измаил» и др. Лермонтова. Подобная строфическая форма полностью характерна только для <трехстопноямбиче>ских звеньев, не так ли? Здесь

нужна по крайней мере оговорка. Оговорка на стр. 3 недостаточна, по-моему.

2) В этой связи же (стр. 2) я бы не ограничился указ^анием на 90 % <трехстопного ямба>, а вообще в двух словах охарактеризовал бы ее стихо-комп^оозиционные принципы. Видимо, у Вас есть ее описание – у меня есть тоже, но пока по 12-томнику^(а). Общие идеи мои о ней я Вам читал летом, а сжато они изложены в реферате.

3) Насколько я понимаю, Вы сторонник хронологического расположения ее частей (<Часть> I, «Посл^едыш>», «Крест^ьянка>», «Пир <– на весь мир>»). В статье – напр^имер>, в таблице на стр. 11, а главное, пожалуй, на стр. 5–6 – на основании неопровержимых эмпирических данных – принципы длин абзацев объединяют I часть и «Кр^естьянку>», «Посл^едыша>» и «Пир <– на весь мир>» (т. е. точно, как у меня в диссертации, – в связи с изменением стиховой композиции по частям). Не является ли это свидетельством правильности расположения 12-томника, а не Вашего издания^(б). Я понимаю, не всякий углядит это (самокомплимент!), но не так ли это?

4) Терминологическое NB: конечно, надо писать «длина абзаца», а не размер – у Вас есть и так и этак. Особенно неудачно использование слова «размер» в конце стр. 2 – получается, что абзацы <трехстопного ямба> полиметричны!.. Конечно, м^ожет> б^ыть>, это мелочь, но сие доказывает, сколь внимательно статья читана мною^(в).

Кажется, все.

Извините за небрежность почерка – пишу лежа – язва проклятая болит.

Большой привет Мальвине Мироновне и Вам – от Л. П.

Всегда Ваш П. Руднев

Р. S. Жду ответа.

(а) См.: Котов 1963.

(б) См.: Руднев 1969с: 227–236.

(в) Доклад К. Ф. Тарановского «Формы общеславянского и церковнославянского стиха в древнерусской литературе XI–XIII вв.» состоялся 19 июня 1968 г. на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993) – славист, стиховед.

(d) Подразумеваются бытовые неудобства и высокая занятость Руднева. Термин «теснота стихового ряда» был предложен Ю. Н. Тыняновым в книге «Проблема стихотворного языка» (1924); см. подробнее: Гаспаров 1988: 15–23; Гаспаров 2004: 85–95.

(e) См.: Некрасов 1948–1953.

(f) Руднев сравнивал порядок расположения частей поэмы Некрасова, избранный Чуковским в 12-томном собрании сочинений (III том, 1949) и Ямпольским в 3-томном издании из серии «Библиотека поэта» (III том, 1967).

(g) Большая часть замечаний Руднева, за исключением пункта 4, по всей видимости, не была учтена Рейсером; см.: Рейсер 1969b: 192–206.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 11.

Ленинград. 26 апреля 1968

<Конгресная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович!

Всего лучшего желаю Лидии Петровне и Вам к 1 мая. «Будьте здоровы, живите богато...»^(a). Мальвина Мироновна присоединяется к моим пожеланиям.

Писал Вам на днях. В каком положении сборник? Пожалуйста, где сочтете нужным внести поправки (например, «размер», «длина»), сделайте это сами. А более существенное доделаю чуть позже. Сегодня, завтра, послезавтра – текучка, не продохнуть.

Что Вам посоветовать! Тарту – это большое имя, перспективы печатания и пр. Но там трудно с жильем, с работой (большие нагрузки). Барнаул – меньшее имя, но, видимо, гораздо больший «комфорт» жизни, перспектива двухлетнего ухода для писания докторской диссертации и пр. Трудно сказать: вероятно, я бы выбрал Барнаул^(b). Но советовать невозможно.

Всего доброго.

Всегда Ваш С. Рейсер

Р. S. Вы обещали мне справку о метрическом репертуаре Некрасова – не забыли?

(a) Цитируются начальные строки популярной песни И. И. Любана на стихи белорусского поэта А. Г. Русака в переводе М. В. Исаковского.

(b) Руднев планировал переезд из Коломны, получив приглашения из Барнаула и из Тарту. Оба ленинградца – Рейсер и Бухштаб – поначалу советовали выбрать Барнаул, где Рудневу предлагали заведование кафедрой, а не Тарту, где не было возможности получить штатное место. 17 мая 1968 г. Бухштаб писал: «Вчерашний разговор меня встревожил: как бы в упоении от тартуского предложения Вы не приняли опрометчивого решения. В Тарту Вы будете иметь хорошие печатные возможности и общение с Лотманом, но не будете иметь ни штатного места, ни жилища, ни рабочих условий (при мотании между Тарту и Эльвой), ни докторантуры в обозримый срок, ни работы для Л. П. Мне, Г. Г. и Вл. Евг. (с которым я консультировался по телефону) представляется, что на таких условиях тартуский вариант неприемлем. Барнаульский вариант предпочтительнее при всех его минусах, если только сразу дадут хорошую квартиру, работу для Л. П. и в недалекой перспективе докторантуру» (Свиченская 2006: 262).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 16–17 об.

Коломна. 5 мая 1968

Дорогой Соломон Абрамович!

Давно не было от Вас писем. Я уж, грешник, подумал, не обиделись ли Вы на меня за что-нибудь, хотя это, разумеется, не похоже на Вас. Это вот Максимов^(a) надулся на меня за то, что я смиренно попросил его прислать тезисы доклада на конференцию («С меня до сих пор тезисов не требовали» – и перестал отвечать на письма. Как будто он лучше Рейсера, или Холшевникова, или Гаспарова?! Никак не могу понять этого)^(b).

Насчет Тарту или Барнаула я еще не решил, т. к. надо все-таки съездить в Тарту, а сейчас я не могу – заболел, а к 20/V надо «умереть», но выздороветь. Защита!

Рецензию на IV Некр<асовский> сб<орник> уже начал писать. Весь предыдущий месяц читал литературу по Некрасову. Это укрепило меня в необходимости работать над его стихом, ибо, кроме Вашей статьи и работ немцев^(c), о некр<асовском> стихе, в сущности, ничего дельного нет. У Степанова – в общем болтовня^(d), у Чуковского – очень и очень слабо, импрессионистично и произвольно^(e). У Приймы, Плахотишиной^(f) и Прокшина^(g) безграмотно до скрежета зубовного. У Бор. Як. – очень точно, но микроскопически мало^(h).

Примерно треть рецензии хочу посвятить проблеме и перспективе изучения стиха Некрасова.

Скажите, Соломон Абрамович, Боград, Ленюк и Зельдович – мужи или дамы? А то неудобно: склонять ли их?..⁽ⁱ⁾

Свое обещание насчет статистики по Некрасову я, конечно, не забыл; но не хочется Вам посылать цифр, которые явно будут изменены в связи с пересчетом по трехтомнику.

А работа по пересчету пока остановилась, т. к. за последние 2 месяца я написал три больших статьи: 1) для Тарту (по III гл<аве> диссертации – 3 листа); 2) для «Рус<ской> лит<ературы>» (по коломенскому докладу – 1 лист) без всяких гарантий; 3) для своего сборника (из I гл<авы> диссертации – 0,5 листа). А сейчас сижу (точнее – лежу...) за рецензией, каковую не имею морального права написать не то что плохо, но даже средне...

Большой привет Мальвине Мироновне – от нас обоих. Вам – от Л. П.

Сердечно Ваш П. Руднев

(a) Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987) – литературовед, блоковед.

(b) Имело место взаимное недопонимание; общение вскоре восстановилось: 15 мая 1968 г. Руднев писал Максиму: «Вчера приехал из Коломны и застал, к радости своей, среди прочей корреспонденции Вашу открытку» (ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. № 580. Л. 1).

(c) См.: Dudek 1956: 145–160.

(d) См.: Степанов 1962; Степанов 1966.

(e) См.: Чуковский 1952; впоследствии не раз переиздавалась, в т. ч. в 1962 г.

(f) См.: Плахотишина 1956.

(g) См.: Прокшин 1967: 97–112.

(h) См.: Бухштаб 1951: 86–101; Бухштаб 1956: 102–150; Бухштаб 1960: 9–35; Бухштаб 1964: 297–344; Бухштаб 1967: 57–74.

(i) Имеются в виду участники IV Некрасовского сборника Владимир Эммануилович Боград (1917–1986), Любовь Леонтьевна Ленюк (годы жизни не установлены), Моисей Горациевич Зельдович (1919–2008).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 18.

Коломна. 29 мая 1968

Дорогой Соломон Абрамович!

Как Вам пожилось «под небом флорентийской лени»? (или «неги»)^(a).

Я слышал, что Вы уже в Л<енингра>де и что Вам известен мой триумф... 10 июня будет Совет ф<акульте>та, видимо, с тем же результатом.

Но – я отлично настроен: общественное мнение Людей и Ученых стоит многого – больше, чем диплом, данный Ревякиным^(b)... Ей-богу!

Мерзавцы, между прочим, трясут из-за нарушений правил голосования^(c), хотя что им трусить: бывали хуже времена^(d)...

Мой сердечный привет Вашей супруге. Вам – от моей. С Юр. Мих.^(e) мы договорились, кажется, обо всем (и о защите, и о работе).

Всегда Ваш П. Руднев

P. S. NB: только что получил теплое письмо от Дм. Евг.! Очень рад.

(a) Цитата из одноименного стихотворения, входящего в цикл «Флоренция», А. А. Блока.

(b) Литературовед Александр Иванович Ревякин (1900–1983) занимал должность заведующего кафедрой теории и истории литературы МГПИ с 1960 по 1977 г.

(c) В воспоминаниях (запись от 17 февраля 1991 г.) Руднев так описывал день неудачной защиты диссертации: «Члены Совета: Б. И. Пуришев (председатель), Ключев (секретарь), Ревякин, Сидельников, Водовозов, Арденс, Власов, В. Н. Афанасьев, Шешуков, И. Г. Клабуновский (мой тогдашний руководитель или, точнее, руководимый...). <...> Потом выступали мои блестящие оппоненты (причем во время выступления Гаспарова уже передавали урну для голосования (грубейшее процедурное нарушение! Все было ясно...)). Потом выступали В. Е. Холшевников, А. Ф. Лосев, Б. В. Горнунг. Это было уже игрой: члены Совета уже проголосовали. <...> На этом как будто прения кончились, и счетная комиссия удалилась подсчитывать голоса. С нескрываемым удовольствием эта сволочь Водовозов (председатель счетной комиссии) огласил ее результаты: Подано 10 бюллетеней, из них – один недействительный, 3 голоса – “за”, 6 – “против”. Ученая степень кандидата филологических наук П. А. Рудневу не присуждается. Вычислить тех, кто голосовал “за”, легко: это – Б. И. Пуришев, В. Н. Афанасьев, И. Г. Клабуновский и, может быть, – Шешуков. Вся остальная шарага – против. Тут, безусловно, виновата моя еврейская физиономия, независимое поведение и “формализм”».

(d) Аллюзия на поэму «Современники» (1875) Н. А. Некрасова. Полный вариант, ставший крылатым выражением, – «Бывали хуже времена, но не было подлей» – перифраз реплики героя рассказа «Счастливые люди» (1874) Н. Д. Хвощинской (псевдоним «В. Крестовский»).

(e) Юрий Михайлович Лотман (1922–1993) – литературовед, семиотик.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 12–12 об.

Ленинград. 2 июня 1968

Дорогой Петр Александрович!

Я думаю, что Вы не нуждаетесь в том, чтобы я в эпистолярной форме выражал Вам мое сочувствие и возмущение: я уверен, что Вы не сомневаетесь в моих дружеских к Вам чувствах и в большом уважении, которое я питаю к Вашим работам. Из-за того, что несколько прохвостов положили Вам «черняки», может быть, огорчаться и не стоило бы, если бы... увы, это не имело для Вас сугубо материального значения.

Посмотрим, что даст заседание Ученого совета – 10-го – может быть, кое-кому станет все-таки стыдно и они захотят загладить свинство... А если не захотят – я бы на Вашем месте вторично у них защищать не стал, а через несколько месяцев защищал в Тарту: можно кое-что переставить, опустить, добавить, изменить заглавие и пустить в Тарту^(a).

Как я понимаю, переезд туда для Вас решен. С этим Вас можно только поздравить. Ю. М. Лотман создал школу, его имя и его кафедра известны не только в СССР, и работать у него – уже само по себе марка. Понимаю, что Барнаул (или что-либо в этом роде) был бы материально удобнее, но раз Вы пока не кандидат – это отпадает. Может ли Ю. М. что-то устроить для Л. П.? Было бы хорошо. Вообще рад буду получить от Вас подробное известие о Ваших дальнейших планах.

Восхитительным сном промелькнули для меня 12 дней в Италии: это останется на всю жизнь. Количество эстетической информации, полученное за эти дни, так велико, что я все время остерегаюсь, как

бы не ляпнуть, что Лаокоон в Венеции, а св<ятой> Марк в Ватикане. Постепенно все это уляжется. Я был в Милане, Венеции, Вероне, Падуе, Флоренции и Риме. Каждый город хорош по-своему. Все путешествие было в моем сознании аккомпанировано то Блоком, то Тютчевым, то Шевыревым (даже!)(b). Я 20-го был именно во Флоренции и подумал в этот день о Вас. Кто мог предположить, что мера свинства так велика!

Большое спасибо за сборник(c), который прочесть, естественно, я еще не сумел – получил сегодня и сразу же Вам отвечаю. Но я прочитал Вашу превосходную статью в сб<орнике> «Теория стиха» и поздравляю Вас с этой удачей(d). Когда прочитаю о «12» – отпишу. На меня сейчас навалилась куча дел. Я ведь, по любезности моего ректора(e) (он у нас вполне доброжелателен), уезжал не в отпуск, а просто исчез на две недели, и теперь надо наверстывать. Лето же мое неясно. А как Ваше?

Шлю искренний привет Лидии Петровне. А Мальвина Мироновна просит Вам передать, что она разделяет чувство безмерного возмущения и надеется, что справедливость все же победит.

Напишите, пожалуйста, как сборник. Я в предотъездном трансе не смог заняться теми исправлениями в моей статье, которые Вы рекомендовали, и нахально переложил их на Вас. Надо ли что-то сделать сейчас, или можно будет позже, или, может быть, Вы что-то сами исправили? И вообще – каковы перспективы сборника?

Всего хорошего.

Ваш С. Рейсер

(a) Руднев так и поступил, защитив диссертацию в Тарту (см. автореферат: Руднев 1969a).

(b) Впечатления от поездок в Италию отражены в произведениях С. П. Шевырева («Стены Рима», «К Риму»), Ф. И. Тютчева («Рим ночью»), А. А. Блока (цикл «Итальянские стихи»).

(c) Рейсер получил сборник «Русская литература XX века (дооктябрьский период)» (Калуга, 1968), в котором была опубликована статья: Руднев 1968с: 227–239.

(d) См.: Руднев 1968а: 107–144.

(e) Николай Петрович Скрыпнев (1912–1971) – историк; с 1955 по 1970 г. возглавлял Ленинградский государственный библиотечный институт (впоследствии – институт культуры).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 19–19 об.

Коломна. 12 июня <1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Ваше письмо меня не застало в Коломне. Поэтому задержал ответ.

Поправки в статью, пожалуйста, внесите побыстрее, очень прошу.

Спасибо за теплые слова. Друзей у меня оказалось немало – что радостно.

Считайте, что меня провалили второпях: 18 и (5+5). Но один бюл<летень> оказался лишний, голосовало 27!^(а) Как это вышло, не знаю! Перенесли на 18/VI. Узнаю по телефону: с 14/VI у меня лекции (по 4–6 часов в день) до 6/VII. Потом 18 дней мы отдохнем в туристском нашем (на Оке) лагере^(б), и нам до 20 авг<уста> работать еще в пр<иемной> комиссии (мы ответств<енные> за ф<акультет>).

Немного заработаем – что чуть утешает. Ю. М. что-то не пишет. Не сорвалось ли? Я ему написал с просьбой сообщить. Надо определяться. Но работа там – около 900 ч<асов>! А у меня здесь – 620!

Измотан до безумия. Рецензию в «В<опросы> л<итературы>» из-за этих передраг еще не кончил, а написанное не нравится. Заходил туда, но эта дама, что мне писала, в отпуске. В «Р<усскую> л<итературу>» послал статью в конце апреля. Даже не ответили, скоты.

Большой привет Мальвине Мироновне и Вам от Л. П. (и Мальвине Мироновне – разумеется – от меня).

Всегда Ваш П. Руднев

Р. S. Где Вы будете летом?

(а) Речь идет о голосовании на Совете факультета, прошедшем 10 июня 1968 г.

(б) Руднев вместе с Л. П. Новинской и сыном Вадимом был в туристическом лагере с 6 по 22 июля 1968 г.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 20–21.

<Коломна>. 4 июля 1968

Дорогой Соломон Абрамович!

Очевидно, после этого письма мои акции у Вас сильно падут. Дело в том, что я Вас подвел (такое случилось со мной впервые, кажется) – я не только не написал рецензии в «В<опросы> л<итературы>», но отказался ее написать, не чувствуя себя в силах сделать этого благодаря тому нервному состоянию, в котором нахожусь уже с месяц после выпавших (и все выпадающих) на мою долю горестей и бед. Поймите и, если можете, простите за то, что я невольно Вас скомпрометировал.

Причины, которые меня, видимо, не оправдают, все-таки достаточно сильны, чтобы о них написать. Дело даже не в диссертации – ее, как Вы, очевидно, знаете, провалили окончательно. Главная причина – страшная болезнь моего старшего сына <...>^(a). Все остальное в сравнении с этим кажется уже не столь существенным (тяжкая болезнь матери^(b) в Сочи, которой я не могу ничем сейчас помочь, ни поехать сейчас, все растущие неприятности на работе etc.). Работать над чем-то серьезным я не могу физически: видимо, сильно сдали нервы. А мне предстоит геркулесовы нагрузки в Тарту. Чем это кончится, не знаю. Поверьте, я много исписал бумаги, но статья не получилась – и все тут. Было бы еще хуже, если бы я послал серую или плохую статью. Я предпочел отказаться, даже лишившись столь важного для меня сейчас заработка.

Если можете, простите меня.

Я понимаю, что скомпрометировал Вашу рекомендацию.

Работаю сейчас на д<оговорной> о<снове> до отупения: за месяц прочитал 2 лекц<ионных> курса, принял уйму экзаменов.

Устал ужасно, но дома упорно читаю тексты для тарт<уского> курса.

Как сложатся дела с защитой, не знаю.

Уже подал заявление об уходе и послал Ю. М. документы, но от него что-то нет ответа. Как бы вновь не оказаться у разбитого корыта.

Большой привет от Л. П.

От меня и от нее сердечный привет Мальвине Мироновне.

Сердечно Ваш П. Руднев

(a) Диагноз старшего сына, Александра Петровича Руднева (род. 1953), оказался преждевременным и не подтвердился. Об этом периоде сам А. П. Руднев писал: «Летом 1968 г. я болел нервным расстройством и находился два месяца в Москве в больнице» (Руднев 2021: 550).

(b) Зинаида Абрамовна Зайдман (1891 (по официальным документам: 1894) – 1975?) – акушерка.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 22.

Тарту. 26 августа 1968

Дорогой Соломон Абрамович!

Пишу Вам в поезде, направляясь в Тарту (будет ли это «обетованной землей», боюсь загадывать: что-то страшновато...). Множество летних потрясений сильно подорвало мои нервы – как бы не сорваться.

К. Г. Петросов просил меня написать Вам о необходимости скорейшей высылки второго экземпляра Вашей статьи (его адрес: Коломна, ул. Москворецкая, 22)^(a). Сборник будет печататься в Вологде. Сколько будет всего листов, не знаю: он явно это скрывает, надеясь урвать себе, так сказать, ослиную долю^(b). Он сейчас поехал на курсы повышения квалификации (доктор!). Сердечный привет Вам от Л. П. и Мальвине Мироновне – от нас обоих.

Всегда Ваш П. Руднев

(a) Петросов исполнял обязанности ответственного редактора сборника; кроме него в редколлегию вошли Руднев, Холшевников, а также П. В. Куприяновский и В. А. Сапогов.

(b) Подозрения Руднева подтвердились, о чем он написал в воспоминаниях: «Все участники должны были дать статьи не более полулиста, т. е. 11–12 с. Один Петросов без согласования с членами редколлегии <...> напечатал, пользуясь правом ответственного редактора и моим отсутствием (мы с Лидой уже уехали в Тарту) две больших статьи, поступив явно не по-товарищески». См.: Петросов 1969a: 136–150; Петросов 1969b: 22–48.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 23–24.

<Тарту. Сентябрь 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Простите, что не сразу ответил. Были большие трудности с комнатой. Сейчас сняли, наконец, в Эльве, но неважную (никто не хочет сдавать на зиму, особенно русским – даже таким, как я... – тем более не знающим эстонского языка). Все это действует угнетающе.

Вашу статью я прочитал на второй день после приезда. Она произвела на меня отменное впечатление, хотя судить об этом профессионально может лишь тот, кто проводил подобные исследования. Юр. Мих. просил передать Вам (несколько позже он напишет сам), что, если будет сборник, будет и статья. У меня есть два замечания-пожелания. 1) Снять цитату из моего обзора^(а) (я очень тронут, разумеется, что Вы «вставили меня в книжку»^(b)), т. к. там я излагаю работу Гаспарова, а он, в свою очередь, – неопубликованные замечания Колмогорова. Поэтому процитированное выражение мне не принадлежит. 2) Видимо, лучше снять филиппику in Максимов: «не такое нынче время...», да и едва ли Ю. М. согласится с этим местом – слишком особые у них отношения. Но это, разумеется, дело Ваше и редакторов, а насчет первого – моя большая просьба.

Л. П. уже работает на кафедре русского языка – ведет занятия по языку с эстонцами, студентами разных факультетов. Нагрузка огромная. Но для нас материально это спасение. Иначе... Она шлет Вам и Мальвине Мироновне, как и я, сердечный привет. Сердечно Ваш П. Руднев

(а) Цитата из обзора Руднева: «<Ритмический> словарь поэта “формируется теми ритмическими тенденциями, которые необходимо отыскать”» – в статье осталась (см.: Рейсер 1969а: 372). Однако, в отличие от статьи Рейсера, из обзора Руднева было ясно, что речь идет не о его собственных предположениях – далее он писал: «Поэтому, следуя поправке А. Н. Колмогорова, М. Л. Гаспаров при вычислении вероятностных норм стиха отталкивается от ритмического словаря прозы <...>» (Руднев 1966: 91).

(b) Вероятно, аллюзия на известные строки Маяковского из стихотворения «Что такое хорошо и что такое плохо?» (1925): «Если бьет / дрянной драчун / слабого мальчишку, / я такого / не хочу / даже / вставить в книжку».

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 25–26.

<Эльва>. 6 октября <1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Не сердитесь, что долго не отвечал – скверное настроение, никак не могу привыкнуть здесь, вработаться. Массу времени занимают поездки из Эльвы, топка печки etc.

Насчет защиты – чем дальше, тем сложнее.

Ю. М. писал Б. Ф. Егорову насчет Герценовского. Но тот ответил, что там не берут из университетов. Остается ЛГУ^(a). А там, как Вы знаете, опасно опять... Да и к такой «подмоченной» диссертации подход уже должен быть другой.

Как живет Борис Яковлевич?

Дней 10 назад я послал ему подробное письмо^(b). Здоров ли он? Что-то нет ответа.

У нас получено приглашение на некрасовскую конференцию^(c). Очень хотелось бы приехать, да не успею ничего подготовить – это ясно, хотя материал у меня есть. Совершенно не рабочее состояние. Видимо, сказывается, что лето было без отдыха.

Собственно, это уже второе лето. Все время отдано подготовке к лекциям.

Здесь с большим опозданием получают наши журналы.

Между тем в № 8 или 9 «Вопр<осов> лит<ературы>» должна быть маленькая информация о нашей конференции, а в № 4 «Фил<ологических> наук» – большая^(d). Последнее как будто наверняка. Не попадалось ли это Вам?

Сердечный привет Вам и Мальвине Мироновне от Л. П. От меня, разумеется, – ей также. Лотманы тоже шлют привет.

Сердечно Ваш П. Руднев

Р. С. О коломенском сб<орнике> знаю то же, что и Вы. С Петросовым я не связан после ряда демаршей с его стороны^(е).

Р. С. Пишите, пожалуйста, на Университет: ул. Юликооли, 18, Тарт<у-ский> гос<ударственный> ун<иверсите>т, каф<едра> русской литературы, П. А. Рудневу.

(а) После того, как защита Руднева в МГПИ была окончательно провалена, его доброжелатели пытались устроить новую – в ЛГУ или ЛГПИ им. А. И. Герцена. Так, в открытке к Б. Ф. Егорову от 19 октября 1968 г. Рейсер писал: «Дорогой Борис Федорович <...> Разве никак нельзя диссертацию Руднева устроить в и<нститу>те Герцена? Жаль мне его и помочь очень хочется. Я готов, если надо, быть оппонентом» (ОР РНБ. Ф. 1344. Оп. 2. № 156. Л. 35). За месяц до этого Лотман также спрашивал Егорова: «Можно ли было бы поставить защиту Руднева в Герценовском? Или в ЛГУ? Посоветуйтесь с Рейсером и Холшевниковым. Нужны ли в таких случаях переделки и сколь значительные? Он тут совершенно развинтился – нужно ему помочь. Оппонентами могли бы быть Рейсер, Максимов (как блокист) или хоть я из докторов, Холшевников – вторым. Можно ли защищать по Вашей кафедре – как стиховедение, или лучше по кафедре советской литературы – как XX век (у него “Метрика Блока”)?» (Лотман, Минц, Егоров 2018: 320).

(b) Речь о письме от 18–22 сентября 1968 г. (см.: Свиченская 2006: 270–275).

(c) Шестнадцатая Некрасовская конференция, организованная Пушкинским Домом и Музеем-квартирой Некрасова, прошла 27–29 января 1969 г. Ни Руднев, ни Рейсер, ни Бухштаб не принимали в ней участия (см. хронику: Пини 1969: 243–244).

(d) В № 8 «Вопросов литературы» вышла хроника, подписанная первыми буквами фамилий организаторов конференции – Петросова и Руднева. В «Филологических науках» – хроника, написанная Новинской.

(e) Свою версию событий Петросов изложил в воспоминаниях: «Было бы неверно умолчать о том, что перед этим <отъездом Руднева в Тарту. – Я. С., А. Х.> у меня вышла с Петром Александровичем серьезная размолвка. Усилилась она в связи с подготовкой сборника статей, составленных по материалам конференции. Как ответственному редактору мне пришлось взять на себя все хлопоты и трудности, связанные с его выпуском. А они определялись не только тем, что к этому времени Коломенский пединститут стал обязан осуществлять все свои издания через МОПИ <Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской; ныне – Государственный университет просвещения. – Я. С., А. Х.>, но и крайне жесткой позицией, которую занял Мосobl-горлит и его новый начальник (присланный после громкого “скандала”, связанного с выходом книги Г. Д. Гачева “Содержательность художественных форм”). Сборник был задержан, и на мои вопросы, какие именно статьи не устраивают цензуру, последовал ответ, что я сам обязан определить их. В конце концов путем проб и ошибок я выяснил, что должны быть сняты статьи, посвященные В. Хлебникову, Е. Евтушенко и А. Вознесенскому, независимо от их содержания. К сожалению, я вынужден был подчиниться этому требованию. И хотя в своих письмах в Тарту к П. А. Рудневу я довольно прозрачно намекал на объективные трудности, связанные с изданием, он, мне кажется, не поверил» (Петросов 1999: 11).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 13.

Ленинград. 17 октября 1968

<Конгревная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович!

Вы, как я вижу, из тех людей, которые живут в черных (или получерных) очках. Вот Вам кажется, что Вы не вработались, что то плохо, это нехорошо... А на самом деле, уверен, все в Вашей работе идет нормально (если не отлично) и со временем и другие, действительные, неудобства улягутся.

Насчет защиты: насчет Университета (Ленинградского). Думаю, что возможен некоторый нажим на зав~~едующего~~ кафедрой Макогоненко^(а) со стороны – Егорова, Лотмана, Бухштаба и др. – пожалуй, он не устоит и примет Вашу диссертацию. А там Вы человек «вне ситуаций» – но об оппонентах надо сугубо подумать. По-моему, Гаспаров + Лотман + кто-то третий, но думаю, что не Б. Я. Затем: а почему нельзя защищать в Тарту? – снова Гаспаров + кто-то второй и третий. Если Вам понадобится – я всегда к Вашим услугам (в Тарту, но не в ЛГУ: там я только буду Вам портить своей особой).

Информация в № 8 «В~~опросов~~ л~~итературы~~» напечатана (Ваша и Л. П.^(б)), в № 4 «Ф~~илологических~~ н~~аук~~» тоже – Л. П. написала ее очень удачно.

Как «Семиотика»? Будет ли двигаться? Полемику мою с Д. Е. Максимовым уполномочиваю Вас снять: м~~ожет~~ б~~ыть~~, ввести лишь сноску, но это я сделаю позже, когда все станет с печатанием реально^(с).

Сердечный привет Л. П. и Вам от М. М. и от меня.

Будьте бодры: «сердце будущим живет...»^(д) и пр.

Ваш С. Рейсер

(а) Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912–1986) – литературовед; заведующий кафедрой истории русской литературы в 1965–1983 гг.

(b) Хроника была написана Рудневым и Петросовым.

(c) Полемические замечания в адрес Д. Е. Максимова в статью (см.: Рейсер 1969а: 368–385) не вошли.

(d) Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Если жизнь тебя обманет...» (1825).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 27.

Тарту. <До 24 октября 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Спасибо за теплое письмо. У меня так много друзей и доброжелателей из Людей, что на сердце становится теплее. «Семиотика» будет, если ничего не случится непредвиденного. Ваши указания сообщу Ю. М., и мы внесем исправления.

Рад, что Вам понравилась информация в «Ф<илологических> н<ауках>» – я еще ее не видел. А вот в «В<опросах> л<итературы>» – обидно оскотенный вариант (там подписи: «П[етросов], Р[уднев]»^(a), но корректуры я не видел). Сегодня мне написал из Москвы мой ленинский шеф (шеф ех officio)^(b), что про меня где-то хорошее написал Тимофеев в № 5 «Лит<ературы> в школе»^(c), но в какой связи – не ясно, а журнала тут нет. М<ожет> б<ыть>, Вам случайно он попадет в руки... Видно, придется держать курс на ЛГУ. Но боязно мне.

Сердечный привет Мальвине Мироновне и Вам от нас с Л. П.

Всегда Ваш П. Руднев

(a) Сокращенные фамилии раскрыты в письме Рудневым.

(b) «Ленинский», т. е. из МГПИ им. В. И. Ленина – научный руководитель Руднева Иван Григорьевич Клабуновский (1896–1980). Ср. характеристику, данную ему Рудневым в письме к Бухштабу от 5 марта 1967 г.: «Перед отъездом в Коломну я получил аудиенцию у своего шефа по поводу <...> машинописи о переходных формах. Вот буквально его первые слова: “Как всегда, очень умно и непонятно. Непонятно и для меня, и вообще непонятно, для чего это нужно”. И вот общественное мнение! Пришлось кое-что объяснить “на пальцах”. Он страшно обрадовался и сказал, что я лучше объясняю, чем пишу, и что надо писать также, как я объяснял. Т. е. крайне многословно, бесцветно – “популярно”. Но разрази меня господь – тут я ничего не могу с собой сделать, хоть и обязан как-то считаться с его просьбами. Он даже как-то сочувствует мне, желает, чтобы все кончилось благополучно, и в то же время уверен, что кафедра не примет моей работы даже в “жидком” виде...» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 958. Л. 9 об.–10).

(с) «Хотя о поэме “Двенадцать” и сейчас идут споры, но в основном о ней уже сказано достаточно много и верно, чтобы подробно здесь ее рассматривать (отошлем читателя прежде всего к книге В. Н. Орлова “Поэма Александра Блока ‘Двенадцать’”, Гос. изд. худ. лит., изд. 2, М., 1967. О ритмике поэмы см.: П. Руднев, О стихе поэмы А. Блока “Двенадцать” в сб. “Русская литература XX века (дооктябрьский период)”, Калуга, 1968)» (Тимофеев 1968: 25).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 29–29 об.

<Тарту. Ноябрь 1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Поздравляем мы с Л. П. Вас и Мальвину Мироновну с праздником, желаем всего-всего хорошего. Семиотический сб<орник> уже собран. Пожалуй, самый сильный – так говорит Ю. М. Я лишь знаю, что там 3 отличных статьи по стиховедению: Ваша, Б. Як. и М. Л. Гаспарова^(а). Есть еще, но я их не читал. Потом будет делаться блоковский сб<орник>. Там будет почти полностью опубликована III гл<ава> моей диссертации – пожалуй, самая удачная – о стихе драмы «Роза и Крест»^(б). Но будет это, конечно, не скоро. Исправление в Вашу статью внесено.

Недавно у Ю. М. Лотмана и Е. Г. Эткинда^(с) насчет моей диссертации возникла такая идея – пригласить в ЛГУ в качестве первого оппонента В. М. Жирмунского^(д). Как будто есть такое положение (мне оно неизвестно): если оппонент – академик, то ВАК утверждает – при благополучной защите – автоматически^(е).

Что Вы думаете об этом, дорогой Соломон Абрамович? Согласится ли В. М.? Ю. М. собирался ему сегодня писать. Мне что-то не верится, что В. М. станет ввязываться в это дело. Б. Як. и В. Е. Холшевников в курсе дела. Но Б. Як. еще не успел мне, видимо, ответить на мое письмо об этом.

Это – защита, так сказать, заново. Надо двоих только оппонентов. Второй, видимо, Холшевников. Это все варианты Ю. М. Я его слушаюсь во всем. Но главное, надо переделывать, т. е. портить диссертацию. Ю. М. считает, что я должен «просто

переставить» главы, и вообще, по его мнению, чем диссертация хуже, тем лучше. Это утрировка, но в чистом виде мысль его именно такова. Тут я с ним все-таки не согласен... Главное, переставить главы для меня невозможно – у меня так: лирика–поэмы–драмы. И внутренняя логика есть. И весь материал подчинен этой композиции.

Ну, начало я напишу другими словами, кое-что могу переделать внутри. Главное, что все надо перепечатывать. Но, видимо, без этого не обойтись. Трудно (и, пожалуй, труднее всего!) написать новый реферат: он у меня составлен из резюмирующих частей всех 4^х глав, считая вводную. Главное, это какой-то глупый труд – для отвода глаз. Вы, очевидно, скажете, что я опять надел черные очки, но здесь (впрочем, как и там (в связи с работой в университете)), кажется, я не преувеличиваю. И вообще я не жалуясь, отнюдь, а просто прошу совета у Вас, а с Вашим мнением, дорогой Соломон Абрамович, я очень считаюсь. И, поверьте, я очень ценю Ваше ко мне столь хорошее и дружеское отношение.

Рад, что Вас удовлетворила информация в «Ф<илологических> н<ауках>». Она действительно написана удачно.

В «Вопр<осах> лит<ературы>» – «П., Р.». Но они заметку очень сократили.

Коломенский сб<орник> уже в наборе. Там тоже самое лучшее – это стиховедение. Мне это приятно, т. к. все стиховеды были, в общем, моими гостями^(f).

Я тут между делом все-таки занимался упорядочением своего материала по метрике Некрасова. Картотеку перевел на новый трехтомник. Там есть у меня кое-какие сомнения как раз по II, Вашему, тому. Как только опять займусь этим, видимо, придется обратиться к Вам кое с какими вопросами. Как только сделаю и проверю подсчеты по системе размеров, Вам обязательно пришло. Я об этом помню.

Жду Вашего письма.

Сердечно Ваш П. Руднев

- (а) См.: Рейсер 1969а: 368–385; Бухштаб 1969: 386–408; Гаспаров 1969а: 504–514.
- (б) Статья «О стихе драмы А. Блока “Роза и Крест”» (см.: Руднев 1970: 294–334) опубликована с посвящением К. Ф. Тарановскому.
- (в) Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999) – литературовед, переводчик, профессор ЛГПИ в 1967–1974 гг.
- (д) Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) – лингвист, литературовед, стиховед, с 1966 г. академик АН СССР.
- (е) Такие сведения были получены Рудневым от Эткинда, о чем он сообщал в письме к Бухштабу от 24 октября 1968 г.: «Холшевников и Эткинд придумали такой гениальный, но едва ли выполнимый вариант: просить выступить в роли I оппонента В. М. Жирмунского. Как говорит Эткинд, если академик – оппонент, ВАК утверждает механически. Я этого правила не знаю» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 959. Л. 40).
- (ф) Руднев подробно описал, как проходила конференция в Коломне, в своих мемуарах: «Было два пленарных заседания. О первом и писать-то нечего, разве что вступительное слово “Кривандасова” (так назвала ректора Д. Е. Аксенова Н. Н. Евреинова), написанное для него К. Г. Петровым. Зато на заключительном пленарном с блеском выступил Ефим Григорьевич Эткинд с докладом на тему “Поэтическая этимология в стихах В. Хлебникова и его школы” (вот кого он относил к школе Хлебникова, я не помню...). Кроме Эткинда приехали и другие ленинградские знаменитости: Л. Я. Гинзбург (без доклада), Б. Я. Бухштаб, С. А. Рейсер; из Тарту приехала З. Г. Минц, окруженная сонмом ленинградских семинарцев Д. Е. Максимова, который сам не смог приехать из-за болезни жены. На конференции работало три секции: 1. Секция советской поэзии (руководитель – доц. К. Г. Петросов); 2. Секция поэзии XX века (руководитель – доц. Г. А. Шпеер); 3. Секция стиховедения (руководитель – ст. преподаватель П. А. Руднев). <...> Бесспорно, самой продуктивной была моя стиховедческая секция, где были прослушаны и обсуждены следующие доклады: Б. Я. Бухштаба о метре и ритме (точной формулировки не помню, а в программе он не зафиксирован); С. А. Рейсера “Стих поэмы Н. А. Некрасова ‘Кому на Руси жить хорошо’”; К. Д. Вишневского “Становление трехсложных размеров в русской поэзии”; В. Е. Холшевникова “Перебои ритма”; М. Л. Гаспарова “Тактовик в русском стихосложении XX века”; Л. П. Новинской “Роль Тютчева в истории русской метрики XIX – нач. XX в.: К постановке проблемы”; П. А. Руднева “К проблеме ‘метр и смысл’: Из истории текста стихотворений А. Блока”; В. А. Сапогова “Проблемы стилистики стиха лирического цикла”; В. С. Баевского “Пятистопный хорей Блока с фонологической и статистической точки зрения”; Г. Н. Антощенко “Дольник в сравнении с трехсложными размерами”; А. Л. Жовтиса “К вопросу о ‘деканонизации’ способов рифмования в современной поэзии (на материале лирики и поэм А. Вознесенского)”; В. П. Григорьева “Графика и орфография у А. Вознесенского”; И. Б. Голуб “Наблюдения над фоникой С. Есенина” (это был единственный слабый доклад на фоне всех остальных докладов в стиховедческой секции). Такое сборище стиховедов имело и историческое значение: более 30-ти лет не было стиховедческих конференций».

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 14.

Ленинград. 7 ноября 1968

<Конгревная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович!

Наши письма разошлись: я Вам дня три назад писал. Теперь спешу ответить на последнее письмо, поблагодарить за поздравление и сообщить Вам, что Б. Я. со мной советовался насчет В. М. Ж. Я этот план одобрил (есть ли официальное указание об академике и механическом утверждении – не знаю, но по существу это так, особенно учитывая весомость В. М. Ж.). Я хотел с В. М. переговорить, но он все эти дни (как вообще по преимуществу) живет на своей даче в Комарово, в городе бывает редко, а ехать к нему для этого я считал неудобным. Есть в Л<енингра>де один дом (моего кузена, И. М. Тронского^(a)), где он часто бывает и где мы видимся. Я и просил меня с ним там свести. Но в эти дни ничего не вышло, а с 12 <ноября> я на сколько-то дней выбываю из актива – ложусь в клинику для небольшого исследования. Если Ю. М. напишет – это будет, по-моему, очень хорошо. Мы тут постараемся нажать. Еще хочу повторить: если в ЛГУ, то не надо Б. Я. Я бы считал, что три оппонента лучше, чем два. А вдруг кто-то расчухает, что диссертация-то, по сути, старая, и начнет придираться. По-моему, всего лучше – В. М. Ж., Холшевников и Гаспаров.

За заботы о моей статье – спасибо, хотя мне и жалко, что устранен выпад против Д. Е. М<аксимо>ва. А может, ограничиться сноской вроде: «По этим соображениям мне трудно согласиться с той, в сущности импрессионистической, хотя, возможно, кое в чем и справедливой, характеристикой, какая дана стиху “Демона” в работе Д. М. и пр. Думается, что на этих путях плодотворных перспектив изучения стиха нет». Впрочем, это только дезидерата!

Я все жду от Вас (не срочно!) картотеку метрики Некрасова.

Желаю Вам всего лучшего. Ю. М. – сердечный привет.

Ваш С. Рейсер

(а) Иосиф Моисеевич Тронский (1897–1970) – литературовед; его жена, литературовед Мария Лазаревна Тронская (1896–1987), приходилась Рейсеру двоюродной сестрой.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 34.

Тарту. 13 ноября <1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Нет слов у меня, чтобы выразить то, как я тронут Вашими обо мне заботами...

А что с Вашим здоровьем? Вы пишете, что ложитесь в клинику. Что с Вами?

Некрасов мой идет на всех парах. Настроение стало лучше. На праздники приезжал сын^(а). Было хорошо. Много гуляли по окрестностям Эльвы.

Насчет трех оппонентов я не знаю, как тут юридически. Двое-то, конечно, immer bereit^(b), а вот В. М. – я далеко не уверен. Впрочем, такие «ходатели», как Вы и Ю. М., значат немало...

Насчет примечания in Максимов – увидим, когда будет корректура. Да и с этим Вам лучше обратиться к самому Ю. М.

Выздоровливайте!

Сердечный привет М. М. – от нас обоих, Вам – от Л. П.

Сердечно Ваш

П. Руднев

Р. С. В «В<опросах> я<зыкознания>», № 5 – блистательная статья Гаспарова (по колом<енскому> докладу)^(с). А в «Вопр<осах> фило<сфии>», № 10 статья Гишмана^(d) – в общем против Лотмана^(е). Это на меня неприятно подействовало. Интересно, что Вы думаете об этом?

(а) А. П. Руднев.

(b) Всегда готовы (нем.).

(с) См.: Гаспаров 1968: 79–90.

(d) Михаил Моисеевич Гишман (1937–2015) – литературовед.

(е) См.: Гишман 1968: 103–113.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 15–15 об.

Ленинград. 22 ноября 1968

<Конгресная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович, я со вчерашнего дня дома: мне пришлось срочно ложиться на операцию (по поводу грыжи, которая давно меня мучила). Теперь все позади, но я еще больше полеживаю.

Знаю, однако, что В. М. Ж. согласился быть Вашим оппонентом. Практически это значит, что все в порядке.

Буду ждать корректуру и постараюсь хоть какой-нибудь хвостик от укола Д. Е. М<аксимо>ву сохранить, о чем и отпишу Ю. М. Л.

Статью Гаспарова не читал еще. Гиршмана тоже. Знаю только его статью в «Теории литературы»^(а), которая показалась мне неглупой. К концепциям Ю. М. и его соратников отношение всегда будет не более чем терпимое, но и это немало. Совсем ополчаться против него не станут: как бы не сесть в калошу, как с кибернетикой и пр., но и принимать в качестве основного течения нашей науки не будут – пахнет «формализмом». Прошли выборы в АН: выбрали чорт знает кого^(б), а (по-моему) Ю. М. достойнее всех других литературоведов этого списка.

Сердечные приветы.

Ваш С. Рейсер

Когда обработаете всего Некрасова – все-таки пришлите мне справку о его ритмическом репертуаре.

Ох, как мне жаль, что нет Вашей рецензии на «Некр<асовский> сборник»: печатают всякую чушь Нольмана^(с) и др. Может быть, и не поздно написать сейчас в «В<опросы> л<итературы>»: напишите им.

(а) См.: Гиршман 1969: 28–30.

(б) Речь идет о кандидатурах, которые были выдвинуты Отделением литературы и языка АН СССР на выборы новых действительных членов и членов-корреспондентов. 26–27 ноября 1968 г. прошло общее собрание АН СССР. Избраны были Георгий Васильевич Церетели (языкознание; академик), Борис Леонтьевич Сучков (литературоведение; член-корреспондент), Виктория Николаевна Ярцева (языкознание; член-корреспондент).

(с) Рецензия М. Нольмана (см.: Нольман 1969: 232–234) на книгу: Скатов 1968.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 48–49 об.

Тарту. 26 ноября <1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Сердечно рад Вашему выздоровлению и Вашему письму.

Да, рецензия Нольмана – «двиствительно»^(а); но мне уже неловко предлагать своих услуг после самоотвода...

Да, и кроме того, я на всех парах готовлю диссертацию к новой защите.

Сейчас у меня вновь отличная рабочая форма (на всех уровнях, как говорят «лотманисты»...).

За четыре дня (ей-богу, не вру!) я написал тридцать стр<аниц> новой, IV главы диссертации: «К проблеме: метр и смысл (из наблюдений над монометрическим стихом Блока)».

Первый ее раздел – это «придуманная» уже давно мною теория переходных метр<ических> форм (ПМФ), каковую горячо одобряет и Гаспаров, и Бор. Як., и В. Евг. С этим докладом я выступал в Пушкинском Доме – в тот приезд, когда имел счастье встретиться с Вами у Бор. Як.

II раздел – мой коломенский доклад, который, кажется (тьфу-тьфу!), берут в «Р<усскую> л<итературу>» – во всяком случае, статья в 1 лист уже на рец<ензии> у Холшевникова^(б). Правда, эта глава немножко «пришей кобыле хвост», но, кажется, я все-таки вплетаю ее более или менее удачно.

Как мне всех Вас, дорогие мои, прекрасные, смею сказать, друзья, благодарить за В. М. Жирмунского – просто и не знаю...^(с)

Меры этому нет. Теперь надо нажимать на Макогоненко.

Надеюсь, что мы с Лидой заскочим на каникулах из Москвы–Коломны в Ленинград.

Очень хочу всех Вас увидеть.

Получили ли проспект Коломенского сборника? Я его успешно распространяю среди здешних студентов.

Некрасов – в связи с дописыванием диссертации – временно отложен, но ненадолго, надеюсь.

Да, Ю. М. давно уже мог бы надеть академическую тогу.

Какой это чудесный человек! Мне, правда, как-то неловко, что он все-таки явно меня переоценивает...

У нас возникают космические планы по стиховедению. Вам и всем нашим ленинградцам уделено в них огромное место. Вообще тартуское стиховедение отдано мне на откуп.

Когда планы прояснятся, каждому напишу подробно.

Сердечный привет М. М. от нас обоих и Вам – от Л. П.

Ваш П. Руднев

(а) Просторечная форма слова «действительно», встречающаяся, в частности, в речи неграмотных персонажей трагедии «У Макарья» В. М. Дорошевича и рассказа «Стена глухая» С. В. Аникина.

(б) См.: Руднев 1971: 77–88.

(с) 16 ноября 1968 г. Руднев писал Гинзбург: «Сегодня у меня просто большая радость – В. Е. Холшевников сообщил мне, что В. М. Жирмунский согласился быть первым оппонентом на моей предстоящей второй защите с тем, чтобы, как выразился В. М., “восстановить справедливость”. Это уже победа» (ОР РНБ. Ф. 1377. Оп. 3. № 459. Л. 18). Как следует из письма Руднева к Бухштабу от 24 октября 1968 г., он сомневался в благосклонности Жирмунского: «Я далеко не уверен, что Виктор Максимович будет счастлив от этого предложения (разве только подлецам насолить!), да и не покажется ли ему моя диссертация несильной. Ведь его побаиваться я имею основания...» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 959. Л. 40).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 32–33.

Тарту. 6 декабря 1968

Дорогой Соломон Абрамович!

Сообщаю Вам, что закончил переделку своей диссертации (IV глава – у машинистки) и в этой связи рискую обременить Вас одной просьбой. Ю. М., позавчера приехавший из Еревана, сказал, что сам напишет Вам (вообще эта просьба исходит от него), но я боюсь, что он под грудой дел, навалившихся на него благодаря длительному отсутствию, может, естественно, забыть о моих «болячках».

Так вот, если Вам не трудно, дорогой Соломон Абрамович, свяжитесь, пожалуйста, с Г. А. Бяликом на предмет того, чтобы тот посодействовал тому, чтобы Макогоненко не отказал взять мою диссертацию (учитывая всю ситуацию и оппонентство В. М. Ж.) на более или менее скорую защиту. Она почти вся опубликована, кроме III главы. Но большая статья «О стихе драмы “Роза и Крест”» (3 печатных листа) идет в очередной том наших записок, который сейчас вслед за «Семиотикой», которая уже в типографии, пойдет в печать и к весне, очевидно, выйдет.

Вместо 4^х статей, указанных в прежнем реферате, в новом будет перечислено 10 или 11 (если статья по моему коломенскому докладу пойдет в «Русскую литературу» – она сейчас на рецензии у Холшевникова (последнее, конечно, редакционная тайна...)^(а)).

Хочется поскорее развязаться с диссертацией, обрести относительно солидное материальное благополучие и продолжить реализацию других замыслов, которых у меня, к слову сказать, немало и кроме Некрасова. 1) В следующую «Семиотику» я хочу дать статью «Синхронно-типологическая классификация видов современного русского литературного стиха»; 2) Для II Блокковского сборника мы с З. Г.^(б) собираемся вместе написать разбор «Пузырей земли»^(с); 3) На калужскую конференцию^(д) я уже отправил тезисы доклада «Метрическая композиция и стиховая стилистика поэмы Блока “Ее пришествие”» etc. Потом надо хорошо научиться читать на славянских языках. Учебник сербо-хорватского уже лежит на столе; но все не могу начать.

Сердечный привет Вам от Л. П. и М. М. – от нас обоих.

Всегда Ваш П. Руднев

(а) В автореферате Руднева перечислено 11 публикаций, в том числе с пометой «в печати» рецензия на книгу А. Л. Жовтиса (Простор, 1969, № 5). Судя по содержанию журнала за 1960-е и 1970-е гг., эта рецензия осталась неопубликованной. Также в автобиблиографическом списке указано, что статья «Метр и смысл» (см.: Руднев 1971: 77–88) находится в печати в составе II Блокковского сборника. Сборник был издан в 1972 г.; в него вошла статья: Руднев 1972: 218–267.

(б) Зара Григорьевна Минц (1927–1990) – литературовед, специалист по творчеству А. А. Блока.

(с) Не удалось обнаружить свидетельств реализации этого замысла.

(d) Речь идет о Второй межвузовской научной конференции по проблемам историко-литературного процесса в русской литературе конца XIX – начала XX в., состоявшейся в мае 1969 г. в Калужском государственном педагогическом институте им. К. Э. Циолковского. В хронике имя Руднева среди докладчиков не упоминается (см.: Пустовойт 1969: 246).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 16.

Ленинград. 13 декабря 1968

Дорогой Петр Александрович!

Я вчера видел Мак. и с ним разговаривал. Дело в том, что существует срок перезащиты – год. Он у Вас истекает в мае (так?). Вот и надо все приспособить, чтобы Вы могли защищать в июне (последний> месяц уч<ебного> года). Раньше – нельзя. Подготовьте все необходимые бумаги (я не знаю, что надо); вероятно, их надо посылать (или лично подать?) через Холшевникова. Надо ведь и согласие делать??? (Реизова^(a))?

Не знаю – будет ли Мак. в Тарту на конференции^(b). Вот Вам новости.

Всего хорошего.

Ваш С. Рейсер

(a) Борис Григорьевич Реизов (1902–1981) – литературовед, переводчик; в 1963–1968 гг. занимал пост декана филологического факультета ЛГУ.

(b) Речь идет о конференции, посвященной 150-летию со дня смерти Н. И. Новикова, которая проходила в Тарту осенью 1968 г. Макогоненко не принимал в ней участия (сообщено К. А. Кумпан).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 51–51 об.

Тарту. 14 декабря <1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Сердечно тронут Вашим столь ранним поздравлением. Наше еще придет. Я очень огорчен, что вместо Бялого написал «Бялик»^(a):

спутать их так же невозможно, как невозможно спутать, скажем, Ямпольского и... Дымшица...^(b) Это, разумеется, чистая случайность.

Калужская конференция – это, видимо, малоинтересный, типично пединститутский съезд, куда я собрался только для того, чтобы на «казенный счет» заехать в Коломну повидать своих сыновей^(c) – не больше, да, кстати, и сборник они исправно, очевидно, судя по прошлому, который я Вам прислал со статьей о «12», выпустят. А так – пустая говорильня. Тема – рус<ская> литер<атура> XX в. А по Блоку у меня очень много сделано. Туда я послал тезисы: «Метрическая композиция и стиховая стилистика поэмы “Ее прибытие”». А вот в Москве скоро Брюсовские чтения^(d), но туда я ничего не послал, хотя мог бы, т. к. там среди заводил ряд подлецов, меня закидавших черняками в мае. Не хочу с ними иметь никаких дел. Между прочим, на днях в МГУ аспирант Метченко защищал диссертацию об ОПОЯЗе^(e)! Можно себе представить, какая это мерзость... Мне обещали достать реферат – так сказать, для сведения... Боюсь, что мои дела в ЛГУ не важны: В. Е. Холшевников упорно об этом молчит. Но как-нибудь и где-нибудь это решится – в конце концов ведь дело только в зарплате... Правда, это важно, но можно и потерпеть... В Ленинграде, разумеется, встретимся обязательно.

Сейчас я болею, но «творчески»: лежу и готовлю I в<ыпуск> на ротапринте «Аннотированной библиографии» работ по рус<скому> стихосложению» (7 п<ечатных> л<истов>) – I–II разделы: XVIII – 1^я пол. XIX в. (если все влезет)^(f). Договорились с Ю. Мих. постепенно выпустить это штокмаровское наследство с моими существ<енными> дополнениями, а после 1941 г. – собственно мои материалы. Если это исполнится, это будет вещь! Конечно, обидно, все бесплатно (и даже – наоборот...), но чего не сделаешь ради науки...

Сердечный привет Вам от Л. П., а Мальвине Мироновне – от нас обоих.

Всегда Ваш П. Руднев

Р. S. Были ли на Гаспаровском докладе^(g)? По-моему, это лучшая его работа (лучшая из лучших!). Вообще – колосс!

Р. P. S. Да, я, кажется, еще Вам не писал, что мы в марте где-нибудь хотим собрать в Кяэрику (под Тарту) человек 20–25 стиховедов

по вопросам: 1) част<отные> словари; 2) метр<ические> справочники; 3) стихов<едческая> библиография. Разумеется, Вы – среди них.

(a) Руднев спутал московского критика, специалиста по творчеству М. Горького Бориса Ароновича Бялика (1911–1988) и ленинградского литературоведа, специалиста по русской литературе XIX в. Григория Абрамовича Бялого (1905–1987).

(b) Александр Львович Дымшиц (1910–1975) – литературный критик.

(c) А. П. Руднев и Вадим Петрович Руднев (род. 1958).

(d) Установить, о какой конференции писал Руднев, не удалось. Первые три конференции, посвященные Брюсову, проходили в Ереване с 1962 по 1966 г., IV Брюсовские чтения прошли 20–23 января 1971 г. в Москве, однако маловероятно, что речь идет об этой конференции.

(e) Диссертация Дмитрия Даниловича Ивлева (1932–2009) «Методологические проблемы поэтики в советском литературоведении 20-х годов» (благодарим И. Е. Лощилова за помощь в определении диссертанта). Научным руководителем Ивлева был Алексей Иванович Метченко (1907–1985), влияние которого, вопреки предположению Руднева, не было сильным. Впоследствии Ивлев преподавал в Латвийском университете, о нем вспоминал Р. Д. Тименчик в интервью М. Ю. Эдельштейну: «В университете я посещал кружок очень хорошего пушкиниста Льва Сергеевича Сидякова <...>. Но одновременно с пушкинскими штудиями я и мои друзья уговорили молодого преподавателя Дмитрия Ивлева организовать кружок советской литературы <...>. Ивлев охотно откликнулся и предложил выбрать темы докладов. Лазарь Флейшман взял Пастернака, Евгений Тоддес – Мандельштама, а мне по остаточному принципу достались женщины: Ахматова и Цветаева» (<https://www.lechaim.ru/ARHIV/231/edelshteyn.htm>). В письме к публикаторам Тименчик так характеризовал Ивлева: «Человек он был порядочный, имел несчастье числиться за Метченко, который корежил годами его диссертацию <...>. Он щедро давал конспекты, а то и рукописные копии недоступных в Риге публикаций». См. в связи с Ивлевым ниже примечание к письму от 16 февраля 1969 г. о заметке «Актуальная мысль». Также см. газетную заметку о защите докторской диссертации: Сидяков, Дауговиш 1984: 3 (благодарим за указание на этот материал Р. Д. Тименчика).

(f) Этот замысел был воплощен спустя шестнадцать лет; см.: Штокмар, Руднев 1984: 216–245. В воспоминаниях Руднев рассказывал о рукописи Штокмара: «Теперь надо написать о знакомстве и недолговременной дружбе с Михаилом Петровичем Штокмаром. Это как раз касается обзора 66 г., который перед сдачей в печать <...> потребовал рецензии, которая и была дана, по протекции Гаспарова, Штокмаром. Прочитав мою статью, он попросил меня в одно из воскресений приехать к нему на Большую Грузинскую, в “дом Даля” <...>. Встретил он меня исключительно любезно. <...> На статью он дал положительную рецензию, хотя разругал ее нещадно... Этот вечер и был посвящен главным образом ругани в адрес моего несчастного обзора... Потом, когда я спустя некоторое время пришел к нему вторично, он, не скрывая своей радости, сказал, что не был уверен, приду ли я к нему после такого разноса... Я пришел, и мы подружись. Бывал я у него в течение второй половины 64 – первой половины 65 г. довольно часто. <...> Я делился с ним своими планами, идеями переходных метрических форм

и полиметрических композиций. Он все горячо одобрял и особенно ценил мои библиографические интересы. Во время одного из наших последних свиданий, он выразил желание завещать мне библиографическую папку с материалами, чтобы я довел до конца его библиографию. <...> М. П. подарил мне свою библиографию 34 года <...>. Из письма М. Л. Гаспарова от 23.08.65: “<...> Сегодня я <...> унес рукопись ‘библиографии по стихосложению’ <...>. ‘Библиография’ представляет собой автограф 1934 г., в который аккуратно подклеены вписанные красными чернилами дополнения до 1941 г., общим числом около 430 №№. Позднейшая литература выписана лишь на пачке карточек и в записной книжке <...>; до 1941 г. нам почти нечего делать (Это вопрос, как выяснилось теперь, при работе над библиографией) 1936–56. – П. Р.), после 1941 надо делать все”. Судя по этому и другим письмам этих дней, мы условились встретиться с М. Л., сходили к Ангелине Всеволодовне Штокмар-Бекиной, и я в качестве штокмаровского наследства получил эту огромную папку.

(г) Доклад Гаспарова «Русский силлабический тринадцатисложник» был прочитан на заседании стиховедческой группы под руководством Холшевникова в ИРЛИ 10 декабря 1968 г. (см.: РО ИРЛИ. Ф. 856. № 88. Л. 85). Руднев принимал участие в этом семинаре с докладами, в частности, он выступал 31 мая (доклад «Метрический репертуар А. Блока») и 20 декабря (доклад «Ритмико-стилевые характеристики стихов Некрасова, Тютчева, Фета, Блока») 1966 г., 21 января (доклад «Проблема синхронной типологии <метра>») и 19 марта (доклад «О стихе драмы Блока “Роза и Крест”») 1969 г. (см.: Там же. Л. 26, 39, 89, 95).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 52–53.

<Тарту>. 18 декабря <1968>

Дорогой Соломон Абрамович!

Я не совсем понял Ваше последнее письмо (хотя, в любом случае, сердечнейше за него благодарен).

Кто такой Мак. (-символ или -огоненко?). Видимо, все-таки последний. В Тарту его не было. Но и меня не было на этой конференции: я сильно болен с I/XII. Сам виноват – запустился, да и лето...

Я летом был в ВАКе – мне официально сказали, что никакого срока не надо – нужна переделка и согласие любой правомочной кафедры. Но реально так оно и будет – в июне. Ведь очередь etc. А в мае не хочу!.. Да и в инструкции ВАКа о сроке ни слова. Но я, разумеется, согласен (!) на июнь. Лишь бы был здоров бесконечно

уважаемый Виктор Максимович, которому я написал почтительно благодарное письмо – чисто морально. Правильно?

К Реизову у меня путей нет. Тут надежда на Холшевникова. Ну, скоро начнем официально.

Плохо, что затягивается моя болезнь. Как бы вместо Москвы и Л<енингра>да мне не пришлось в январе ложиться на операцию... Вот будет номер (не для дам: у меня адский геморрой...). Эта операция тяжелая, да тут вскроются и все прочие мои недуги... Мерзко!

Получили ли Вы и выправили ли корректуру из Коломны?

Вдруг я вспомнил, что забыл из Вашей тартуанской статьи снять сноску на Руднева (помните, я просил?..). В корректуре Вам это будет сложнее – менять нумерацию надо. Ладно – черт с ним: авось пройдет незаметно. Но я действительно забыл!.. Ваш П. Руднев

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 17.

Ленинград. 24 декабря 1968

Дорогой Петр Александрович, «Мак.» есть общепринятое у нас сокращение Макогоненки. Да и при чем тут Максимов! Я говорил с Холш. (т. е. Холшевниковым), и он обещал напоминать Мак-у снова и, в частности, сообщит, что никаких годовичных сроков законом не предусмотрено. Думаю, что уже пора начинать официальный путь.

Коломенскую корректуру я держал: теперь ожидаю тартуской.

Болезнь, о которой Вы пишете, – малоприятная, но, насколько я понимаю, операция (буде она состоится) не страшная. Но пережив сейчас операцию, я знаю, что всякая – мерзость. Ничего не поде-лаешь. Очень бы мне интересно прочитать тезисы метченковского детеныша об ОПОЯЗе. Если получите – пришлите на два дня: честно верну! На докладе Гаспарова был: оным не до конца удовлетворен. Его предположение, что смена стиховых систем в российском стихе (т. е. переход от силлабики к силлабо-тонике) есть следствие культурных традиций (грубо говоря, моды!), а не неких свойств языка для меня неприемлемо. Ему очень веско возражал Жирм<унский>.

Но все прошло очень «высоконаучно» и с массой похвал в его адрес.
Он ныне ведущий стиховед.

Всякие обоюдные приветы и пожелания.

Ваш С. Рейсер

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 25.

Ленинград. 9 февраля 1969

Дорогой Петр Александрович, очень прошу Вас, когда у Вас найдется свободная минута, просмотреть прилагаемые четыре странички и сказать – как они кажутся – дают ли эти дополнительные цифры право на сделанные мною (осторожные!) выводы.

Знаю, что в статью их уже не вставить, но пусть будет – на всякий случай.

Как Вы отдохнули? Обошлись ли без всеобщего гриппа? Как Лидия Петровна? (Сейчас грипп у Бориса Яковлевича).

Сердечные приветы вам обоим от нас.

Ваш С. Рейсер

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 38–38 об.

Тарту. 16 февраля <1969>

Дорогой Соломон Абрамович!

Поздравляю Вас с еще одним стихо-достижением^(а). По-моему, это очень здорово – то, что надо. Завтра покажу Лотманам и Игорю Чернову^(б) (это наш самый молодой преподаватель, в будущем Лотман + Гаспаров вместе). Надо послать и Гаспарову, если Вы позволите.

То, что Б. Як. заболел, я понял еще в санатории – он не ответил на мои две писульки. Как он?

Я отдохнул ужасно – санаторий хуже быть не может. Привез два новых «креста» – холецистит и гипотонию (т<ак> что кофе теперь

пить даже велели, ура!...). Первую неделю было сильное обострение язвы и печени – лежал. Затем 2-3 дня передыху – и сильнейший грипп – поkolот я весь (по 8 уколов в день бывало!).

В сущности, отдыхал (если применимо это слово к этому возмутительному заведению) последнюю неделю. Но было здесь и приятное – очень подружился с милым, симпатичным ленингр<адским> доктором медицины Кириллом Николаевичем Бадмаевым. Пишу Вам об этом не случайно (ему напишу также). Он – страстный ex libris'т. А мне Юр. Мих. вчера сказал, что и Вы – тоже. Кажется, я стану тоже... Накануне отъезда мы были в гостях у хаапсальского собирателя, художника, скрипача – Августа Пейкре. Вот у кого коллекция! Он нам обоим подарил довольно много (для первого раза) – в том числе своих. Есть просто блестящие вещи. Если это Ваше хобби и Вы его не знаете, вот его адрес: Haapsalu, Eesti, Jalaka, 21. Ему лучше писать по-немецки, но можно на худой конец и по-русски. А вот телефон Бадмаева (служебный – Ленингр<ад>, научно-иссл<едовательский> нейрохирург<ический> и нститу<т>): Ж-3-68-15. Сошлитесь, если захотите ему позвонить, на меня – Ваше имя часто упоминалось в наших разговорах.

Уже в санатории я получил заказ из «В<опросов> л<итературы>» и «Простора» (А<лма>-Ата) на рец<ензию> на книгу А. Жовтиса «Стихи нужны»^(c). Болезнь помешала их написать в санатории. Кроме того, в «Р<усской> л<итературе>» (Тимофеева^(d)) отвергли мою (по-моему, хорошую...) статью «К проблеме: метр и смысл», несмотря на отл<ичную> рец<ензию> Холшевникова. Я попросил Лиду, и она послала ее в «В<опросы> л<итературы>» – без надежды на успех (нужен металл!) – 26 стр. По поводу статьи Тимофеева–Гиршмана мы, Лотман, Минц, Новинская, Сидяков^(e), Руднев (гл<авным> обр<азом> – Руднев) написали в «В<опросы> л<итературы>» отклик на 4,5 стр.^(f) Конечно, я послал Тимофееву к совещанию^(g) – и от него, несмотря на ряд наших критических замечаний, получил теплое письмо.

Наконец, последнее. Только что получил телеграмму от... Лотмана: «Приезжайте понедельник Тарту всеми документами срочно

оформлять поездку Польшу»^(h). Я забыл Вам сказать в Ленинграде об этом. В Варшаву на конференцию по поэтике повезу доклад: «Проблемы типологии русского стиха», если пустят...

Плохо только, что В. М. почему-то долго не шлет предварительного отзыва – хотим уехать в апреле. Надеюсь Вас увидеть на защите! Сердечный привет М. М. от нас и Вам – от Л. П.

Ваш П. Руднев

P. S. Не знаете ли, здоров ли Холш.? Он не пишет мне почему-то о тимофеевском совещании и не шлет обещанного сборника «Взаимосвязь наук» (?)⁽ⁱ⁾. У меня его нет.

(a) Речь о дополнительных подсчетах, произведенных Рейсером; они вошли в статью с подзаголовком «Дополнение»: Рейсер 1969а: 383–385.

(b) Игорь Аполлониевич Чернов (1943–2025) – семиотик, ученик Ю. М. Лотмана.

(c) В книгу (см.: Жовтис 1968) среди прочих материалов была включена статья «Романтическая поэма Некрасова». Александр Лазаревич Жовтис (1923–1999) – литературовед, писатель, переводчик.

(d) Вера Васильевна Тимофеева (1915–2003) – главный редактор журнала «Русская литература» в 1967–1987 гг.

(e) Лев Сергеевич Сидяков (1932–2006) – литературовед, пушкинист.

(f) Коллективная заметка «Актуальная мысль» (см.: Лотман, Минц, Новинская, Руднев, Сидяков 1969: 195–197) была ответом на призыв объединить усилия стиховедов, выказанный в заметке: Тимофеев, Гиршман 1968: 138–142. Сын Лотмана несколько иначе излагал версию создания заметки: «После короткого обсуждения отец сел за машинку и в присутствии Руднева быстро напечатал ответную реплику, которую подписали не только они, но и их жены, а также гостивший у нас рижский пушкинист Л. С. Сидяков» (Лотман 2017: 144); а также: «В архиве заметка озаглавлена “Своевременная мысль”, среди авторов там значится также Д. Д. Ивлев, коллега Л. С. Сидякова по Латвийскому университету» (Там же: 271). 2 января 1969 г. Руднев писал Бухштабу: «Да, во время встречи нового года мы умудрились написать отклик на статью Тимофеева–Гиршмана <...>! На днях отправим» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 960. Л. 4).

(g) Совещание стиховедов, которое прошло в ИМЛИ в начале февраля 1969 г. С выступлениями и в прениях участвовали (из упомянутых в переписке Рейсера и Руднева) Тимофеев, Гиршман, Гончаров, Холщевников, Никонов, Прохоров, Гаспаров, Жовтис, Ивлев и др. Заочно, прислав письма, участие приняли С. М. Бонди, В. М. Жирмунский, Е. А. Маймин и др.; на заседании была озвучена заметка «Актуальная мысль» (см. отчет о совещании: Гончаров 1969: 246–247).

(h) Руднев собирал документы для поездки на международную конференцию, посвященную сравнительному изучению метрики славянских литератур (Międzynarodowa konferencja poświęcona słowiańskiej metryce porównawczej), которая проходила 21–29 мая 1969 г. в Варшаве. Видимо, эта поездка не состоялась – в обоих хрониках конференции нет упоминаний о докладе Руднева (см.: Kopczyńska, Pszczółowska 1969: 426–428;

Корczyńska 1969: 26–28). По сообщению В. П. Руднева, П. А. Руднев никогда не бывал за границей.

(i) Сборник статей «Содружество наук и тайны творчества», вышедший в 1968 г. под редакцией Б. С. Мейлаха; в него вошла статья: Холшевников 1968: 384–386.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 27–27 об.

Ленинград. 21 февраля 1969

Дорогой Петр Александрович, вчера получил Ваше письмо и спешу на него ответить.

Очень огорчен, что Ваш отдых был столь неудачен. Как теперь Ваше здоровье? Мой отдых продолжался две недели в Доме творчества в Комарове и был очень удачен: я только спал, ел и гулял. У меня наметилась, увы, гипертония, и пока удалось как будто ее сбить, но надолго ли...

Не знаю, чему приписать (кроме Вашей доброжелательности) отзыв о моих последних подсчетах: право, они не столь уж значительны и Гаспарову едва ли нужны (решите сами). У меня была задняя мысль: вдруг удастся всунуть это дополнение к моей статье, но едва ли это возможно.

У Бориса Яковлевича беда: его мать^(a) (ей 89 лет, 9 месяцев) шла по комнате и сломала (так вот просто, даже не споткнувшись) шейку бедра. Она в клинике, и положение ее, как догадываетесь, весьма тяжелое. А Б. Я. болел гриппом... все сразу.

В. Е. Холшевников жив, здоров: вчера видел его в П<ушкинском> Доме.

Очень и очень хорошо, если съездите в Польшу: прекрасная страна – я там провел месяц^(b). Это лучшая форма отдыха, гораздо лучше санаториев. Если встретите там Тадеуша Шишко и Рене Сливовского (его жена – переводчица моего Пантелеева^(c) – Виктория Сливовская) – всем им дружеские приветы.

Спасибо за телефон Бадмаева: фамилия эта для ленинградца звучит всегда зловеще – Бадмаевы – это в 1915–1917 гг. тибетские

врачи, шарлатаны и приспешники Распутина. Но я уже слышал не раз, что нынешнее поколение очень одаренное. Но вот в чем дело. Я уже года два только теоретический экслибрисист: все коробки стоят наверху, пылятся, почти не пополняются. У меня нынче какая-то усталость душевная и не тянет ни к этому, ни к другим хобби. Вот разве на пенсию выйду – стану проводить так мой досуг. Была даже мысль – вовсе ликвидировать мои 3500 штук, пересмотрел – стало жалко. Есть они не просят, пусть до времени лежат. Вот почему мне трудно сейчас заставить себя позвонить даже милому коллекционеру: я отстал. Но адрес и телефон запишу, и спасибо за память.

А вот в чем мы с Вами, наверное, разойдемся – это в оценке книги Жовтиса: она мне в общем не понравилась – да пребудет сие между нами, ибо к автору я отношусь очень хорошо. Конечно, он и знающий, и умный, но меня отвергает претенциозный тон книги с бесконечными самоуверенными «я», жевание проблем, которые для меня не проблемы (романтичны или реалистичны «Несчастные» Некрасова – пусть об этом Григорьяны пишут^(d)), по-моему, все, что написано о свободном стихе, – на две трети может быть сокращено, бесконечное и ненужное усложнение терминологии (словечка не вымолвит просто – все «функции сущности»! – тьфу!). Вообще, книга показалась мне неудачной выходкой умного человека. Но я к автору ее отношусь хорошо и кроме Вас и Б. Я. этого моего мнения никому не высказываю, более того – постараюсь говорить о ней нейтрально. А может, я сам чего-то в ней не понял.

В. М. Ж. шесть дней был занят в Ленингр<адском> гор<одском> суде: слушалось дело (Л. Н. Гумилев – против И. Пуниной) о литературном наследии А. Ахматовой – ВМЖ победил^(e).

Вот Вам большущее письмо. Сердечный привет Лидии Петровне и Вам от Мальвины Мироновны и от меня.

Пишите.

Ваш С. Рейсер

(a) Эмилия (Эсфирь) Семеновна Бухштаб (1879–1969) – переводчица.

(b) Поездка Рейсера в Польшу состоялась во время летнего отпуска 1965 г.

(с) Подготовленная Рейсером книга воспоминаний Л. Ф. Пантелеева (см.: Пантелеев 1958) была издана на польском языке в 1964 г. (см.: Pantiejejew 1964).

(d) Камсар Нерсесович Григорьян (1911–2004) – литературовед, библиограф. Комментарий Рейсера отсылает к работам Григорьяна о направлениях в литературе XIX в. (см. монографию: Григорьян 1964 и др.); в статье, вошедшей в IV Некрасовский сборник (см.: Григорьян 1967: 145–157), Григорьян рассуждал о ломке жанровых границ в поэзии Некрасова в контексте смены литературных направлений.

(е) С 1966 по 1969 г. длилось судебное разбирательство между Л. Н. Гумилевым и семьей Пуниных о наследстве А. Ахматовой; В. М. Жирмунский был привлечен как свидетель со стороны Гумилева.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 39–40 об.

<Эльва>. 1 марта 1969

Дорогой Соломон Абрамович!

Сегодня я впервые за эту неделю дома, наслаждаюсь тишиной, солнцем, весело пригревающим меня из окна, пишу письма. Всю неделю носился по университету, оформляя документы по защите, Польше и, так сказать, в перерывах читая лекции и проводя семинары... Вчера у нас был кафедральный праздник – день рождения Jurii Secundi^(a) (Jurius Primus^(b) – Тынянов). Кафедрально ему были преподнесены цветы и восемь стульев (не 12!..), а мы с Л. П. – свои труды, которых у него не было, «галстукком их увязав в единую мета-систему»^(c)... Днем был легкий выпивон прямо на кафедре (коньяк, кофе, пирожные: у нас кофейное дело поставлено серьезно, не без моего активного участия, а душа этого дела – наша милая Анна Мальц – лаборантка и аспирантка кафедры^(d)). Вообще, конечно, тут чудесно!..). Вечером это солидно было продолжено – в том же составе – у Лотманов. Так что мы вернулись домой во 2^м часу, едва поймав такси и достойно завершив неделю! Кстати, один из тостов был за здоровье нашего старшего славного поколения (В. М., Вы, Б. Як., Л. Як. и др.).

Виктор Максимович прислал в минувший понедельник очень хороший отзыв на мою диссертацию. Ликование было всеобщее – я же был просто на седьмом небе... Дорогой Соломон Абрамович!

Я буду счастлив видеть Вас на своей защите в Тарту (очевидно, во второй половине апреля).

М. Л. Гаспаров, помимо всего, прочтет ряд лекций, очевидно, по народному стиху для моих студентов и, разумеется, всех желающих. Реферат, очевидно, выйдет числа 14–15 марта. Я очень Вас попрошу, дорогой Соломон Абрамович, написать мне личный Ваш отзыв на реферат и мои опубл<ированные> работы по стиховедению. Если Вы прочитаете его лично, будет еще лучше. Это просьба и моя, и Юр. М. (он и Зара Гр. шлют Вам приветы). Известная доля опасности, так сказать, «не отличного» голосования все-таки есть: ведь «в Москве я – жид, но русский – в Тарту»^(e)...

Что касается возможности «всунуть» в корректуру Ваши, убежден, очень интересные подсчеты – я об этом сразу подумал и уже кое-что предпринял, но, из суеверных соображений, не написал Вам.

На моей стороне – Игорь Чернов, секретарь редколлегии «Семиотик» (и мой большой приятель). Проф<ессор> Jurius – еще более суеверный, чем я, – как всегда, сказал: «Вот будут корректуры – увидим...» Думаю, что это выйдет (во всяком случае, я приложу здесь max<imum> усилий и пока Гаспарову посылать не буду).

Относительно книги Жовтиса. Я не помню, что я писал Вам (я – человек увлекающийся...), но по внимательному прочтению – у меня сложилось к ней отношение более серьезное, чем у Вас: у меня много принципиальных возражений (особенно по vers libre'y^(f), по принципам анализа стиха, о терминологии уже не говорю). Сейчас пишу большую рецензию для «Простора» (15 стр.). «Мед» уже завершен, теперь идет «деготь»... С «В<опросами> л<итературы>» мне роковым образом не везет. Одновременно с тем, как я получил заказ, Гаспаров уже написал туда без заказа, и рец<ензию> его приняли в № 4^(g). Она написана блестяще, но – entre nous^(h) – на месте Жовтиса я не хотел бы быть...

Если моя рецензия появится позже (очевидно, в мае), боюсь, меня обвинят в плагиате... Принципы критики (и даже некоторые частности, которые я сегодня буду переделывать...) весьма близки... Это, конечно, хорошо, но... Относительно нашего коллективного отклика на статью Т<имофеева>–Гиршмана и судьбы

моей статьи «К проблеме: метр и смысл» из «В<опросов> л<ите-
ратуры>» ничего не пишут, хотя прошел уже почти месяц после
их отправки. Сам Тимофеев откликнулся тотчас, прислав мне
дружеское и благодарное письмо. Боюсь, однако, что, как и наша
с Вами oratio in⁽ⁱ⁾ Прийма, отклик (о статье не говорю: очевидно,
ее судьба – II Блок<овский> сборник, который все еще «соби-
рается» в соответствии с тарт<ускими> темпами...^(j)) останется
в ящике стола... Все это несколько грустно гл<авным> обр<азом>
по меркантильным причинам, в первую очередь... Да, чтобы не
забыть, у Вас, кажется, была статья о слове «педант»? Где?^(k) И нет
ли оттиска? И вообще, есть ли оттиски Ваших к<аких>-либо
работ? У меня только «Берковская» статья и брошюра по стиху^(l).
Что возможно, пришлите, пожалуйста^(m). И, если есть, авто-
реф<ерат> докторской⁽ⁿ⁾. Я его читал когда-то в Ленинке. Сей-
час по ист<орико>-лит<ературному> курсу он был бы мне очень
кстати. Извините за столь назойливые просьбы.

Кажется, все.

Сердечный привет Вам от Л. П. и М. М. – от нас обоих.

Ваш П. Руднев

(a) Юрия Второго (лат.), т. е. Лотмана.

(b) Юрий Первый (лат.).

(c) Отсылка к поздравительному стихотворению Лотмана, о котором Руднев сообщал Бухштабу 2 января 1969 г.: «На моем подарке была такая надпись: Правый и левый носок нераздельны, как ямб и пиррихий / (Тщетно тщится Бухштаб их меж собой разлучить)! / Галстуком их увяжи в единую мета-систему* / Выпив, уйдешь на руках – вот вам и первый пеон! *“Увязать галстуком” – перевод греческого выражения. Буквально: “заложить за галстук”» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 960. Л. 1 об.-2).

(d) О деятельности Анн Мальц (Ann Maltz; род. 1941) в качестве старшего лаборанта в 1967–1974 гг. см. в поздравительном тексте: «Окончив отделение русского языка и литературы, она в том же году, по выбору Юрия Михайловича Лотмана, становится старшим лаборантом его кафедры. Название должности несколько странное для гуманитариев, но на это особого внимания тогда не обращали. Все знали, что по сути лаборант – главный помощник заведующего по административно-организационной части. Совсем не только планы, отчеты, переписка с вышестоящими инстанциями и прочие скучные, но неизбежные обязанности лежали на ее плечах. В эпоху Летних школ по вторичным моделирующим системам, постоянных конференций, семинаров, нарастающей лавины изданий (“Труды по знаковым системам”, тезисы Летних школ, “Труды по русской и славянской филологии”, “Блоковский сборник”, “Русская филология”,

тезисы студенческих научных конференций и пр.) нужно было постоянно добиваться финансирования, включения в издательский план, лимитов на бумагу, утверждения сборников к печати со стороны нескольких инстанций – и еще столь многого, что одно перечисление заняло бы страницы. Здесь во всем блеске развернулся организаторский талант Анн, ее умение стратегически мыслить, налаживать нужные контакты. Наконец, огромную роль играло ее человеческое и женское обаяние, перед которым трудно было устоять» (<https://www.ruthenia.ru/document/551577.html>).

(e) Цитата из стихотворения Руднева. П. С. Сигалов вспоминал: «На еврейскую тему (мать Руднева была еврейкой) П. А. комплексовал почему-то больше других. (Это отразили в том числе и стихи П. А., вроде “Вся жизнь поставлена на карту: В Москве я жид, А русский в Тарту”» (<https://kripta.ee/rosenfeld/2025/01/15/zhizn-kak-semestr-vospominaniya-p-s-sigalova/>). В воспоминаниях Руднев сопровождал этими строками (с незначительными разночтениями) рассказ о переезде в Тарту.

(f) Верлибр (*фр.*).

(g) См.: Гаспаров 1969b: 203–206.

(h) Между нами (*фр.*).

(i) Речь против (*лат.*).

(j) В открытке к Рейсеру от 16 января 1970 г. Руднев так характеризовал обстановку в Тартуском университете: «Пора уж привыкнуть к тартуским срокам: здесь признается только, так сказать, художественное время...» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 515. Л. 1).

(k) Установить, о какой статье идет речь, не удалось, однако к 1969 г. среди лексико-логических работ Рейсера были статьи о словах «декабрист», «демагог» и об идиоме «русский бог» (см.: Рейсер 1956: 58–59; Рейсер 1961: 64–69; Рейсер 1966a: 446–454).

(l) Возможно, имеются в виду материалы к учебному курсу: Мануйлов, Леонтьев, Рейсер 1968.

(m) Рейсер выполнил просьбу и прислал, в частности, отдельно изданную стенограмму лекции «Н. А. Добролюбов» (см.: Рейсер 1954) с дарственной надписью: «Дорогому Петру Александровичу – старое... старое... 1969.III.16» (из собрания публикаторов).

(n) См.: Рейсер 1955.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 18.

Ленинград, 25 марта 1969

Дорогой Петр Александрович, спешу поблагодарить Вас за автореферат^(a). Написан он очень солидно, содержателен и действительно дает ясное представление о диссертации. Язык несколько затрудненный, обилие специальных терминов может разозлить ВАКовских мудрецов. Впрочем, эта придирка не может иметь значения. Полагаю, что при «наличии» В. М. Ж. благополучное

течение диссертации более или менее обеспечено – никто не захочет с ним ссориться^(b).

Вы как-то просили меня написать отзыв. Я подумал, кое с кем посоветовался и хочу сообщить Вам со всей откровенностью следующее: Вам отзыв Соломона Абрамовича не нужен. Он не принесет Вам в ВАКе пользы, а испортить может. Меня как стиховеда мало кто знает, а о Блоке у меня работ нет. Итак, подумайте и напишите: если Вы сочтете нужным, я отзыв сочиню, но мое мнение Вы знаете.

Из другой оперы. Посмотрите книжечку Ф. М. Журко, «Поэма Н. А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”», М., «Просвещение», 1968. Это малограмотная чепуха + благоглупости и общие слова, но на стр. 133 есть «откровения». «Поэма в основном написана четырехстопным ямбом... Некрасов не придерживался строго выдержанной системы рифм... ритмическая организация стиха обуславливается еще цезурой и особым характером рифмы. В поэме преобладает дактилическая рифма в сочетании с мужской». Как Вам это нравится?! Увы, я должен молчать: редактор изд<ательств>ва В. Зайцев, а я связан с ним моей текстологией^(c). Но Вы-то свободны. Тут и Прийма покажется грамотеем.

Всего хорошего. Сердечные приветы Л. П. и Вам от М. М. и от меня.

Ваш С. Рейсер

(a) Реферат, видимо, был передан при личной встрече 19 марта 1969 г.; Рейсер был одним из слушателей доклада Руднева на семинаре стиховедческой группы ИРЛИ (см.: РО ИРЛИ. Ф. 856. № 88. Л. 98).

(b) Защита Руднева в Тарту состоялась 22 апреля 1969 г. Лотман писал об этом Егорову на следующий день: «Спешу Вас уведомить: защита Руднева прошла вчера блестяще. Голосование единодушное, ни одного против, как сказано у Беранже (кажется, в переводе Минаева): Что редко с Англией случится... Некоторый луч в некотором царстве. Все же приятно, хотя и царство не зевает» (Лотман, Минц, Егоров 2018: 333).

(c) Редактором книги «Палеография и текстология нового времени» (см.: Рейсер 1970b) был Владимир Иванович Зайцев.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 41.

Тарту. 2 апреля 1969

Дорогой Соломон Абрамович!

Мы обсудили с Юр. Мих. Ваши соображения насчет отзыва и, полагаясь на Ваш опыт и безусловное расположение ко мне, решили присоединиться к Вашему мнению.

Что касается Вашей информации об очередной безграмотной книге о Некрасове – спасибо. Но писать мне некуда, т. к. «В<опросы> л<итературы>» вернули мне мою статью «Метр и смысл» (слишком «специально!»), да и книги у меня этой нет. Я это учту где-нибудь в работе о метрике Некрасова, которую буду писать к осени для II сб<орника> «Теория стиха»^(а).

Сердечный привет М. М. и Вам – от Л. П. и М. М. – от меня. Ваш П. Руднев

(а) Эта работа была закончена только к 1975 г.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 42.

Эльва. 28 мая 1969

Дорогой Соломон Абрамович!

Отвечаю тотчас на Ваше письмо, но, к сожалению, Юр. Мих. сейчас в Пскове (уехал накануне, будет обратно не раньше первого июня). Как только он вернется, тотчас разыщу его и наведу справки. Я тоже должен был поехать в Псков, но доклада не успел подготовить. Вообще, кажется, моя несчастная диссертация высосала у меня все силы... Чувствую себя очень плохо, но отдыха (кроме фланирования по пыльной и надоевшей Эльве) не предвидится...

Вам, очевидно, Борис Яковлевич уже сообщил, что, по просьбе и желанию Юр. Мих., корректуры Вашей и Б. Як. статей проверяются

Лидией Петровной. Это должно, по словам Ю. М., ускорить выход сборника. Проверка будет тщательная, Вы не беспокойтесь.

Как Ваше здоровье, дорогой Соломон Абрамович?

Желаю Вам всего, всего самого хорошего.

От Л. П. – сердечный привет и М. М. – от нас обоих.

Всегда Ваш П. Руднев

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 35–36.

<Эльва>. 4 июня <1969>

Дорогой Соломон Абрамович!

Мне очень досадно, но на 100 % я все еще не смог выполнить Вашего поручения^(а). Дело в том, что Ю. М. на следующий день по приезде из Пскова уехал в Москву до 6/VI. Я об этой поездке не знал. И в день его приезда не поехал в Тарту, т. к. был болен, а на следующий день его уже не застал. Но, по-моему, мне удалось и без него, по подсказке Зары Гр., выяснить, что Орлов В. Н.^(б) не то что путает, как пишете Вы, а вот в чем дело. В «Лит<ературном> наследстве» (т. 60, кн. I, в. II, 1956) в статье «Стих<отворение> Андрея Тургенева “К Отчеству”...» Ю. М. приводит полный текст, по-моему, именно этого стихотворения. Его I стих: «Сыны отчества клянутся», а IX – «Мы жизнию [у Вас – кровию] своей купить».

Но НВ – самое важное – примечание 2 (стр. 336), где подвергается критике атрибуция этого стихотворения, данная Орловым в сб<орнике> «Декабристы. Поэзия...» (М.–Л., 1951): Орлов считает его автором Николая, Лотман – Андрея Т<ургене>ва. Кроме того, полный текст этого же стихотворения опубл<икован> в сб<орнике> «Поэты нач. XIX в.», «Б<иблиотека> п<оэта>», мал<ая> сер<ия>, 1961, стр. 271 (автор – Андр<ей> Тургенев)^(с).

Я на 99 % уверен, что это именно то, что Вы ищете. Особенно потому, что в указ<анном> примечании статьи Лотмана дана абсолютно тождественная Вашей ссылка на «Архив Т<ургене>в<ых>», т. II, в. 3, стр. 7^(д). Как только увижу Лотмана, уточню у него еще раз.

Теперь насчет гранок. Бор. Як. в письме выразил (сегодня) свое огорчение по этому поводу. Я вынужден, дорогой Соломон Абрамович, повторить еще раз, что тут моей инициативы не было ни одной капли. Ю. М., прося меня сообщить об этом Вам и Б. Як., подчеркнул, что это всецело лежит на его ответственности. Но, как бы то ни было, гранки мы проверили тщательно. И у нас один вопрос. В табл<ице> № 7 в рубрике № 3 стоит цифра (в рукописи) 3,00 % между 6-сложными и 7-сложными словами; и, т. к. там нет фигурной скобки (?), то неясно, к каким именно словам (6- или 7-сложным) относится эта цифра. В гранках – 3,00 % опущены до 7-сложных. Против 6-сложных просто пустое место. Это, конечно, неверно, но как править, мы не знали^(е). Решили отложить до 2-й корректуры, предварительно справившись у Вас.

Б. Як. пишет, что Вы мне отправили по поводу гранок письмо. Оно, м<ожет> б<ыть>, уже пришло на кафедру. До 16/VI я буду редко бывать в Тарту. И вообще – лучше пишите мне, пожалуйста, на Эльву (Тартусское шоссе, 29), где мы, очевидно, бросим якорь надолго. Хозяева вроде выгонять не собираются, а на квартиру надежд – 0,00!

Сердечный привет Вам от Л. П. и М. М. от нас обоих.

Ваш П. Руднев

(a) Просьба Рейсера касалась уточнения авторства стихотворения «К Отечеству», которое вошло в издание: Рейсер 1970а.

(b) Владимир Николаевич Орлов (1908–1985) – литературовед, редактор.

(c) В личном экземпляре подготовленной Лотманом книги Рейсер, получив ответ Руднева, сделал соответствующие записи о разночтениях и публикациях (книга в собрании публикаторов).

(d) См.: Тургенев 1913.

(e) Верно: 3 % для шестисложных и семисложных вместе (см.: Рейсер 1969а: 378).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 19.

<Ленинград>. 8 июня 1969

Дорогой Петр Александрович, сегодня в 12:30 я получил из Тарту корректуры. Я все бросил и сейчас же за них (с помощью Мальвины Мироновны) засел. В 19:30 работа окончена и отсылается в изд<ательский> отдел ТГУ. (Авиапочтой!)

Я очень рад, что избавил Лидию Петровну от правки: правка оказалась нелегкая и мне ее осуществить (зная всю «кухню»), конечно, легче, чем другому человеку. Хочу думать, что все будет в и<здательст>ве понятно и учтено. Если можно, сообщите, довольны ли они – я старался править максимально четко. Все же кое-что напутано в наборе, и я должен был исправлять.

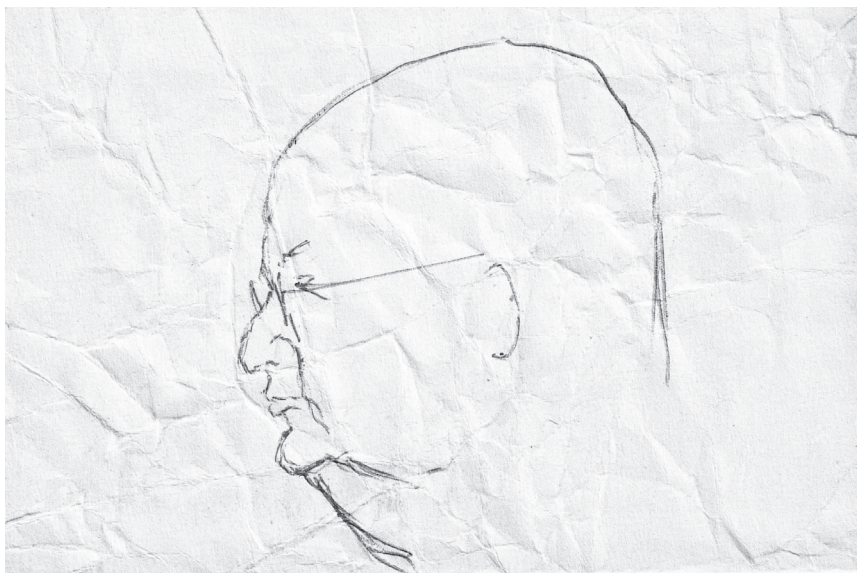
Лидия Петровна занимается стихом Тютчева. Я вспомнил, что в 1926 г. (!!) писал в Киеве дипломную работу именно на эту тему^(а): где-то сей труд валяется. Впрочем, в 1930-х гг. я рискнул его как-то дать Томашевскому, и он был более или менее мил. Надо знать Томашевского и его суровость, чтобы оценить это «более или менее».

Мальвина Мироновна и я кланяемся вам обоим. В начале июля отбудем – видимо, пароходом по Волге, а на август – Малеевка под Москвой^(б).

Ваш <не подписано. – Я. С., А. Х.>

(а) В мемуарной записи от 23 января 1968 г. Рейсер также вспоминал об этой работе: «Из неосуществленных замыслов: мне всегда очень хотелось заниматься теорией стиха: я слушал курс Б. В. Томашевского», писал о стихе Тютчева и почти никогда не осуществил того, что хотел в этой области. Только в прошлом году мне удалось завершить работу (3,5 печ. л.) о стихе «Кому на Руси жить хорошо» (Рейсер 2005: 22).

(б) В Малеевке Рейсер провел три летних отпуска: в 1969, 1971 и 1973 гг. Первое посещение, как следует из письма Бухштаба от 2 августа 1967 г., могло состояться на два года раньше: «Дорогой Моня! Насчет удаленности Малеевки тебя кто-то дезинформировал: от Москвы сюда 2 часа: 1½ на поезде и полчаса на автобусе. Из Переделкина, естественно, дальше и утомительнее, но тоже не так страшно. Собираетесь ли вы после Малеевки немедленно уехать из Москвы или задержаться в Москве? В последнем случае вам удобно приехать к нам после Малеевки» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 222. Л. 12). Во время отдыха Рейсера в Малеевке Л. Е. Хазановым был создан набросок его портрета.

Илл. 1. Л. Е. Хазанов. Портрет С. А. Рейсера. Бумага, шариковая ручка.
29 августа 1969 г. Малеевка.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 28.

Коломна. <После 17 августа 1969>

Дорогие друзья!

Лотмана Руднев догнал количеством деторожденных –
Елизавет родилась – оды торжественной ждет!

17 авг<уста> в адских муках Лидочка мне подарила дочку^(а)! Сей-
час ей лучше. Год она будет в Коломне.

«Семиотика», тьфу-тьфу, выйдет в сентябре! Вашу статью (и Б. Як.)
«продернули» мы еще раз, т<ак> что все в порядке.

Ваш П. Руднев

НВ Читайте «Вопр<осы> философии», № 7^(б).

(а) Елизавета Петровна Руднева. О том же 18 августа 1969 г. сообщал Рейсеру Бухштаб:
«Только что получил телеграмму от Руднева о рождении у него дочки. До начала

сентября он в Коломне <...>. Рад, что вам хорошо в Мал<еевке>» (РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 222. Л. 18).

(b) Видимо, Руднев указывал на статью: Соколянский 1969: 112–119.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 20–20 об.

Малеевка. 23 августа 1969

Дорогие Лидия Петровна и Петр Александрович!

Мальвина Мироновна и я спешим поздравить Вас. Самым искренним образом желаем Вам обоим и Вашему потомству здоровья, счастья, успехов. Надеюсь, что все у вас идет благополучно. Очевидно, решение пробыть год в Коломне вызвано бытовыми соображениями.

Большое спасибо за заботы о моей статье: коломенско-вологодский сборник вроде бы вышел, но обещанные мне (нал<оженным> платежом) экземпляры (по крайней мере до 10/VIII) получены не были. Если это в Ваших возможностях – напомните.

В июле мы прокатились по маршруту Ленинград–Астрахань–Ленинград: кое-что было интересно, но в общем на 3. А с 10/VIII мы очень хорошо проводим время в Малеевке – удобно, вкусно, красиво, есть интересные собеседники etc.

Я 31/VIII буду в Л<енингра>де, а Мальвина Мироновна задержится тут до 5/IX. Так что пишите в Л<енингра>д.

Еще раз лучшие пожелания и благодарности за статью.

Ваш С. Рейсер

Как дела Ваши в ВАКе?

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 20.

<Малеевка>. 23 августа 1969

Дорогой Петр Александрович,

вчера Вам писал и сегодня ночью сообразил, что написал какую-то чепуху о «коломенско-вологодском» сборнике. Я имел в виду, конечно,

то, что издано под маркой М<осковского> и<нститу>та Крупской – итоги коломенской конференции^(а).

Всего хорошего.

Ваш С. Рейсер

(а) Ошибка Рейсера вызвана тем, что в письме от 26 августа 1968 г. Руднев сообщал, что сборник будет печататься в Вологде.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 37.

Коломна. 24 августа <1969>

Дорогой Соломон Абрамович!

Очень, очень рад Вашим письму и открытке. Спасибо. Л. П. не сегодня, так завтра будет дома^(а). У меня настроение превосходное.

Сб<орник> вышел (правда, здорово подпорченный Петросовым; вообще он такой первоклассный мерзавец, что я бы очень просил Вас не подавать ему при встрече руки^(б); подробности – при встрече в Л<енингра>де, где я надеюсь быть 6–7 сент<ября> перед Тарту, где 8 сент<ября> начинаю читать лекции – и сразу с охотой – тьфу-тьфу...). Как только лаборантка выйдет из отпуска (дня через 2), Вам вышлют книги. Я уже послал В. М., Б. Як., Л. Як. (вместе с Гаспаровым), Тарановскому, в Польшу (где печатается моя статья «Метр и смысл» в сб<орнике> в честь 70-летия пр<офессора> Длуской в компании с Холш. и Гасп.)^(с). Имейте это в виду, пожалуйста.

Я фактически опять не отдыхал. Сейчас работаю, пишу совместную с Л. П. статью для Холш. «Метр<ический> справочник к стихотворениям Тютчева»^(д). Получается просто даже очень неплохо. По Некрасову за лето составил полный индекс размеров, но там оказались серьезные трудности с текстологией – в связи с переводом материала на 3^х-томник. Я уже держал совет с Б. Як. (на взморье^(е)), теперь хочу поговорить с Вами и И. Г. Ямпольским – «жидовский» Н<екрасов> будет близок к окончанию. Если его возьмут

в юб<илейный> Некр<асовский> сб<орник> (это будет очень большая статья – листов 5) – отдам. Если нет – напечатаю отдельно на ротапринте к юбилею (можно 8 листов). Тогда и Прийме достанется сполна – признаться, у меня на этого «стиховеда» чешутся руки!..

NB В ВАКе меня чуть-чуть не утвердили 18 июня... Но Щербина и Овчаренко настояли на рецензии^(f). Когда теперь, неизвестно... Я лихорадочно ищу приработка. В «В<опросах> л<итературы>» мне заказали обзор «Вопросы стилистики стиха» и любую рец<ензию> по стих<оведени>ю и поэзии с гарантией быстро напечатать. Но это надо еще написать... Сначала кончу Тютчева. Серд<ечный> привет М. М. и Вам и ей – от нас обоих. Ваш П. Руднев

(a) Речь о возвращении из родильного дома.

(b) Среди прочего Руднева оскорбил эпизод, описанный им в воспоминаниях так: «Чуть не забыл описать свой нехороший поступок. Курия на хорах второго этажа МГПИ, я сказал Петросову, что-то вроде того, что Шпеер (с которым у нас были натянутые отношения после конференции) будет злорадствовать в связи с моей защитной историей. Потом мы оба отвергли это глупейшее предположение. Но дело тут было не столько в моих словах, сколько в том, что Петросов передал их Шпееру. Это уже было на грани подлости! Недаром, когда я приехал в Коломну и побежал в деканат похвалиться своей статьей в “Теории стиха”, Шпеер был очень со мною холоден. Вскоре все выяснилось, но с Петросовым я поссорился всерьез и надолго».

(c) Руднев послал статью (см.: Руднев 1971: 77–88) в этот сборник после получения отказов из журналов «Русская литература» и «Вопросы литературы» (см. письма от <10–15> и 19 марта, 4 апреля, 26 ноября 1968 г., 16 февраля, 1 марта и 2 апреля 1969 г.). В сборник в честь Марии Длуской (Maria Dłuska; 1900–1992), вышедший под редакцией З. Копчиньской и Л. Пшчоловской, вошли также статьи: Холшевников 1971: 21–24 и Гаспаров 1971: 39–64.

(d) Первая совместная статья Руднева и Новинской о Тютчеве вышла лишь в 1984 г.

(e) В начале августа 1969 г. в Юрмалу, где отдыхал Бухштаб с женой, на один день приезжал Руднев. Об этом Бухштаб сообщал в открытке к Рейсеру (см.: РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 222. Л. 17).

(f) Владимир Родионович Щербина (1908–1989) – литературовед, член ВАК; Александр Иванович Овчаренко (1922–1988) – литературовед, критик, член ВАК. О тяжелой атмосфере в коллективе экспертной комиссии по литературоведению ВАК в 1960-х гг. сообщал в письме к Ю. Г. Оксману Н. К. Гудзий: «Во имя человечности и в борьбе за элементарную порядочность с отвращением два раза в месяц посещаю заседания экспертной комиссии, где приходится вступать в состязания с молодцами среднего общественного уровня, помпона которых суть odiosa, а фамилии – Бельчиков, Овчаренко, Петров, Ревякин и К^о» (Фролов 2021: 42).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 45.

Эльва. <29 сентября 1969>

Дорогой Соломон Абрамович!

Вернувшись из своих утомительных поездок-полетов (Тарту–Москва–Сухуми–Сочи–Москва–Коломна–Таллин–Тарту...) за большой тамап, которую я перевез в Коломну к Лиде (больше некуда!), я застал любезно присланные Вами оттиски. Большое спасибо! Я так устал и перенервничал, что заболел сразу радикулитом, холециститом и язвой (sic!). Отлеживаюсь (в свободные дни) и пишу «веселую» статью для самаркандского сборника, куда меня пригласил Усманов через Бор. Як. и Г. А. Бялого^(а).

«Веселую» потому, что там крепко уже досталось нашим общим «друзьям» из П<ушкинского> Дома и еще кое-кому (из серьезных людей – Жовтису). Обязательно пришлю Вам почитать – уверен, что это доставит Вам некоторое удовольствие... Жаль, мало места!..^(б)

Сердечный привет Мальвине Мироновне

Всегда Ваш П. Руднев

НВ – уже есть сигнал «Семиотики», IV! Как поживают наши фото «на островах»^(с)?

(а) 9 августа 1969 г. Бухштаб писал Рудневу: «<...> передал Бялому автореферат и все, что его (Бялого) касалось: сегодня же имел беседу с упоминавшимся зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Самаркандского пединститута Лерманом Дехкановичем Усмановым. Это бывший аспирант Бялого, защитивший диссертацию по Чехову, страстный и, по словам Бялого, весьма компетентный структуралист, поклонник Лотмана, человек одаренный и порядочный. Вашу статью он охотно напечатает. Он сказал мне, что ему нужен на кафедру профессор или доцент по русской литературе, каковой сразу будет обеспечен хорошей квартирой. Мы с Бялым горячо рекомендовали ему Вас <...>» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 663. Л. 11). 3 января 1969 г. Руднев сообщал Бухштабу: «Усманов мне просто ничего не ответил в ответ на предложение той статьи» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 960. Л. 42). Л. Д. Усманов был редактором сборника «Вопросы литературы и стиля» (Самарканд, 1969).

(б) Речь идет не о статье, а об открытке, на которой закончилось место.

(с) Вероятно, фотографии были сделаны в первых числах сентября 1969 г. на Елагином острове в Ленинграде.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 22.

Ленинград. 2 октября 1969

Дорогой Петр Александрович,
я был осведомлен о всех Ваших невеселых делах от Б. Я.^(а) Как все это тяжело и как Вас все время бьет судьба (а как ВАК?). И все же верю в хорошее будущее. По-моему, Вам надо изо всех сил держаться за Тарту.

Я не знал, надолго ли Вы уехали, и поэтому просил П. С. Рейфмана^(б), который собирается в Л<енингра>д, приобрести для меня несколько экземпляров 4^й «Семиотики».

Охотно прочитаю Вашу статью – и вообще, и о моих друзьях в П<ушкинском> Д<оме> – пожалуйста, пришлите. Быстро возвращу.

Фото Вам высланы и вышли вроде бы неплохо (некоторые!). Жду Вашего отзыва.

Сердечный привет Л. П. и Вам от М. М. и от меня.

И еще – приветы Ю. М. Л.

Всего хорошего.

Ваш С. Рейсер

Р. С. Лекционные дела так складываются, что на конференцию в Алма-Ата к Жовтису в середине октября едва ли соберусь^(с).

Р. Р. С. Фото посланы заказным по адресу У<ниверсите>та.

(а) О черед «невеселых дел» Руднев извещал Бухштаба в письме от 12 сентября 1969 г.: «Я начал вдохновенно и увлеченно работать. Стал хорошо читать, уже написал статью в Виноградовский сб<орник>, пишу для Усманова, от которого получил любезное письмо. И вот – трах! Мою маму разбил паралич с отклонениями в психике, сегодня выезжаю в Сочи (на лотмановские деньги...), а Лиду (только об этом – ей ни слова) с 1 сент<ября> сократили <...>. Правда, последнее наладится. Но вот первое... Придется маму везти в Коломну, на Лидину шею... Так что через год, если мне не дадут квартиры в Тарту (а ее там не дадут – квартир нет), придется собирать манатки и, м<ожет> б<ыть>, – в Самарканд. Усманов настоятельно приглашает меня» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 960. Л. 23).

(б) Павел Семенович Рейфман (1923–2012) – литературовед, в то время – доцент кафедры русской литературы Тартуского университета.

(с) В сборнике тезисов докладов научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, «Марксизм-ленинизм и проблемы теории литературы»

(Алма-Ата, 1969) были опубликованы тезисы доклада: Руднев 1969b: 66–68. Эти же тезисы, видимо, не были приняты ранее организаторами конференции в Калужском педагогическом институте. В хронике алма-атинской конференции Руднев среди докладчиков не упоминается (см.: Савченко, Мучник 1970: 252–253).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 43–44 об.

Тарту. 14 октября 1969

Дорогой Соломон Абрамович!

Очень, очень тронут Вашей обязательностью в отношении фотографий, которые мне и Лиде (и всем) чрезвычайно понравились. Большое, пребольшое спасибо. Если можно, подарите мне, пожалуйста, пленку – мой профиль (sic!) понравился многим моим друзьям, и они просят у меня фото...

Простите, что задержал ответ. Я ездил в Коломну – Лизе нужен был «Геркулес» (она его хорошо усваивает и уже – тьфу-тьфу! – догнала до своего веса).

Если мой грипп, который я подхватил в дороге, не разрастется, то в четверг (16/X) я буду в Л<енингра>де, привезу «Семиотику», свою статью, которая на сей раз мне, ей-богу, кажется, удалась.

Сейчас только что в Тапа купил «Вопли» с нашей общей заметкой, которую Вы, конечно, уже видели^(а). Сейчас еду прямо на лекцию. Читаю критику и журн<алы> <18>60^x годов. Остановился на «Свистке». И сейчас доставлю аудитории удовольствие – чтением выдержек из прутковского проекта «О введении единомыслия в России». Бедная Р... А ведь – гениальная, а?

Поезд трясет – поэтому плохо пишу.

Сердечный привет М. М. от нас обоих и Вам – от Л. П.

Надеюсь, что скоро повидаемся.

Всегда сердечно Ваш П. Руднев

Р. S. Если случайно попадется Вам книга Скатова о поэтах некр<а-совской> школы, купите, пож<алуйста>, для меня.

(а) См.: Лотман, Минц, Новинская, Руднев, Сидяков 1969: 195–197.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 23.

Ленинград. 19 октября 1969

Дорогой Петр Александрович,
спешу возвратить Вам* рукопись Вашей статьи^(а). По-моему, она очень интересна. Я не занимался этими проблемами и своей точки зрения не имею. Но не могу согласиться с тем, что Вы пишете на стр. 18 о графической расчлененности стиха; меня не убедило. Стих не только читается, но и воспринимается на слух; что же, прочитанные с эстрады стихи (верлибра) – они как будут восприниматься?

К стр. 6 – я бы дал уже всю коллекцию идиотов – напр<имер>, книгу Плехотишиной о «Кому...» (изд<ана> в Киеве), книгу Журко о «Кому...» («Просв<ещение>», М., <19>69) – они пишут о <четырёх-стопном ямбе> Некрасова в этой поэме! У Журко есть и другие красоты (рифма!).

Еще замечание – заглавие, по-моему, неудачно. Я бы выделил в заглавии основную проблему – верлибр.

Сердечные приветы etc.

Ваш С. Рейсер

Р. С. Рейфман о себе пока не давал знать.

Опять проблема – по какому адресу лучше писать – сообщите, пожалуйста.

В Библиотеке Академии наук в Ленинграде есть (недавно пришла) очень интересная для Вас книга – «Les vers français au XXe siècle». Paris, 1967.

* «Возвратил» Б. Я-чу.

(а) Видимо, речь о той же статье, о которой Руднев писал Холшевникову 3 октября 1969 г.: «Я начал писать небольшую статью для сб<орника> по вопросам поэтики, который собираются издавать в самаркандском пединституте (меня пригласил туда некто Усманов, бывший аспирант Г. А. Бялого, с которым я познакомился у Б. Як. под Ригой. Статья называется “К проблеме семан<ического> анализа стиха на ритмическом уровне”. Я решил дать свой анти-жовтисовский разбор (помните, я читал Вам? Но рецензия эта не состоялась...) с предварительной постановкой вопроса и

критическим обзором состояния проблемы» (РО ИРЛИ. Ф. 856. № 124. Л. 2–2 об.). В переработанном виде статья была опубликована позднее (см.: Руднев 1975: 93–121; Руднев 1976: 170–190).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 24.

<Ленинград>. 19 октября 1969

<Конгресная печать «С. А. Рейсер»>

Вслед!

После получения Вашего письма.

Дорогой Петр Александрович!

Высылаю вам пленку – получение оной прошу подтвердить.

Рад, что Ваши дела нормализуются.

Книгу Скатова буду иметь в виду.

Привет.

Ваш С. Рейсер

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 46.

<Эльва>. 25 октября 1969

Дорогой Соломон Абрамович! Простите за открытку: простужен сильно (хочу 3 дня высидеть дома), а конверта нет. Спасибо за пленку и за замечания. 1) Насчет <верлибра> я не согласен с Вами: в том-то и дело, что чтение с эстрады идет от граф<ического> расчл<енения> текста, отсюда – паузы и интонация, а значит и восприятие. Но это требует экспер<иментальной> проверки. 2) Насчет «прелестей» Приимы, Плахотишиной и Журко – все современные будут полностью вставлены в обзор, заказанный мне «В<опросами> л<итературы>» – «Вопр<осы> стилистики стиха». Я специально их собираю, но пойдет ли – слишком дико все это... 3) Ваше замечание насчет заглавия мне непонятно: ведь <верлибр> – в статье проблема «проходная»,

а главное – именно семиот<ический> анализ стиха на уровне метра-ритма. Самым важным я сам считаю – это постановка вопроса об использовании данных статистики для семиотики. Тут за многое можно критиковать разборы Ю. М. Л. (в III тезисах Летней школы, 68 г.)^(а). Пишите, пож<алуйста>, на Эльву, а всякие бандероли – на ун<иверсите>т. Серд<ечный> привет М. М. Всегда Ваш П. Руднев

Спасибо за библ<иографическое> сообщение.

P. S. Как Ваша почка?

(а) Двухчастная работа, посвященная анализу стихотворений М. Ю. Лермонтова и Б. Л. Пастернака: Лотман 1968: 191–224. Претензии к Лотману Руднев изложил Холшевникову в том же письме от 3 октября 1969 г.: «Очень со многим в лотмановском разборе не согласен в области ритмического уровня – там есть и грубые ошибки, и просто явные натяжки, а главное – этот разбор резко противоречит принципам самого Лотмана, сформулированным в его “Лекциях” и последней статье в сб<орнике> “Проблемы типологии русского реализма”» (РО ИРЛИ. Ф. 856. № 124. Л. 2 об.–3).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 26.

Ленинград. 14 ноября 1969

<Конгревная печать «С. А. Рейсер»>

Дорогой Петр Александрович, как Вы живете, как дела у Лидии Петровны, наконец, как ВАК?^(а) (извините, получился почти непристойный каламбур.)

Нет ли у Вас сведений о конференции в Алма-Ате?

Мои дела не очень хороши: чувствую себя средне, нахлынула куча дел, все малоприятных и треплющих нервы. Увы, я мало защищен: есть люди, по которым все это скользит, а в меня вбивается.

Не знаете ли – как мне вытянуть из Коломны еще три-четыре экземпляра сборника: писал им – безответно. Не проходит ли Лидия Петровна мимо И<нститу>та; удобно ли ей зайти и попросить экземпляры, либо просить мне выслать. Это я пишу на всякий случай: вполне и вполне понимаю, что Л. П. сверхзанята и ей не очень удобно. Так что я никак не буду в претензии. Можете про эту

просьбу забыть. А будут ли оттиски «Семиотики»? Пишите. Сердечные от нас приветы.

Ваш С. Рейсер

Жаль мне было К. И. Чуков<овского> – с ним ушла целая эпоха^(b). Посланная ему «Сем<иотика>» его уже не застала.

(a) Речь об утверждении кандидатской степени.

(b) К. И. Чуковский умер 28 октября 1969 г.

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 47.

Эльва. <До 22 ноября 1969>

Дорогой Соломон Абрамович!

Ваш каламбур для ВАКа, по-моему, слишком пристоен: никаких сведений из этого *maison publique*^(a) у меня давно нет... Жду у моря погоды. Смерть К. И. Ч. на меня произвела сильное впечатление, да и какой ряд: Берков–Виноградов–Чуковский^(b)! Вы меня огорчаете своим минором... Правда, я Вас понимаю: меня мелочи тоже нервируют. Лида стала очень нервной, раздражительной – тяжело ей там одной (и без особых интеллект<уальных> интересов) – год придется терпеть. Оттиски в «Сем<иотике>» обязательно будут, и Вы, конечно, получите, но когда, не знаю. Вашу просьбу о Коломне я уже выполнил; у меня есть к кому обратиться, помимо Лиды, которая в ин<ститу>те и не бывает, и не хочет бывать... Обязательно сообщите мне о результатах: думаю, что недели через 2 они скажутся. Есть ли у Вас тезисы А<лма>-Атинской конференции? Если нет, я могу прислать. Только опять-таки сообщите, пожалуйста. Говорят, там было интересно. Гаспаров пишет: не хуже, чем в Коломне. Жовтис прислал мне радостное письмо и оттиск своей статьи из «В<опросов> я<зыкознания>» (69, 2)^(c). Как Б. Як.? Между нами – его настроение очень и очень меня беспокоит. Я приглашал его в Эльву рассеяться, но он не едет. Серд<ечный> при<вет> М. М. Всегда Ваш П. Руднев
P. S. Как В<аша> текстология? Жду ее!^(d)

(a) Публичный дом (*фр.*).

(b) П. Н. Берков умер 9 августа 1969 г.; В. В. Виноградов – 4 октября 1969 г.

(c) См.: Жовтис 1969: 64–75.

(d) См.: Рейсер 1970b.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 28.

Ленинград. 23 ноября 1969

Дорогой Петр Александрович!

Преогромное Вам спасибо за заботы: если удастся получить еще сколько-то экземпляров коломенского сборника – я удовлетворю обиженных на меня дядей. Но сообщите, пожалуйста, кому и сколько перевести.

Тезисов Алма-Атинской конференции не имею и за присылку оных буду благодарен.

Б. Я. в состоянии ниже среднего: оно и понятно в его нелегком (мягко говоря) положении. А тут еще квартирные нелады – но, похоже, что они на пути к благополучному устроению. Позавчера мы (он и я) – оба выступали на вечере памяти Чуковского, который был очень удачен – тепло, без пошлости, с несколькими хорошими речами^(a). Из Москвы приехала невестка М. Н. Чуковская.

Холщевников считает, что второй сб<орник> «О стихе» в П<ушкинском> Д<оме>, после нажима В. М. Ж. на Базанова, пойдет^(b). Очень буду рад.

Живем мы разнообразно. То похороны Чуковского, то юбилей Мейлаха^(c), то рязанские частушки^(d)...

Хорошо понимаю Л. П. и Ваше состояние – разобщенности и трудностей житейских: но в перспективе – лучшее. Год пройдет быстро. Уже ведь полгода прошло.

Текстология – ох, не спрашивайте. Одна из причин моей нервности. Не знаю, что и думать.

Всего Вам хорошего. М. М. кланяется.

Ваш С. Рейсер

(а) Вечер памяти Чуковского прошел в музее-квартире Некрасова 21 ноября 1969 г. В своей речи Рейсер рассказал о знакомстве с Чуковским, его работах о Некрасове, а также реакции на статью Рейсера о строфе поэмы Некрасова. Речь завершалась так: «Некрасов – самая постоянная (на протяжении почти 65 лет!) тема К<орнея> И<вановича>. Им сделано здесь так много, что характеристика его должна стать предметом особой работы: в нескольких словах всего не пересказать и даже не перечислить <...> К. И. скончался на 89 году, сохранив до самого конца полную работоспособность, ясность мысли, живую творческую инициативу, свое неизменное человеческое обаяние. Почтим вставанием его память» (цит. по машинописи с исправлениями автора из собрания публикаторов).

(б) Василий Григорьевич Базанов (1911–1981) – фольклорист; в 1965–1975 гг. занимал должность директора Института русской литературы (Пушкинского Дома). Следующий после «Теории стиха» сборник («Исследования по теории стиха»; Л., 1978) был издан спустя десять лет.

(с) 13 ноября 1969 г. проходило Юбилейное заседание Ученого совета ИРЛИ, посвященное 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности Б. С. Мейлаха. На заседании выступили Н. В. Измайлов (доклад «Изучение биографии и творчества Пушкина»), З. И. Гершкович (доклад «Вопросы теории литературы и эстетики») и Б. Ф. Егоров (доклад «Комплексное изучение художественного творчества») (благодарим за сообщенные сведения В. В. Турчаненко).

(д) Рейсер намекал на исключение А. И. Солженицына из Союза писателей, произошедшее на заседании Рязанской писательской организации 4 ноября 1969 г. и вызвавшее большой общественный резонанс. Ср. использование этого же иносказательного выражения в письме М. Л. Ростроповича к Солженицыну от 5 ноября 1969 г. после встречи с женой Солженицына Н. А. Решетовской: «Дорогой, любимый, родной мой Саня! Только что Наташа сообщила мне последнюю “Рязанскую частушку”. Вывод один и категорический: скорее возвращайся в свой дом в Жуковку, ибо здесь без тебя невозможно существовать, а Рязанский союз без тебя еще просуществует» (Решетовская 1994: 173).

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 29.

Ленинград. 7 декабря 1969

Дорогой Петр Александрович!

Б. Я. изложил мне Ваше письмо^(а). Конечно, полной ясности нет, но и тревожиться пока не надо. Будь отзыв отрицательный – автор бы не решился Вам писать. Плохо, что все тянется...

Спасибо за тезисы. Интересно.

У меня новость – начались корректуры текстологии!

Как нехорошо, что у Л. П. нездоровье; что тут поделаешь. Всячески Вам сочувствую.

М. М. просит передать привет.

Всегда Ваш С. Рейсер

(а) 3 декабря 1969 г. Руднев писал Бухштабу: «Сейчас получил письмо от Гончарова. Диссертация у него. Он пишет, что даст отзыв к 3/XII, т. е. к сегодняшнему дню. Говорит, отзыв будет «в принципе положительный». Ну, не болван ли? Анекдот – Гончаров проверяет Жирмунского, Бухштаба, Гаспарова, Холшевникова и др. 14 ученых, написавших мне рецензии! Обещал прислать копию – посмотрим. Конечно, в конце концов, наверное, утвердят, но когда – дай бог, чтобы к новому году» (ОР РНБ. Ф. 1341. № 960. Л. 41). Отзыв писал стиховед, исследователь творчества В. В. Маяковского Борис Прокопьевич Гончаров (род. 1934).

П. А. РУДНЕВ – С. А. РЕЙСЕРУ

РГАЛИ. Ф. 2835. Оп. 1. № 514. Л. 50.

<Эльва>. 12 декабря 1969

Дорогой Соломон Абрамович!

Вы пишете, что Вам не вполне ясна ВАК-ская ситуация. Моя диссертация на отзыве у Гончарова. Это настолько уже не секрет, что я получил сегодня известия из... А<лма>-Аты, что отзыв написан и отправлен по назначению! Увы, сам «отзовист» мне сообщал на днях, что он задержит отзыв в связи с семейными несчастьями (смерть дяди). Так что пока лишь ясно, что диссертация у него – «отзовиста». А жаль – «выбрал» же дядя время! – 11/XII было заседание (меня информируют многие), где могли бы меня или утвердить или что-нибудь еще. Под новый год они любят чистить свои конюшни (чуть не написал другое слово!), а заседают раз в месяц^(а)!

Сердечный привет М. М.

Ваш П. Руднев

Искренне рад за В<ашу> книгу!

(а) Решение о присуждении Рудневу степени кандидата филологических наук было принято ВАКом в январе 1970 г.

С. А. РЕЙСЕР – П. А. РУДНЕВУ

НА РК. Ф. Р-3782. Оп. 1. № 94. Л. 30.

<Ленинград. Декабрь 1969>

Дорогой Петр Александрович,
Мальвина Мироновна и я самым сердечным образом поздравляем
Лидию Петровну и Вас с Новым годом и желаем Вам обоим здоровья,
воссоединения, счастья, успехов. Все это и наступит.

Особо – пожелание ВАКу – провалиться в преисподнюю.

Всегда Ваш С. Рейсер

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бухштаб Б. Я. 1951. К истории стихотворения Н. А. Некрасова «Катерина». – Некрасовский сборник. [Т.] I / Под ред. А. М. Еголина, Н. Ф. Бельчикова, Б. И. Бурсова, В. Е. Евгеньева-Максимова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 86–101.
- Бухштаб Б. Я. 1956. Начальный период сатирической поэзии Некрасова (1840–1845). – Некрасовский сборник. [Т.] II / Под ред. Н. Ф. Бельчикова, В. Е. Евгеньева-Максимова. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 102–150.
- Бухштаб Б. Я. 1960. Сатира Н. А. Некрасова в 1846–1847 годах. – Некрасовский сборник. [Т.] III / Под ред. В. Г. Базанова, Н. Ф. Бельчикова, А. М. Еголина. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 9–35.
- Бухштаб Б. Я. 1964. Некрасов и петербургские филантропы. – Ученые записки Горьковского университета. Серия историко-филологическая. Вып. 72. Т. 1. С. 297–344.
- Бухштаб Б. Я. 1967. Сатирическая поэзия Некрасова в годы «цензурного террора». – Некрасовский сборник. [Т.] IV: Некрасов и русская поэзия / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 57–74.
- Бухштаб Б. Я. 1969. О структуре русского классического стиха. – Труды по знаковым системам. [Вып.] IV. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 386–408. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 236).

- Вацуро В. Э. 1969. Пушкинская конференция в Пскове. – Временник Пушкинской комиссии: 1966. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 69–72.
- Гаспаров М. Л. 1968. Тактовик в русском стихосложении XX в. – Вопросы языкознания. № 5. С. 79–90.
- Гаспаров М. Л. 1969a. Работы Б. И. Ярхо по теории литературы. – Труды по знаковым системам. [Вып.] IV. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 504–514. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 236).
- Гаспаров М. Л. 1969b. Стихovedение нужно... – Вопросы литературы. № 4. С. 203–206.
- Гаспаров М. Л. 1971. Русский силлабический тринадцатисложник. – *Metryka słowiańska / Pod red. Z. Kopczyńskiej, L. Pszczółowskiej*. Wrocław [i in.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. С. 39–64.
- Гаспаров М. Л. 1988. Первочтение и перечтение: К тыняновскому понятию сукцессивности стихотворной речи. – Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне. С. 15–23.
- Гаспаров М. Л. 2004. «Теснота стихового ряда»: Семантика и синтаксис. – *Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag / Hrsg. von L. Fleishman, Ch. Gözl, A. A. Hansen-Löve*. Hamburg: Hamburg University Press. С. 85–95.
- Гин Я. И. 1998. Яков Иосифович Гин (1958–1991) / Публикация, подготовка текстов, примечания С. М. Лойтер. – *Russian Studies*. Vol. II. № 4. С. 469–525.
- Гиршман М. М. 1968. Литературоведческий анализ (методологические вопросы). – Вопросы философии. № 10. С. 103–113.
- Гиршман М. М. 1969. Принципы целостного анализа. – Марксизм-ленинизм и проблемы теории литературы. Алма-Ата: [б. и.]. С. 28–30.
- Гончаров Б. П. 1969. Совещание стиховедов-русистов. – Вопросы литературы. № 5. С. 246–247.
- Григорьян К. Н. 1964. Лермонтов и романтизм. М.: Наука.
- Григорьян К. Н. 1967. К вопросу о жанрах в лирике Некрасова. – Некрасовский сборник. [Т.] IV: Некрасов и русская поэзия / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 145–157.
- Егоров Б. Ф. 2004. Воспоминания. СПб.: Нестор-История.
- Жовтис А. 1968. Стихи нужны...: Статьи. Алма-Ата: Жазушы.

- Жовтис А. Л. 1969. О способах рифмования в русской поэзии (К проблеме структурных связей в современном стихе). – Вопросы языкознания. № 2. С. 64–75.
- Котов М. П. 1963. В мастерской стиха Твардовского: Статьи и заметки. Саратов: Саратовское книжное издательство.
- Кумпан К. 2022. Моя научная школа: Отрывки воспоминаний. – *Acta Slavica Estonica XIV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение XI: К 100-летию Ю. М. Лотмана*. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 585–614.
- Лотман М. Ю. 2017. Неотправленное письмо. – М. Л. Гаспаров. О нем. Для него / Сост. М. Тарлинской. Под ред. М. Тарлинской и М. Акимовой. М.: Новое литературное обозрение. С. 133–283.
- Лотман Ю. М. 1968. Анализ двух стихотворений. – III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Кяэрику, 10–20 мая 1968 г.: Тезисы. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 191–224.
- Лотман Ю. М., Минц З. Г., Егоров Б. Ф. 2018. Переписка. 1954–1993 / Издание подготовили Б. Ф. Егоров и А. П. Дмитриев при участии Т. Д. Кузовкиной, Д. Э. Кузовкина и Н. В. Поселягина. СПб.: ООО «Полиграф».
- Лотман Ю., Минц З., Новинская Л., Руднев П., Сидяков Л. 1969. Актуальная мысль. – Вопросы литературы. № 9. С. 195–197.
- Магомедова Д. 2022. Два профессора-ленинградца: Соломон Рейсер и Дмитрий Максимов. – *Connaisseur*. № 3. Т. 2. С. 165–177.
- Мануйлов В. А., Леонтьев Н. Г., Рейсер С. А. 1968. Литературное произведение как художественное целое. Композиция художественных произведений. Литературные жанры. Л.: [б. и.].
- Некрасов Н. А. 1948–1953. Полн. собр. соч. и писем: В 12-ти тт. М.: Гослитиздат.
- Некрасов Н. А. 1967. Полн. собр. стихотворений: В 3-х тт. / Общ. ред. и вступительная статья К. И. Чуковского. Л.: Советский писатель.
- Нольман М. 1969. Некрасов и его «школа». – Вопросы литературы. № 9. С. 232–234.
- Пантелеев Л. Ф. 1958. Воспоминания / Вступительная ст., подготовка текста и примечания С. А. Рейсера. М.: Гослитиздат.
- Петросов К. Г. 1969а. О творческом методе и герое раннего Маяковского. – Русская советская поэзия и стиховедение (материалы межвузовской конференции) / Отв. ред. К. Г. Петросов. М.: [б. и.]. С. 136–150.

- Петросов К. Г. 1969b. О формах выражения авторского сознания в лирической поэзии. – Русская советская поэзия и стиховедение (материалы межвузовской конференции) / Отв. ред. К. Г. Петросов. М.: [б. и.]. С. 22–48.
- Петросов К. Г. 1999. Педагогический и научный дебют (начало пути). – *Studia metrica et poetica*: Сборник статей памяти Петра Александровича Руднева / Сост. А. К. Байбурин, А. Ф. Белоусов. СПб.: Академический проект. С. 7–12.
- Пини О. 1969. Некрасовская конференция. – Вопросы литературы. № 6. С. 243–244.
- Плахотишина В. Т. 1956. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Киев: Издательство Киевского университета им. Т. Г. Шевченко.
- Помирчий Р. 1967. Блоковская конференция. – Вопросы литературы. № 10. С. 251.
- Прийма Ф. Я. 1967. От Пушкина до Некрасова. – Некрасовский сборник. [Т.] IV: Некрасов и русская поэзия / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 10–39.
- Прокшин В. Г. 1967. О композиционно-сюжетных особенностях эпопеи «Кому на Руси жить хорошо». – Некрасовский сборник. [Т.] IV: Некрасов и русская поэзия / Отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 97–112.
- Прохоров А. 1964. Эталонный ямб. – Наука и жизнь. № 3. С. 110.
- Пустовойт П. 1969. Научная конференция в Калуге. – Вопросы литературы. № 8. С. 246.
- Рейсер С. А. 1954. Н. А. Добролюбов: Стенограмма лекции. Л.: [б. и.].
- Рейсер С. А. 1955. Н. А. Добролюбов в 1836–1857 гг. (Подготовка и становление литературной и общественно-политической деятельности): Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л.: [б. и.].
- Рейсер С. А. 1956. Из разысканий по истории русской политической лексики: Декабрист. – Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской. Л.: [б. и.]. С. 58–59.
- Рейсер С. А. 1961. «Русский бог». – Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. Т. XX. Вып. 1 / Гл. ред. Д. Д. Благой. М.: Издательство Академии наук СССР. С. 64–69.
- Рейсер С. А. 1966а. Из истории политической лексики: «Демагог» в русской и зарубежной традиции. – Русско-европейские литературные связи:

- Сборник статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексева. М.; Л.: Наука. С. 446–454.
- Рейсер С. А. 1966b. Красный флаг в России. – XVIII век. Сборник 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л.: Наука. С. 294–301.
- Рейсер С. А. 1969a. Словарь трехстопного ямба поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». – Труды по знаковым системам. [Вып.] IV. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 368–385. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 236).
- Рейсер С. А. 1969b. Строфа в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». – Русская советская поэзия и стиховедение (материалы межвузовской конференции) / Отв. ред. К. Г. Петросов. М.: [б. и.]. С. 192–206.
- Рейсер С. А. 1970a. Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX века / Вступительные ст. С. Б. Окуня, С. А. Рейсера. Сост., подготовка текста, вступительные заметки и примечания С. А. Рейсера. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение.
- Рейсер С. А. 1970b. Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение.
- Рейсер С. А. 1974. Трехстопный ямб поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». – Н. А. Некрасов и русская литература: Межвузовский сборник научных трудов. Ярославль: [б. и.]. С. 89–124.
- Рейсер С. А. 2005. Воспоминания. Письма. Статьи (К столетию со дня рождения) / Сост. Б. Ф. Егоров, И. А. Шомракова. Научный ред. В. В. Головин. СПб.: [б. и.].
- Решетовская Н. А. 1994. Отлучение: Из жизни Александра Солженицына. Воспоминания жены. М.: Мир книги.
- Руднев А. П. 2021. «Снова в Ленинграде, приезжайте снова...» (Письма Б. Я. Бухштаба и Г. Г. Шаповаловой к А. П. Рудневу) / Публикация А. П. Руднева. – А. А. Фет: Материалы и исследования. К 200-летию со дня рождения поэта (1820–2020). [Вып.] IV / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб.: ООО «Издательство “Росток”». С. 541–558.
- Руднев В. 2017. Энциклопедический словарь культуры XX века. СПб.: Азбука.
- Руднев П. А. 1966. О некоторых проблемах современного стихосложения. – Вопросы романо-германского языкознания. Коломна: [б. и.]. С. 83–102.

- Руднев П. А. 1968а. Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX – начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок). – Теория стиха / Отв. ред. В. Е. Холшевников. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 107–144.
- Руднев П. А. 1968b. О стихе Александра Блока (Полиметрические композиции. Метр и смысл): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М.: [б. и.].
- Руднев П. А. 1968с. О стихе поэмы А. Блока «Двенадцать» (Опыт смыслового анализа метрической композиции). – Русская литература XX века (дооктябрьский период): Сборник статей. Вып. 1 / Отв. ред. Н. М. Кучеровский. Калуга: [б. и.]. С. 227–239.
- Руднев П. А. 1969а. Метрика Александра Блока: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тарту: [б. и.].
- Руднев П. А. 1969b. Метрическая композиция и стиховая стилистика поэмы А. Блока «Ее прибытие». – Марксизм-ленинизм и проблемы теории литературы. Алма-Ата: [б. и.]. С. 66–68.
- Руднев П. А. 1969с. О соотношении монометрических и полиметрических конструкций в системе стихотворных размеров А. Блока. – Русская советская поэзия и стиховедение (материалы межвузовской конференции) / Отв. ред. К. Г. Петросов. М.: [б. и.]. С. 227–236.
- Руднев П. А. 1970. О стихе драмы А. Блока «Роза и Крест». – Труды по русской и славянской филологии. [Вып.] XV. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 294–334. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 251).
- Руднев П. А. 1971. Метр и смысл. – *Metryka słowiańska* / Pod red. Z. Kopczyńskiej, L. Pszczołowskiej. Wrocław [i in.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. С. 77–88.
- Руднев П. А. 1972. Метрический репертуар А. Блока. – Блоковский сборник. [Вып.] II: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 218–267.
- Руднев П. А. 1975. Метрический репертуар Некрасова. – Труды по русской и славянской филологии. [Вып.] XXIV. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus]. С. 93–121. (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 358).

- Руднев П. А. 1976. О принципах описания и семантического анализа стихотворного текста на метрическом уровне. – Вопросы историзма и художественного мастерства. Л.: [б. и.]. С. 170–190.
- Руднев П. А. 2025. «Горнунг почувствовал во мне будущего марриста!»: Из «Записок эгоцентрика» стиховеда Петра Руднева / [Подготовка текста, вступительная ст. Я. В. Слепкова]. – <https://gorky.media/fragments/gornung-pochuvstvoval-vo-mne-budushhego-marrista>
- Савченко Н., Мучник Г. 1970. Конференция по проблемам теории литературы. – Вопросы литературы. № 2. С. 252–253.
- Свиченская М. К. 2006. Из переписки П. А. Руднева и Б. Я. Бухштаба / Подготовка текста, вступительная заметка и комментарии М. К. Свиченской. – Из истории филологии: Сборник статей и материалов к 85-летию Г. В. Краснова / Ред.-сост. В. А. Викторovich. Коломна: [б. и.]. С. 254–282.
- Сидяков Л., Дауговиш С. 1984. Труд ученого. – Padomju Students. № 25 (1497). 29 martā. L. 3.
- Скатов Н. Н. 1968. Поэты Некрасовской школы. Л.: Издательство «Просвещение». Ленинградское отделение.
- Соколянский М. Г. 1969. О структурализме в литературоведении. – Вопросы философии. № 7. С. 112–119.
- Степанов Н. Л. 1962. Н. А. Некрасов: Критико-биографический очерк. М.: Гослитиздат.
- Степанов Н. Л. 1966. Некрасов и советская поэзия. М.: Наука.
- Тимофеев Л. 1968. О поэзии Александра Блока. – Литература в школе. № 5. С. 21–26.
- Тимофеев Л., Гиршман М. 1968. Подготовка коллективной истории русского стиха. – Вопросы литературы. № 12. С. 138–142.
- Томашевский Б. В. 1929. О стихе: Статьи. Л.: Прибой.
- Томашевский Б. В. 1959. Стилистика и стихосложение: Курс лекций. Л.: Учпедгиз.
- Тургенев Н. И. 1913. Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 годы. Т. II / Под ред. и с примечаниями Е. И. Тарасова. СПб.: Типография Императорской Академии наук. (Архив братьев Тургеневых. Вып. 3).
- Фризман Л. Г. 2005. Научное творчество С. А. Рейсера. Харьков: Новое слово.

- Фролов М. А. 2021. Переписка Ю. Г. Оксмана и Н. К. Гудзия (1930–1965) (Окончание) / Вступительная ст., подготовка текста и комментарии М. А. Фролова. – Русская литература. № 1. С. 19–54.
- Холшевников В. 1968. Стихование и математика. – Содружество наук и тайны творчества / Под ред. Б. С. Мейлаха. М.: Искусство. С. 384–396.
- Холшевников В. Е. 1971. Русский силлабический восьмисложник. – *Metryka słowiańska* / Pod red. Z. Kopczyńskiej, L. Pszczółowskiej. Wrocław [i in.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. С. 21–24.
- Чуковский К. И. 1952. Мастерство Некрасова. М.: Гослитиздат.
- Шенгели Г. А. 1960. Техника стиха. М.: Гослитиздат.
- Шервинский С. В. 1961. Ритм и смысл: К изучению поэтики. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Штейнфельдт Э. А. 1963. Частотный словарь современного русского литературного языка: 2 500 наиболее употребительных слов: Пособие для преподавателей русского языка. Таллин<н>: [б. и.].
- Штокмар М. П., Руднев П. А. 1984. Общее и русское стихование: Систематический указатель литературы, изданной в СССР на русском языке с 1936 по 1957 г. – Проблемы теории стиха / Отв. ред. В. Е. Холшевников. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение. С. 216–246.
- Dudek, G. 1956. Intonation, Rhythmus und Versmaß in der frühen Lyric Nekrassows. – *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig: Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe*. Ig. 5. Heft 2. S. 145–160.
- Kopczyńska, Z. 1969. Konferencja poświęcona zagadnieniom słowiańskiej metryki porównawczej. Warszawa, 21–24 maja 1969 r. – *Biuletyn Polonistyczny*. T. 12. No. 35. S. 26–28.
- Kopczyńska, Z., Pszczółowska, L. 1969. Międzynarodowa konferencja poświęcona słowiańskiej metryce porównawczej (Warszawa, 21–24 maja 1969). – *Pamiętnik Literacki*. T. 60. No. 4. S. 426–428.
- Pantielejew, L. 1964. Wspomnienia / Przeł. [z ros.] Z. Korczak-Zawadzka. Przepisami opatrzył W. Zawadzki. Wstępem poprzedziła W. Śliwowska. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

REFERENCES

- Bukhshtab, B. Ia. "K istorii stikhotvoreniia N. A. Nekrasova 'Katerina'." In *Nekrasovskii sbornik*. Vol. 1. Edited by A. M. Egorov, N. F. Bel'chikov, B. I. Bursov, and V. E. Evgen'ev-Maksimov, 86–101. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951.
- . "Nachal'nyi period satiricheskoi poezii Nekrasova (1840–1845)." In *Nekrasovskii sbornik*. Vol. 2. Edited by N. F. Bel'chikov, and V. E. Evgen'ev-Maksimov, 102–50. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1956.
- . "Satira N. A. Nekrasova v 1846–1847 godakh." In *Nekrasovskii sbornik*. Vol. 3. Edited by V. G. Bazanov, N. F. Bel'chikov, and A. M. Egorov, 9–35. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960.
- . "Nekrasov i peterburgskie filantropy." *Uchenye zapiski Gor'kovskogo universiteta. Seriya istoriko-filologicheskaya* 72, no. 1 (1964): 297–344.
- . "Satiricheskaya poeziya Nekrasova v gody 'tsenzurnogo terrora'." In *Nekrasovskii sbornik*. Vol. 4, *Nekrasov i russkaya poeziya*. Edited by F. Ia. Priima, 57–74. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1967.
- . "O strukture russkogo klassicheskogo stikha." In *Trudy po znakovym sistemam*. Vol. 4. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 236, 386–408. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1969.
- Chukovskii, K. I. *Masterstvo Nekrasova*. Moscow: Goslitizdat, 1952.
- Dudek, G. "Intonation, Rhythmus und Versmaß in der frühen Lyric Nekrassows." In *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität Leipzig: Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe* 5, no. 2 (1956): 145–60.
- Egorov, B. F. *Vospominaniia*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2004.
- Frizman, L. G. *Nauchnoe tvorchestvo S. A. Reiser*. Kharkiv: Novoe slovo, 2005.
- Frolov, M. A. "Perepiska Iu. G. Oksmana i N. K. Gudziia (1930–1965) (Okonchanie)." Prefaced, edited and annotated by M. A. Frolov. *Russkaya literatura* 1 (2021): 19–54.
- Gasparov, M. L. "Taktovik v russkom stikhoslozhenii 20 v." *Voprosy iazykoznanii* 5 (1968): 79–90.
- . "Raboty B. I. Jarcho po teorii literatury." In *Trudy po znakovym sistemam*. Vol. 4. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 236, 504–14. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1969.

- . “Stikhovedenie nuzhno...” *Voprosy literatury* 4 (1969): 203–06.
- . “Russkii sillabicheskii trinadtsatislozhnik.” In *Metryka słowiańska*. Edited by Z. Kopczyńska, and L. Pszczółowska, 39–64. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971.
- . “Pervochtenie i perechtenie: K tynianovskomu poniatiiu suktssessivnosti stikhotvornoj rechi.” In *Tynianovskii sbornik: Tret’i Tynianovskie chteniia*, 15–23. Riga: Zinātne, 1988.
- . “‘Tesnota stikhovogo riada’: Semantika i sintaksis.” In *Analysieren als Deuten: Wolf Schmid zum 60. Geburtstag*. Edited by L. Fleishman, Ch. Götz, and A. A. Hansen-Löve, 85–95. Hamburg: Hamburg University Press, 2004.
- Girshman, M. M. “Literaturovedcheskii analiz (metodologicheskie voprosy).” *Voprosy filosofii* 10 (1968): 103–13.
- . “Printsipy tselostnogo analiza.” In *Marksizm-leninizm i problemy teorii literatury*, 28–30. Almaty: n. p., 1969.
- Goncharov, B. P. “Soveshchanie stikhovedov-rusistov.” *Voprosy literatury* 5 (1969): 246–47.
- Grigor’ian, K. N. *Lermontov i romantizm*. Moscow: Nauka, 1964.
- . “K voprosu o zhanrakh v lirike Nekrasova.” In *Nekrasovskii sbornik*. Vol. 4, *Nekrasov i russkaia poeziiia*. Edited by F. Ia. Priima, 145–57. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka,” Leningradskoe otdelenie, 1967.
- Kholshevnikov, V. “Stikhovedenie i matematika.” In *Sodruzhestvo nauk i tajny tvorchestva*. Edited by B. S. Meilakh, 384–96. Moscow: Iskusstvo, 1968.
- . “Russkii sillabicheskii vos’mislozhnik.” In *Metryka słowiańska*. Edited by Z. Kopczyńska, and L. Pszczółowska, 21–24. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971.
- Kopczyńska, Z. “Konferencja poświęcona zagadnieniom słowiańskiej metryki porównawczej. Warszawa, 21–24 maja 1969 r.” *Biuletyn Polonistyczny* 12, no. 35 (1969): 26–28.
- Kopczyńska, Z. and L. Pszczółowska. “Międzynarodowa konferencja poświęcona słowiańskiej metryce porównawczej (Warszawa, 21–24 maja 1969).” *Pamiętnik Literacki* 60, no. 4 (1969): 426–28.
- Kotov, M. P. *V masterskoi stikha Tvardovskogo: Stat’i i zametki*. Saratov: Saratovskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1963.
- Kumpan, K. “Moia nauchnaia shkola: Otryvki vospominanii.” In *Acta Slavica Estonica*. Vol. 14. Trudy po russkoi i slavianskoi filologii. Literaturovedenie,

- vol. 11, *K 100-letiiu Iu. M. Lotmana*, 585–614. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 2022.
- Loiter, S. M. “Iakov Iosifovich Gin (1958–1991).” *Russian Studies* 2, no. 4 (1998): 469–525.
- Lotman, M. Iu. “Neotpravlennoe pis'mo.” In *M. L. Gasparov. O nem. Dlia nego*. Edited by M. Tarlinskaia, and M. Akimova, 133–283. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
- Lotman, Iu. M. “Analiz dvukh stikhotvorenii.” In *3 Letniaia shkola po vtorichnym modeliruiushchim sistemam. Kääriku, 10–20 maia 1968 g.: Tezisy*, 191–224. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1968.
- Lotman, Iu. M., Z. G. Mints and B. F. Egorov. *Perepiska. 1954–1993*. Edited by B. F. Egorov, A. P. Dmitriev, et al. Saint Petersburg: OOO “Poligraf,” 2018.
- Lotman, Iu., Z. Mints, L. Novinskaia, P. Rudnev and L. Sidiakov. “Aktual'naia mysl'.” *Voprosy literatury* 9 (1969): 195–97.
- Magomedova, D. “Dva professora-leningradtsa: Solomon Reiser i Dmitrii Maksimov.” *Connaissance* 3, no. 2 (2022): 165–77.
- Manuilov, V. A., N. G. Leont'ev and S. A. Reiser. *Literaturnoe proizvedenie kak khudozhestvennoe tseloe. Kompozitsiia khudozhestvennykh proizvedenii. Literaturnye zhanry*. Leningrad: n. p., 1968.
- Nekrasov, N. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. Moscow: Goslitizdat, 1948–1953.
- . *Polnoe sobranie stikhotvorenii*. 3 vols. Prefaced and edited by K. I. Chukovskii. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1967.
- Nol'man, M. “Nekrasov i ego ‘shkola’.” *Voprosy literatury* 9 (1969): 232–34.
- Panteleev, L. F. *Vospominaniia*. Prefaced, edited and annotated by S. A. Reiser. Moscow: Goslitizdat, 1958.
- Pantielejew, L. *Wspomnienia*. Translated from the Russian by Z. Korczak-Zawadzka. Annotated by W. Zawadzki. Prefaced by W. Śliwowska. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1964.
- Petrosov, K. G. “O tvorcheskom metode i geroe rannego Maiakovskogo.” In *Ruskaia sovetskaia poeziia i stikhovedenie (materialy mezhvuzovskoi konferentsii)*. Edited by K. G. Petrosov, 136–50. Moscow: n. p., 1969.
- . “O formakh vyrazheniia avtorskogo soznaniia v liricheskoi poezii.” In *Ruskaia sovetskaia poeziia i stikhovedenie (materialy mezhvuzovskoi konferentsii)*. Edited by K. G. Petrosov, 22–48. Moscow: n. p., 1969.

- . “Pedagogicheskii i nauchnyi debiut (nachalo puti).” In *Studia metrica et poetica: Sbornik statei pamiati Petra Aleksandrovicha Rudneva*. Edited by A. K. Baiburin, and A. F. Belousov, 7–12. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999.
- Pini, O. “Nekrasovskaia konferentsiia.” *Voprosy literatury* 6 (1969): 243–44.
- Plakhotishina, V. T. *Poema Nekrasova “Komu na Rusi zhit’ khorosho.”* Kyiv: Izdatel’stvo Kievskogo universiteta im. T. G. Shevchenko, 1956.
- Pomirchii, R. “Blovovskaia konferentsiia.” *Voprosy literatury* 10 (1967): 251.
- Priima, F. Ia. “Ot Pushkina do Nekrasova.” In *Nekrasovskii sbornik*. Vol. 4, *Nekrasov i russkaia poeziia*. Edited by F. Ia. Priima, 10–39. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1967.
- Prokhorov, A. “Etalonnyi iamb.” *Nauka i zhizn’* 3 (1964): 110.
- Prokshin, V. G. “O kompozitsionno-siuzhetnykh osobennostiakh epopei ‘Komu na Rusi zhit’ khorosho’.” In *Nekrasovskii sbornik*. Vol. 4, *Nekrasov i russkaia poeziia*. Edited by F. Ia. Priima, 97–112. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1967.
- Pustovoit, P. “Nauchnaia konferentsiia v Kaluge.” *Voprosy literatury* 8 (1969): 246.
- Reiser, S. A. N. A. *Dobroliubov: Stenogramma leksii*. Leningrad: n. p., 1954.
- . *N. A. Dobroliubov v 1836–1857 gg. (Podgotovka i stanovlenie literaturnoi i obshchestvenno-politicheskoi deiatel’nosti): Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk*. Leningrad: [b. i.], 1955.
- . “Iz razyskanii po istorii russkoi politicheskoi leksiki: Dekabrist.” In *Trudy Leningradskogo gosudarstvennogo bibliotechnogo instituta im. N. K. Krupskoi*, 58–59. Leningrad: n. p., 1956.
- . ““Russkii bog’.” In *Izvestiia Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i iazyka*. Vol. 20, no. 1. Edited by D. D. Blagoi, 64–69. Moscow: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1961.
- . “Iz istorii politicheskoi leksiki: ‘Demagog’ v russkoi i zarubezhnoi traditsii.” In *Russko-evropeiskie literaturnye sviazi: Sbornik statei k 70-letiiu so dnia rozhdeniia akademika M. P. Alekseeva*, 446–54. Moscow and Leningrad: Nauka, 1966.
- . “Krasnyi flag v Rossii.” In *18 vek*. Vol. 7, *Rol’ i znachenie literatury 18 veka v istorii russkoi kul’tury. K 70-letiiu so dnia rozhdeniia chlena-korrespondenta AN SSSR P. N. Berkova*, 294–301. Moscow and Leningrad: Nauka, 1966.
- . “Slovar’ trekhstopnogo iamba poemmy Nekrasova ‘Komu na Rusi zhit’ khorosho’.” In *Trudy po znakovym sistemam*. Vol. 4. Uchenye zapiski

- Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 236, 368–85. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1969.
- . “Strofa v poeme Nekrasova ‘Komu na Rusi zhit’ khorosho.” In *Russkaia sovetskaia poeziia i stikhovedenie (materialy mezhvuzovskoi konferentsii)*. Edited by K. G. Petrosov, 192–206. Moscow: n. p., 1969.
- . *Vol’naia russkaia poeziia vtoroi poloviny 18 – pervoi poloviny 19 veka*. Prefaced by S. B. Okun’, and S. A. Reiser. Edited and annotated by S. A. Reiser. Leningrad: Sovetskii pisatel’. Leningradskoe otdelenie, 1970.
- . *Paleografiia i tekstologiiia novogo vremeni*. Moscow: Prosveshchenie, 1970.
- . “Trekhstopnyi iamb poemы Nekrasova ‘Komu na Rusi zhit’ khorosho.” In *N. A. Nekrasov i russkaia literatura: Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov*, 89–124. Yaroslavl: n. p., 1974.
- . *Vospominaniia. Pis’ma. Stat’i (K stoletiiu so dnia rozhdeniia)*. Compiled by B. F. Egorov, and I. A. Shomrakova. Edited by V. V. Golovin. Saint Petersburg: n. p., 2005.
- Reshetovskaia, N. A. *Otluchenie: Iz zhizni Aleksandra Solzhenitsyna. Vospominaniia zheny*. Moscow: Mir knigi, 1994.
- Rudnev, A. P. “‘Snova v Leningrade, priezhaite snova...’ (Pis’ma B. Ia. Bukhshtaba i G. G. Shapovalovoi k A. P. Rudnevu).” In *A. A. Fet: Materialy i issledovaniia. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia poeta (1820–2020)*. Vol. 4. Edited by N. P. Generalova, and V. A. Lukina, 541–58. Saint Petersburg: ООО “Izdatel’stvo ‘Rostok’,” 2021.
- Rudnev, P. A. “O nekotorykh problemakh sovremennogo stikhoslozheniia.” In *Voprosy romano-germanskogo iazykoznaniia*, 83–102. Kolomna: n. p., 1966.
- . “Iz istorii metrcheskogo repertuara russkikh poetov XIX – nachala XX v. (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tiutchev, Fet, Briusov, Blok).” In *Teoriia stikha*. Edited by V. E. Kholshevnikov, 107–44. Leningrad: Izdatel’stvo “Nauka.” Leningradskoe otdelenie, 1968.
- . *O stikhe Aleksandra Bloka (Polimetricheskie kompozitsii. Metr i smysl): Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Moscow: n. p., 1968.
- . “O stikhe poemы A. Bloka ‘Dvenadtsat’ (Opyt smyslovogo analiza metrcheskoi kompozitsii).” In *Russkaia literatura 20 veka (dooktiabr’skii period): Sbornik statei*. Vol. 1 / Edited by N. M. Kuchеровskii, 227–39. Kaluga: n. p., 1968.
- . *Metrika Aleksandra Bloka: Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk*. Tartu: n. p., 1969.

- . “Metricheskaia kompozitsiia i stikhovaia stilistika poemy A. Bloka ‘Ee pribytie.’” In *Marksizm-leninizm i problemy teorii literatury*, 66–68. Almaty: n. p., 1969.
- . “O sootnoshenii monometricheskikh i polimetricheskikh konstruktssii v sisteme stikhotvornykh razmerov A. Bloka.” In *Russkaia sovetskaia poeziia i stikhovedenie (materialy mezhvuzovskoi konferentsii)*. Edited by K. G. Petrosov, 227–36. Moscow: [n. p.], 1969.
- . “O stikhe dramy A. Bloka ‘Roza i Krest.’” In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 15. Edited by B. F. Egorov. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 251, 294–334. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1970.
- . “Metr i smysl.” In *Metryka słowiańska*. Edited by Z. Kopczyńska, and L. Pszczółowska, 77–88. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971.
- . “Metricheskii repertuar A. Bloka.” In *Blokovskii sbornik*. Vol. 2, *Trudy Vtoroi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi izucheniiu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka*. Edited by Z. G. Mints, 218–67. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1972.
- . “Metricheskii repertuar Nekrasova.” In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 24. Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta, vol. 358, 93–121. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1975.
- . “O printsipakh opisaniia i semanticheskogo analiza stikhotvornogo teksta na metricheskom urovne.” In *Voprosy istorizma i khudozhestvennogo masterstva*, 170–90. Leningrad: n. p., 1976.
- . “‘Gornung pochuvstvoval vo mne budushchego marrista!’: Iz ‘Zapisok egotsentrika’ stikhoveda Petra Rudneva.” Edited and prefaced by Ia. V. Slepko. <https://gorky.media/fragments/gornung-pochuvstvoval-vo-mne-budushhego-marrista>
- Rudnev, V. *Entsiklopedicheskii slovar’ kul’tury 20 veka*. Saint Petersburg: Azbuka, 2017.
- Savchenko, N. and G. Muchnik. “Konferentsiia po problemam teorii literatury.” *Voprosy literatury* 2 (1970): 252–53.
- Shengeli, G. A. *Tekhnika stikha*. Moscow: Goslitizdat, 1960.
- Shervinskii, S. V. *Ritm i smysl: K izucheniiu poetiki*. Moscow: Izdatel’sтво Akademii nauk SSSR, 1961.
- Shteinfel’dt, E. A. *Chastotnyi slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: 2 500 naibolee upotrebitel’nykh slov: Posobie dlia prepodavatelei russkogo iazyka*. Tallinn: n. p., 1963.

- Shtokmar, M. P. and P. A. Rudnev. "Obshchee i russkoe stikhovedenie: Sistematicheskii ukazatel' literatury, izdannoi v SSSR na russkom iazyke s 1936 po 1957 g." In *Problemy teorii stikha*. Edited by V. E. Kholshevnikov, 216–46. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otделение, 1984.
- Sidiakov, L. and S. Daugovich. "Trud uchenogo." *Padomju Students*. March 29, 1984.
- Skatov, N. N. *Poety nekrasovskoi shkoly*. Leningrad: Izdatel'stvo "Prosveshchenie." Leningradskoe otделение, 1968.
- Sokolianskii, M. G. "O strukturalizme v literaturovedenii." *Voprosy filosofii* 7 (1969): 112–19.
- Stepanov, N. L. N. A. *Nekrasov: Kritiko-biograficheskii ocherk*. Moscow: Goslitizdat, 1962.
- . *Nekrasov i sovetskaia poeziia*. Moscow: Nauka, 1966.
- Svichenskaia, M. K. "Iz perepiski P. A. Rudneva i B. Ia. Bukhshtaba." Prefaced, edited and annotated by M. K. Svichenskaia. In *Iz istorii filologii: Sbornik statei i materialov k 85-letiiu G. V. Krasnova*. Edited by V. A. Viktorovich, 254–82. Kolomna: n. p., 2006.
- Timofeev, L. "O poezii Aleksandra Bloka." *Literatura v shkole* 5 (1968): 21–26.
- Timofeev, L. and M. Girshman. "Podgotovka kollektivnoi istorii russkogo stikha." *Voprosy literatury* 12 (1968): 138–42.
- Tomashevskii, B. V. *O stikhe: Stat'i*. Leningrad: Priboi, 1929.
- . *Stilistika i stikhoslozhenie: Kurs lektsii*. Leningrad: Uchpedgiz, 1959.
- Turgenev, N. I. *Dnevnik Nikolaia Ivanovicha Turgeneva za 1811–1816 gody*. Vol. 2. Edited and annotated by E. I. Tarasov. Arkhiv brat'ev Turgenevykh, vol. 3. Saint Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1913.
- Vatsuro, V. E. "Pushkinskaia konferentsiia v Pskove." In *Vremennik Pushkinskoi komissii: 1966*, 69–72. Leningrad: Izdatel'stvo "Nauka." Leningradskoe otделение, 1969.
- Zhovtis, A. *Stikhi nuzhny...: Stat'i*. Almaty: Zhazushy, 1968.
- . "O sposobakh rifmovaniia v russkoi poezii (K probleme strukturnykh sviazei v sovremennom stikhe)." *Voprosy iazykoznanii* 2 (1969): 64–75.

КРИТИКА

**РЕЦ. НА КН.: КИСЕЛЕВА Л. КАРАМЗИНИСТЫ
И АРХАИСТЫ: СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ.
TARTU: [TARTU ÜLIKOOLI KIRJASTUS],
2023. 875 с.**

Е. Э. Лямина
(Москва)

Для своей книги Л. Н. Киселева, ныне professor emerita Тартуского университета, отобрала сорок семь статей, написанных не только в разные годы (от начала 1980-х до начала 2020-х), но и в совсем разных исторических обстоятельствах и даже разных странах – некогда в СССР, затем в независимой Эстонии. При этом научные интересы автора отчетливо и устойчиво междисциплинары.

Населяющие объемистый том персонажи: «архаисты» (Сергей Глинка, А. С. Шишков, А. А. Шаховской), карамзинисты (Жуковский, Пушкин, Вяземский), иные (Крылов, барон Е. Ф. Розен, Ф. В. Булгарин) – разнятся до чрезвычайности. Но если по названию сборника и может создаться впечатление, что он посвящен в основном тем или иным эпизодам столкновений литературных «лагерей» и отдельных литераторов, то даже беглый просмотр оглавления убеждает в ином. Статьи, касающиеся собственно полемики 1800–1830-х гг., – о языке, о литературных авторитетах, о национальной самобытности, о жанрах, – здесь есть. Однако в той оптике, которую предлагает и обосновывает Л. Н. Киселева, практически все действующие лица предстают хотя и писателями (поэтами, драматургами), но не столько участниками тех или иных литературных объединений и борьбы между ними, сколько актерами сразу ряда полей, если прибегать к терминологии Пьера Бурдьё, – собственно литературы, театра, педагогики, публицистики, журналистики и др., а также вовлекающего их всех мета-процесса – формирования национальной идеологии.

Концепт «идеологии» – ключевой для трех из пяти разделов книги: «Становление русской идеи: попытки создания национальной трагедии. Карамзинисты в роли идеологов», «Театр между литературой и идеологией», «Педагогика как идеология». Именно здесь читатель найдет блестящие, заслуженно обладающие статусом классических статьи – прежде всего «Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет)» (1997), «Карамзинисты – творцы официальной идеологии (заметки о российском гимне)» (1998), «Слово – музыка – идеология в русском театре 1830-х годов (“Жизнь за царя”))» (1999). В «последнейшем примечании» ко второй из них автор меланхолически замечает, что «задуманная книга о становлении официальной идеологии так никогда и не была написана» (с. 580, прим. 639). На это хочется возразить, что такую книгу, несомненно, образуют «идеологические» работы Киселевой, как включенные в рецензируемый сборник, так и оставшиеся (увы) за его пределами – серия статей, посвященных Сергею Глинке (1981–1988), статья «Журнал “Зритель” и две концепции патриотизма в русской литературе 1800-х гг.» (1985) и диссертация «Идея национальной самобытности в русской литературе между Тильзитом и Отечественной войной (1807–1812)» (1982; ради нее многие коллеги-москвичи решились на непростое путешествие в Химки, в соответствующий отдел Ленинской библиотеки, и о предпринятых усилиях не жалели). Более того, читая эти работы как целое, трудно не удивляться тому, насколько рано, уже в первой половине 1980-х гг., автору дался стиль – независимый, новаторский, но без всякой вычурности, – необходимый для изучения русского консерватизма, «архаизма», официальной идеологии, представлений о национальном, того, как они конструируются и функционируют. Сейчас эти тексты воспринимаются как образцовые исследования по интеллектуальной истории; тем же, кто читал их вскоре по выходе в свет, они служили и вдохновляющими примерами.

Еще в одну и, вероятно, не менее важную «книгу в книге» складываются статьи о Жуковском, в совокупности занимающие больше трети сборника. Теперь есть не только резоны, но и

возможность прочесть эти работы как монографию, замечательную по глубине и свежести подхода к традиционным (и затершимся от многократного рассмотрения) сюжетам «жуковсковедения». Так, именно Л. Н. Киселева в свое время на основании архивных документов продемонстрировала, что занятия поэта с великой княгиней Александрой Федоровной не были бессодержательным «отбыванием повинности», но строились по серьезно продуманному плану и до известной степени подготовили дальнейший, многолетний и кропотливый, труд на поприще воспитания наследника (статья «Жуковский – преподаватель русского языка (начало “царской педагогики”)», 2004). Сложный для интерпретации источник – переписка Жуковского и его сводных племянниц, М. А. Протасовой и А. П. Елагиной, – рассматривается не как резервуар биографических сведений, а как трехсторонний диалог, подчиненный очень сложной стратегии, в том числе автоцензуре, с распределенными ролями участников и флуктуациями эпистолярного и дневникового начал («Проблема автоцензуры в переписке М. А. Протасовой и В. А. Жуковского», 2005; в соавторстве с Т. Н. Степанищевой). В работе «“...Немного нужно для моего счастья!” (Дерптская драма 1822 года, или *L’Amitié amoureuse* в бытовом измерении)» (2020) мастерски, с опорой на языковые и эмоциональные практики, принятые в кругу Жуковского и его близких, и на литературные коды разобран небольшой дневник М. А. Мойер-Протасовой 1822 г. (этот ценнейший документ, собственно, и был в составе названной статьи введен Л. Н. Киселевой в научный оборот). Выбирая едва ли не наугад – все работы о Жуковском продуманно соотнесены, – напомним о важной статье 2001 года «Пушкин и Жуковский в 1830-е годы (точки идеологического сопряжения)», где выявлены те клавиши общественной повестки, на которые Пушкин и Жуковский нажимали практически одновременно, извлекая различные, но находившиеся в одном диапазоне звуки.

Автор права: ее сборник устроен так, что статьи «иногда “набегают” друг на друга по тематике и проблематике» (с. 9). Внимание, впрочем, притягивают не «повторы, которых невозможно

избежать, не нарушив логики изложения каждого отдельного сюжета» (Там же) – повторов, вообще говоря, мало. Гораздо заметнее точки приращения смыслов, возникающие, в частности, при «миграциях» персонажей книги из статьи в статью, из перспективы в перспективу. Это касается и Жуковского, и Шишкова, и Розена, и Шаховского, но особенно хорошо видно на примере Николая I.

Ничуть не литератор, зато, в период своего царствования, главный игрок идеологического поля, он оказывается стержневой фигурой многих сюжетов, так или иначе связанных с литературой, театром, педагогикой. Идя вразрез как с досоветской историографией, доверчиво опиравшейся на слова самого императора о том, что они с братом Михаилом, дескать, занимались спустя рукава, а к экзаменам «выучивали кое-что в долбашку, без плода и пользы для будущего» («Материалы и черты к биографии Императора Николая I...» М. А. Корфа; цит. по: с. 753), так и с советской наукой, в рамках которой даже лучшие ученые Николая принципиально демонизировали, Киселева первой показала, что образование этого великого князя носило не скудный и не случайный, а вполне систематический характер. Воспитание же хотя и было «суровым, поистине спартанским», но с самого начала ориентировалось «на формирование из него *русского императора*» (с. 756–757; курсив автора). Такая реконструкция существенно проясняет истоки идеологических трендов николаевского царствования и позволяет понять происхождение столь ярких и долго остающихся активными феноменов, как «сусанинский сюжет» русской национальной мифологии (реализованный прежде всего в опере «Жизнь за царя»), «народная русская песня» «Боже, царя храни», драма Н. В. Кукольника «Рука Всевышнего Отечество спасла» и возведение Александровской колонны на Дворцовой площади.

Киселеву занимает и прямое взаимодействие монарха с людьми литературы и театра, и сами механизмы возникновения идеологических потребностей власти в той или иной интеллектуальной продукции. Подобные запросы «сверху» в николаевскую (и тем более александровскую) эпоху редко выражались напрямую;

соответственно, диалог власти и литературы (у которой имелись и собственные задачи) приобретал зачастую изощренные формы, и следить за тем, как все это восстанавливается и затем интерпретируется исследовательницей, – огромное интеллектуальное удовольствие.

Не менее увлекательны и статьи о том, как пульсируют в литературе жанровые традиции, темы, сюжеты и их фрагменты. Так, для Жуковского в «Очерках Швеции» (1838) референции к канонически «карамзинским» «готической» новелле и травелогу – это и прием, и ненатужный оммаж; Булгарин же в полемизирующей с текстом Жуковского «Летней прогулке по Финляндии и Швеции, 1838 г.» использует традицию травелога чисто прагматически, при этом достигая занимательности и внятности, как раз Карамзинным завещанных русской журналистике. Обнаруживая далеко не случайные «цепочки текстов на один сюжет» (с. 399) – три «Рославлева» (Загоскина, Пушкина и Ф. Ф. Иванова), две «Пиковые дамы» (Пушкина и Шаховского), оперы «Иван Сусанин» Шаховского – Кавоса и «Жизнь за царя» Розена – Глинки, параллельные подступы к одному сюжету – легенде о вечном жиде в трактовке Жуковского (гекзаметрическое начало поэмы «Агасвер» 1831 г., впоследствии отброшенное, и собственно поэма) и Пушкина (отрывок «В еврейской хижине лампада...», замыслы второй половины 1820-х годов и возникшие на их основе тексты) – и звено за звеном разбирая их, автор достигает замечательного результата: «ткань литературы» сгущается, уплотняется буквально у нас на глазах. Попутно уточняются представления о, так сказать, авансцене и закулисных пространствах словесности, о процессах, которые выдвигают то или иное явление в центр или смещают на периферию, о разных сторонах рецепции – государственного гимна, академической речи, «домашней» литературы и многого другого.

Обстоятельные, без тяжеловесности, многоплановые, но держащие в фокусе основной сюжет, замечательно четкие по выводам – и всегда оставляющие пространство для дальнейшей проблематизации, работы Л. Н. Киселевой теперь представляют

собой книгу. В каком бы порядке – заданном ли оглавлением, хронологическом ли, «по персоналиям» – ее ни читать, невозможно не увлечься интеллектуальной энергией и обаятельной привязанностью к эпохе и героям.

Abstracts

Arkady Blumberg

ART VS THE ARTS: ORPHIC IDEAS IN THE LATE ALEXANDER BLOK (MUSIC/RHYTHM)

This article explores the concept of rhythm in Alexander Blok's later works. While in the 1900s, Blok, who was a supporter of the utilitarian idea of literature, understood rhythm as the primary tool for lyric poetry's impact on the world (using Karl Bücher's theories on the genesis and role of rhythm), during the Revolution, he declared rhythm to be the phenomenon underlying art as a whole. Moreover, following Richard Wagner's "Art and Revolution" he completely rejected the idea of differentiating the arts and took a decidedly negative view of the specification of aesthetic value as such, that is, the very foundations of the cultural system of modernity. How is the concept of rhythm in Blok's thinking connected to his rejection of the division of labor in the aesthetic sphere? What is the reason for his complete disregard for aesthetic modernity? These are just a few questions this article will address.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Russian Symbolism, Alexander Blok (1880–1921), Richard Wagner (1813–1883), Karl Bücher (1847–1930), Rhythm, History of Ideas.

Marina A. Bobrik

MAX VASMER: THE TARTU YEARS (1918–1921)

Max Vasmer's life has been studied in a fragmented and uneven way. One of the lesser-known periods is the one that began in 1918, when Vasmer left the University of Saratov and his home in St. Petersburg and applied for a position at what was then the *Landesuniversität der drei baltischen Provinzen* (University of Tartu). This article gives an overview of the importance Vasmer attached to preserving European scholarship, his opposition to anything that stood in the way of this, and his personal ethics at critical moments in history. It also provides the readers with the previously unpublished application letter by Vasmer from July 5, 1918.

The study is funded in whole by the Austrian Science Fund (FWF) as part of the project *Slavic Studies in Exchange: Austria and Russia in 1849–1939* (I 5309-G).

KEYWORDS: 20th-Century History, University of Tartu, Max Vasmer (1886–1962), Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929), History of Higher Education.

Sergei Dotsenko

MONKEY SCRIPTURES AND MYSTERIOUS CHIGANASHKI:
AN EPISODE FROM ALEXEY REMIZOV'S LIFE STORY

The article focuses on an unusual episode in Alexey Remizov's life, when shortly after the Revolution his apartment was searched, and visitors mistook a text written in Glagolitic script for a secret code. This story survived in three versions: Maksim Gorky's account and two versions by Remizov himself. The comparison of these three versions helps to reveal the genesis of a literary anecdote – the genre that played a particularly important role in Remizov's biography.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Alexey Remizov (1877–1957), Biography, History of Literature.

Vladimir Khazan

"THINK OF SOMETHING AND COME HERE": VICTOR AND LIUBOV
SALKIND'S CORRESPONDENCE WITH ALEKSEY AND SERAFIMA REMIZOV

This annotated publication of letters to and from Jerusalem is part of the larger project "Aleksei Remizov in the Cultural Space of Eretz Israel" (cf. *Slavica Revalensia*, vol. 11). The present selection covers the period from August 6, 1922 to June 15, 1939 (with two additional letters written during the final months of World War II).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Aleksei Remizov (1877–1957), Serafima Remizova-Dovgello (1882–1943), Victor Salkind (1895–1986), Liubov Salkind (1900–1971), Correspondence, History of Literature.

Galina Lapina

MISSION OVER THE OCEAN: ILYA EHRENBURG IN AMERICA IN 1946

The article discusses Ehrenburg's visit to the US in the spring of 1946 which, despite its importance, has fallen out of the focus of scholars as well as his

biographers. Ehrenburg and two of his colleagues (Konstantin Simonov and Mikhail Galaktionov) were sent to the United States by the Soviet leadership to participate in the work of the American Society of Newspaper Editors. During his two-month stay in the US Ehrenburg gave many talks and interviews, travelled to the southern states and wrote for influential American papers. As he enjoyed a high reputation in post-war America, his visit was covered by many newspapers. The article demonstrates how in criticizing the American press, the American way of life, etc., Ehrenburg tried to hide the acute problems in his own country: antisemitism, xenophobia, lack of press freedom. His visit to America reveals his anti-Americanism, which will grow at the end of the 1940s.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Soviet Anti-Americanism, Ilya Ehrenburg (1891–1960), Newspapers, History of Literature.

Yakov Slepko, Anastasiia Khrobostova

**THE CORRESPONDENCE OF SOLOMON REISER AND PETR RUDNEV:
1967–1969**

What awaits the readers in this section, dedicated to the 120th anniversary of Solomon Reiser, an expert in textual criticism, and the 100th anniversary of Petr Rudnev, a student of Russian verse, is the complete correspondence between the two scholars from 1967 to 1969. Among other things, these letters shed light on the “other side” of Soviet academia, specifically the anti-Semitism and conformism that prevented Rudnev from successfully defending a doctoral dissertation before he moved to Tartu in 1968.

KEYWORDS: 20th-Century Russian History, University of Tartu, Solomon Reiser (1905–1989), Petr Rudnev (1925–1996), Correspondence, History of Higher Education.

Evgeny Soshkin

OEDIPUS IN KLONKI: UNDERSTANDING THE “MILL CYCLE” BY KHARMS

This article is an attempt to explain the core plot of the so-called “mill cycle” by Daniil Kharms (early 1930s). As part of this task, the author specifies some known subtexts (from Goethe, Pushkin, Zabolotsky, occult literature) and introduces some previously unknown ones (from Aeschylus, Shakespeare, Poe, Khlebnikov, etc.). In line with his long-term work in the field of poetics, the author

adheres to the belief that all the significant subtexts of the cycle are closely linked by an intelligible and reconstructable interrelationship. This dictates the entire course of the study, which purposefully reveals the relative character of the motivations behind Kharms's intertextual techniques. Olga Freidenberg's 1928 paper unexpectedly turns out to be a "dispatch center" of sorts responsible for the semantic coordination of this literary polyphony.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Daniil Kharms (1905–1942), Olga Freidenberg (1890–1955), Subtext, History of Literature.

Vsevolod Zeltchenko

"THE DELICIOUS DEATH" IN ANDREI NIKOLEV'S *BEYOND TULA*:
A *RETRACTATIO*

Correcting his own suggestion made in the 2023 article (cf. *Slavica Revalensia*, vol. 10), the author points to the source of one of the passages in Andrei Nikolev's (Andrei Egunov) novel *Beyond Tula* (1930, published in 1931): the story of the "delicious death" of a honey-hunter is taken from *Moby-Dick*.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Andrei Nikolev (Andrei Egunov, 1895–1968), *Beyond Tula* (1931), Herman Melville (1819–1891), *Moby-Dick* (1851), Subtext, History of Literature.

KOKKUVÕTTED

Arkadi Bljumbaum

KUNST VS. KUNSTID. ORFISTLIK TOOPIKA ALEKSANDR BLOKI
HILISLOOMINGUS (MUUSIKA/RÜTM)

Artikkel uurib rütmi kontseptsiooni Aleksandr Bloki hilisemates teostes. Kui 1900. aastatel mõistis utilitaristlikke kirjandusideid toetanud Blok rütmi kui lüürilise luule maailmale mõju avaldamise peamist vahendit (kasutades Karl Bücheri teooriaid rütmi tekkimise ja rolli kohta), siis revolutsiooni ajal kuulutas ta rütmi kogu kunsti aluseks olevaks nähtuseks. Lisaks sellele lükkas ta Richard Wagneri „Kunsti ja revolutsiooni“ eeskujul täielikult tagasi idee kunstide eristamisest ja suhtus järsult eitavalt esteetilise väärtuse määratlemisse kui sellisesse, ehk teisisõnu, modernsusse kui kultuurisüsteemi alustaladesse. Kuidas on rütmi kontseptsioon Bloki mõtlemises seotud tema pöördumisega sünkretismi poole esteetilises sfääris? Mis põhjusel eirab ta täielikult esteetilist modernsust? Need on vaid mõned küsimused, mida artikkel käsitleb.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, vene sümbolism, Aleksandr Blok (1880–1921), Richard Wagner (1813–1883), Karl Bücher (1847–1930), rütm, ideede ajalugu.

Marina A. Bobrik

MAX VASMER TARTUS (1918–1921)

Max Vasmeri elu on uuritud fragmentaarselt ja ebaühtlaselt. Üks vähem tuntud perioode Vasmeri elus algas 1918. aastal, kui ta lahkus Saratovi ülikoolist ja oma Peterburi kodust ning kandideeris ametikohale tollases Landesuniversität der drei baltischen Provinzenis (Tartu Ülikool). Artikkel annab ülevaate sellest, kui tähtsaks pidas Vasmer Euroopa teadlaskonna säilitamist, tema vastuseisust kõigele, mis seda takistas, ning tema isiklikust eetikast ajaloo kriitilistel hetkedel. Artiklis leiab avaldamist Vasmeri avaldus ülikooli rektorile 5. juulist 1918.

Uurimust on rahastanud Austria Teadusfond (FWF) projekti “Slavic Studies in Exchange: Austria and Russia (1849–1939)” (I 5309-G) raames.

VÕTMESÕNAD: 20. saj ajalugu, Tartu Ülikool, Max Vasmer (1886–1962), Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929), kõrghariduse ajalugu.

Sergei Dotsenko

AHVI KIRJAD JA SALAPÄRASED TŠIGANAŠKI.

ANEKDOOT ALEKSEI REMIZOVI ELULOOST

Artikkel keskendub ebatavalisele juhtumile Aleksei Remizovi elus, kui vahetult pärast revolutsiooni tema korterit läbi otsides pidasid külastajad glagoolitsas kirjutatud teksti salakoodiks. See lugu on meieni jõudnud kolmes versioonis (Maksim Gorki kirjeldus ja kaks Remizovi enda versiooni). Neid kolme versiooni võrreldes saab lugeja jälgida, kuidas tekib kirjanduslik anekdoot – žanr, mis mängis Remizovi eluloos eriti olulist rolli.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Aleksei Remizov (1877–1957), biograafia, kirjanduslugu.

Vladimir Hazan

„MÕELGE MIDAGI VÄLJA JA TULGE SIIA“. VIKTOR JA LJUBOV SALKINDI

KIRJAVAHETUS ALEKSEI JA SERAFIMA REMIZOVIGA

See Jerusalemma saadetud ja sealt saadud kirjade kommenteeritud publikatsioon on osa suuremast projektist „Aleksei Remizov Eretz Israeli kultuuriruumis“ (vt Slavica Revalensia, vol. 11). Käesolev kirjade valik hõlmab ajavahemikku 6. augustist 1922 kuni 15. juunini 1939, millele lisanduvad veel kaks kirja, mis on kirjutatud Teise maailmasõja viimaste kuude jooksul.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Aleksei Remizov (1877–1957), Serafima Remizova-Dovgello (1882–1943), Viktor Salkind (1895–1986), Ljubov Salkind (1900–1971), kirjavahetus, kirjanduslugu.

Galina Lapina

MISSIOON ÜLE OOKEANI. ILJA EHRENBURG AMEERIKAS 1946. AASTAL

Artiklis käsitletakse Ilja Ehrenburgi visiiti Ameerika Ühendriikidesse 1946. aasta kevadel, mis hoolimata oma tähtsusest jäi nii teadlaste kui ka Ehrenburgi biograafide tähelepanust kõrvale. Ehrenburg ja tema kaks kolleegi (Konstantin Simonov ja Mihhail Galaktionov) saadeti Nõukogude juhtkonna poolt Ameerika Ühendriikidesse osalema Ameerika Ajalehtoimetajate Ühingu töös. Kahekuulise viibimise jooksul pidas Ehrenburg palju kõnesid ja andis intervjuusid, reisid lõunapoolsetesse osariikidesse ja kirjutas mõjukatele Ameerika ajalehtedele.

Kuna ta oli sõjajärgses Ameerikas kõrgelt hinnatud, kajastasid tema visiiti paljud väljaanded. Artikkel põhineb Ameerika väljaannetes ilmunud kirjutistel Ehrenburgi kohta ja tema kirjutistel Ameerikast, mis avaldati pärast tema naasmist NSV Liitu, ning näitab, kuidas Ehrenburg kritiseeris Ameerika ajakirjandust, Ameerika rassismi ja Ameerika eluviisi, püüdes varjata oma riigi teravaid probleeme: antisemitismi, ksenofoobiat, ajakirjandusvabaduse puudumist jne. Tema visiit Ameerikasse paljastab tema antiameerikanismi, mis 1940. aastate lõpus veelgi tugevneb.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, nõukogude antiameerikanism, Ilja Ehrenburg (1891–1960), ajakirjandus, kirjanduslugu.

Jakov Slepkov, Anastassia Hrobostova

SOLOMON REISER JA PJOTR RUDNEV. KIRJAVAHETUS. 1967–1969

Selles tekstoloog Solomon Reiseri 120. sünniaastapäevale ja värsiteadlane Pjotr Rudnevi 100. sünniaastapäevale pühendatud osas ootab lugejat kahe teadlaste täielik kirjavahetus aastatest 1967–1969. Muu hulgas valgustavad need kirjad Nõukogude teaduselu „teist poolt“, nimelt selle antisemitismi ja konformismi, mis takistasid Rudnevil edukalt doktoritööd kaitsmast enne Tartusse tulekut.

VÕTMESÕNAD: 20. saj ajalugu, Tartu Ülikool, Solomon Reiser (1905–1989), Pjotr Rudnev (1925–1996), kirjavahetus, kõrghariduse ajalugu.

Jevgeni Soškin

OEDIPUS KLONKIS. HARMSI „VESKI TSÜKLI“ POLÜGENEESIST

Artikkel on katse selgitada Daniil Harmsi nn veski tsükli (1930. aastate algus) põhilist süžeed. Selle ülesande raames täpsustab autor mõningaid juba teadaolevaid alltekste (Goethelt, Puškinilt, Zabolotskilt, okultsest kirjandusest) ja tutvustab mõningaid varem tundmatuid allikaid (Aischyloselt, Shakespeare'ilt, Poelt, Khlebnikovilt jne). Kooskõlas oma pikaajalise tööga poetika alal lähtub artikli autor veendumusest, et kõik tsükli olulised alltekstid on tihedalt seotud arusaadava ja rekonstrueeritava omavahelise seosega. See omakorda dikteerib kogu uurimistöö käigu, mille eesmärk on selgitada välja Harmsi intertekstuaalsete võtete kasutamise põhjenduste suhtelisus. Ootamatult osutub kogu selle kirjandusliku polüfoonia kooskõlastamise eest vastutavaks „dispetšer-keskuseks“ Olga Freidenbergi 1928. aasta ettekanne.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Daniil Harms (1905–1942), Olga Freidenberg (1890–1955), alltekst, kirjanduslugu.

Vsevolod Zeltšenko

„MAGUS SURM“ ANDREI NIKOLEVI ROMAANIS „SEALPOOL TULAT“.

RETRACTATIO

Parandades oma 2023. aasta artiklis (vt Slavica Revalensia, vol. 10) esitatud väidet, toob autor välja Andrei Nikolevi (A. N. Egunov) romaani „Sealpool Tulat“ (1930, avaldatud 1931) ühe lõigu allika: lugu meeotsija „maitsvast surmast“ on võetud raamatust „Moby Dick“.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Andrei Nikolev (Andrei Jegunov, 1895–1968), „Sealpool Tulat“ (1931), Herman Melville (1819–1891), „Moby-Dick“ (1851), alltekst, kirjanduslugu.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА

Аркадий Борисович Блюмбаум – кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), доцент Школы искусств и культурного наследия Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор книг «Конструкция мнимости: К поэтике “Восковой персоны” Юрия Тынянова» (СПб., 2002) и «Musica mundana и русская общественность: Цикл статей о творчестве Александра Блока» (М., 2017).

E-mail: arkadijblumbaum@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-9924-6258>

Марина Анатольевна Бобрик – кандидат филологических наук, независимый исследователь. Автор книги «Проза Осипа Мандельштама “Холодное лето” (1923): Языковой комментарий» (СПб., 2018) и более 70 статей по истории древнерусской письменности и русского языка разных периодов – от XI до XX века; среди них исследования о бытовании Библии и церковнославянского языка в России, о письменности древнего Новгорода, о языке русской эмиграции XX века, о языке Мандельштама, Пастернака, Платонова, очерки истории слов.

E-mail: marina.bobrik@online.de

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0477-2679>

Сергей Николаевич Доценко – доктор философии (PhD), docent emeritus Таллиннского университета. Выпускник отделения русской филологии Тартуского университета (1976–1981); окончил докторантуру в Таллинском университете (1995–1999). Диссертация: «Проблемы поэтики А. М. Ремизова: Автобиографизм как конструктивный принцип творчества» (2000). Автор более 100 научных статей (в том числе о творчестве А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, А. М. Ремизова, Вяч. И. Иванова, В. Я. Брюсова, А. А. Блока, С. М. Городецкого, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, М. И. Цветаевой, М. А. Булгакова, А. Н. Толстого, В. В. Набокова, Вен. Ерофеева, С. Д. Довлатова и др.). Сфера научных интересов: история и поэтика русского символизма, поэтика русского модернизма XX в., русская литература и фольклор.

E-mail: dotsenkosergei@hotmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8621-4525>

Галина Васильевна Лапина – кандидат филологических наук, переводчик, историк русско-американских культурных связей, автор книги «Американцы в Москве: 1930–1940» (М., 2022). Ее статьи об американцах в России и СССР публиковались в журналах «Звезда», «Иностранная литература», «Новый мир» (лауреат премии 2019 г.), «Отечественные записки», «Антропологический форум», «Rossica», «Киноведческие записки». Среди ее переводов книга Брайана Бойда «Владимир Набоков: Русские годы» (СПб., 2001) и мемуары Р. Робинсона «Черный о красных» (СПб., 2012).

E-mail: gvlapina@wisc.edu

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-8344-7949>

Всеволод Владимирович Зельченко – кандидат филологических наук, научный сотрудник Матенадарана им. Месропа Маштоца (Ереван). Выпускник кафедры классической филологии СПбГУ, защитил диссертацию «Творчество Эринны в контексте античной литературы» (2003). Автор книг «Стихотворение Владислава Ходасевича “Обезьяна”: Комментарий» (М., 2019), «Вещи на свободе: Семь очерков о Ходасевиче» (СПб., 2024). Сфера научных интересов: древнегреческая и римская литература, история рецепции и изучения античности, русская поэзия первой половины XX века.

E-mail: v-zelchenko@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7798-3022>

Екатерина Эдуардовна Лямина – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы РАН, автор монографий «Бедный Жозеф: Жизнь и смерть Иосифа Виельгорского. Опыт биографии человека 1830-х годов» (совместно с Н. В. Самовер; М., 1999) и «Иван Крылов – Superstar: Феномен русского баснописца» (совместно с Н. В. Самовер; М., 2024), монографического комментария к поэме Пушкина «Домик в Коломне» (М., 2025). Публикатор, переводчик, комментатор многих источников по истории русской литературы и культуры первой половины XIX в., автор 70 статей, посвященных различным сюжетам этой же научной области.

E-mail: catherine.lyamina@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7565-4285>

Яков Вениаминович Слепков – выпускник Института философии человека РГПУ им. А. И. Герцена (2022) и Филологического факультета СПбГУ (2024); ведущий археограф Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; аспирант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Работает над кандидатской диссертацией «Работы Анны Ахматовой о Пушкине: Проблемы текстологии и эдиционной практики». Область научных интересов: текстология новейшей русской литературы, творчество Анны Ахматовой, архивные разыскания о русских литераторах первой половины XX в., история советской филологической науки.

E-mail: iakovslepков@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-6742-1673>

Евгений Павлович Сошкин – поэт и филолог. Доктор философии (PhD), выпускник Иерусалимского университета (2014), где затем работал в многолетнем исследовательском проекте. В 2020–2021 гг. – приглашенный преподаватель в Университете Констанца. С 2021 г. преподает в Свободном университете / Brīvā Universitāte. Автор стихотворных книг «Нищенка в Дели» (М., 2022), «Из чукотского эпоса» (совместно с Я. Сошкиной; Иерусалим, 2024), «Стихи и подстрочники» (Иерусалим, 2025) и др., монографий «Гипограмматика: Книга о Мандельштаме» (М., 2015), «Bottlenecks: Hypotextual Levels of Meaning in Russian Literary Tradition» (Berlin, 2020), статей по истории, поэтике и теории литературы. Составитель научных сборников «Империя N: Набоков и наследники» (совместно с Ю. Левингом; М., 2006), «Генделев: Стихи. Проза. Поэтика. Текстология» (совместно с С. Шаргородским; М., 2017), «Стихотворений Голубчика-Гостова» (Иерусалим, 2023; 2025) и др. изданий.

E-mail: e_soshkin@yahoo.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8806-8581>

Владимир Ильич Хазан – доктор философии (PhD), professor emeritus Еврейского университета в Иерусалиме. Автор книг «Довид Кнут: Судьба и творчество» (Lyон, 2000), «Особенный еврейско-русский воздух» (М., 2001), «Одиссея капитана Боевского: Русский моряк в Земле Обетованной» (М., 2007), «Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту» (в 2-х тт.; Иерусалим; М., 2008), «Повесть о том, как все вышло наоборот: Жизнь и творчество Андрея Соболя» (СПб., 2015),

“A Double Burden, a Double Cross’: Andrei Sobol as a Russian Jewish Writer” (Boston, 2017) и др.; автор-составитель следующих изданий: «Собрание сочинений» Довида Кнута (в 2-х тт.; Иерусалим, 1997–1998), «Сочинения» Семена Лукницкого (Stanford, 2002), «Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна)» (в соавторстве с Р. Д. Тименчиком; СПб., 2006), «Литературный архипелаг» А. З. Штейнберга (в соавторстве с Н. Портновой; М., 2009), «Вспомнилось, захотелось рассказать...: Из мемуарного и эпистолярного наследия» Осипа Дымова (в 2-х тт.; Иерусалим, 2011), «Цельное чувство: Собрание стихотворений» Михаила Цетлина (Амари) (М., 2011), «Стихотворительное одержанье: Стихи. Проза. Статьи. Письма» Александра Гингера (в 2-х тт.; М., 2013), «Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйттингера» (в соавторстве с Е. Ильиной; М., 2014), «Усердный толкователь шестовской беспочвенности: Адольф Маркович Лазаре. Письма. Статьи о Льве Шестове» (М., 2019). Автор-составитель и редактор двух пятитомных серий: “Eretz Israel and the Russian Émigrés in Europe: Contacts, Connections, Communications, Interactions (1919–1939)” (Jerusalem, 2019–2023) и «Русская история и культура в архивах Израиля» (Иерусалим, 2022–2024) и др. Автор более 200 статей.

E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7937-5790>

Анастасия Александровна Хробостова – выпускник Филологического факультета СПбГУ (2021, 2023); археограф Отдела рукописей Российской национальной библиотеки; аспирант Института лингвистических исследований РАН. Работает над кандидатской диссертацией «Язык и стиль раннего перевода И. В. Шишкина 1744 г.». Область научных интересов: историческая лексикология, книжные собрания и личные библиотеки XIX–XX вв., письменная культура Великого княжества Литовского, история советской филологической науки.

E-mail: a.khrobostova@yandex.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-7800-6389>

АВТОРАМ БУДУЩИХ ВЫПУСКОВ

„Slavica Revalensia” печатает ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, затрагивающие весь спектр славистической проблематики; решение о публикации поступивших в редакцию рукописей принимается по результатам двойного анонимного рецензирования (double-blind peer review); поиски рецензентов и утверждение рукописей к печати осуществляются редакционной коллегией.

Рукописи статей не должны превышать 1 п. л. (40000 печатных знаков); печатаются работы по-русски и по-английски; к рассмотрению принимаются рукописи, оформленные в соответствии с рекомендациями б. Института славянских языков и культур к правилам оформления, действующим в издательстве Таллиннского университета.

Рукописи статей принимаются ежегодно к 1 марта по адресу –

utgof@tlu.ee

– или:

Dr. Grigori Utgof
Tallinna Ülikool
Narva mnt 29, S-331
10120 Tallinn
Eesti / Estonia

Общие рекомендации к оформлению рукописей

Статьи и заметки, печатаемые в „Slavica Revalensia”, структурируются двух-частью: собственно авторский текст (с подстрочными примечаниями) и «Библиография» (после текста). Знаки сноски в тексте статьи проставляются в надстрочном индексе (вручную или в режиме “Footnote”).

В библиографическом описании сокращения сводятся к минимуму (за исключением 2-х, 3-х, 4-х и т. д., *вып.* (*выпуск, выпуски*), *избр.* (*избранное, избранные*), *кн.* (*книга, книги*), *№* (*номер, номера*), *отв.* (*ответственный, ответственные*), *пер.* (*перевел, перевела, перевод, переводы*), *полн.* (*полная,*

полное, полный), ред. (редактор, редакцией), С. (страница, страницы), собр. (собрание), сост. (составители, составитель, составление), соч. (сочинений, сочинения), ст. (статья), Т. (том) и тт. (томах), а также Л. (Ленинград), М. (Москва), Пг. (Петроград) и СПб. (С.-Петербург) в русском тексте и Ed. (edited, editor), No (number), Nos (numbers), P. (page, pages), Vol. (volume), а также Cambridge, Mass. в тексте английском; на других языках сокращения делаются по аналогии).

Пример 1

Пушкин А. С. 1948. Медный всадник: Петербургская повесть. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 5: Поэмы: 1825–1833. [М.; Л.]: Издательство Академии наук СССР. С. 131–150.

Пример 2

Emerson, C. 1994. Переводимость. – Slavic and East European Journal. Vol. 38. No. 1. P. 84–89.

В авторском тексте ссылки на источники даются в скобках; ср. пример оформления ссылки на «Медный всадник» –

(Пушкин 1948: 131–150)

– и на статью Кэрил Эмерсон:

(Emerson 1994: 84–89)

Перечень источников в разделе «Библиография» структурируется а) по алфавиту и б) по хронологии:

Эйхенбаум Б. 1922. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ.

Эйхенбаум Б. М. 1924а. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 171–195.

Эйхенбаум Б. М. 1924б. Проблемы поэтики Пушкина. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 157–170.

Эйхенбаум Б. М. 1927. Проблемы кино-стилистики. – Поэтика кино / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, с предисловием К. Шутко. М.; Л.: Кинопечать. С. 13–52.

Уточнения к порядку референции, цитации и оформления библиографического описания

а) Ссылки на источник даются в статье в круглых скобках, а в примечаниях ссылка в скобки не заключается.

Ср. в тексте статьи:

Так, например, в работе К. Ф. Тарановского «Стихосложение Осипа Мандельштама» (см.: Тарановский 1962: 97–123) отмечалось, что...

Ср. в примечаниях к тексту статьи:

^п Об особенностях ритмики мандельштамовского Х5 см.: Тарановский 1962: 110–111.

Ср. в библиографии:

Тарановский К. 1962. Стихосложение Осипа Мандельштама (С 1908 по 1925 год). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 5. 's-Gravenhage: Mouton & Co. С. 97–123.

Если в тексте примечаний есть цитата, то в этом случае ссылка на источник дается по тем же правилам, что и в основном тексте статьи (в круглых скобках).

б) Ссылка на иноязычный источник оформляется по тем же правилам, что и ссылка на русский источник (за единственным расхождением: в библиографическом описании иноязычного текста после фамилии автора ставится запятая).

Ср. в тексте статьи:

...и восходят к положениям знаменитой статьи Р. О. Якобсона 1960 г. (Jakobson 1960: 350–377; см. также: Jakobson 1981: 18–51; ср.: Якобсон 1975: 193–230), в которой...

Ср. в библиографии:

Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. – Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. P. 350–377.

Jakobson, R. 1981. *Linguistics and Poetics*. – Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. III: *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry* / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York: Mouton. P. 18–51.

Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. – Структурализм: „За“ и „против“: Сборник статей: Пер. с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс». С. 192–230.

с) Если в исходном тексте есть фрагменты, которые выделены курсивом и/или разбивкой, эта черта источника сохраняется при цитации.

Ср. в тексте статьи:

...а также в следующем фрагменте:

And that obscurely corrupted soldier dit of singular genius

Nadezhda, I shall then be back

When the true batch outboys the riot ...

and Turgenev's only memorable lyrical poem beginning

Morning so nebulous, morning gray-dawning,

Reaped fields so sorrowful under snow coverings

and naturally the celebrated pseudo-gipsy guitar piece by Apollon Grigoriev (another friend of Uncle Ivan's)

O you, at least, do talk to me,

My seven-stringed companion,

Such yearning ache invades my soul,

Such moonlight fills the canyon!

“I declare we are satiated with moonlight and strawberry soufflé – the latter, I fear, has not quite ‘risen’ to the occasion,” remarked Ada in her archest, Austen-maidenish manner (Nabokov 1969: 437).

Ср. в библиографии:

Nabokov, V. 1969. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. New York; Toronto: McGraw-Hill Book Company.

